АКАДЕМИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

А.С. ГрибоѣдовЪ

ТОМЪ

II

√

115

37. 18. 7. 6-8

Академическая Библіотека Русскихъ Писателей.

Выпускъ 8-й.

Полное собраніе сочиненій

А. С. Грибоѣдова.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями

Н. К. Пиксанова.

Изданіе

Разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ.

1913.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1913 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ѳ. Ольденбургъ.*

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

Печатано въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ и въ Государственной Типографіи.

Клише Р. Голике и А. Вильборга въ СПБ., фото-тинто-гравюра—т-ва „Образованіе" въ Москвѣ.

Бумага — Т-ва Красносельской Писчебумажной фабрики наслѣдн. К. П. Печаткина.

Шрифтъ—Словолитни Г. Бертгольда.

Переплетныя работы—фабрики Фр. Канъ въ СПБ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Отъ редактора I

Горе отъ ума, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ въ стихахъ. (Основной текстъ) 1

Приложеніе.

Текстъ Музейнаго автографа „Горя отъ ума“ 101

Примѣчанія.

I. Примѣчанія къ основному тексту „Горя отъ ума“ 211
II. Музейный автографъ „Горя отъ ума“ 220
III. Бехтѣевскій списокъ 230
IV. Жандровская рукопись 232
V. Первопечатный текстъ 239
VI. Булгаринскій списокъ 244
VII. Гарусовскій текстъ 248
VIII. Приписываемый Грибоѣдову „Прологъ“ къ „Горю отъ ума“. 257
IX. Театральные списки 260
X. Другіе списки „Горя отъ ума“ 264
XI. Печатныя изданія 269
XII. Обзоръ литературы о Грибоѣдовѣ 279
XIII. Оцѣнка „Горя отъ ума“ въ литературной критикѣ 303
XIV. Прототипы дѣйствующихъ лицъ комедіи „Горе отъ ума“ . 336
XV. О сценическихъ постановкахъ „Горя отъ ума“ 353

Портреты и факсимиле.

А. С. Грибоѣдовъ. Съ портрета (Горюнова?), принадлежащаго В. П. Всеволожскому 1

А. С. Грибоѣдовъ. Съ портрета, рисованнаго цвѣтными карандашами (Рабильяра?) и вдѣланнаго въ переплетъ Булгаринскаго списка „Горя отъ ума“. 209

стр.

Булгаринскій списокъ, дѣйст. II, явл. 5, и дѣйств. III, явл. 12. 33
Булгаринскій списокъ, дѣйств. IV, явл. 4 81
Музейный автографъ, листы 1-й и 3-й 113
Музейный автографъ, листы 14-й и 16-й 121
Музейный автографъ, листы 33 и 37 145
Списки: Бехтѣевскій и кн. Шаховского 225
Жандровская рукопись, страницы 66 и 154, 242 и 243 . . . 233
Первопечатный текстъ „Горя отъ ума“ 1825 г. 241
Гарусовскій списокъ № 1. 249
Гарусовскіе списки №№ 2 и 3. 257
Театральные списки 265
Первое изданіе „Горя отъ ума“ 1833 г. 267
Анонимное изданіе 30-хъ годовъ 272
Второе изданіе „Горя отъ ума“ 1839 г. 273
Турецкій переводъ „Горя отъ ума“ 301
Театральныя афиши 1829 и 1831 г.г. 353

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Второй томъ собранія сочиненій А. С. Грибоѣдова посвященъ комедіи „Горе отъ ума“. Она напечатана въ двухъ редакціяхъ: окончательной и ранней—и сопровождена разнообразными комментаріями.

Самою важною частью тома, какъ и всего изданія, является окончательный текстъ „Горя отъ ума“. Въ силу неблагопріятныхъ обстоятельствъ, вопросъ о немъ въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ оставался нерѣшеннымъ въ научной литературѣ. При жизни Грибоѣдова напечатаны были только отрывки изъ комедіи: 7—10 явленія перваго дѣйствія и третій актъ,—при этомъ съ цензурными сокращеніями и передѣлками. Первое отдѣльное изданіе всей комедіи 1833 года, второе 1839 г. и дальнѣйшія выходили также съ большими цензурными искаженіями. Въ шестидесятыхъ годахъ явилась возможность напечатать текстъ пьесы полностью, но въ рукахъ редакторовъ не оказалось авторитетныхъ рукописей—или они не сумѣли таковыми воспользоваться въ полной мѣрѣ. Въ 1875 г. одну изъ этихъ рукописей, именно Булгаринскій списокъ, напечаталъ въ приложеніи къ своему извѣстному изданію И. Д. Гарусовъ, но совершенно не оцѣнилъ ея высокаго значенія и далъ бо́льшую вѣру другому списку, Лопухинскому, который, какъ теперь нами установлено, фальсифицируетъ текстъ. Нападки Гарусова и неблагопріятная репутація Булгарина укрѣпили въ литературныхъ кругахъ недовѣріе къ Булгаринскому списку, а два другихъ драгоцѣнныхъ текста—Музейный автографъ и Жандровская рукопись—долгіе годы оставались безвѣстными. Только въ 1903 г. въ печати появился прекрасно редактированный В. Е. Якушкинымъ Музейный автографъ,—рукопись, на девять десятыхъ писанная самимъ Грибоѣдовымъ и заключавшая множество характерныхъ отличій отъ обще-

принятаго текста. Высокая авторитетность этой рукописи побудила позднѣйшихъ редакторовъ вносить ея своеобразныя разночтенія въ печатный текстъ. Но изслѣдованіе обнаруживаетъ, что Музейный автографъ есть ранняя редакція пьесы, впослѣдствіи кореннымъ образомъ передѣланная самимъ авторомъ. Такимъ образомъ, внесеніе многихъ ея особенностей въ окончательную редакцію было бы прямымъ нарушеніемъ авторской воли и промахомъ съ точки зрѣнія художественной. Впрочемъ, это было небезызвѣстно и самимъ компиляторамъ своднаго текста. Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ въ литературѣ и обществѣ твердо установился скептическій взглядъ на достовѣрность текста „Горя отъ ума“. Одни думаютъ, что Грибоѣдовъ вообще не успѣлъ закончить обработку комедіи, другіе ожидаютъ, что гдѣ-нибудь въ архивахъ еще найдется подлинный текстъ, рѣзко расходящійся съ традиціоннымъ. Эти ошибочные взгляды укрѣплялись тѣмъ обстоятельствомъ, что одна изъ авторизованныхъ рукописей—Жандровская—все еще оставалась неизученной. Въ 1912 году она была, наконецъ, напечатана и обслѣдована нами и установила незыблемо тотъ чрезвычайно важный фактъ, что ея текстъ, утвержденный рукою самого Грибоѣдова въ 1824 году, почти буквально совпадаетъ съ текстомъ Булгаринскаго списка 1828 года. Новое изученіе этого послѣдняго обнаружило въ немъ исправленія рукою самого Грибоѣдова (что нѣкогда отрицалось Гарусовымъ), а совпаденіе съ Жандровской рукописью придало ему еще болѣе цѣны. Стало очевиднымъ, что окончательная редакція „Горя отъ ума“ дана Грибоѣдовымъ еще въ 1824 году и потомъ вновь подтверждена въ 1828 г. Этимъ уничтожаются всякія основанія къ скептицизму или къ несбыточнымъ ожиданіямъ какихъ-то необычайныхъ архивныхъ находокъ. По двумъ тождественнымъ авторизованнымъ рукописямъ окончательный текстъ комедіи опредѣляется съ такою же достовѣрностью, какъ если бы пьеса вся и безъ цензурныхъ вторженій была напечатана при жизни автора. Колебанія теперь возможны только относительно трехъ-четырехъ словъ, да еще—отдѣльныхъ случаевъ съ орѳографіей и пунктуаціей. Но всѣмъ прекрасно извѣстно, что даже личное наблюденіе автора за печатаніемъ не спасаетъ текстъ отъ мелкихъ (и крупныхъ) неточностей.

Въ основу нашей редакторской работы легло изученіе вышеназванныхъ трехъ авторизованныхъ рукописей. Но кромѣ того удалось воспользоваться огромнымъ количествомъ иныхъ списковъ

комедіи, хранящихся въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ (въ Грибоѣдовскомъ отдѣлѣ), Императорской Публичной Библіотекѣ, Рукописномъ Отдѣленіи Библіотеки Академіи Наукъ, Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ, Пушкинскомъ Домѣ и другихъ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ книгохранилищахъ. Изъ этихъ списковъ многіе—и важные—впервые оказались доступны изслѣдованію, каковы напримѣръ: „Театральные“ цензурные списки, по которымъ пьеса нѣкогда ставилась на Императорскихъ Театрахъ; два подлинныхъ первоначальныхъ „Гарусовскихъ“ списка (доселѣ былъ извѣстенъ только третій, позднѣйшій, сводный изъ первыхъ двухъ); „Бехтѣевскій“ списокъ, единственный изъ восходящихъ къ Музейному автографу; списокъ, принадлежавшій декабристу кн. Ѳ. П. Шаховскому,—съ собственноручными замѣтками извѣстнаго Толстого-американца, и др.

Изученіе всѣхъ этихъ рукописей даетъ возможность установить послѣдовательность и филіацію рукописныхъ изводовъ, опредѣлить цѣнность тѣхъ или другихъ варіантовъ и устранить поддѣлки. Что же касается окончательнаго текста комедіи, то строгое слѣдованіе авторизованнымъ рукописямъ устраняетъ изъ него множество погрѣшностей, вкравшихся въ прежніе компилятивныя печатныя изданія, и возсоздаетъ многія черты подлиннаго грибоѣдовскаго языка, правописанія, пунктуаціи, отъ чего выигрываетъ и художественная цѣнность, и логическій смыслъ, и бытовая правдивость пьесы.

Редакторъ обязанъ сердечной благодарностью многимъ лицамъ, доставившимъ цѣнные матеріалы для второго тома и содѣйствовавшимъ разнообразно полнотѣ изданія: А. А. Бахрушину, С. С. Бехтѣеву (†), В. П. Всеволожскому, С. И. Гарусовой, П. Я. Дашкову (†), П. А. Ефремову (†), П. А. Заболотскому, В. В. Каллашу, Н. К. Козмину, Б. Л. Модзалевскому, В. К. Станишеву, А. И. Станкевичу, П. К. Симони, Е. И. Тарасову, А. А. Чебышеву, кн. Д. И. Шаховскому, И. А. Шляпкину, П. П. Шенку.

Н. Пиксановъ.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

СЪ ПОРТРЕТА (ГОРЮНОВА ?), ПРИНАДЛЕЖАЩАГО В. П. ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

ГОРЕ ОТЪ УМА

КОМЕДІЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Павелъ Аѳанасьевичъ Фамусовъ, управляющій въ казенномъ мѣстѣ.

Софья Павловна, дочь его.

Лизанька, служанка.

Алексѣй Степановичъ Молчалинъ, секретарь Фамусова, живущій у него въ домѣ.

Александръ Андреевичъ Чацкій.

Полковникъ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣевичъ.

Наталья Дмитріевна, молодая дама } Горичи.
Платонъ Михайловичъ, мужъ ея }

Князь Тугоуховскій и Княгиня, жена его, съ шестью дочерьми.

Графиня-бабушка } Хрюмины.
Графиня-внучка }

Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій.

Старуха Хлёстова, свояченица Фамусова.

Г. N.

Г. D.

Репетиловъ.

Петрушка и нѣсколько говорящихъ слугъ.

Множество гостей всякаго разбора и ихъ лакеевъ при разъѣздѣ.

Офиціянты Фамусова.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ домѣ Фамусова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе 1.

Гостиная; въ ней большіе часы; справа дверь въ спальню Софіи, откудова слышно фортепіано съ флейтою, которыя потомъ умолкаютъ. Лизанька середи комнаты спитъ, свѣсившись съ кресель.

(Утро, чуть день брежжится).

Лизанька *(вдругъ просыпается, встаетъ съ кресель, оглядывается).*

Свѣтаетъ!... Ахъ! какъ скоро ночь минула!
Вчера просилась спать: — отказъ.
„Ждемъ друга“.—Нуженъ глазъ да глазъ,
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь вотъ только что вздремнула —
Ужъ день!... Сказать имъ. *(Стучится къ Софіи).*
Господа,
Эй, Софья Павловна, бѣда.
Зашла бесѣда ваша за̀ ночь.
Вы глухи? — Алексѣй Степаночъ!
Сударыня!...—И страхъ ихъ не беретъ! *(Отходитъ отъ дверей).*
Ну, гость неприглашенной,
Быть можетъ, батюшка войдетъ!
Прошу служить у барышни влюбленной! *(Опять къ дверямъ).*
Да расходитесь. Утро. — Что-съ?

Голосъ Софіи.

Который часъ?

Лизанька.

Все въ домѣ поднялось.

Софія *(изъ своей комнаты)*.

Который часъ?

Лизанька.

Седьмой, осьмой, девятый.

Софія *(оттуда же)*.

Неправда.

Лизанька *(прочь отъ дверей)*.

Ахъ! амуръ проклятый!
И слышутъ, не хотятъ понять,
Ну что бы ставни имъ отнять?
Переведу часы, хоть знаю, будетъ гонка,
Заставлю ихъ играть.

(Лѣзетъ на стулъ, передвигаетъ стрѣлку, часы бьютъ и играютъ).

Явленіе 2.

Лиза и Фамусовъ.

Лиза.

Ахъ! баринъ!

Фамусовъ.

Баринъ, да.

(Останавливаетъ часовую музыку).

Вѣдь экая шалунья ты, дѣвчонка.
Не могъ придумать я, что это за бѣда!
То флейта слышится, то будто фортепьяно;
Для Софьи слишкомъ было-бъ рано??...

Лиза.

Нѣтъ, сударь, я... лишь невзначай...

Фамусовъ.

Вотъ то-то невзначай, за вами примѣчай;
Такъ вѣрно съ умысломъ.

(Жмется къ ней и заигрываетъ).

Ой! зелье, баловница.

Лиза.

Вы баловникъ, къ лицу-ль вамъ эти лица!

Фамусовъ.

Скромна, а ничего кромѣ
Проказъ и вѣтру на умѣ.

Лиза.

Пустите, вѣтреники сами,
Опомнитесь, вы старики...

Фамусовъ.

Почти.

Лиза.

Ну, кто придетъ, куда мы съ вами?

Фамусовъ.

Кому сюда придти?
Вѣдь Софья спитъ?

Лиза.

Сейчасъ започивала.

Фамусовъ.

Сейчасъ! А ночь?

Лиза.

Ночь цѣлую читала.

Фамусовъ.

Вишь, прихоти какія завелись!

Лиза.

Все по французски, вслухъ, читаетъ, запершись.

Фамусовъ.

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,
И въ чтеньи прокъ-отъ не великъ:
Ей сна нѣтъ отъ французскихъ книгъ,
А мнѣ отъ русскихъ больно спится.

Лиза.

Что встанетъ, доложу съ.
Извольте-же идти; разбудите, боюсь.

Фамусовъ.

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь кварталъ симфонію гремишь.

Лиза *(какъ можно громче)*.

Да полноте-съ!

Фамусовъ *(зажимаетъ ей ротъ)*.

Помилуй, какъ кричишь.
Съ ума ты сходишь?

Лиза.

Боюсь, чтобы не вышло изъ того...

Фамусовъ.

Чего?

Лиза.

Пора, сударь, вамъ знать, вы не ребенокъ;
У дѣвушекъ сонъ утренній такъ тонокъ;
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь:
Все слышутъ...

Фамусовъ.

Все ты лжешь.

Голосъ Софіи.

Эй Лиза!

Фамусовъ *(торопливо)*.

Тсъ! *(крадется вонъ изъ комнаты на цыпочкахъ)*.

Лиза *(одна)*.

Ушелъ... Ахъ! отъ господъ подалѣй;
У нихъ бѣды себѣ на всякій часъ готовь,
Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ, и барская любовь.

Явленіе 3.

Лиза, Софія со свѣчкою, за ней Молчалинъ.

Софія.

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь...

Лиза.

Конечно, вамъ разстаться тяжело?
До свѣта запершись, и кажется все мало?

Софія.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ разсвѣло!

(тушитъ свѣчу).

И свѣтъ, и грусть. Какъ быстры ночи!

Лиза.

Тужите знай, со стороны нѣтъ мочи,
Сюда вашъ батюшка зашелъ, я обмерла,
Вертѣлась передъ нимъ, не помню что врала;
Ну что же стали вы? поклонъ, сударь, отвѣсьте.
Подите, сердце не на мѣстѣ;
Смотрите на часы, взгляните-ка въ окно:
Валитъ народъ по улицамъ давно;
А въ домѣ стукъ, ходьба, метутъ и убираютъ.

Софія.

Счастливые часовъ не наблюдаютъ.

Лиза.

Не наблюдайте, ваша власть;
А что въ отвѣтъ за васъ, конечно, мнѣ попасть.

Софія *(Молчалину).*

Идите; цѣлый день еще потерпимъ скуку.

Лиза.

Богъ съ вами-съ; прочь возьмите руку.

(разводитъ ихъ, Молчалинъ въ дверяхъ сталкивается съ Фамусовымъ).

Явленіе 4.

Софія, Лиза, Молчалинъ, Фамусовъ.

Фамусовъ.

Что за оказія! Молчалинъ, ты, братъ?

Молчалинъ.

Я-съ.

ФАМУСОВЪ.

Зачѣмъ же здѣсь? и въ этотъ часъ?
И Софья!... Здравствуй, Софья, что ты
Такъ рано поднялась! а? для какой заботы?
И какъ васъ Богъ не въ пору вмѣстѣ свелъ?

СОФІЯ.

Онъ только что теперь вошелъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Сейчасъ съ прогулки.

ФАМУСОВЪ.

Другъ. Нельзя ли для прогулокъ
Подальше выбрать закоулокъ?
А ты, сударыня, чуть изъ постели прыгъ,
Съ мужчиной! съ молодымъ! — Занятье для дѣвицы!
Всю ночь читаетъ небылицы,
И вотъ плоды отъ этихъ книгъ!
А все Кузнецкій мостъ, и вѣчные французы,
Оттуда моды къ намъ, и авторы, и музы:
Губители кармановъ и сердецъ!
Когда избавитъ насъ Творецъ
Отъ шляпокъ ихъ! чепцовъ! и шпилекъ! и булавокъ!
И книжныхъ и бисквитныхъ лавокъ! —

СОФІЯ.

Позвольте, батюшка, кружится голова;
Я отъ испуги духъ перевожу едва,
Изволили вбѣжать вы такъ проворно,
Смѣшалась я. —

ФАМУСОВЪ.

Благодарю покорно,
Я скоро къ нимъ вбѣжалъ!
Я помѣшалъ! я испужалъ!
Я, Софья Павловна, разстроенъ самъ, день цѣлый
Нѣтъ отдыха, мечусь какъ словно угорѣлый.
По должности, по службѣ хлопотня,
Тотъ пристаетъ, другой, всѣмъ дѣло до меня!
Но ждалъ ли новыхъ я хлопотъ? чтобъ былъ обманутъ...

Софія *(сквозь слезы)*.

Кѣмъ, батюшка?

Фамусовъ.

Вотъ попрекать мнѣ станутъ,
Что безъ толку всегда журю.
Не плачь, я дѣло говорю:
Ужъ объ твоемъ-ли не радѣли
Объ воспитаньи! съ колыбели!
Мать умерла: умѣлъ я принанять
Въ мадамъ Розье вторую мать.
Старушку золото въ надзоръ къ тебѣ приставилъ:
Умна была, правъ тихій, рѣдкихъ правилъ.
Одно не къ чести служитъ ей:
За лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не въ мадамѣ сила.
Не надобно иного образца,
Когда въ глазахъ примѣръ отца.
Смотри ты на меня: не хвастаюсь сложеньемъ;
Однако бодръ и свѣжъ, и дожилъ до сѣдинъ,
Свободенъ, вдовъ, себѣ я господинъ...
Монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ!...

Лиза.

Осмѣлюсь я, сударь...

Фамусовъ.

Молчать:
Ужасный вѣкъ! Не знаешь, что начать!
Всѣ умудрились не по лѣтамъ.
А пуще дочери, Да сами добряки,
Дались намъ эти языки!
Беремъ же побродягъ, и въ домъ, и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему —
И танцамъ! и пѣнью! и нѣжностямъ! и вздохамъ!
Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ.
Ты, посѣтитель, что? Ты здѣсь, сударь, къ чему?
Безроднаго пригрѣлъ и ввелъ въ мое семейство,

Далъ чинъ ассесора и взялъ въ секретари;
Въ Москву переведенъ черезъ мое содѣйство;
И будь не я, коптѣлъ бы ты въ Твери.

Софія.

Я гнѣва вашего никакъ не растолкую.
Онъ въ домѣ здѣсь живетъ, великая напасть!
Шелъ въ комнату, попалъ въ другую.

Фамусовъ.

Попалъ или хотѣлъ попасть?
Да вмѣстѣ вы зачѣмъ? Нельзя, чтобы случайно. —

Софія.

Вотъ въ чемъ однако случай весь:
Какъ давече вы съ Лизой были здѣсь,
Перепугалъ меня вашъ голосъ чрезвычайно,
И бросилась сюда со всѣхъ я ногъ...

Фамусовъ.

Пожалуй, на меня всю суматоху сложитъ.
Не въ пору голосъ мой надѣлалъ имъ тревогъ! —

Софія.

По смутномъ снѣ бездѣлица тревожитъ;
Сказать вамъ сонъ: поймете вы тогда.

Фамусовъ.

Что за исторія?

Софія.

Вамъ разсказать?

Фамусовъ.

Ну да. *(садится).*

Софія.

Позвольте... видите-ль... сначала
Цвѣтистый лугъ; и я искала
Траву,
Какую-то, не вспомню на яву.
Вдругъ милый человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ, кого мы
Увидимъ — будто вѣкъ знакомы,

Явился тутъ со мной; и вкрадчивъ, и уменъ,
Но робокъ... Знаете, кто въ бѣдности рожденъ...

Фамусовъ.

Ахъ! матушка, не довершай удара!
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара.

Софія.

Потомъ пропало все: луга и небеса. —
Мы въ темной комнатѣ. Для довершенья чуда
Раскрылся полъ — и вы оттуда,
Блѣдны какъ смерть, и дыбомъ волоса!
Тутъ съ громомъ распахнули двери
Какіе-то не люди и не звѣри,
Насъ врознь — и мучили сидѣвшаго со мной.
Онъ будто мнѣ дороже всѣхъ сокровищъ,
Хочу къ нему — вы тащите съ собой:
Насъ провожаетъ стонъ, ревъ, хохотъ, свистъ чудовищъ!
Онъ вслѣдъ кричитъ!...
Проснулась. — Кто-то говоритъ:
Вашъ голосъ былъ, что, думаю, такъ рано?
Бѣгу сюда — и васъ обоихъ нахожу.

Фамусовъ.

Да, дуренъ сонъ, какъ погляжу;
Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана:
И черти, и любовь, и страхи, и цвѣты.
Ну сударь мой, а ты?

Молчалинъ.

Я слышалъ голосъ вашъ.

Фамусовъ.

Забавно.
Дался имъ голосъ мой, и какъ себѣ исправно
Всѣмъ слышится и всѣхъ сзываетъ до зари!
На голосъ мой спѣшилъ, за чѣмъ же? — Говори.

Молчалинъ.

Съ бумагами-съ.

ФАМУСОВЪ.

Да! ихъ не доставало.
Помилуйте, что это вдругъ припало
Усердье къ письменнымъ дѣламъ? *(встаетъ)*.
Ну, Сонюшка, тебѣ покой я дамъ:
Бываютъ странны сны, а на яву страшнѣе;
Искала ты себѣ травы,
На друга набрела скорѣе;
Повыкинь вздоръ изъ головы;
Гдѣ чудеса, тамъ мало складу. —
Поди-ка, лягъ, усни опять. *(Молчалину)*
Идемъ бумаги разбирать.

МОЛЧАЛИНЪ.

Я только несъ ихъ для докладу,
Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ, безъ иныхъ,
Противурѣчья есть, и многое не дѣльно.

ФАМУСОВЪ.

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтобъ множество не накоплялось ихъ;
Дай волю вамъ, оно бы и засѣло;
А у меня, что дѣло, что не дѣло,
Обычай мой такой:
Подписано, такъ съ плечъ долой.

(Уходитъ съ Молчалинымъ, въ дверяхъ пропускаетъ его впередъ).

Явленіе 5.

СОФІЯ, ЛИЗА.

ЛИЗА.

Ну вотъ у праздника! ну вотъ вамъ и потѣха!
Однако нѣтъ, теперь ужъ не до смѣха;
Въ глазахъ темно и замерла душа;
Грѣхъ не бѣда, молва нехороша.

СОФІЯ.

Что мнѣ молва? Кто хочетъ, такъ и судитъ,
Да батюшка задуматься принудитъ:

Брюзгливъ, неугомоненъ, скоръ.
Таковъ всегда, а съ этихъ поръ...
Ты можешь посудить...

Лиза.

Сужу-съ не по разсказамъ;
Запретъ онъ васъ; — добро еще со мной,
А то, помилуй Богъ, какъ разомъ
Меня, Молчалина, и всѣхъ съ двора долой.

Софія.

Подумаешь, какъ счастье своенравно!
Бываетъ хуже, съ рукъ сойдетъ;
Когда-жъ печальное ничто на умъ нейдетъ,
Забылись музыкой, и время шло такъ плавно,
Судьба насъ будто берегла,
Ни безпокойства, ни сомнѣнья...
А горе ждетъ изъ-за угла.

Лиза.

Вотъ то-то-съ, моего вы глупаго сужденья
Не жалуете никогда:
Анъ вотъ бѣда.
На что вамъ лучшаго пророка?
Твердила я: въ любви не будетъ этой прока
Ни во вѣки вѣковъ.
Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ:
Желалъ бы зятя онъ съ звѣздами, да съ чинами,
А при звѣздахъ не всѣ богаты, между нами,
Ну разумѣется, къ тому-бъ,
И деньги, чтобъ пожить, чтобъ могъ давать онъ балы;
Вотъ напримѣръ, полковникъ Скалозубъ,
И золотой мѣшокъ, и мѣтитъ въ генералы.

Софія.

Куда какъ милъ! и весело мнѣ страхъ
Выслушивать о фрунтѣ и рядахъ!
Онъ слова умнаго не выговорилъ съ роду, —
Мнѣ все равно, что за него, что въ воду!

Лиза.

Да-съ, такъ сказать рѣчистъ, а больно не хитеръ;
Но будь военный, будь онъ статскій,
Кто такъ чувствителенъ, и веселъ, и остеръ,
Какъ Александръ Андреичъ Чацкій!
Не для того, чтобъ васъ смутить;
Давно прошло, не воротить,
А помнится...

Софія.

Что помнится? Онъ славно
Пересмѣять умѣетъ всѣхъ,
Болтаетъ, шутитъ, мнѣ забавно;
Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ.

Лиза.

И только? будто бы? — Слезами обливался,
Я помню, бѣдный онъ, какъ съ вами разставался. —
— Что, сударь, плачете? живите-ка смѣясь —
А онъ въ отвѣтъ: — „Недаромъ, Лиза, плачу,
„Кому извѣстно, что найду я воротясь?
„И сколько, можетъ быть, утрачу!“ —
Бѣдняшка будто зналъ, что года черезъ три...

Софія.

Послушай, вольности ты лишней не бери:
Я очень вѣтрено, быть-можетъ, поступила,
И знаю, и винюсь; но гдѣ же измѣнила?
Кому? чтобъ укорять невѣрностью могли.
Да, съ Чацкимъ, правда, мы воспитаны, росли;
Привычка вмѣстѣ быть день каждый неразлучно
Связала дѣтскою насъ дружбой; но потомъ
Онъ съѣхалъ, ужъ у насъ ему казалось скучно,
И рѣдко посѣщалъ нашъ домъ;
Потомъ опять прикинулся влюбленнымъ,
Взыскательнымъ и огорченнымъ!!...
Остеръ, уменъ, краснорѣчивъ,
Въ друзьяхъ особенно счастливъ,
Вотъ о себѣ задумалъ онъ высоко...

Охота странствовать напала на него.
Ахъ! если любитъ кто кого,
Зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко?

Лиза.

Гдѣ носится? въ какихъ краяхъ?
Лечился, говорятъ, на кислыхъ онъ водахъ,
Не отъ болѣзни, чай, отъ скуки, — поволыѣе.

Софія.

И вѣрно счастливъ тамъ, гдѣ люди посмѣшнѣе.
Кого люблю я, не таковъ:
Молчалинъ, за другихъ себя забыть готовъ,
Врагъ дерзости, всегда застѣнчиво, несмѣло...
Ночь цѣлую съ кѣмъ можно такъ провесть!
Сидимъ, а на дворѣ давно ужъ побѣлѣло,
Какъ думаешь? чѣмъ заняты?

Лиза.

Богъ вѣсть,
Сударыня! мое ли это дѣло?

Софія.

Возьметъ онъ руку, къ сердцу жметъ,
Изъ глубины души вздохнетъ,
Ни слова вольнаго, и такъ вся ночь проходитъ,
Рука съ рукой, и глазъ съ меня не сводитъ. —
Смѣешься! Можно ли! чѣмъ поводъ подала
Тебѣ я къ хохоту такому?

Лиза.

Мнѣ-съ?... ваша тетушка на умъ теперь пришла,
Какъ молодой французъ сбѣжалъ у ней изъ дому.
Голубушка! хотѣла схоронить
Свою досаду, не съумѣла:
Забыла волосы чернить
И черезъ три дни посѣдѣла.

(Продолжаетъ хохотать).

Софія *(съ огорченіемъ)*.

Вотъ такъ же обо мнѣ потомъ заговорятъ. —

Лиза.

Простите, право, какъ Богъ святъ, —
Хотѣла я, чтобъ этотъ смѣхъ дурацкій
Васъ нѣсколько развеселить помогъ.

Явленіе 6.

Софія, Лиза, Слуга, за нимъ Чацкій.

Слуга.

Къ вамъ Александръ Андреичъ Чацкій.

(Уходитъ).

Явленіе 7.

Софія, Лиза, Чацкій.

Чацкій.

Чуть свѣтъ ужъ на ногахъ! и я у вашихъ ногъ.

(Съ жаромъ цѣлуетъ руку).

Ну, поцѣлуйте же, не ждали? Говорите!
Что-жъ, ради? Нѣтъ? Въ лицо мнѣ посмотрите.
Удивлены? и только? вотъ пріемъ!
Какъ будто не прошло недѣли,
Какъ будто бы вчера, вдвоемъ
Мы мочи нѣтъ другъ другу надоѣли,
Ни на волосъ любви! куда какъ хороши!
И между тѣмъ, не вспомнюсь, безъ души,
Я сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше семисотъ пронесся, вѣтеръ, буря;
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ —
И вотъ за подвиги награда!

Софія.

Ахъ! Чацкій, я вамъ очень рада.

Чацкій.

Вы ради? Въ добрый часъ.
Однако искренно кто-жъ радуется эдокъ?

Мнѣ кажется, такъ напослѣдокъ,
Людей и лошадей знобя,
Я только тѣшилъ самъ себя.

Лиза.

Вотъ, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-Богу, нѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали васъ мы тутъ.
Сударыня, скажите сами. —

Софія.

Всегда, не только что теперь. —
Не можете мнѣ сдѣлать вы упрека.
Кто промелькнетъ, отворитъ дверь,
Проѣздомъ, случаемъ, изъ чужа, изъ далека —
Съ вопросомъ я, хоть будь морякъ:
Не повстрѣчалъ ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ?

Чацкій.

Положимте, что такъ.
Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ! —
Ахъ! Боже мой! ужли я здѣсь опять,
Въ Москвѣ! у васъ! да какъ же васъ узнать!
Гдѣ время то? гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда, бывало, въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ тутъ и тамъ;
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ.
Или вашъ батюшка съ мадамой, за пикетомъ;
Мы въ темномъ уголкѣ, и кажется, что въ этомъ!
Вы помните? Вздрогнемъ, чуть скрипнетъ столикъ, дверь...

Софія.

Ребячество!

Чацкій.

Да-съ, а теперь,
Въ семнадцать лѣтъ вы расцвѣли прелестно,
Неподражаемо, и это вамъ извѣстно,
И потому скромны, не смотрите на свѣтъ.
Не влюблены ли вы? прошу мнѣ дать отвѣтъ,
Безъ думы, полноте смущаться.

Софія.

Да хоть кого смутятъ
Вопросы быстрые и любопытный взглядъ...

Чацкій.

Помилуйте, не вамъ, чему же удивляться?
Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два.
Тотъ сватался: — успѣлъ, а тотъ далъ промахъ.
Все тотъ же толкъ, и тѣ-жъ стихи въ альбомахъ.

Софія.

Гоненье на Москву. Что значитъ видѣть свѣтъ!
Гдѣ-жъ лучше?

Чацкій.

Гдѣ насъ нѣтъ.
Ну что вашъ батюшка? все Англійскаго клоба
Старинный, вѣрный членъ до гроба?
Вашъ дядюшка отпрыгалъ ли свой вѣкъ?
А этотъ, какъ его, онъ турокъ или грекъ?
Тотъ черномазенькій, на ножкахъ журавлиныхъ,
Не знаю, какъ его зовутъ,
Куда ни сунься: тутъ какъ тутъ,
Въ столовыхъ и въ гостиныхъ.
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которые съ полвѣка молодятся?
Родныхъ мильонъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко? нашъ кладъ?
На лбу написано: театръ и маскерадъ;
Домъ зеленью расписанъ въ видѣ рощи,
Самъ толстъ, его артисты тощи.
На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ
За ширмами, въ одной изъ комнатъ посекретнѣй,
Былъ спрятанъ человѣкъ и щелкалъ соловьемъ,
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней.
А тотъ чахоточный, родня вамъ, книгамъ врагъ,
Въ ученый комитетъ который поселился,

И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился?
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой!
Жить съ ними надоѣстъ, и въ комъ не сыщешь пятенъ?
Когда-жъ постранствуешь, воротишься домой,
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

Софія.

Вотъ васъ бы съ тетушкою свесть,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть.

Чацкій.

А тетушка? все дѣвушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?
Ахъ! къ воспитанью перейдемъ.
Что нынче, такъ же, какъ издревле,
Хлопочутъ набирать учителей полки,
Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?
Не то, чтобы въ наукѣ далеки:
Въ Россіи, подъ великимъ штрафомъ,
Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ!
Нашъ менторъ, помните колпакъ его, халатъ,
Перстъ указательный, всѣ признаки ученья
Какъ наши робкіе тревожили умы,
Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья! —
А Гильоме, французъ, подбитый вѣтеркомъ?
Онъ не женатъ еще? —

Софія.

На комъ?

Чацкій.

Хоть на какой-нибудь княгинѣ,
Пульхеріи Андревнѣ, напримѣръ?

Софія.

Танцмейстеръ! можно ли!

Чацкій.

Что-жъ? онъ и кавалеръ.
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ,
А Гильоме!... Здѣсь нынче тонъ каковъ?
На съѣздахъ, на большихъ, по праздникамъ приходскимъ,
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ
Французскаго съ нижегородскимъ? —

Софія.

Смѣсь языковъ?

Чацкій.

Да, двухъ, безъ этого нельзя-жъ.

Лиза.

Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить, какъ вашъ.

Чацкій.

По крайней мѣрѣ не надутой.
Вотъ новости! — Я пользуюсь минутой,
Свиданьемъ съ вами оживленъ,
И говорливъ, а развѣ нѣтъ временъ,
Что я Молчалина глупѣе? Гдѣ онъ, кстати?
Еще ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало, пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
Увидитъ, пристаетъ: пожалуйте списать.
А впрочемъ, онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ,
Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ.

Софія *(въ сторону)*.

Не человѣкъ, змѣя!

(Громко и принужденно).

Хочу у васъ спросить:
Случалось ли, чтобъ вы, смѣясь, или въ печали,
Ошибкою, добро о комъ-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ-быть.

Чацкій.

Когда все мягко такъ? и нѣжно, и незрѣло?
На что же такъ давно? вотъ доброе вамъ дѣло:

Звонками только что гремя,
И день и ночь по снѣговой пустынѣ,
Спѣшу къ вамъ, голову сломя;
И какъ васъ нахожу? въ какомъ-то строгомъ чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю!
Лицо святѣйшей богомолки!...
И все-таки я васъ безъ памяти люблю.— *(Минутное молчаніе).*
Послушайте, ужли слова мои всѣ колки?
И клонятся къ чему-нибудь вреду?
Но если такъ: умъ съ сердцемъ не въ ладу.
Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду:
Велите-жъ мнѣ въ огонь — пойду какъ на обѣдъ.

Софія.

Да, хорошо сгорите, если-жъ нѣтъ?

Явленіе 8.

Софія, Лиза, Чацкій, Фамусовъ.

Фамусовъ.

Вотъ и другой!

Софія.

Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!
(Уходитъ).

Фамусовъ *(ей вслѣдъ вполголоса).*

Проклятый сонъ!

Явленіе 9.

Фамусовъ, Чацкій *(смотритъ на дверь, въ которую Софія вышла).*

Фамусовъ.

Ну выкинулъ ты штуку!
Три года не писалъ двухъ словъ!
И грянулъ вдругъ какъ съ облаковъ.
(Обнимаются).
Здорово, другъ, здорово, братъ, здорово!
Разсказывай, чай у тебя готово

Собранье важное вѣстей?
Садись-ка, объяви скорѣй! *(Садятся).*

Чацкій *(разсѣянно).*

Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

Фамусовъ.

Вамъ, людямъ молодымъ, другаго нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты;
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдованъ!...

Чацкій.

Ахъ! нѣтъ: надеждами я мало избалованъ.

Фамусовъ.

„Сонъ въ руку“, мнѣ она изволила шепнуть,
Вотъ ты задумалъ...

Чацкій.

Я? ничуть!

Фамусовъ.

О комъ ей снилось? что такое?

Чацкій.

Я не отгадчикъ снова.

Фамусовъ.

Не вѣрь ей, все пустое.

Чацкій.

Я вѣрю собственнымъ глазамъ;
Вѣкъ не встрѣчалъ, подписку дамъ,
Что бъ было ей хоть нѣсколько подобно!

Фамусовъ.

Онъ все свое. Да разскажи подробно,
Гдѣ былъ, скитался столько лѣтъ?
Откудова теперь?

Чацкій.

Теперь мнѣ до того ли!
Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ,
И не объѣхалъ сотой доли.

(Встаетъ поспѣшно).

Простите; я спѣшилъ скорѣе видѣть васъ,
Не заѣзжалъ домой. Прощайте! черезъ часъ
Явлюсь, подробности малѣйшей не забуду,
Вамъ первымъ, вы потомъ разсказывайте всюду.

(Въ дверяхъ).

Какъ хороша! *(Уходитъ).*

Явленіе 10.

Фамусовъ *(одинъ).*

Который же изъ двухъ?
„Ахъ! батюшка, сонъ въ руку!“
И говоритъ мнѣ это вслухъ!
Ну, виноватъ. Какого-жъ далъ я крюку!
Молчалинъ давече въ сомнѣнье ввелъ меня;
Теперь... да въ полмя изъ огня:
Тотъ нищій, этотъ франтъ-пріятель,
Отъявленъ мотомъ, сорванцомъ!
Что за комиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ! *(Уходитъ).*

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе 1.

Фамусовъ, Слуга.

Фамусовъ.

Петрушка, вѣчно ты съ обновкой,
Съ разодраннымъ локтемъ. Достань-ка календарь;
Читай не такъ, какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.
Постой-же — На листѣ черкни на записномъ,
Противу будущей недѣли:
Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ
Во вторникъ званъ я на форели.
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй, умъ вскружится;
То бережешься, то обѣдъ:

Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится!
Отмѣть-ка, въ тотъ же день... Нѣтъ, нѣтъ.
Въ четвергъ я званъ на погребенье.
Охъ, родъ людскоій! пришло въ забвенье,
Что всякій самъ туда же долженъ лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.
Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ похвальнымъ, вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный камергеръ,
Съ ключемъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить;
Богатъ, и на богатой былъ женатъ;
Переженилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался; всѣ о немъ прискорбно поминаютъ;
Кузьма Петровичъ! миръ ему! —
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
Пиши, въ четвергъ, одно ужъ къ одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу,
Я долженъ у вдовы, у докторши крестить.
Она не родила, но по расчету,
По моему: должна родить. —

Явленіе 2.

Фамусовъ, Слуга, Чацкій.

Фамусовъ.

А! Александръ Андреичъ! Просимъ,
Садитесь-ка.

Чацкій.

Вы заняты?

Фамусовъ *(слугѣ)*.

Поди. *(Слуга уходитъ)*.
Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ;
Забудется, того гляди. —

Чацкій.

Вы что-то не веселы стали;
Скажите, отчего? Пріѣздъ не въ пору мой?

Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.

ФАМУСОВЪ.

Ахъ! батюшка, нашелъ загадку,
Не веселъ я!... Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку!

ЧАЦКІЙ.

Никто не приглашаетъ васъ;
Я только, что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ, быть-можетъ, нездорова?

ФАМУСОВЪ.

Тьфу, Господи прости! пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и то же!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
То Софья Павловна больна.
Скажи, тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ; не хочешь ли жениться?

ЧАЦКІЙ.

А вамъ на что?

ФАМУСОВЪ.

Меня не худо бы спроситься,
Вѣдь я ей нѣсколько сродни,
По крайней мѣрѣ искони
Отцомъ не даромъ называли.

ЧАЦКІЙ.

Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?

ФАМУСОВЪ.

Сказалъ бы я, во-первыхъ: не блажи,
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно,
А главное, поди-тка послужи.

ЧАЦКІЙ.

Служить бы радъ, прислуживаться тошно.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы?

Учились бы на старшихъ глядя:
Мы, напримѣръ, или покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ: онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ;
Вѣкъ при дворѣ, да при какомъ дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ,
При государынѣ служилъ Екатеринѣ.
А въ тѣ поры всѣ важны! въ сорокъ пудъ...
Раскланяйся, тупеемъ не кивнутъ.
Вельможа, въ случаѣ, тѣмъ паче,
Не какъ другой, и пилъ и ѣлъ иначе.
А дядя! что твой князь? что графъ?
Сурьезный взглядъ, надменный нравъ.
Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ:
На куртагѣ ему случилось обступиться;
Упалъ, да такъ, что чуть затылка не пришибъ;
Старикъ заохалъ, голосъ хрипкой:
Былъ Высочайшею пожалованъ улыбкой;
Изволили смѣяться: какъ же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ,
Упалъ вдругорядь — ужъ нарочно —
А хохотъ пуще; онъ и въ третій такъ же точно.
А? какъ по-вашему? По-нашему, смышленъ.
Упалъ онъ больно, всталъ здорово.
За то бывало въ вистъ кто чаще приглашенъ?
Кто слышитъ при дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ. Кто предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка!
Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ! Да! Вы, нынѣшніе — нутка!

Чацкій.

И точно началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній, и вѣкъ минувшій:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея;
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ,
Стучали объ полъ, не жалѣя!
Кому нужда: тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли,
А тѣмъ, кто выше, лесть какъ кружево плели.
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха,
Все подъ личиною усердія къ царю.
Я не объ дядюшкѣ объ вашемъ говорю,
Его не возмутимъ мы праха;
Но между тѣмъ, кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?
А сверстничекъ, а старичокъ,
Иной, глядя на тотъ скачокъ,
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай приговаривалъ: ахъ! если бы мнѣ тоже!
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ, и держитъ стыдъ въ уздѣ;
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи. —

ФАМУСОВЪ.

Ахъ! Боже мой! онъ карбонари!

ЧАЦКІЙ.

Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ.

ФАМУСОВЪ.

Опасный человѣкъ!

ЧАЦКІЙ.

Вольнѣе всякій дышетъ,
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ.

ФАМУСОВЪ.

Что говоритъ! и говоритъ, какъ пишетъ!

ЧАЦКІЙ.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ.

ФАМУСОВЪ.

Онъ вольность хочетъ проповѣдать!

ЧАЦКІЙ.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ...

ФАМУСОВЪ.

Да онъ властей не признаетъ!

ЧАЦКІЙ.

Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...

ФАМУСОВЪ.

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ.

ЧАЦКІЙ.

Я наконецъ вамъ отдыхъ дамъ...

ФАМУСОВЪ.

Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно.

ЧАЦКІЙ.

Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно,
Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть,
Хоть нашимъ временамъ въ придачу,
Ужъ такъ и быть, я не поплачу.

ФАМУСОВЪ.

И знать васъ не хочу, разврата не терплю.

ЧАЦКІЙ.

Я досказалъ.

ФАМУСОВЪ.

Добро, заткнулъ я уши.

ЧАЦКІЙ.

На что-жъ? Я ихъ не оскорблю. —

ФАМУСОВЪ *(скороговоркой)*.

Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши,
Воротятся, отъ нихъ порядка жди!...

ЧАЦКІЙ.

Я пересталъ...

Фамусовъ.

Пожалуй, пощади.

Чацкій.

Длить споры не мое желанье.

Фамусовъ.

Хоть душу отпусти на покаянье! —

Явленіе 3.

Слуга *(входитъ)*.

Полковникъ Скалозубъ.

Фамусовъ *(ничего не видитъ и не слышитъ)*.

Тебя ужъ упекутъ
Подъ судъ, какъ пить дадутъ.

Чацкій.

Пожаловалъ къ вамъ кто-то на домъ.

Фамусовъ.

Не слушаю, подъ судъ!

Чацкій.

Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ.

Фамусовъ.

Не слушаю, подъ судъ! подъ судъ!

Чацкій.

Да обернитесь, васъ зовутъ.

Фамусовъ *(оборачивается)*.

А? бунтъ? Ну такъ и жду содома.

Слуга.

Полковникъ Скалозубъ. Прикажете принять?

Фамусовъ *(встаетъ)*.

Ослы! сто разъ вамъ повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень радъ. Пошелъ же, торопись!

(Слуга уходитъ).

Пожало-ста, сударь, при немъ остерегись:
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тьму отличій нахваталъ;
Не по лѣтамъ, и чинъ завидный,
Не нынче завтра генералъ.
Пожало-ста при немъ веди себя скромненько.
Эхъ! Александръ Андреичъ, дурно, братъ!...
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько;
Я всякому, ты знаешь, радъ.
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:
Вотъ будто женится на Сонюшкѣ. Пустое!
Онъ, можетъ-быть, и радъ бы былъ душой,
Да надобности самъ не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня;
Вѣдь Софья молода. А впрочемъ власть Господня.
Пожало-ста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось
И завиральныя идеи эти брось.
Однако нѣтъ его! какую бы причину...
А! знать ко мнѣ пошелъ въ другую половину.
(Поспѣшно уходитъ).

Явленіе 4.

Чацкій.

Какъ суетится! что за прыть!
А Софья? — Нѣтъ-ли впрямь тутъ жениха какого?
Съ которыхъ поръ меня дичатся какъ чужого!
Какъ здѣсь бы ей не быть!!...
Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно бредитъ,
А можетъ-быть не только что отецъ...
Ахъ! тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года въ даль уѣдетъ.

Явленіе 5.

Чацкій, Фамусовъ, Скалозубъ.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ сюда-съ,
Прошу покорно, здѣсь теплѣе;

Прозябли вы, согрѣемъ васъ;
Отдушничекъ отвернемъ поскорѣе.

Скалозубъ *(густымъ басомъ)*.

Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ!... Мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ.

Фамусовъ.

Неужто для друзей не сдѣлать мнѣ ни шагу,
Сергѣй Сергѣичъ дорогой!
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу;
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой.

Скалозубъ.

Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.

(Садятся всѣ трое; Чацкій поодаль).

Фамусовъ.

Ахъ! батюшка, сказать, чтобъ не забыть:
Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальними, наслѣдства не дѣлить;
Не знали вы, а я подавно,
Спасибо, научилъ двоюродный вашъ братъ,
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

Скалозубъ.

Не знаю-съ, виноватъ;
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, это вы-ли!
Нѣтъ! я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ.
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки;
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки;
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то затѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку ли, къ мѣстечку,
Ну какъ не порадѣть родному человѣчку!...
Однако братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.

Скалозубъ.

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.

Фамусовъ.

Да! счастье у кого есть эдакій сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ? —

Скалозубъ.

За третье августа; засѣли мы въ траншею:
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на шею.

Фамусовъ.

Любезный человѣкъ, и посмотрѣть такъ хватъ;
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ.

Скалозубъ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ.
Чинъ слѣдовалъ ему: онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать.

Фамусовъ.

Вотъ молодость!... читать!... а послѣ хвать!...
Вы повели себя исправно,
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозубъ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ,
Вакансіи какъ разъ открыты;
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

Фамусовъ.

Да, чѣмъ кого Господь поищетъ, вознесетъ!

Скалозубъ.

Бываетъ, моего счастливѣе везетъ.
У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ.

Фамусовъ.

Помилуйте, а вамъ чего недостаетъ?

Горе отъ ума.

Первая страница Булгаринскаго списка (Рукописное Отдѣленіе Импер. Публич. Библіотеки).

Толпою окруженный слугъ;
Усердствуя они въ часы вина и драки,
И честь и жизнь его не разъ спасали: вдругъ
На нихъ онъ выменилъ борзыя три собаки!!!
Или вонъ тотъ еще, который для затѣй,
на крѣпостный балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцевъ отторженныхъ дѣтей?!
Самъ погруженъ умомъ въ Зефирахъ и въ Амурахъ,
Заставилъ всю Москву дивиться ихъ красѣ!
Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ:—
Амуры и Зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ!!!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ
Изъ молодыхъ людей найдется: врагъ исканій,
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній;
Или въ душѣ его самъ богъ возбудитъ жаръ
Къ искуствамъ творческимъ, высокимъ и прекрасны
Они тотчасъ:— разбой! пожаръ!
И прослыветъ у нихъ мечтателемъ! опаснымъ!!—

Булгаринскій списокъ (Дѣйст. II, явл. 5).

А князь ужъ здѣсь! а я забился тамъ въ портретной.
Гдѣ Скалазубъ Сергѣй Сергѣичъ? а?
Нѣтъ; кажется, что нѣтъ. — Онъ человѣкъ замѣтной
Сергѣй Сергѣичъ Скалазубъ.

Хлёстова

Творецъ мой! оглушилъ, звончѣе всякихъ трубъ!

Явленіе 12.

Тѣ же и Скалазубъ потомъ Молчалинъ.

Фамусовъ

Сергѣй Сергѣичъ, запоздали;
А мы васъ ждали, ждали, ждали.
(Подводитъ къ Хлёстовой)
Моя невѣстушка, которой ужъ давно
Объ васъ говорено.

Хлёстова (Сидя)

Вы прежде были здѣсь... въ полку... въ томъ... въ Гренадерскомъ?

Скалазубъ (баіомъ)

Въ Его Высочества, хотите вы сказать,
Ново-Землянскомъ мушкатерскомъ.

Булгаринскій списокъ (Дѣйств. III, явл. 12).

Скалозубъ.

Не жалуюсь, не обходили,
Однако за полкомъ два года поводили. —

Фамусовъ.

Въ погонь-ли за полкомъ?
Зато, конечно, въ чемъ другомъ
За вами далеко тянуться.

Скалозубъ.

Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся,
Я съ восемьсотъ девятаго служу;
Да, чтобъ чины добыть, есть многіе каналы;
Объ нихъ какъ истинный философъ я сужу;
Мнѣ только бы досталось въ генералы.

Фамусовъ.

И славно судите, дай Богъ здоровье вамъ
И генеральскій чинъ; а тамъ
Зачѣмъ откладывать бы дальше,
Рѣчь завести объ генеральшѣ?

Скалозубъ.

Жениться? Я ничуть не прочь.

Фамусовъ.

Что-жъ? у кого сестра, племянница есть, дочь;
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода;
Чего? плодятся годъ отъ года;
А батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется столица, какъ Москва.

Скалозубъ.

Дистанціи огромнаго размѣра.

Фамусовъ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,
На все свои законы есть:
Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ изстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенькій, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.

Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,
Пускай себѣ разумникомъ слыви,
А въ семью не включатъ, на насъ не подиви,
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ.
Да это-ли одно?... Возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать, — изволь,
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ;
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ равнехонько, про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь,
На юношей, сынковъ и внучатъ,
Журимъ мы ихъ, а если разберешь,
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички?? — Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ объ дѣлахъ, что слово: — приговоръ, —
Вѣдь столбовые все, въ усъ никого не дуютъ,
И объ правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что если-бъ кто подслушалъ ихъ... бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили, — никогда,
Спаси насъ Боже!... Нѣтъ. А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ, и... разойдутся.
Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму!
Я вамъ скажу, знать время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло.
А дамы? — сунься кто, попробуй, овладѣй;
Судьи всему, вездѣ, надъ ними нѣтъ судей;
За картами когда возстанутъ общимъ бунтомъ,
Дай Богъ терпѣніе, вѣдь самъ я былъ женатъ.
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
Присутствовать пошлите ихъ въ Сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочекъ кто видалъ, всякъ голову повѣсь!

Его Величество король былъ прусскій здѣсь;
Дивился не пугемъ московскимъ онъ дѣвицамъ,
Ихъ благонравью, а не лицамъ.
И точно, можно-ли воспитаннѣе быть!
Умѣютъ же себя принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой,
Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой;
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки,
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому, что патріотки.
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица какъ Москва.

Скалозубъ.

По моему сужденью
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.

Фамусовъ.

Не поминайте намъ, ужъ мало-ли крехтятъ!
Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и все на новый ладъ.

Чацкій.

Дома новы, но предразсудки стары.
Порадуйтесь, не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

Фамусовъ *(Чацкому)*.

Эй, завяжи на память узелокъ;
Просилъ я помолчать, не велика услуга. *(Скалозубу)*
Позвольте, батюшка, вотъ-съ Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ:
Не служитъ, то-есть въ томъ онъ пользы не находитъ,
Но захоти: такъ былъ бы дѣловой.
Жаль, очень жаль, онъ малый съ головой,
И славно пишетъ, переводитъ.
Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ...

Чацкій.

Нельзя-ли пожалѣть объ комъ-нибудь другомъ?
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.

Фамусовъ.

Не я одинъ, всѣ также осуждаютъ.

Чацкій.

А судьи кто?—За древностію лѣтъ
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима,
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма;
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая объ себѣ:
Что старѣе, то хуже.
Гдѣ? укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не эти-ли, грабительствомъ богаты?
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ не воскресятъ кліенты — иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты.
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?
Не тотъ-ли, вы къ кому меня еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ?
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ;
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И честь, и жизнь его не разъ спасали: вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки!!!
Или — вонъ тотъ еще, который для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?!
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,

Заставилъ всю Москву дивиться ихъ красѣ!
Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ: —
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по-одиночкѣ!!!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется: врагъ исканій,
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній;
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,
Они тотчасъ: — разбой! пожаръ!
И прослыветъ у нихъ мечтателемъ! опаснымъ!! —
Мундиръ! одинъ мундиръ! Онъ въ прежнемъ ихъ быту
Когда-то укрывалъ, расшитый и красивый,
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету;
И намъ за ними въ путь счастливый!
И въ женахъ, дочеряхъ къ мундиру та же страсть!
Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекся?!
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть,
Но кто-бъ тогда за всѣми не повлекся?
Когда изъ гвардіи, иные отъ двора
Сюда на время пріѣзжали,
Кричали женщины: ура!
И въ воздухъ чепчики бросали!

Фамусовъ *(про себя)*.

Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду. *(Громко)*
Сергѣй Сергѣичъ, я пойду,
И буду ждать васъ въ кабинетѣ. *(Уходитъ)*.

Явленіе 6.

Скалозубъ, Чацкій.

Скалозубъ.

Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейскимъ, къ гвардіонцамъ;
Ихъ золоту, шитью дивятся будто солнцамъ!
А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?
Все такъ прилажено и тальи всѣ такъ узки,
И офицеровъ вамъ начтемъ,
Что даже говорятъ, иные, по-французски.

Явленіе 7.

Скалозубъ, Чацкій, Софія, Лиза.

Софія *(бѣжитъ къ окну)*.

Ахъ! Боже мой! упалъ! убился! *(Падаетъ въ обморокъ)*.

Чацкій.

Кто?

Кто это?

Скалозубъ.

Съ кѣмъ бѣда?

Чацкій.

Она мертва со страху!

Скалозубъ.

Да кто? откудова?

Чацкій.

Ушибся обо что?

Скалозубъ.

Ужъ не старикъ-ли нашъ далъ маху?

Лиза *(хлопочетъ около барышни)*.

Кому назначено-съ: не миновать судьбы,
Молчалинъ на лошадь садился, ногу въ стремя,
А лошадь на дыбы,
Онъ объ землю и прямо въ темя.

Скалозубъ.

Поводья затянулъ, ну жалкій же ѣздокъ.
Взглянуть, какъ треснулся онъ — грудью или въ бокъ?
(Уходитъ).

Явленіе 8.

Тѣ же безъ Скалозуба.

Чацкій.

Помочь ей чѣмъ? Скажи скорѣе.

Лиза.

Тамъ въ комнатѣ вода стоитъ.

(Чацкій бѣжитъ и приноситъ. Все слѣдующее вполголоса до того, какъ Софія очнется).

Лиза.

Стаканъ налейте.

Чацкій.

Ужъ налитъ.
Шнуровку отпусти вольнѣе,
Виски ей уксусомъ потри,
Опрыскивай водой. Смотри,
Свободнѣе дыханье стало.
Повѣять чѣмъ?

Лиза.

Вотъ опахало.

Чацкій.

Гляди въ окно,
Молчалинъ на ногахъ давно!
Бездѣлица ее тревожитъ.

Лиза.

Да-съ; барышнинъ несчастенъ нравъ,
Со стороны смотрѣть не можетъ,
Какъ люди падаютъ стремглавъ.

Чацкій.

Опрыскивай еще водою.
Вотъ такъ. Еще. Еще.

Софія *(съ глубокимъ вздохомъ)*.

Кто здѣсь со мною?
Я точно какъ во снѣ. *(Торопко и громко)*.
Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Скажите мнѣ.

Чацкій.

Пускай себѣ сломилъ бы шею,
Васъ чуть было не уморилъ.

Софія.

Убійственны холодностью своею!
Смотрѣть на васъ, васъ слушать нѣту силъ.

Чацкій.

Прикажете мнѣ за него терзаться?

Софія.

Туда бѣжать, тамъ быть, помочь ему стараться.

Чацкій.

Чтобъ оставались вы безъ помощи однѣ?

Софія.

На что вы мнѣ?
Да правда: не свои бѣды для васъ забавы,
Отецъ родной убейся, все равно. *(Лизѣ)*
Пойдемъ туда, бѣжимъ.

Лиза *(отводитъ ее въ сторону)*.

Опомнитесь! куда вы?
Онъ живъ, здоровъ, смотрите здѣсь въ окно.

(Софія высовывается въ окошко).

Чацкій.

Смятенье! обморокъ! поспѣшность! гнѣвъ! испуга!
Такъ можно только ощушать,
Когда лишаешься единственнаго друга.

Софія.

Сюда идутъ. Руки не можетъ онъ поднять.—

Чацкій.

Желалъ бы съ нимъ убиться...

Лиза.

Для компаньи?

Софія.

Нѣтъ, оставайтесь при желаньи.

Явленіе 9.

Софія, Лиза, Чацкій, Скалозубъ, Молчалинъ *(съ подвязанною рукою)*.

Скалозубъ.

Воскресъ и невредимъ, рука
Ушибена слегка,
И впрочемъ все фальшивая тревога.

Молчалинъ.

Я васъ перепугалъ, простите, ради Бога.

Скалозубъ.

Ну, я не зналъ, что будетъ изъ того
Вамъ ирритація. Опрометью вбѣжали.—
Мы вздрогнули. Вы въ обморокъ упали,
И что-жъ? — весь страхъ изъ ничего.

Софія *(не глядя ни на кого)*.

Ахъ! очень вижу, изъ пустова —
А вся еще теперь дрожу.

Чацкій *(про себя)*.

Съ Молчалинымъ ни слова!

Софія *(по прежнему)*.

Однако о себѣ скажу,
Что не труслива. Такъ бываетъ,
Карета свалится, подымутъ: я опять
Готова съизнова скакать;
Но все малѣйшее въ другихъ меня пугаетъ,
Хоть нѣтъ великаго несчастья отъ того,
Хоть незнакомый мнѣ, до этого нѣтъ дѣла.

Чацкій *(про себя)*.

Прощенья просить у него,
Что разъ о комъ-то пожалѣла!

Скалозубъ.

Позвольте, разскажу вамъ вѣсть:
Княгиня Ласова какая-то здѣсь есть,
Наѣздница, вдова, но нѣтъ примѣровъ,
Чтобъ ѣздило съ ней много кавалеровъ.
На-дняхъ расшиблась въ пухъ;
Жоке не поддержалъ, считалъ онъ видно мухъ. —
И безъ того она, какъ слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостаетъ,
Такъ для поддержки ищетъ мужа.

Софія.

Ахъ, Александръ Андреичъ, вотъ,
Явитесь вы вполнѣ великодушны:
Къ несчастью ближняго вы такъ неравнодушны.

Чацкій.

Да-съ, это я сейчасъ явилъ,
Моимъ усерднѣйшимъ стараньемъ,
И прысканьемъ, и оттираньемъ,
Не знаю для кого, но васъ я воскресилъ.
(Беретъ шляпу и уходитъ).

Явленіе 10.

Тѣ же кромѣ Чацкаго.

Софія.

Вы вечеромъ къ намъ будете?

Скалозубъ.

Какъ рано?

Софія.

Пораньше; съѣдутся домашніе друзья,
Потанцовать подъ фортепьяно.
Мы въ траурѣ, такъ бала дать нельзя.

Скалозубъ.

Явлюсь, но къ батюшкѣ зайти я обѣщался,
Откланяюсь.

Софія.

Прощайте.

Скалозубъ *(жметъ руку Молчалину)*.

Вашъ слуга. *(Уходитъ)*.

Явленіе 11.

Софія, Лиза, Молчалинъ.

Софія.

Молчалинъ! какъ во мнѣ разсудокъ цѣлъ остался!
Вѣдь знаете, какъ жизнь мнѣ ваша дорога!
Зачѣмъ же ей играть, и такъ неосторожно?
Скажите, что у васъ съ рукой?
Не дать-ли капель вамъ? Не нуженъ-ли покой?
Пошлемте къ доктору, пренебрегать не должно.

Молчалинъ.

Платкомъ перевязалъ, не больно мнѣ съ тѣхъ поръ.

Лиза.

Ударюсь объ закладъ, что вздоръ,
И если-бъ не къ лицу, не нужно перевязки;
А то не вздоръ, что вамъ не избѣжать огласки:
На смѣхъ, того гляди, подыметъ Чацкій васъ;
И Скалозубъ, какъ свой хохолъ закрутитъ,
Разскажетъ обморокъ, прибавитъ сто прикрасъ;
Шутить и онъ гораздъ, вѣдь нынче кто не шутитъ!

Софія.

А кѣмъ изъ нихъ я дорожу?
Хочу люблю, хочу скажу.
Молчалинъ! будто я себя не принуждала?
Вошли вы, слова не сказала,
При нихъ не смѣла я дохнуть,
У васъ спросить, на васъ взглянуть.

Молчалинъ.

Нѣтъ, Софья Павловна, вы слишкомъ откровенны.

Софія.

Откуда скрытность почерпнуть!
Готова я была въ окошко, къ вамъ прыгнуть.

Да что мнѣ до кого? до нихъ? до всей вселенной?
Смѣшно? — пусть шутятъ ихъ; досадно? — пусть бранятъ.

Молчалинъ.

Не повредила бы намъ откровенность эта.

Софія.

Неужто на дуэль васъ вызвать захотятъ?

Молчалинъ.

Ахъ! злые языки страшнѣе пистолета.

Лиза.

Сидятъ они у батюшки теперь;
Вотъ ко-бы вы порхнули въ дверь
Съ лицомъ веселымъ, беззаботно:
Когда намъ скажутъ, что хотимъ,
Куда какъ вѣрится охотно!
И Александръ Андреичъ, съ нимъ
О прежнихъ дняхъ, о тѣхъ проказахъ,
Поразвернитесь-ка въ разсказахъ,
Улыбочка и пара словъ,
И кто влюбленъ — на все готовъ.

Молчалинъ.

Я вамъ совѣтовать не смѣю. *(Цѣлуетъ ей руку).*

Софія.

Хотите вы?... Пойду любезничать сквозь слезъ;
Боюсь, что выдержать притворства не съумѣю.
Зачѣмъ сюда Богъ Чацкаго принесъ! *(Уходитъ).*

Явленіе 12.

Молчалинъ, Лиза.

Молчалинъ.

Веселое созданье ты! живое!

Лиза.

Прошу пустить, и безъ меня васъ двое.

Молчалинъ.

Какое личико твое!
Какъ я тебя люблю!

Лиза.

А барышню?

Молчалинъ.

Ее
По должности, тебя... *(Хочетъ ее обнять).*

Лиза.

Отъ скуки.
Прошу подальше руки!

Молчалинъ.

Есть у меня вещицы три:
Есть туалетъ, прехитрая работа:
Снаружи зеркальцо и зеркальцо внутри,
Кругомъ все прорѣзь, позолота;
Подушечка, изъ бисера узоръ,
И перламутровый приборъ:
Игольничекъ и ножинки, какъ милы!
Жемчужинки, растертыя въ бѣлилы!
Помада есть для губъ, и для другихъ причинъ,
Съ духами стклянночки: резеда и жасминъ.

Лиза.

Вы знаете, что я не льщусь на интересы;
Скажите лучше, почему
Вы съ барышней скромны, а съ горничной повѣсы?

Молчалинъ.

Сегодня боленъ я, обвязки не сниму,
Приди въ обѣдъ, побудь со мною,
Я правду всю тебѣ открою.

(Уходитъ въ боковую дверь).

Явленіе 13.

Софія, Лиза.

Софія.

Была у батюшки, тамъ нѣту никого.
Сегодня я больна, и не пойду обѣдать.
Скажи Молчалину, и позови его,
Чтобъ онъ пришелъ меня провѣдать.
(Уходитъ къ себѣ).

Явленіе 14.

Лиза.

Ну! люди въ здѣшней сторонѣ!
Она къ нему, а онъ ко мнѣ,
А я... одна лишь я любви до смерти трушу.—
А какъ не полюбить буфетчика Петрушу!

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Явленіе 1.

Чацкій, потомъ Софія.

Чацкій.

Дождусь ее и вынужу признанье:
Кто наконецъ ей милъ? Молчалинъ? Скалозубъ?
Молчалинъ прежде былъ такъ глупъ!...
Жалчайшее созданье!
Ужъ развѣ поумнѣлъ?... А тотъ—
Хрипунъ, удавленникъ, фаготъ,
Созвѣздіе маневровъ и мазурки!
Судьба любви, играть ей въ жмурки.
А мнѣ... *(Входитъ Софія).*
Вы здѣсь? я очень радъ,
Я этого желалъ.

Софія *(про себя).*

И очень невпопадъ.

Чацкій.

Конечно не меня искали?

Софія.

Я не искала васъ.

Чацкій.

Дознаться мнѣ нельзя-ли,
Хоть и не кстати, нужды нѣтъ:
Кого вы любите?

Софія.

Ахъ! Боже мой! весь свѣтъ.

Чацкій.

Кто болѣе вамъ милъ?

Софья.

Есть многіе, родные...

Чацкій.

Всѣ болѣе меня?

Софья.

Иные.

Чацкій.

И я чего хочу, когда все рѣшено?
Мнѣ въ петлю лѣзть, а ей смѣшно.

Софія.

Хотите-ли знать истины два слова?
Малѣйшая въ комъ странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У васъ тотчасъ ужъ острота готова,
А сами вы...

Чацкій.

Я самъ? не правда-ли, смѣшонъ?

Софія.

Да! грозный взглядъ, и рѣзкій тонъ,
И этихъ въ васъ особенностей бездна,
А надъ собой гроза куда не безполезна.

Чацкій.

Я страненъ? А не страненъ кто-жъ?
Тотъ, кто на всѣхъ глупцовъ похожъ,
Молчалинъ, напримѣръ...

Софія.

Примѣры мнѣ не новы;
Замѣтно, что вы желчь на всѣхъ излить готовы,
А я, чтобъ не мѣшать, отсюда уклонюсь.

Чацкій *(держитъ ее)*.

Постойте же! *(Въ сторону)* Разъ въ жизни притворюсь.
(Громко)
Оставимъ-те мы эти пренья.
Передъ Молчалинымъ не правъ я, виноватъ;
Быть-можетъ онъ не то, что три года назадъ:
Есть на землѣ такія превращенья
Правленій, климатовъ, и нравовъ, и умовъ;
Есть люди важные, слыли за дураковъ:
Иной по арміи, иной плохимъ поэтомъ,
Иной... боюсь назвать, но признаны всѣмъ свѣтомъ,
Особенно въ послѣдніе года,
Что стали умны хоть куда.
Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, геній смѣлый,
Но есть ли въ немъ та страсть? то чувство? пылкость та?
Чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета.
Чтобъ сердца каждое біенье
Любовью ускорялось къ вамъ?
Чтобъ мыслямъ были всѣмъ, и всѣмъ его дѣламъ
Душою — вы? вамъ угожденье?
Самъ это чувствую, сказать я не могу;
Но что теперь во мнѣ кипитъ, волнуетъ, бѣситъ,
Не пожелалъ бы я и личному врагу,
А онъ?... смолчитъ и голову повѣситъ.
Конечно смиренъ, всѣ такіе не рѣзвы;
Богъ знаетъ, въ немъ какая тайна скрыта;
Богъ знаетъ, за него что выдумали вы,
Чѣмъ голова его ввѣкъ не была набита.

Быть-можетъ, качествъ вашихъ тьму,
Любуясь имъ, вы придали ему;
Не грѣшенъ онъ ни въ чемъ, вы во сто разъ грѣшнѣе.
Нѣтъ! нѣтъ! пускай уменъ, часъ отъ часу умнѣе,
Но васъ онъ стоитъ-ли? вотъ вамъ одинъ вопросъ.
Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату,
Какъ человѣку вы, который съ вами взросъ,
Какъ другу вашему, какъ брату,
Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ;
Потомъ,
Отъ сумасшествія могу я остеречься;
Пущусь подалѣе — простыть, охолодѣть,
Не думать о любви, но буду я умѣть
Теряться по свѣту, забыться и развлечься.

Софія *(про себя)*.

Вотъ нехотя съ ума свела! *(Вслухъ)*
Что притворяться?
Молчалинъ давича могъ безъ руки остаться,
Я живо въ немъ участье приняла;
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всѣмъ и безъ разбору;
Но можетъ истина въ догадкахъ вашихъ есть,
И горячо его беру я подъ защиту:
Зачѣмъ же быть, скажу вамъ напрямикъ,
Такъ невоздержну на языкъ?
Въ презрѣньи къ людямъ такъ нескрыту,
Что и смиреннѣйшему пощады нѣтъ!... Чего?
Случись кому назвать его,
Градъ колкостей и шутокъ вашихъ грянетъ.
Шутить! и вѣкъ шутить! какъ васъ на это станетъ? —

Чацкій.

Ахъ! Боже мой! неужли я изъ тѣхъ,
Которымъ цѣль всей жизни смѣхъ?
Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю,
А чаще съ ними я скучаю.

Софія.

Напрасно: это все относится къ другимъ,
Молчалинъ вамъ наскучилъ бы едва-ли,
Когда-бъ сошлись короче съ нимъ.

Чацкій *(съ жаромъ)*.

Зачѣмъ же вы его такъ коротко узнали?

Софія.

Я не старалась: Богъ насъ свелъ.
Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ пріобрѣлъ;
При батюшкѣ три года служитъ,
Тотъ часто безъ толку сердитъ,
А онъ безмолвіемъ его обезоружитъ,
Отъ доброты души проститъ;
И между прочимъ
Веселостей искать бы могъ;
Ничуть: — отъ старичковъ не ступитъ за порогъ;
Мы рѣзвимся, хохочемъ,
Онъ съ ними цѣлый день засядетъ, радъ не радъ,
Играетъ...

Чацкій.

Цѣлый день играетъ!
Молчитъ, когда его бранятъ! *(Въ сторону)*
Она его не уважаетъ.

Софія.

Конечно, нѣтъ въ немъ этого ума,
Что геній для иныхъ, а для иныхъ чума,
Который скоръ, блестящъ и скоро опротивитъ,
Который свѣтъ ругаетъ наповалъ,
Чтобъ свѣтъ объ немъ хоть что-нибудь сказалъ;
Да этакій-ли умъ семейство осчастливитъ?

Чацкій.

Сатира и мораль, смыслъ этого всего? *(Въ сторону)*
Она не ставитъ въ грошъ его.

Софія.

Чудеснѣйшаго свойства
Онъ наконецъ: уступчивъ, скроменъ, тихъ,

Въ лицѣ ни тѣни безпокойства,
И на душѣ проступковъ никакихъ;
Чужихъ и вкривь и вкось не рубитъ,
Вотъ я за что его люблю!

Чацкій *(въ сторону)*.

Шалитъ! она его не любитъ. *(Вслухъ)*
Докончить я вамъ пособлю
Молчалина изображенье.
Но Скалозубъ? Воть заглядѣнье!
За армію стоитъ горой,
И прямизною стана,
Лицомъ и голосомъ герой...

Софія.

Не моего романа.

Чацкій.

Не вашего? Кто разгадаетъ васъ?

Явленіе 2.

Чацкій, Софія, Лиза.

Лиза *(шопотомъ)*.

Сударыня, за мной сейчасъ
Къ вамъ Алексѣй Степанычъ будетъ.

Софія.

Простите, надобно идти мнѣ поскорѣй.

Чацкій.

Куда?

Софія.

Къ прихмахеру.

Чацкій.

Богъ съ нимъ.

Софія.

Щипцы простудитъ.

Чацкій.

Пускай себѣ...

Софія.

Нельзя, ждемъ на вечеръ гостей.

Чацкій.

Богъ съ вами! остаюсь опять съ моей загадкой.
Однако, дайте мнѣ зайти, хотя украдкой,
Къ вамъ въ комнату на нѣсколько минутъ;
Тамъ стѣны, воздухъ, все пріятно!...
Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ
Воспоминанія объ томъ, что невозвратно!
Не засижусь, войду, всего минуты двѣ,
Потомъ, подумайте, членъ Англійскаго клуба,
Я тамъ дни цѣлые пожертвую молвѣ
Про умъ Молчалина, про душу Скалозуба.

(Софія пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается, за нею и Лиза).

Явленіе 3.

Чацкій, потомъ Молчалинъ.

Чацкій.

Ахъ! Софья! Неужли Молчалинъ избранъ ей!
А чѣмъ не мужъ? Ума въ немъ только мало;
Но чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума недоставало?
Услужливъ, скромненькій, въ лицѣ румянецъ есть.

(Входитъ Молчалинъ).

Вонъ онъ, на цыпочкахъ, и не богатъ словами;
Какою ворожбой умѣлъ къ ней въ сердце влѣзть!

(Обращается къ нему)

Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Не удалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче, безъ печали?

Молчалинъ.

Попрежнему-съ.

Чацкій.

А прежде какъ живали?

Молчалинъ.

День за день, нынче какъ вчера.

Чацкій.

Къ перу отъ картъ? и къ картамъ отъ пера?
И положенный часъ приливамъ и отливамъ?

Молчалинъ.

По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.

Чацкій.

Взманили почести и знатность?

Молчалинъ.

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ...

Чацкій.

У васъ?

Молчалинъ.

Два-съ:
Умѣренность и аккуратность.

Чацкій.

Чудеснѣйшіе два! и стоютъ нашихъ всѣхъ.

Молчалинъ.

Вамъ не дались чины, по службѣ неуспѣхъ?

Чацкій.

Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.

Молчалинъ.

Какъ удивлялись мы!

Чацкій.

Какое-жъ диво тутъ?

Молчалинъ.

Жалѣли васъ.

Чацкій.

Напрасный трудъ.

Молчалинъ.

Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,
Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...

Чацкій.

Ей почему забота?

Молчалинъ.

Татьянѣ Юрьевнѣ!

Чацкій.

Я съ нею не знакомъ.

Молчалинъ.

Съ Татьяной Юрьевной!!

Чацкій.

Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались;
Слыхалъ, что вздорная...

Молчалинъ.

Да это полно та-ли-съ?
Татьяна Юрьевна!!! Извѣстная, притомъ
Чиновные и должностные
Всѣ ей друзья и всѣ родные.
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ...

Чацкій.

На что же?

Молчалинъ.

Такъ! Частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.

Чацкій.

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.

Молчалинъ.

Какъ обходительна! добра! мила! проста!
Балы даетъ нельзя богаче,
Отъ Рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.

Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить?
И награжденья брать и весело пожить?

Чацкій.

Когда въ дѣлахъ, я отъ веселій прячусь;
Когда дурачиться, дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искусниковъ; я не изъ нихъ числа.

Молчалинъ.

Простите. Впрочемъ, тутъ не вижу преступленья.
Вотъ самъ Ѳома Ѳомичъ, знакомъ онъ вамъ?

Чацкій.

Ну что-жъ?

Молчалинъ.

При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья;
Переведенъ сюда...

Чацкій.

Хорошъ!
Пустѣйшій человѣкъ, изъ самыхъ безтолковыхъ.

Молчалинъ.

Какъ можно! слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ!
Читали вы?

Чацкій.

Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.

Молчалинъ.

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть;
Не сочинитель я...

Чацкій.

И по всему замѣтно.

Молчалинъ.

Не смѣю моего сужденья произнесть...

Чацкій.

Зачѣмъ же такъ секретно?

Молчалинъ.

Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

Чацкій.

Помилуйте, мы съ вами не ребяты;
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

Молчалинъ.

Вѣдь надобно-жъ зависѣть отъ другихъ.

Чацкій.

Зачѣмъ же надобно?

Молчалинъ.

Въ чинахъ мы небольшихъ.

Чацкій *(почти громко)*.

Съ такими чувствами, съ такой душою,
Любимъ!... Обманщица смѣялась надо мною!

Явленіе 4.

Вечеръ. Всѣ двери настежь, кромѣ въ спальню Софіи. Въ перспективѣ раскрывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ.

Слуги суетятся, одинъ изъ нихъ, Главный, *говоритъ:*

Эй, Филька, Ѳомка, ну, ловчѣй!
Столы для картъ, мѣлъ, щетокъ и свѣчей!

(Стучится къ Софіи въ дверь).

Скажите барышнѣ скорѣе, Лизавета:
Наталья Дмитревна, и съ мужемъ, и къ крыльцу
Еще подъѣхала карета.

(Расходятся, остается одинъ Чацкій).

Явленіе 5.

Чацкій, Наталья Дмитріевна *(молодая дама)*.

Наталья Дмитріевна.

Не ошибаюсь ли!... Онъ точно, по лицу...
Ахъ! Александръ Андреичъ, вы ли?

Чацкій.

Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы;
Неужто такъ меня три года измѣнили?

Наталья Дмитріевна.

Я полагала васъ далеко отъ Москвы.
Давно ли?

Чацкій.

Нынче лишь...

Наталья Дмитріевна.

Надолго?

Чацкій.

Какъ случится.
Однако, кто, смотря на васъ, не подивится?
Полнѣе прежняго, похорошѣли страхъ;
Моложе вы, свѣжѣе стали;
Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ.

Наталья Дмитріевна.

Я замужемъ.

Чацкій.

Давно бы вы сказали!

Наталья Дмитріевна.

Мой мужъ — прелестный мужъ, вотъ онъ сейчасъ войдетъ,
Я познакомлю васъ, хотите?

Чацкій.

Прошу.

Наталья Дмитріевна.

И знаю напередъ,
Что вамъ понравится. Взгляните и судите.

Чацкій.

Я вѣрю: онъ вамъ мужъ.

Наталья Дмитріевна.

О, нѣтъ-съ! не потому,
Самъ по себѣ, по праву, по уму.
Платонъ Михайлычъ мой единственный, безцѣнный!
Теперь въ отставкѣ, былъ военный,

И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, съ талантомъ,
Когда бы службу продолжалъ,
Конечно былъ бы онъ московскимъ комендантомъ.

Явленіе 6.

Чацкій, Наталья Дмитріевна, Платонъ Михайловичъ.

Наталья Дмитріевна.

Вотъ мой Платонъ Михайлычъ!

Чацкій.

Ба!
Другъ старый, мы давно знакомы! Вотъ судьба!

Платонъ Михайловичъ.

Здорово, Чацкій, братъ!

Чацкій.

Платонъ любезный, славно!
Похвальный листъ тебѣ, ведешь себя исправно!

Платонъ Михайловичъ.

Какъ видишь, братъ:
Московскій житель и женатъ.

Чацкій.

Забытъ шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?

Платонъ Михайловичъ.

Нѣтъ, есть таки занятья:
На флейтѣ я твержу дуэтъ
А-мольный...

Чацкій.

Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже.

Платонъ Михайловичъ.

Братъ, женишься, тогда меня вспомянь!
Отъ скуки будешь ты свистѣть одно и то же.

Чацкій.

Отъ скуки! какъ? ужъ ты ей платишь дань?

Наталья Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ склоненъ разнымъ,
Которыхъ нѣтъ теперь; къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу... иногда скучаетъ по утрамъ.

Чацкій.

А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть праздным?
Въ полкъ, эскадронъ дадутъ. Ты оберъ или штабъ?

Наталья Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень слабъ.

Чацкій.

Здоровьемъ слабъ! Давно ли?

Наталья Дмитріевна.

Все рюматизмъ и головныя боли.

Чацкій.

Движенья болѣе. Въ деревню, въ теплый край,
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ рай.

Наталья Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,
Москву; за что въ глуши онъ дни свои погубитъ?

Чацкій.

Москву и городъ... Ты чудакъ!
А помнишь прежнее?

Платонъ Михайловичъ.

Да, братъ, теперь не такъ..!

Наталья Дмитріевна.

Ахъ! мой дружочекъ!
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ;
Ты распахнулся весь и разстегнулъ жилетъ.

Платонъ Михайловичъ.

Теперь, братъ, я не тотъ...

Наталья Дмитріевна.

Послушайся разочекъ,
Мой милый, застегнись скорѣй.

Платонъ Михайловичъ *(хладнокровно)*.

Сейчасъ.

Наталья Дмитріевна.

Да отойди подальше отъ дверей;
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади!

Платонъ Михайловичъ.

Теперь, братъ, я не тотъ...

Наталья Дмитріевна.

Мой ангелъ, Бога ради,
Отъ двери дальше отойди!

Платонъ Михайловичъ *(глаза къ небу)*.

Ахъ! матушка!

Чацкій.

Ну, Богъ тебя суди;
Ужъ точно сталъ не тотъ въ короткое ты время!
Не въ прошломъ ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? лишь утро: ногу въ стремя
И носишься на борзомъ жеребцѣ;
Осенній вѣтеръ дуй хоть спереди, хоть съ тыла.

Платонъ Михайловичъ *(вздыхаетъ)*.

Эхъ, братецъ, славное тогда житье-то было.

Явленіе 7.

Тѣ же, Князь Тугоуховскій и Княгиня съ шестью дочерьми.

Наталья Дмитріевна *(тоненькимъ голосомъ)*.

Князь Петръ Ильичъ, княгиня! Боже мой!
Княжна Зизи! Мими!

(Громкія лобызанія; потомъ усаживаются и осматриваютъ одна другую съ головы до ногъ).

1-я Княжна.

Какой фасонъ прекрасный!

2-я Княжна.

Какія складочки!

1-я Княжна.

Обшито бахромой.

Наталья Дмитріевна.

Нѣтъ, если-бъ видѣли мой тюрлюрлю атласный.

3-я Княжна.

Какой эшарпъ cousin мнѣ подарилъ!

4-я Княжна.

Ахъ! да, — барежевый!

5-я Княжна.

Ахъ! прелѣсть!

6-я Княжна.

Ахъ! какъ милъ!

Княгиня.

Ссъ! Кто это въ углу, вошли мы, поклонился?

Наталья Дмитріевна.

Пріѣзжій, Чацкій.

Княгиня.

От-став-ной?

Наталья Дмитріевна.

Да, путешествовалъ, недавно воротился.

Княгиня.

И хо-ло-стой?

Наталья Дмитріевна.

Да, не женатъ.

Княгиня.

Князь, князь, сюда! живѣе!

Князь *(къ ней обращаетъ слуховую трубку)*.

О-хмъ!

Княгиня.

Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ, проси скорѣе
Натальи Дмитревны знакомаго: вонъ онъ!

Князь.

И-хмъ!

(Отправляется, вьется около Чацкаго и покашливаетъ).

Княгиня.

Вотъ то-то, дѣтки!
Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ;
Танцовщики ужасно стали рѣдки!...
Онъ камеръ-юнкеръ?

Наталья Дмитріевна.

Нѣтъ.

Княгиня.

Бо-гатъ?

Наталья Дмитріевна.

О, нѣтъ!

Княгиня *(громко, что есть мочи)*.

Князь, князь! назадъ!

Явленіе 8.

Тѣ же и Графини Хрюмины, бабушка и внучка.

Графиня-внучка.

Ахъ, grand'maman! ну, кто такъ рано пріѣзжаетъ?
Мы первыя! *(Пропадаетъ въ боковую комнату)*.

Княгиня.

Вотъ насъ честитъ!
Вотъ первая, и насъ за никого считаетъ!
Зла, въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ, ужъ Богъ ее проститъ.

Графиня-внучка *(вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойной лорнетъ)*.

Мсьё Чацкій! вы въ Москвѣ! Какъ были, все такіе?

Чацкій.

На что мѣняться мнѣ?

Графиня-внучка.

Вернулись холостые?

Чацкій.

На комъ жениться мнѣ?

Графиня-внучка.

Въ чужихъ краяхъ на комъ!
О! нашихъ тьма, безъ дальнихъ справокъ,
Тамъ женятся, и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ.

Чацкій.

Несчастные! должны-ль упреки несть
Отъ подражательницъ модисткамъ
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ?

Явленіе 9.

Тѣ же и множество другихъ гостей. Между прочимъ Загорѣцкій. Мужчины являются, шаркаютъ, отходятъ въ сторону, кочуютъ изъ комнаты въ комнату и проч. Софія отъ себя выходитъ; всѣ ей навстрѣчу.

Графиня-внучка.

Eh! bon soir! vous voilà! Jamais trop diligente
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente.

Загорѣцкій *(Софьѣ)*.

На завтрашній спектакль имѣете билетъ?

Софія.

Нѣтъ.

Загорѣцкій.

Позвольте вамъ вручить; напрасно бы кто взялся
Другой вамъ услужить. За то
Куда я ни кидался!
Въ контору — все взято,
Къ директору — онъ мнѣ пріятель,
Съ зарей въ шестомъ часу, и кстати-ль!
Ужъ съ вечера никто достать не могъ;
Къ тому, къ сему, всѣхъ сбилъ я съ ногъ;
И этотъ, наконецъ, похитилъ уже силой
У одного: старикъ онъ хилой,
Мнѣ другъ, извѣстный домосѣдъ;
Пусть дома просидитъ въ покоѣ!

Софія.

Благодарю васъ за билетъ,
А за старанье вдвое.
(Являются еще кое-какіе. Тьмъ временемъ Загорѣцкій отходитъ къ мужчинамъ).

Загорѣцкій.

Платонъ Михайлычъ...

Платонъ Михайловичъ.

Прочь!
Поди ты къ женщинамъ, лги имъ и ихъ морочь;
Я правду объ тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вотъ, братъ, *(Чацкому)* рекомендую!
Какъ этакихъ людей учтивѣе зовутъ,
Нѣжнѣе? Человѣкъ онъ свѣтскій,
Отъявленный мошенникъ, плутъ:
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
При немъ остерегись, переносить гораздъ,
И въ карты не садись: продастъ!

Загорѣцкій.

Оригиналъ! брюзгливъ, а безъ малѣйшей злобы.

Чацкій.

И оскорбляться вамъ смѣшно бы;
Окромѣ честности есть множество отрадъ:
Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.

Платонъ Михайловичъ.

Охъ, нѣтъ, братецъ! у насъ ругаютъ
Вездѣ, а всюду принимаютъ. *(Загорѣцкій мышастся въ толпу).*

Явленіе 10.

Тѣ же и Хлёстова.

Хлёстова.

Легко ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Тащиться мнѣ къ тебѣ, племянница?... Мученье!
Часъ битый ѣхала съ Покровки, силы нѣтъ;
Ночь — свѣта преставленье!

Отъ скуки я взяла съ собой
Арапку-дѣвку, да собачку;
Вели ихъ накормить ужо, дружочекъ мой,
Отъ ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте! *(Сьла)*. Ну, Софьюшка, мой другъ,
Какая у меня арапка для услугъ!
Курчавая, горбомъ лопатки!
Сердитая! всѣ кошачьи ухватки!
Да какъ черна! да какъ страшна!
Вѣдь создалъ же Господь такое племя!
Чортъ сущій; въ дѣвичьей она;
Позвать ли?

Софія.

Нѣтъ-съ; въ другое время.

Хлёстова.

Представь: ихъ какъ звѣрей выводятъ напоказъ,
Я слышала, тамъ... городъ есть турецкій...
А знаешь ли, кто мнѣ припасъ?
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.

(Загорѣцкій выставляется впередъ).

Лгунишка онъ, картежникъ, воръ.

(Загорѣцкій исчезаетъ).

Я отъ него было и двери на запоръ;
Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковьѣ
Двоихъ арапченковъ на ярмаркѣ досталъ;
Купилъ, онъ говоритъ, чай, въ карты сплутовалъ;
А мнѣ подарочекъ, дай Богъ ему здоровье!

Чацкій *(съ хохотомъ Платону Михайловичу)*.

Не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ!
И Загорѣцкій самъ не выдержалъ, пропалъ.

Хлёстова.

Кто этотъ весельчакъ? Изъ званія какого?

Софія.

Вонъ этотъ? Чацкій.

ХЛЁСТОВА.

Ну? а что нашелъ смѣшного?
Чему онъ радъ? Какой тутъ смѣхъ?
Надъ старостью смѣяться грѣхъ.
Я помню, ты дитей съ нимъ часто танцовала,
Я за уши его дирала, только мало.

Явленіе 11.

ТѢ ЖЕ И ФАМУСОВЪ.

ФАМУСОВЪ *(громогласно)*.

Ждемъ князя Петра Ильича,
А князь ужъ здѣсь! а я забился тамъ въ портретной.
Гдѣ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣичъ? а?
Нѣтъ? кажется, что нѣтъ. — Онъ человѣкъ замѣтной,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ.

ХЛЁСТОВА.

Творецъ мой! оглушилъ, звончѣе всякихъ трубъ!

Явленіе 12.

ТѢ ЖЕ И СКАЛОЗУБЪ, ПОТОМЪ МОЛЧАЛИНЪ.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, запоздали!
А мы васъ ждали, ждали, ждали.
(Подводитъ къ Хлёстовой)
Моя невѣстушка, которой ужъ давно
Объ васъ говорено.

ХЛЁСТОВА *(сидя)*.

Вы прежде были здѣсь... въ полку... въ томъ... гренадерскомъ?

СКАЛОЗУБЪ *(басомъ)*.

Въ Его Высочества, хотите вы сказать,
Ново-землянскомъ мушкетерскомъ.

ХЛЁСТОВА.

Не мастерица я полки-та различать.

Скалозубъ.

А форменныя есть отлички:
Въ мундирахъ выпушки, погончики, петлички.

Фамусовъ.

Пойдемте, батюшка, тамъ васъ я насмѣшу:
Курьезный вистъ у насъ. За нами, князь! прошу.—
(Его и князя уводитъ съ собою).

Хлёстова *(Софіи).*

Ухъ! я точнехонько избавилась отъ петли;
Вѣдь полоумный твой отецъ:
Дался ему трехъ саженъ удалецъ,
Знакомитъ, не спросясь, пріятно ли намъ, нѣтъ ли?

Молчалинъ *(подаетъ ей карту).*

Я вашу партію составилъ: мосьё Кокъ,
Ѳома Ѳомичъ и я.

Хлёстова.

Спасибо, мой дружокъ! *(Встаетъ).*

Молчалинъ.

Вашъ шпицъ, прелестный шпицъ, не болѣе наперстка;
Я гладилъ все его; какъ шелковая шерстка!

Хлёстова.

Спасибо, мой родной!
(Уходитъ, за нею Молчалинъ и многіе другіе).

Явленіе 13.

Чацкій, Софія и нѣсколько постороннихъ, которые въ продолженіе сцены расходятся.

Чацкій.

Ну! тучу разогналъ...

Софія.

Нельзя-ль не продолжать?

Чацкій.

Чѣмъ васъ я напугалъ?
За то, что онъ смягчилъ разгнѣванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить.

Софія.

А кончили бы злостью.

Чацкій.

Сказать вамъ, что я думалъ? Вотъ:
Старушки всѣ народъ сердитый;
Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый
Тутъ былъ какъ громовой отводъ.
Молчалинъ! — Кто другой такъ мирно все уладитъ!
Тамъ моську во время погладитъ!
Тутъ въ пору карточку вотретъ!
Въ немъ Загорѣцкій не умретъ!
Вы давиче его мнѣ исчисляли свойства,
Но многія забыли? — да?

(Уходитъ).

Явленіе 14.

Софія, потомъ г. N.

Софія *(про себя)*.

Ахъ! этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
Унизить радъ, кольнуть, завистливъ, гордъ и золъ!

г. N. *(подходитъ)*.

Вы въ размышленьи?

Софія.

Объ Чацкомъ.

г. N.

Какъ его нашли по возвращеньи?

Софія.

Онъ не въ своемъ умѣ.

г. N.

Ужли съ ума сошелъ?

Софія *(помолчавши)*.

Не то, чтобы совсѣмъ...

г. N.

Однако есть примѣты?

Софія (*смотритъ на него пристально*).

Мнѣ кажется.

г. N.

Какъ можно, въ эти лѣты!

Софія.

Какъ быть! (*Въ сторону*)

Готовъ онъ вѣрить!

А, Чацкій! любите вы всѣхъ въ шуты рядить,

Угодно-ль на себѣ примѣрить?

(*Уходитъ*).

Явленіе 15.

Г. N., потомъ Г. D.

г. N.

Съ ума сошелъ!... Ей кажется, вотъ на!

Не даромъ? стало-быть... съ чего-бъ взяла она!

Ты слышалъ?

г. D.

Что?

г. N.

Объ Чацкомъ?

г. D.

Что такое?

г. N.

Съ ума сошелъ!

г. D.

Пустое.

г. N.

Не я сказалъ, другіе говорятъ.

г. D.

А ты разславить это радъ?

г. N.

Пойду, освѣдомлюсь; чай, кто-нибудь да знаетъ.

(*Уходитъ*).

Явленіе 16.

Г. D., потомъ Загорѣцкій.

г. D.

Вѣрь болтуну!
Услышитъ вздоръ, и тотчасъ повторяетъ!
Ты знаешь-ли объ Чацкомъ?

Загорѣцкій.

Ну?

г. D.

Съ ума сошелъ!

Загорѣцкій.

А, знаю, помню, слышалъ.
Какъ мнѣ не знать? Примѣрный случай вышелъ:
Его въ безумные упряталъ дядя плутъ;
Схватили, въ желтый домъ, и на цѣпь посадили.

г. D.

Помилуй, онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ.

Загорѣцкій.

Такъ съ цѣпи, стало-быть, спустили.

г. D.

Ну, милый другъ, съ тобой не надобно газетъ,
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всѣхъ повыспрошу; однако, чуръ, секретъ!

Явленіе 17.

Загорѣцкій, потомъ Графиня-внучка.

Загорѣцкій.

Который Чацкій тутъ? — Извѣстная фамилья.
Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.
Вы слышали объ немъ?

Графиня-внучка.

Объ комъ?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Объ Чацкомъ; онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ.

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Знаю,
Я говорила съ нимъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Такъ я васъ поздравляю:
Онъ сумасшедшій...

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Что?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Да, онъ сошелъ съ ума!

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Представьте, я замѣтила сама;
И хоть пари держать, со мной въ одно вы слово.

Явленіе 18.

ТѢ ЖЕ И ГРАФИНЯ-БАБУШКА.

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Ah! grand' maman! вотъ чудеса! вотъ ново!
Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?
Послушайте. Вотъ прелести! вотъ мило!...

ГРАФИНЯ-БАБУШКА.

Мой другъ, мнѣ уши заложило;
Скажи погромче...

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Время нѣтъ.
(Указываетъ на Загорѣцкаго)
Il vous dira toute l'histoire...
Пойду, спрошу. *(Уходитъ)*.

Явленіе 19.

ЗАГОРѢЦКІЙ, ГРАФИНЯ-БАБУШКА.

ГРАФИНЯ-БАБУШКА.

Что? что? Ужъ нѣтъ ли здѣсь пожара?

Загорѣцкій.

Нѣтъ, Чацкій произвелъ всю эту кутерьму.

Графиня-бабушка.

Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?

Загорѣцкій.

Въ горахъ израненъ въ лобъ, сошелъ съ ума отъ раны.

Графиня-бабушка.

Что? Къ фармазонамъ въ клобъ? Пошелъ онъ въ басурманы!

Загорѣцкій.

Ее не вразумишь. *(Уходитъ).*

Графиня-бабушка.

Антонъ Антонычъ! Ахъ!
И онъ бѣжитъ, всѣ въ страхѣ, впопыхахъ.

Явленіе 20.

Графиня-бабушка и Князь Тугоуховскій.

Графиня-бабушка.

Князь, князь! охъ, этотъ князь, по баламъ, самъ чуть дышитъ!
Князь, слышали?

Князь.

А-хмъ?

Графиня-бабушка.

Онъ ничего не слышитъ!
Хоть можетъ видѣли, здѣсь полицмейстеръ былъ?

Князь.

Э-хмъ?

Графиня-бабушка.

Въ тюрьму-та, князь, кто Чацкаго схватилъ?

Князь.

И-хмъ?

Графиня-бабушка.

Тесакъ ему да ранецъ,
Въ солдаты! Шутка ли! перемѣнилъ законъ!

Князь.

У-хмъ?

Графиня-бабушка.

Да!... въ басурманахъ онъ!
Ахъ! окаянный волтерьянецъ!
Что? а? глухъ, мой отецъ; достаньте свой рожокъ.
Охъ, глухота большой порокъ!

Явленіе 21.

Тѣ же и Хлёстова, Софія, Молчалинъ, Платонъ Михайловичъ, Наталья Дмитріевна, Графиня-внучка, Княгиня съ дочерьми, Загорѣцкій, Скалозубъ, потомъ Фамусовъ и многіе другіе.

Хлёстова.

Съ ума сошелъ? прошу покорно!
Да невзначай! да какъ проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платонъ Михайловичъ.

Кто первый разгласилъ?

Наталья Дмитріевна.

Ахъ, другъ мой, всѣ!

Платонъ Михайловичъ.

Ну, всѣ, такъ вѣрить поневолѣ;
А мнѣ сомнительно.

Фамусовъ *(входя)*.

О чемъ? о Чацкомъ, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открылъ!
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ.
Попробуй о властяхъ, и ни-вѣсть что наскажетъ!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ,
Хоть предъ монаршімъ лицомъ,
Такъ назоветъ онъ подлецомъ!

Хлёстова.

Туда же изъ смѣшливыхъ;
Сказала что-то я: онъ началъ хохотать.

Молчалинъ.

Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ архивахъ.

Графиня-внучка.

Меня модисткою изволилъ величать!

Наталья Дмитріевна.

А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ.

Загорѣцкій.

Безумный по всему!

Графиня-внучка.

Я видѣла изъ глазъ.

Фамусовъ.

По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ;
Покойница съ ума сходила восемь разъ.

Хлёстова.

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
Чай, пилъ не по лѣтамъ?

Княгиня.

О! вѣрно...

Графиня-внучка.

Безъ сомнѣнья.

Хлёстова.

Шампанское стаканами тянулъ.

Наталья Дмитріевна.

Бутылками-съ — и пребольшими.

Загорѣцкій *(съ жаромъ)*.

Нѣтъ-съ, бочками сороковыми.

Фамусовъ.

Ну, вотъ! великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!
Ученье — вотъ чума, ученость — вотъ причина,
Что нынче пуще чѣмъ когда
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній.

Хлёстова.

И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ, отъ однихъ
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ, какъ бишь ихъ,
Да отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій.

Княгиня.

Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ
Пе-да-го-гическій, такъ, кажется, зовутъ:
Тамъ упражняются въ расколахъ и въ безвѣрьи
Профессоры!! у нихъ учился нашъ родня,
И вышелъ! хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерья.
Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня!
Чиновъ не хочетъ знать! Онъ химикъ, онъ ботаникъ,
Князь Ѳедоръ, мой племянникъ.

Скалозубъ.

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій,
Тамъ будутъ лишь учить по-нашему: разъ, два!
А книги сохранятъ такъ: для большихъ оказій.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, нѣтъ! ужъ коли зло пресѣчь:
Забрать всѣ книги бы, да сжечь.

Загорѣцкій *(съ кротостію)*.

Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь. А если-бъ, между нами,
Былъ цензоромъ назначенъ я,
На басни бы налегъ; охъ! басни смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами! надъ орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животныя, а все-таки цари.

Хлёстова.

Отцы мои, ужъ кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ все равно, отъ книгъ ли, отъ питья-ль;
А Чацкаго мнѣ жаль.
По-христіански такъ, онъ жалости достоинъ;
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.

Фамусовъ.

Четыре.

ХЛЁСТОВА.

Три, сударь.

ФАМУСОВЪ.

Четыреста.

ХЛЁСТОВА.

Нѣтъ! триста.

ФАМУСОВЪ.

Въ моемъ календарѣ...

ХЛЁСТОВА.

Все врутъ календари.

ФАМУСОВЪ.

Какъ разъ четыреста, охъ! спорить голосиста!

ХЛЁСТОВА.

Нѣтъ! триста! ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!

ФАМУСОВЪ.

Четыреста, прошу понять.

ХЛЁСТОВА.

Нѣтъ! триста, триста, триста!

Явленіе 22.

ТѢ ЖЕ ВСѢ И ЧАЦКІЙ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Вотъ онъ!

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Шшъ!

ВСѢ.

Шшъ! *(Пятятся отъ него въ противную сторону).*

ХЛЁСТОВА.

Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драться онъ, потребуетъ къ раздѣлкѣ!

ФАМУСОВЪ.

О, Господи! помилуй грѣшныхъ насъ! *(Опасливо)*
Любезнѣйшій! ты не въ своей тарелкѣ.
Съ дороги, нуженъ сонъ. Дай пульсъ. Ты нездоровъ.

Чацкій.

Да, мочи нѣтъ: мильонъ терзаній
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ.
(Подходитъ къ Софьѣ)
Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой.
Нѣтъ! недоволенъ я Москвой.

Хлёстова.

Москва, вишь, виновата!

Фамусовъ.

Подальше отъ него. *(дѣлаетъ знаки Софьѣ).*
Гмъ, Софья! — Не глядитъ!

Софья *(Чацкому).*

Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?

Чацкій.

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча:
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча,
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ, и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца;
Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ: будто бы въ отечествѣ, съ друзьями,
Своя провинція! Посмотришь, вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ;
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды...
Онъ радъ, но мы не рады.
Умолкъ, и тутъ со всѣхъ сторонъ
Тоска, и оханье, и стонъ:
„Ахъ! Франція! Нѣтъ въ мірѣ лучше края!“ —
Рѣшили двѣ княжны, сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.
Куда дѣваться отъ княженъ!
Я одаль возсылалъ желанья,

Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья;
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.
Пускай меня отъявятъ старовѣромъ,
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ, на новый ладъ,
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;
Движенья связаны и не краса лицу;
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки!...
Какъ платья, волосы, такъ и умы коротки!...
Ахъ! если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ.
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ?
Чтобъ умный, бодрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ.
„Какъ европейское поставить въ параллель
Съ національнымъ — странно что-то!
„Ну, какъ перевести мадамъ и мадмуазель?
„Ужли сударыня!!“ — забормоталъ мнѣ кто-то...
Вообразите, тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся смѣхъ.
„Сударыня! ха! ха! ха! ха! прекрасно!
„Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно!!“
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый;
Но всѣ оставили меня. —
Вотъ случай вамъ со мною, онъ не новый;
Москва и Петербургъ, въ всей Россіи то,

Что человѣкъ изъ города Бордо;
Лишь ротъ открылъ, имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участье;
И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ,
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ словъ кудрявыхъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять, шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять,
Глядь...

(Оглядывается, вся въ вальсъ кружатся съ величайшимъ усердіемъ. Старики разбрелись къ карточнымъ столамъ).

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

У Фамусова въ домѣ парадныя сѣни; большая лѣстница изъ втораго жилья, къ которой примыкаютъ многія побочныя изъ антресолей; внизу, справа (отъ дѣйствующихъ лицъ) выходъ на крыльцо и швейцарская ложа; слѣва, на одномъ же планѣ, комната Молчалина.

Ночь. Слабое освѣщеніе. Лакеи иные суетятся, иные спятъ въ ожиданіи господъ своихъ.

Явленіе 1.

Графиня-бабушка, Графиня-внучка, впереди ихъ лакей.

Лакей.

Графини Хрюминой карета.

Графиня-внучка *(покуда ее укутываютъ)*.

Ну, балъ! Ну, Фамусовъ! умѣлъ гостей назвать!
Какіе-то уроды съ того свѣта,
И не съ кѣмъ говорить, и не съ кѣмъ танцовать.

Графиня-бабушка.

Поѣдемъ, матушка! мнѣ право не подъ силу,
Когда-нибудь я съ бала да въ могилу.

(Обѣ уѣзжаютъ).

Явленіе 2.

Платонъ Михайловичъ и Наталья Дмитріевна.

Одинъ лакей около нихъ хлопочетъ, другой у подъѣзда кричитъ:

Карета Горича!

Наталья Дмитріевна.

Мой ангелъ, жизнь моя,
Безцѣнный, душечка, Попошь, что такъ уныло?
(Цѣлуетъ мужа въ лобъ).
Признайся, весело у Фамусовыхъ было.

Платонъ Михайловичъ.

Наташа, матушка, дремлю на балахъ я,
До нихъ смертельный неохотникъ,
А не противлюсь, твой работникъ,
Дежурю за полночь, подчасъ
Тебѣ въ угодность, какъ ни грустно,
Пускаюсь по командѣ въ плясъ.

Наталья Дмитріевна.

Ты притворяешься, и очень неискусно;
Охота смертная прослыть за старика.
(Уходитъ съ лакеемъ).

Платонъ Михайловичъ *(хладнокровно).*

Балъ вещь хорошая, неволя-то горька;
И кто жениться насъ неволитъ?
Вѣдь сказано-жъ иному на роду...

Лакей (съ крыльца).

Въ каретѣ барыня-съ, и гнѣваться изволитъ.

Платонъ Михайловичъ *(со вздохомъ).*

Иду, иду.
(Уѣзжаютъ).

Явленіе 3.

Чацкій и лакей его впереди.

Чацкій.

Кричи, чтобы скорѣе подавали. *(Лакей уходитъ).*
Ну, вотъ и день прошелъ, и съ нимъ
Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ

Репетиловъ

Напрасно страхъ тебя беретъ,
Въ слухъ, громко говоримъ, никто не разбѣретъ.
Я самъ, какъ схватятся объ Камерахъ, Присяжныхъ,
Объ Бейронѣ; ну объ матерьяхъ важныхъ,
Частенько слушаю, не разжимая губъ;
Мнѣ не подъ силу. братъ, и чувствую, что глупъ.
Ахъ, Alexandre! у насъ тебя недоставало;
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало;
Поѣдемъ-ка сей-часъ, мы благо на ходу,
Съ какими я тебя сведу
Людьми!!... ужь на меня нисколько не похожи,
Что за люди, mon cher! сокъ умной молодёжи! —

Чацкій

Богъ съ ними, и съ тобой. Куда я поскачу?
За чѣмъ? въ глухую ночь? домой; я спать хочу.

Репетиловъ

Э! брось! кто нынче спитъ? Ну полно безъ прелюдій
Рѣшись, а мы! у насъ... рѣшительные люди
Горячихъ дюжина головъ!
Кричимъ, подумаешь, что сотни голосовъ!...

Чацкій

Да изъ чего бѣснуетесь вы столько?

Репетиловъ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ,

Булгаринскій списокъ (Дѣйст. IV. явл, 4).

Чацкій.

Шумите вы? и только?

Репетиловъ

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ;
Но Государственное дѣло:
Оно, вотъ видишь, не созрѣло,
Нельзя же вдругъ.
Что за люди! mon cher! безъ дальнихъ я Исторій
Скажу тебѣ: во первыхъ Князь Григорій!!
Чудакъ единственный! насъ со смѣху моритъ!
Вѣкъ съ Англичанами, вся Англійская складка;
И также онъ сквозь зубы говоритъ,
И также коротко обстриженъ для порядка.
Ты незнакомъ? о! познакомся съ нимъ.
Другій Воркуловъ Евдокимъ,
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? о! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
„А! нонъ лашьяръ ми, но, но, но."
Еще у насъ два брата:
Левонъ и Боринька, чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь что сказать;
Но естьли Генія прикажите назвать:
Удушьевъ Ипполитъ Маркелочь!!!
Ты сочиненія сего

Булгаринскій списокъ (Дѣйст. IV, явл. 4).

Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли:
Чего я ждалъ? что думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчъ? участье въ комъ живое?
Крикъ! радость! обнялись! Пустое;
Въ повозкѣ такъ-то, на пути,
Необозримою равниной, сидя праздно,
Все что-то видно впереди,
Свѣтло, сине, разнообразно;
И ѣдешь часъ, и два, день цѣлый. Вотъ рѣзво
Домчались къ отдыху: ночлегъ. Куда ни взглянешь,
Все та же гладь и степь, и пусто, и мертво.
Досадно мочи нѣтъ, чѣмъ больше думать станешь.
(Лакей возвращается).
Готово?

Лакей.

Кучера-съ нигдѣ, вишь, не найдутъ.

Чацкій.

Пошелъ, ищи. Не ночевать же тутъ.
(Лакей опять уходитъ).

Явленіе 4.

Чацкій, Репетиловъ *(вбѣгаетъ съ крыльца; при самомъ входѣ падаетъ со всѣхъ ногъ и поспѣшно оправляется).*

Репетиловъ.

Тьфу! оплошалъ. — Ахъ, мой Создатель!
Дай протереть глаза; откудова? пріятель!...
Сердечный другъ! любезный другъ! mon cher!
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты;
Сейчасъ... растолковать прошу,
Какъ будто зналъ, сюда спѣшу,
Хвать, объ порогъ задѣлъ ногою,
И растянулся во весь ростъ.
Пожалуй, смѣйся надо мною,
Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ,

А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть,
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,
Такого вѣрнаго, ей-ей;
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
Да разразитъ меня Господь...

Чацкій.

Да полно вздоръ молоть.

Репетиловъ.

Не любишь ты меня, естественное дѣло:
Съ другими я и такъ, и сякъ,
Съ тобою говорю несмѣло;
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ.

Чацкій.

Вотъ странное уничиженье! —

Репетиловъ.

Ругай меня, я самъ кляну свое рожденье,
Когда подумаю, какъ время убивалъ!
Скажи, который часъ? —

Чацкій.

Часъ ѣхать спать ложиться;
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

Репетиловъ.

Что балъ? братецъ, гдѣ мы всю ночь до бѣла дня
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига,
Читалъ ли ты? есть книга...

Чацкій.

А ты читалъ? задача для меня.
Ты Репетиловъ ли?

Репетиловъ.

Зови меня вандаломъ,
Я это имя заслужилъ,

Людьми пустыми дорожилъ!
Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ!
Объ дѣтяхъ забывалъ! обманывалъ жену!
Игралъ! проигрывалъ! въ опеку взятъ указомъ!
Танцовщицу держалъ! и не одну:
Трехъ разомъ!
Пилъ мертвую! не спалъ ночей до девяти!
Все отвергалъ: законы! совѣсть! вѣру!

Чацкій.

Послушай, ври, да знай же мѣру;
Есть отъ чего въ отчаянье придти.

Репетиловъ.

Поздравь меня, теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими!! — Всю ночь не рыщу напролетъ.

Чацкій.

Вотъ нынче, напримѣръ?

Репетиловъ.

Что ночь одна, не въ счетъ,
Зато спроси, гдѣ былъ?

Чацкій.

И самъ я догадаюсь.
Чай въ клубѣ?

Репетиловъ.

Въ Англійскомъ. Чтобъ исповѣдь начать:
Изъ шумнаго я засѣданья.
Пожалосто молчи, я слово далъ молчать,
У насъ есть общество, и тайныя собранья
По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ...

Чацкій.

Ахъ! я братецъ, я боюсь.
Какъ? Въ клубѣ?

Репетиловъ.

Именно.

Чацкій.

Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ въ зашеи прогнать и васъ, и вашн тайны.

Репетиловъ.

Напрасно страхъ тебя беретъ,
Вслухъ, громко говоримъ, никто не разберетъ.
Я самъ, какъ схватятся о камерахъ, присяжныхъ,
О Бейронѣ, ну, о матерьяхъ важныхъ,
Частенько слушаю, не разжимая губъ;
Мнѣ не подъ силу, братъ; и чувствую, что глупъ.
Ахъ, Alexandre! У насъ тебя недоставало;
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало;
Поѣдемъ-ка сейчасъ; мы благо на ходу;
Съ какими я тебя сведу
Людьми!!!... Ужъ на меня нисколько не похожи.
Что за люди, mon cher! Сокъ умной молодежи! —

Чацкій.

Богъ съ ними, и съ тобой! Куда я поскачу?
Зачѣмъ? Въ глухую ночь? Домой, я спать хочу.

Репетиловъ.

Э! брось! кто нынче спитъ? Ну полно, безъ прелюдій,
Рѣшись, а мы!... у насъ... рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ!
Кричимъ, подумаешь, что сотни голосовъ!...

Чацкій.

Да изъ чего бѣснуетесь вы столько?

Репетиловъ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ...

Чацкій.

Шумите вы? и только?

Репетиловъ.

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ,
Но государственное дѣло:
Оно, вотъ видишь, не созрѣло,
Нельзя же вдругъ.
Что за люди! mon cher! безъ дальнихъ я исторій
Скажу тебѣ: во-первыхъ, князь Григорій!!
Чудакъ единственный! насъ со смѣху моритъ!

Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка
И такъ же онъ сквозь зубы говоритъ,
И такъ же коротко обстриженъ для порядка.
Ты не знакомъ? О! познакомься съ нимъ.
Другой Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? О! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
„А! нонъ лашьяръ ми, но, но, но“.
Еще у насъ два брата:
Левонъ и Боринька, чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь что сказать;
Но если генія прикажете назвать:
Удушьевъ Ипполитъ Маркелочъ!!!
Ты сочиненія его
Читалъ-ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего;
Вотъ эдакихъ людей бы сѣчь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать.
Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
Его Отрывокъ, Взглядъ и Нѣчто.
Объ чемъ бишь Нѣчто? — обо всемъ,
Все знаетъ; мы его на черный день пасемъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ,
И крѣпко на руку нечистъ;
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ;
Когда-жъ объ честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ:
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, и мы всѣ рыдаемъ.
Вотъ люди, есть-ли имъ подобные? Наврядъ.
Ну, между ими я конечно заурядъ,
Немножко поотсталъ, лѣнивъ, подумать ужасъ!
Однако-жъ я, когда, умишкомъ понатужась,

Засяду, часу не сижу,
И какъ-то невзначай, вдругъ каламбуръ рожу.
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ,
И вшестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ,
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ.
Братъ, смѣйся, а что любо, любо:
Способностями Богъ меня не наградилъ,
Далъ сердце доброе — вотъ чѣмъ я людямъ милъ,
Совру, простятъ. —

Лакей *(у подъѣзда)*.
Карета Скалозуба.

Репетиловъ.
Чья?

Явленіе 5.

Тѣ же и Скалозубъ *спускается съ лѣстницы.*

Репетиловъ *(къ нему навстрѣчу)*.
А! Скалозубъ, душа-моя,
Постой, куда же? сдѣлай дружбу.
(Душитъ его въ объятіяхъ).

Чацкій.
Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ!
(Входитъ въ швейцарскую).

Репетиловъ *(Скалозубу)*.
Слухъ объ тебѣ давно затихъ;
Сказали, что ты въ полкъ отправился на службу.
Знакомы вы? *(Ищетъ глазами Чацкаго)*. Упрямецъ! ускакалъ!
Нѣтъ нужды, я тебя нечаянно сыскалъ,
И просимъ-ка со мной, сейчасъ, безъ отговорокъ:
У князь-Григорія теперь народу тьма,
Увидишь человѣкъ насъ сорокъ.
Фу! сколько, братецъ, тамъ ума!
Всю ночь толкуютъ, не наскучатъ;
Во-первыхъ, напоятъ шампанскимъ на убой,
А во-вторыхъ, такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.

Скалозубъ.

Избавь. Ученостью меня не обморочишь;
Скликай другихъ, а если хочешь,
Я князь-Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ,
Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
А пикните, такъ мигомъ успокоитъ.

Репетиловъ.

Все служба на умѣ! Mon cher, гляди сюда:
И я въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ,
Какъ можетъ-быть никто и никогда.
По статской я служилъ; тогда
Баронъ фонъ-Клоцъ въ министры мѣтилъ,
А я
Къ нему въ зятья.
Шелъ напрямикъ, безъ дальней думы,
Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси,
Ему и ей какія суммы
Спустилъ, что Боже упаси!
Онъ на Фонтанкѣ жилъ, я возлѣ домъ построилъ,
Съ колоннами! огромный! сколько стоилъ!
Женился наконецъ на дочери его,
Приданаго взялъ — шишъ, по службѣ — ничего.
Тесть нѣмецъ, а что проку? —
Боялся, видишь, онъ упреку
За слабость будто бы къ родинѣ!
Боялся, прахъ его возьми, да легче-ль мнѣ?
Секретари его всѣ хамы, всѣ продажны,
Людишки, пишущая тварь,
Всѣ вышли въ знать, всѣ нынче важны,
Гляди-ка въ адресъ-календарь.
Тьфу! служба и чины, кресты души мытарства;
Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,
Что радикальныя потребны тутъ лекарства,
Желудокъ долыне не варитъ. *(Останавливается, увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто Скалозуба, который покудова уѣхалъ).*

Явленіе 6.

Репетиловъ, Загорѣцкій.

Загорѣцкій.

Извольте продолжать, вамъ искренно признаюсь,
Такой же я, какъ вы, ужасный либералъ!...
И отъ того, что прямъ и смѣло объясняюсь,
Куда какъ много потерялъ!...

Репетиловъ *(съ досадой)*.

Всѣ врозь, не говоря ни слова;
Чуть изъ виду одинъ, гляди, ужъ нѣтъ другова.
Былъ Чацкій, вдругъ исчезъ, потомъ и Скалозубъ.

Загорѣцкій.

Какъ думаете вы объ Чацкомъ?

Репетиловъ.

Онъ не глупъ.
Сейчасъ столкнулись мы; тутъ всякіе турусы,
И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль.
Да! водевиль есть вещь, а прочее все гиль.
Мы съ нимъ... у насъ... одни и тѣ же вкусы.

Загорѣцкій.

А вы замѣтили, что онъ
Въ умѣ сурьезно поврежденъ?

Репетиловъ.

Какая чепуха!

Загорѣцкій.

Объ немъ всѣ этой вѣры.

Репетиловъ.

Вранье!

Загорѣцкій.

Спросите всѣхъ.

Репетиловъ.

Химеры.

Загорѣцкій.

А, кстати, вотъ князь Петръ Ильичъ,
Княгиня и съ княжнами.

Репетиловъ.

Дичь!

Явленіе 7.

Репетиловъ, Загорѣцкій, Князь и Княгиня съ шестью дочерьми, *немного погодя* Хлёстова *спускается съ парадной лѣстницы*; Молчалинъ *ведетъ ее подъ руку.* Лакеи *въ суетахъ.*

Загорѣцкій.

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мнѣнье,
Безумный Чацкій или нѣтъ?

1-я Княжна.

Какое-жъ въ этомъ есть сомнѣнье?

2-я Княжна.

Про это знаетъ цѣлый свѣтъ.

3-я Княжна.

Дрянскіе, Хворовы, Варлянскіе, Скачковы.—

4-я Княжна.

Ахъ! вѣсти старыя. Кому онѣ новы?

5-я Княжна.

Кто сомнѣвается?

Загорѣцкій.

Да вотъ не вѣритъ...

6-я Княжна *(Репетилову).*

Вы!

Всѣ вмѣстѣ.

Мсье Репетиловъ! вы! Мсье Репетиловъ! что вы!
Да какъ вы! Можно-ль противъ всѣхъ! —
Да почему вы? Стыдъ и смѣхъ.

Репетиловъ *(затыкаетъ себѣ уши).*

Простите, я не зналъ, что это слишкомъ гласно.

Княгиня.

Еще не гласно бы, съ нимъ говорить опасно,
Давно бы запереть пора,

Послушать, такъ его мизинецъ
Умнѣе всѣхъ и даже князь-Петра!
Я думаю, онъ просто якобинецъ,
Вашъ Чацкій!!!... Ѣдемте. Князь, ты везти бы могъ
Катишь или Зизи, мы сядемъ въ шестимѣстной.

Хлёстова *(съ лѣстницы)*.

Княгиня, карточный должокъ!

Княгиня.

За мною, матушка.

Всѣ *(другъ къ другу)*.

Прощайте.

(Княжеская фамилія уѣзжаетъ и Загорѣцкій тоже).

Явленіе 8.

Репетиловъ, Хлёстова, Молчалинъ.

Репетиловъ.

Царь небесный!
Амфиса Ниловна! Ахъ! Чацкій! бѣдный! вотъ!
Что нашъ высокій умъ! и тысячи заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ!

Хлёстова.

Такъ Богъ ему судилъ, а впрочемъ,
Полечатъ, вылечатъ авось;
А ты, мой батюшка, неисцѣлимъ, хоть брось.
Изволилъ во время явиться! —
Молчалинъ, вонъ чуланчикъ твой,
Не нужны проводы; поди, Господь съ тобой.

(Молчалинъ уходитъ къ себѣ въ комнату).

Прощайте, батюшка; пора перебѣситься. *(Уѣзжаетъ)*.

Явленіе 9.

Репетиловъ *(съ своимъ лакеемъ)*.

Репетиловъ.

Куда теперь направить путь?
А дѣло ужъ идетъ къ разсвѣту.
Поди, сажай меня въ карету,
Вези куда-нибудь!

(Уѣзжаетъ).

Явленіе 10.

(Послѣдняя лампа гаснетъ).

Чацкій *(выходитъ изъ швейцарской).*

Что это? слышалъ-ли моими я ушами!
Не смѣхъ, а явно злость. Какими чудесами?
Черезъ какое колдовство
Нелѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ?
И для иныхъ какъ словно торжество,
Другіе будто сострадаютъ...
О! если-бъ кто въ людей проникъ:
Что хуже въ нихъ? душа или языкъ?
Чье это сочиненье?
Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ,
Старухи вмигъ тревогу бьютъ,
И вотъ общественное мнѣнье!
И вотъ та родина... Нѣтъ, въ нынѣшній пріѣздъ,
Я вижу, что она мнѣ скоро надоѣстъ.
А Софья знаетъ-ли? — Конечно, разсказали,
Она не то, чтобы мнѣ именно во вредъ
Потѣшилась, и правда, или нѣтъ,
Ей все равно; другой-ли, я-ли,
Никѣмъ по совѣсти она не дорожитъ.
Но этотъ обморокъ, безпамятство, откуда?? —
Нервъ избалованность, причуда,
Возбудитъ малость ихъ, и малость утишитъ,
Я признакомъ почелъ живыхъ страстей. — Ни крошки,
Она конечно бы лишилась такъ же силъ,
Когда бы кто-нибудь ступилъ
На хвостъ собачки или кошки.

Софія *(надъ лѣстницей во второмъ этажѣ, со свѣчкою).*

Молчалинъ, вы? *(Поспѣшно опять дверь притираетъ).*

Чацкій.

Она! она сама!
Ахъ, голова горитъ, вся кровь моя въ волненьи.
Явилась! нѣтъ ея! неужели въ видѣньи?

Не впрямь-ли я сошелъ съ ума?
Къ необычайности я точно приготовленъ;
Но не видѣнье тутъ — свиданья часъ условленъ.
Къ чему обманывать себя мнѣ самого?
Звала Молчалина, вотъ комната его.

Лакей его съ крыльца.

Каре...

Чацкій.

Ссъ! *(выталкиваетъ его вонъ).*
Буду здѣсь, и не смыкаю глазу,
Хоть до утра. Ужъ коли горе пить,
Такъ лучше сразу,
Чѣмъ медлить, а бѣды медленьемъ не избыть.
Дверь отворяется. *(Прячется за колонну).*

Явленіе 11.

Чацкій *спрятанъ;* Лиза, *со свѣчкой.*

Лиза.

Ахъ! мочи нѣтъ! робѣю:
Въ пустыя сѣни! въ ночь! боишься домовыхъ,
Боишься и людей живыхъ.
Мучительница — барышня, Богъ съ нею.
И Чацкій какъ бѣльмо въ глазу;
Вишь, показался ей онъ гдѣ-то здѣсь внизу.
(Осматривается).
Да, какъ же! по сѣнямъ бродить ему охота!
Онъ, чай, давно ужъ за ворота,
Любовь на завтра поберегъ,
Домой, и спать залегъ.
Однако велѣно къ сердечному толкнуться.
(Стучится къ Молчалину)
Послушайте-съ. Извольте-ка проснуться.
Васъ кличетъ барышня, васъ барышня зоветъ.
Да поскорѣй, чтобъ не застали.

Явленіе 12.

Чацкій *за колонною,* Лиза, Молчалинъ *потягивается и зѣваетъ.*
Софія *крадется сверху.*

Лиза.

Вы, сударь, камень, сударь, ледъ.

Молчалинъ.

Ахъ! Лизанька, ты отъ себя-ли?

Лиза.

Отъ барышни-съ.

Молчалинъ.

Кто-бъ отгадалъ,
Что въ этихъ щечкахъ, въ этихъ жилкахъ
Любви еще румянецъ не игралъ!
Охота быть тебѣ лишь только на посылкахъ?

Лиза.

А вамъ, искателямъ невѣстъ,
Не нѣжиться и не зѣвать бы;
Пригожъ и милъ — кто не доѣстъ
И не доспитъ до свадьбы.

Молчалинъ.

Какая свадьба? Съ кѣмъ?

Лиза.

А съ барышней?

Молчалинъ.

Поди,
Надежды много впереди,
Безъ свадьбы время проволочимъ.

Лиза.

Что вы, сударь! да мы кого-жъ
Себѣ въ мужья другаго прочимъ?

Молчалинъ.

Не знаю. А меня такъ пробираетъ дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павелъ Аѳанасьичъ разъ

Когда-нибудь поймаетъ насъ,
Разгонитъ, проклянетъ!... Да что? открыть-ли душу?
Я въ Софьѣ Павловнѣ не вижу ничего
Завиднаго. Дай Богъ ей вѣкъ прожить богато,
Любила Чацкаго когда-то,
Меня разлюбитъ какъ его.
Мой ангельчикъ, желалъ бы въ половину
Къ ней то же чувствовать, что чувствую къ тебѣ;
Да нѣтъ, какъ ни твержу себѣ,
Готовлюсь нѣжнымъ быть, а свижусь — и простыну.

Софія *(въ сторону)*.

Какія низости!

Чацкій *(за колонною)*.

Подлецъ!

Лиза.

И вамъ не совѣстно?

Молчалинъ.

Мнѣ завѣщалъ отецъ:
Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья;
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платья,
Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была.

Лиза.

Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

Молчалинъ.

И вотъ любовника я принимаю видъ
Въ угодность дочери такого человѣка...

Лиза.

Который кормитъ и поитъ,
А иногда и чиномъ подаритъ?
Пойдемте же, довольно толковали.

Молчалинъ.

Пойдемъ любовь дѣлить плачевной нашей крали.
Дай, обниму тебя отъ сердца полноты. *(Лиза не дастся).*
Зачѣмъ она не ты?

(Хочетъ идти, Софія не пускаетъ).

Софія *(почти шопотомъ; вся сцена вполголоса).*

Нейдите далѣе. Наслушалась я много,
Ужасный человѣкъ! Себя я, стѣнъ стыжусь.

Молчалинъ.

Какъ!... Софья Павловна...

Софія.

Ни слова, ради Бога,
Молчите, я на все рѣшусь.

Молчалинъ *(бросается на колѣна, Софія отталкиваетъ).*

Ахъ! вспомните! не гнѣвайтеся, взгляньте!...

Софія.

Не помню ничего, не докучайте мнѣ.
Воспоминанія! какъ острый ножъ онѣ.

Молчалинъ *(ползаетъ у ногъ ея).*

Помилуйте...

Софія.

Не подличайте, встаньте.
Отвѣта не хочу, я знаю вашъ отвѣтъ,
Солжете...

Молчалинъ.

Сдѣлайте мнѣ милость...

Софія.

Нѣтъ. Нѣтъ. Нѣтъ.

Молчалинъ.

Шутилъ, и не сказалъ я ничего, окромѣ...

Софія.

Отстаньте, говорю, сейчасъ,
Я крикомъ разбужу всѣхъ въ домѣ
И погублю себя и васъ.

(Молчалинъ встаетъ).

Я, съ этихъ поръ, васъ будто не знавала.
Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ
Не смѣйте ожидать, не стоите вы ихъ;
Но чтобы въ домѣ здѣсь заря васъ не застала,
Чтобъ никогда объ васъ я больше не слыхала.

Молчалинъ.

Какъ вы прикажете.

Софія.

Иначе разскажу
Всю правду батюшкѣ, съ досады.
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите. — Стойте, будьте рады,
Что, при свиданіяхъ со мной въ ночной тиши,
Держались болѣе вы робости во нравѣ,
Чѣмъ даже днемъ, и при людяхъ, и въ явѣ.
Въ васъ меньше дерзости, чѣмъ кривизны души.
Сама довольна тѣмъ, что ночью все узнала;
Нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ глазахъ,
Какъ давиче, когда я въ обморокъ упала,
Здѣсь Чацкій былъ...

Чацкій *(бросается между ими)*.

Онъ здѣсь, притворщица!

Лиза и Софія.

Ахъ! Ахъ!...

(Лиза роняетъ свѣчку съ испугу; Молчалинъ скрывается къ себѣ въ комнату).

Явленіе 13.

Тѣ же, кромѣ Молчалина.

Чацкій.

Скорѣе въ обморокъ, теперь оно въ порядкѣ,
Важнѣе давишной причина есть тому.
Вотъ, наконецъ, рѣшеніе загадкѣ!
Вотъ я пожертвованъ кому!
Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшенство умѣрилъ!
Глядѣлъ, и видѣлъ, и не вѣрилъ!

А милый, для кого забытъ
И прежній другъ, и женскій страхъ и стыдъ:
За двери прячется, боится быть въ отвѣтѣ.
Ахъ! какъ игру судьбы постичь?
Людей съ душой гонительница, бичъ! —
Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ!

Софія *(вся въ слезахъ)*.

Не продолжайте; я виню себя кругомъ.
Но кто бы думать могъ, чтобъ былъ онъ такъ коваренъ!

Лиза.

Стукъ! шумъ! Ахъ! Боже мой! сюда бѣжитъ весь домъ.
Вашъ батюшка, вотъ будетъ благодаренъ.

Явленіе 14.

Чацкій, Софія, Лиза, Фамусовъ, толпа слугъ со свѣчами.

Фамусовъ.

Сюда! за мной! скорѣй! скорѣй!
Свѣчей побольше, фонарей!
Гдѣ домовые? Ба! знакомыя все лица!
Дочь, Софья Павловна! Срамница!
Безстыдница! гдѣ? съ кѣмъ! Ни дать, ни взять она,
Какъ мать ее, покойница жена.
Бывало, я съ дражайшей половиной
Чуть врознь: — ужъ гдѣ-нибудь съ мужчиной!
Побойся Бога! Какъ? чѣмъ онъ тебя прельстилъ?
Сама его безумнымъ называла!
Нѣтъ! глупость на меня и слѣпота напала!
Все это заговоръ и въ заговорѣ былъ
Онъ самъ, и гости всѣ. За что я такъ наказанъ!...

Чацкій *(Софіи)*.

Такъ этимъ вымысломъ я вамъ еще обязанъ?

Фамусовъ.

Братъ, не финти, не дамся я въ обманъ,
Хоть подеретесь — не повѣрю.

Ты, Филька, ты прямой чурбанъ!
Въ швейцары произвелъ лѣнивую тетерю,
Не знаетъ ни про что, не чуетъ ничего.
Гдѣ былъ? куда ты вышелъ?
Сѣней не заперъ для чего?
И какъ не досмотрѣлъ? и какъ ты не дослышалъ?
Въ работу васъ! на поселенье васъ!
За грошъ продать меня готовы.
Ты, быстроглазая! все отъ твоихъ проказъ!
Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды и обновы;
Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить!
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка въ избу, маршъ, за птицами ходить!
Да и тебя, мой другъ, я, дочка, не оставлю;
Еще дни два терпѣнія возьми:
Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ съ людьми;
Подалѣе отъ этихъ хватовъ,
Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!
Тамъ будешь горе горевать,
За пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать.
А васъ, сударь, прошу я толкомъ,
Туда не жаловать ни прямо, ни проселкомъ;
И ваша такова послѣдняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будетъ заперта:
Я постараюсь, я, въ набатъ я пріударю,
По городу всему надѣлаю хлопотъ,
И оглашу во весь народъ;
Въ Сенатъ подамъ, Министрамъ, Государю.

Чацкій *(послѣ нѣкотораго молчанія).*

Не образумлюсь... виноватъ,
И слушаю, не понимаю,
Какъ будто все еще мнѣ объяснить хотятъ,
Растерянъ мыслями... чего-то ожидаю. *(Съ жаромъ)*
Слѣпецъ! я въ комъ искалъ награду всѣхъ трудовъ!
Спѣшилъ!... летѣлъ! дрожалъ! вотъ счастье, думалъ, близко!
Предъ кѣмъ я давиче такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!

А вы! о, Боже мой! кого себѣ избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли!
Зачѣмъ меня надеждой завлекли?
Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ?!
Что память даже вамъ постыла
Тѣхъ чувствъ, въ обоихъ насъ движеній сердца тѣхъ,
Которыя во мнѣ ни даль не охладила,
Ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ.
Дышалъ, и ими жилъ, былъ занятъ безпрерывно!
Сказали бы, что вамъ внезапный мой пріѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки, все противно —
Я съ вами тотчасъ бы сношенія пресѣкъ,
И передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться,
Не сталъ бы очень добираться,
Кто этотъ вамъ любезный человѣкъ?... *(Насмѣшливо)*
Вы помиритесь съ нимъ по размышленьи зрѣломъ.
Себя крушить, и для чего!
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и спосылать за дѣломъ.
Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ женинныхъ пажей,
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей. —
Довольно!... съ вами я горжусь моимъ разрывомъ.
А вы, сударь, отецъ, вы, страстные къ чинамъ,
Желаю вамъ дремать въ невѣдѣньи счастливомъ,
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ.
Другой найдется, благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами, наконецъ,
Онъ будущему тестю равный.
Такъ! отрезвился я сполна,
Мечтанья съ глазъ долой и спала пелена;
Теперь не худо-бъ было сряду
На дочь и на отца,
И на любовника-глупца,
И на весь міръ излить всю желчь и всю досаду.
Съ кѣмъ былъ! Куда меня закинула судьба!

Всѣ гонятъ! всѣ клянутъ! мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ.
Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ —
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышетъ воздухомъ однимъ,
И въ немъ разсудокъ уцѣлѣетъ.
Вонъ изъ Москвы! сюда я больше не ѣздокъ.
Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ! —
Карету мнѣ, карету! *(уѣзжаетъ)*.

Явленіе 15.

Кромѣ Чацкаго.

Фамусовъ.

Ну что? Не видишь ты, что онъ съ ума сошелъ?
Скажи сурьезно;
Безумный! что онъ тутъ за чепуху мололъ!
Низкопоклонникъ! тесть! и про Москву такъ грозно!
А ты меня рѣшилась уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна?
Ахъ! Боже мой! что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна!

Конецъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ТЕКСТЪ МУЗЕЙНАГО АВТОГРАФА „ГОРЯ ОТЪ УМА“.

Горе отъ ума.

Комедія въ стихахъ въ 4-хъ Актахъ.

(Происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ Павла Петровича Фамусова).

АКТЪ I-й.

Гостиная, въ ней большіе часы, съ права дверь въ спальню Софіи, оттудова слышно фортепіяно съ флейтою, которые потомъ умолкаютъ. Лизанька середи комнаты спитъ свѣсившись съ кресель. (Утро Чуть день брежжется.

Лизанька.

(вдругъ просыпается, встаетъ съ кресель, оглядывается)

Свѣтаетъ!... Ахъ, какъ скоро ночь минула!
Вчера просилась спать: — отказъ.
„Ждемъ друга". — Нуженъ глазъ, да глазъ,
Не спи, покудова покатишься со стула.
Теперь вотъ только, что вздремнула,
Ужь день!.... Сказать имъ,
(стучится къ Софьѣ)
Господа,
Эй Софья Павловна, бѣда.
Зашла бесѣда ваша за̀ ночь.
Вы глухи? Алексѣй Степаночь.
Сударыня!.... — И страхъ ихъ неберетъ!
(отходитъ отъ дверей)

Заглавіе сначала было: „Горе уму".

Въ описаніи сцены сначала было: „Гостинная комната"; „оттудова" переправлено изъ „откудова".

Стихъ 1. „Лизанька" — изъ „Лизынька".

Стихъ 2. Въ началѣ стояло: „Жизнь! жизнь!", потомъ эти слова зачеркнуты.

Ст. 3. Точка и тире поставлены вмѣсто бывшей раньше запятой.

Ст. 4. Сначала было: „Крауль, покудова".

Ну гость неприглашенный,
Быть можетъ батюшка войдетъ.
Прошу служить у барышнѣ влюбленной!
(опять къ дверямъ)
Да расходитесь. Утро. — Что-съ?
(голосъ Софьи)
Который часъ?

Лизынька.

Все въ домѣ поднялось.

Софія *(изъ своей комнаты)*

Который часъ?

Лизанька.

Седьмый, осьмый, девятый.

Софія *(оттудоваже)*

Неправда.

Лизанька *(прочь отъ дверей)*

Ахъ! Амуръ проклятый!
Ни вѣрить не хотятъ, ни слышать, ни видать.
Ну что-бы ставни имъ отнять?
Переведу часы, заставлю бить ихъ звонко,
И музыку пущу.
(лезитъ на стулъ, передвигаетъ стрѣлку, часы бьютъ и играютъ)

СЦЕНА 2-ая.

Лиза Фамусовъ.

Лиза

Ахъ! баринъ.

Фамусовъ.

Баринъ, да.

(останавливаетъ часовую музыку)

Вѣдь экая шалунья ты дѣвчонка.
Не могъ придумать я, что это за бѣда!
То флейта, слышится, то будто фортопіяно;
Для Софьи слишкомъ было-бъ рано?? . . .

Ст. 19. Сначала было: „Хоть ставни бы на умъ пришло отнять".

Ст. 21. Въ ремаркѣ сначала было: „часовую стрѣлку". Сцены 2-ая, 3-ья и 4-ая до 154 стиха переписаны чужою рукой, что и отмѣчено у насъ въ наборѣ вертикальной чертой.

Лиза

Нѣтъ сударь, я.... лишь не взначай

Фамусовъ.

Вотъ то-то невзначай за вами примѣчай
Такъ вѣрно съ умысломъ. *(Жмется къ ней и заигрываетъ).*
Охъ! зельи, баловницы:

Лиза.

Вы баловникъ, къ лицуль вамъ эти лицы!

Фмсвъ.

Скромны, а ничего кромѣ
Проказъ и вѣтру на умѣ.

Лиза

Пустите, вѣтренники сами,
Опомнитесь, вы старики....

Фмсвъ.

Почти.

Лиза.

Ну кто придетъ, куда мы съ вами?

Фмсвъ.

Кому сюда придти?
Вѣдь Софья спитъ?

Лиза.

Сей часъ започивала.

Фмсвъ.

Сей часъ! А ночь?

Лиза.

Ночь цѣлую читала

Фмсвъ.

Вишь прихоти какія завелись!

Лиза.

Все по Французски вслухъ, читаетъ запершись.

Фмсвъ.

Скажи-ка, что глаза ей портить негодится,
И въ чтеньи прокъ-та невеликъ:
Ей сна нѣтъ отъ Французскихъ книгъ,
А мнѣ отъ Русскихъ больно спится.

Лиза.

Что встанетъ доложусь,
Извольте-же идти, разбудите боюсь.

Фмсвъ.

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь кварталъ симфонію гремишь.

Лиза. *(какъ можно громче)*

Да полноте-съ

Фамусовъ. *(зажимаетъ ей ротъ)*

Помилуй какъ кричишь
Съ ума ты сходишь.

Лиза.

Боюсь чтобы не вышло изъ того — — — —

Фмсвъ.

Чего?

Лиза

Пора сударь вамъ знать, вы неребёнокъ,
У дѣвушекъ сонъ утренній какъ тонокъ,
Чуть дверью скрыпнешь, чуть шепнешь:
Все слышутъ.

Фмсвъ.

Все ты лжешь.

Голосъ Софіи.

Эй Лиза!

Фамсвъ *торопливо*

Тсъ! *(Крадится вонъ изъ комнаты на цыпочкахъ)*

Лиза *одна*

Ушелъ — — — — Ахъ! отъ Господъ подалѣй;
У нихъ бѣды себѣ на всякій часъ готовь,
Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ, и барская любовь

СЦЕНА 3-я.

Лиза, Софія со свѣчькой за ней Молчалинъ.

Софія.

Ну что-жь ты Лиза хлопотала?

Лиза.

Конечно вамъ разстаться тяжело?
До свѣта запершись, и кажется все мало?

Софія.

Ахъ! въ самомъ дѣлѣ разсвѣло!
(тушитъ свѣчу)
И свѣтъ и грусть. Какъ быстры ночи!

Лиза.

Тужите знай, со стороны нѣтъ мочи,
Сюда вашъ батюшка зашелъ, я обмерла,
Вертелась передъ нимъ, не помню что врала,
На силу вынесъ Богъ. Для нашей, сударь чести,
Ступайте, сердце не на мѣстѣ,
Смотрите на часы, по выгляньте въ окно
Валитъ народъ по улицамъ давно
А въ домѣ стукъ, ходня метутъ и убираютъ

Софія.

Щастливые часовъ ненаблюдаютъ

Лиза.

Не наблюдайте, ваша власть,
А что въ отвѣтъ за васъ конечно мнѣ попасть.

Софія *(Молчалину)*

Идите цѣлый день еще потѣрпимъ скуку

Лиза.

Богъ съ вами-съ, прочь возьмите руку.

(разводитъ ихъ, Молчалинъ въ дверяхъ сталкивается съ Фамусовымъ)

СЦЕНА 4-ая

Софія Лиза, Молчалинъ, Фамусовъ.

Фамусовъ.

Что за оказія! Молчалинъ, ты братъ?

Молчалинъ.

Я-съ

Фамусовъ.

Зачѣмъ-же здѣсь? и въ етотъ часъ?
И Софья!... Здравствуй Софья, что ты
Такъ рано поднялась! а? для какой заботы?
И какъ васъ Богъ не въ пору вмѣстѣ свелъ?

Софія.

Онъ только, что теперь вошелъ.

Молчалинъ.

Сей часъ — съ прогулки.

Фамусовъ.

Братъ Молчалинъ,
Гуляешь возлѣ женскихъ спаленъ!
А ты Сударыня, чуть изъ постели прыгъ,
Съ мущиной! съ молодымъ! — Занятье для дѣвицы,
Всю ночь читаетъ небылицы,
И вотъ плоды отъ этихъ книгъ!
А все Кузнецкій мостъ и вѣчные Французы,
Оттуда моды къ намъ и Авторы и Музы.
Губители кормановъ и сердецъ!
Когда избавитъ насъ Творецъ
Отъ шляпокъ ихъ, чепцевъ и шпилекъ, и булавокъ!
И книжныхъ и бисквитныхъ лавокъ! —

Софія.

Позвольте батюшка, кружится голова,
Я отъ испугу духъ перевожу едва,
Изволили вбѣжать вы такъ проворно,
Смѣшалась я. —

Фамусовъ.

Благодарю покорно,
Я скоро къ нимъ вбѣжалъ!
Я помѣшалъ! я испужалъ!
Я Софья Павловна, и самъ встревоженъ очень,
И безъ того ужь многимъ озабоченъ:
По должности, по службѣ хлопотня,
Другъ, не другъ-ли, всѣмъ дѣло до меня,
Но ждалъ ли худшаго? Чтобъ былъ тобой обманутъ...

Софія *(сквозь слезы)*

Какъ батюшка?

Фамсвъ.

Вотъ попрекать мнѣ станутъ,
Что безъ толку всегда журю.
Не плачь я дѣло говорю:
Ужь объ твоемъ-ли нерадѣли,
Объ воспитаньи! съ колыбели!
Мать умерла: умѣлъ я принанять
Въ мадамъ Розье вторую мать.
Старушку золото въ надзоръ къ тебѣ приставилъ:
Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ правилъ.
Одно не къ чести служитъ ей:
За лишнихъ въ годъ пять сотъ рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не въ Мадамѣ сила.
Не надобно инаго образца,
Когда въ глазахъ примѣръ отца.
Смотри ты на меня: нехвастаю сложеньемъ
Однако бодръ и свѣжь и дожилъ до сѣдинъ
Свободенъ, вдовъ себѣ я Господинъ:—
Монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ!...

Лиза.

Осмѣлюсь я Сударь

Фмсвъ.

Молчать:
Ужасный вѣкъ! Незнаешь, что начать!
Всѣ умудрились неполѣтамъ.
А пуще дочери, да сами добряки,
Дались намъ эти языки
Беремъ-же побродягъ и въ домъ и по билетамъ
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему

И танцамъ и пѣнью, и нѣжностямъ и вздохамъ,
Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ.
Ты посѣтитель что? Ты, сударь, здѣсь къ чему?
Безроднаго пригрѣлъ и ввелъ въ мое семейство
Далъ чинъ Ассесора, и взялъ въ Секретари,
Въ Москву переведенъ черезъ мое содѣйство,
И будь не я, коптѣлъ бы ты въ Твери

Софія

Я гнѣва вашего никакъ нерастолкую.
Онъ въ домѣ здѣсь живетъ, великая напасть.
Шелъ въ комнату, попалъ въ другую.

Фмсвъ

Попалъ или хотѣлъ попасть?
Да вмѣстѣ вы зачѣмъ? Нельзя чтобы случайно. —

Софія.

Вотъ въ чемъ однако случай весь.
Какъ давиче вы съ Лизой были здѣсь,
Перепугалъ меня вашъ голосъ чрезвычайно
И бросилась сюда я со всѣхъ ногъ. — — — — —

Фмсвъ.

Пожалуй на меня вину еще всю сложитъ.
Не въ пору голосъ мой надѣлалъ имъ тревогъ! —

Софія.

По смутномъ снѣ бездѣлица тревожитъ,
Сказать вамъ сонъ: поймете вы тогда

Фмсвъ.

Что за Исторія?

Софія

Вамъ сказать?

Фмсвъ

Ну да.
(Фамусовъ садится)

Ст. 153. Неправильный размѣръ; быть можетъ, описка: исторія вм. исторья.

Софія.

Въ саду была, цвѣты безщетно тамъ пестрѣли,
Искала я, мнѣ чудилось, траву
Какую-то, невспомню на еву.
Въ Ирисахъ, въ бархатцахъ, въ левкояхъ и въ синели,
Да гдѣ ихъ всѣхъ назвать?
Изъ силъ я выбилась и бросила искать,
Приподнялась: Вдругъ кѣмъ-то по неволѣ,
Изъ саду выхвачена въ поле.
Передо мной откуда нивзялся
Премилый человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ кого мы
Увидимъ будто вѣкъ знакомы.
Былъ робокъ онъ сперва, потомъ въ любви клялся,
Потомъ.... невзвидѣла я свѣта.

Фмсвъ

Какая небылица эта!
И милый человѣкъ, кто онъ?

Софія.

Я вамъ докладываю: сонъ.
Вотъ послѣ этого: садъ, поле, все пропало.
Мы въ комнатѣ, въ пустой, вдвоемъ,
Намъ очень грустно, горько стало,
Тужили мы, Богъ вѣдаетъ о чемъ,
И тутъ къ приумноженью скуки,
Отъ фортопіянъ и флейты издали
Печальные къ намъ прорывались звуки,
Отъ нихъ унынье...

Фмсвъ.

Не ужь-ли?
Я тоже слышалъ, и какъ ярко, *(указываетъ на Лизу)*
Къ разсвѣту, я не спалъ, а все она штукарка.

Софія.

Такъ будто-бы середь тюрьмы
И я, и другъ мой новый,

Ст. 172. Первоначально:

И будто смерть намъ грустно, горько стало

Ст. 174. Первоначально:

И тутъ еще къ приумноженью скуки

Ст. 180. Начинался словомъ „И“, оно зачеркнуто, надписано „Такъ“

Грустили долго, долго мы.
Онъ все ропталъ, на жребій свой суровый,
Что не къ добру любовь его манитъ,
Что небогатъ, и вамъ неугодитъ.

Фмсвъ.

Ахъ! матушка, недовершай удара,
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ непара.

Софія.

Все это сонъ. Дослушайте каковъ.
Какъ между думъ, и между словъ,
Забылись мы, и шли часы покуда:
Полъ вскрылся, встали вы оттуда
Смерть на щекахъ, и дыбомъ волоса.
Тутъ разное смѣшенье! чудеса!...
Полкъ всякихъ лицъ, раздался шумъ побоищь,
Свирѣпые другъ друга рвали, жгли,
Вы въ пропасть за собой меня влекли,
Насъ провожаютъ стонъ, ревъ, хохотъ, свистъ чудовищь!
Онъ въ слѣдъ кричитъ!....—
Проснулась.—Вотъ здѣсь кто-то говоритъ:
Прислушалась:—вашъ голосъ, что такъ рано!
Бѣгу сюда, и васъ обѣихъ нахожу.

Фмсвъ.

Да. Дуренъ сонъ; какъ погляжу
Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана:
И черти, и любовъ, и флейты, и цвѣты.
Ну, сударь мой а ты?

Молчалинъ.

Я слышалъ голосъ вашъ.

Фмсвъ.

Забавно!
Дался имъ голосъ мой, и какъ себѣ исправно
Всѣмъ слышится, и всѣхъ сзываетъ до зари!
На голосъ мой спѣшилъ за чѣмъже?—говори.

Молчалинъ.

Съ бумагами-съ.

Ст. 185. „Онъ“, передѣлано въ „Что“.

Инв. Ист. Муз. № 40865

Горе ~~Уму~~ отъ Ума

Комедія въ стихахъ въ 4х Актахъ.

(Происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ Павла Петровича Фамусова)

Актъ 1й

Гостинная ~~комната~~, въ ней большие часы, справа дверь въ спальню Софіи, откудова слышно фортепіяно съ флейтою, которые потомъ умолкаютъ. Лизанька среди комнаты спитъ свѣсившись съ креселъ.

(Утро чуть день брезжится.

Лизанька.

(вдругъ просыпается, встаетъ съ креселъ, оглядывается)

Свѣтаетъ!... Ахъ, какъ скоро ночь минула!
~~Ищешь! друзья.~~ Вчера просилась спать — отказъ.
„Ждемъ друга" — Нуженъ глазъ, да глазъ;
Не спи, ~~Карауль~~, покуда покатишься со стула.
Теперь вотъ только, что вздремнула,
Ужъ день!... Сказать имъ,

(стучится къ Софіи)

Господа,
Эй! Софья Павловна, бѣда.

Сцена 4ая

Софія Лиза, Молчалинъ, Фамусовъ.

Фамусовъ.

Что за оказия! Молчалинъ, ты братъ?

Молчалинъ.

Я-съ

Фамусовъ.

За чѣмъ-же здѣсь? и въ этотъ часъ?
И Софья!... Здравствуй Софья, что ты
Такъ рано поднялась! а? для какой заботы?
И какъ васъ Богъ не въ пору вмѣстѣ свелъ?

Софія.

Онъ только, что теперь вошелъ.

Молчалинъ.

Сей часъ-съ прогулки.

Фамусовъ.

Братъ Молчалинъ,
Гуляешь возлѣ женскихъ спаленъ!
А ты Сударыня, чуть изъ постели прыгъ,
Съ мужчиной! съ молодымъ! — Занятье для дѣвицы;
Всю ночь читаетъ небылицы,
И вотъ плоды отъ этихъ книгъ!
А все Кузнецкій мостъ и вѣчные Французы,
Оттуда моды къ намъ и Авторы и Музы.
Губители кармановъ и сердецъ!
Когда избавитъ насъ Творецъ
Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ и шпилекъ, и булавокъ!
И книжныхъ и бисквитныхъ лавокъ! —

Музейный автографъ, листъ 3-ій оборотъ (почеркъ перваго переписчика).

Фмсвъ.

Да, ихъ недоставало.
Помилуйте, что это вдругъ припало
Усердье къ письменнымъ дѣламъ!
(встаетъ)
Ну, Сонюшка, тебѣ покой я дамъ:
Бываютъ странны сны, а на еву страннѣе,
Искала ты себѣ травы,
На друга набрела скорѣе.
Повыкинь вздоръ изъ головы,
Не занимайся этимъ чадомъ.
Поди-ка, лягъ, усни опять.
(Молчалину)
Идемъ бумаги разбирать.

Молчалинъ.

Я только къ вамъ ихъ несъ съ докладомъ,
Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ, безъ иныхъ,
Противурѣчья есть, и многое недѣльно.

Фмсвъ.

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтобъ множества ненакоплялось ихъ.
Дай волю вамъ, оно бы и засѣло.
А у меня, что дѣло, что недѣло,
Обычай мой такой:
Подписано, такъ съ плечь долой.
(уходитъ съ Молчалинымъ; въ дверяхъ пропускаетъ его впередъ)

СЦЕНА 5-ая.

Софія П-вна, Лиза.

Лиза.

Ушли они. Тоскуйте на досугѣ,
Вотъ вамъ и другъ, толкуйте-ка объ другѣ:
Въ глазахъ темно и замерла душа,
Грѣхъ не бѣда, молва нехороша.

Ст. 212. Было: „тяжебнымъ".
Ст. 220. Было „Идемъ, сударь".
Ст. 229. Въ ремаркѣ было: „пропускаетъ его прежде себя".
Ст. 230 — 234. Первоначально было:

Ушли они. Ахъ! всю меня коробитъ!
Въ глазахъ темно и замерла душа,
Исторія вамъ ваша непособитъ,
Грѣхъ не бѣда, молва нехороша.

Софія.

Предвижу я, достанется терпѣть!
Мнѣ не страшна людская слава,
Да какъ теперь успѣть
Укрыть себя отъ батюшкина нрава??
Несправедливъ и недовѣрчивъ, скоръ,
Таковъ всегда, а съ этихъ поръ
Ты можешь посудить, ужъ будутъ намъ гоненья

Лиза.

Вотъ то-то-съ моего вы глупаго сужденья
Нежалуете никогда:
Анъ вотъ бѣда.
На что вамъ лучшаго пророка?
Твердила я въ любви не будетъ въ этой прока
Ни во вѣки вѣковъ.
Какъ всѣ Московскіе вашъ батюшка таковъ:
Желалъ-бы онъ звѣзду на зятѣ,
А кто въ звѣздахъ не всѣ богате,
Такъ видитель къ тому-бъ
Доходцы были чтобъ не малы.
Вотъ напримѣръ Полковникъ Скалазубъ,
И золотый мѣшокъ, и метитъ въ Генералы.

Ст. 236. Сначала было: „съумѣть“.
Ст. 240. Первоначально было:

Ты можешь посудить...

Лиза.

Охти-съ не по расказамъ:
2 1
Изволитъ васъ онъ запереть со мной,
Молчалина же разомъ
Съ двора долой.

Софія.

Меня къ монастырю скорѣе заохотятъ,
Ахъ нѣтъ! куда его, и я за нимъ же вслѣдъ.

Лиза.

А ежели-съ поймаютъ, да воротятъ.

Софія.

Да полно Лизынька. Какой несносный бредъ!
Знать мнѣ не отъ тебя дождаться утѣшенья.

Софія.

Куда хорошь! Толкуетъ все про честь,
Про шпаги и кресты, крестовъ неперечесть,
А слова умнаго невыговорилъ съ роду,
Мнѣ все равно, что за него, что въ воду.

Лиза.

Да-съ, правду молвить нехитеръ.
Но будь военный, будь онъ Статскій,
Ктожь веселъ и уменъ, и ловокъ и остеръ,
Какъ Александръ Андрѣичь Чадскій?
Теперь другій вамъ больше милъ,
А помнится онъ непротивенъ былъ.

Софія.

Не потому-ли, что такъ славно
Зло говорить умѣетъ обо всѣхъ?
А мнѣ оно забавно?
Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ.

Лиза.

А чѣмъ былъ плохъ вашъ прежній вкусъ-то?

Софія.

Чѣмъ? Прежде я незнала никого,
Съ кѣмъ сердце небываетъ пусто.
Теперь.... Молчалинъ мой! какъ нелюбить его?
Какъ будто свыклись съ малолѣтства. —
Грустна: — онъ безъ ума помочь мнѣ ищетъ средства,
Смѣюсь, тужу непочему:
Посмотришь въ томъ и жизнь и смерть ему.
Безпечна я: онъ за меня боится,
Задумаюсь: — онъ прослезится.

Лиза.

Чтожь? Александръ Андреичь, нѣтъ?
Не тажь любовь, хоть разнаго покроя?
Вотъ съ нимъ-то прямо съ малыхъ лѣтъ
Росли, рѣзвились, вѣчно двое.

Софія.

Спроси его, привязанъ онъ къ чему,
Окромѣ шутки, вздора?

Всѣхъ въ прихоть жертвуетъ уму,
Что встрѣча съ нимъ у насъ, то ссора.

Лиза.

Гдѣ носится, изъ края въ край?
Лечился на водахъ отъ груди,
Отъ скуки чай...

Софія.

И вѣрно радъ гдѣ посмѣшнѣе люди.
Кого люблю я не таковъ,
Не оскорбитъ, врагъ острыхъ словъ,
Безъ хитрости, Онъ промолчитъ день цѣлый,
И словно дѣвушка несмѣлый.
Мы ночи съ нимъ, какъ ни на есть,
Сидимъ, а на дворѣ давно ужъ побелѣло,
Какъ думаешь? чѣмъ заняты?

Лиза.

Богъ вѣсть,
Сударыня, мое-ли это дѣло?

Софія.

Возьметъ онъ руку, къ сердцу жметъ,
Проходитъ часъ, другій проходитъ,
Чуть слова два произнесетъ,
Рука съ рукой, и глазъ съ меня несводитъ. —
Смѣешься ты? съ ума сошла?
Пора-ли хохоту такому!

Лиза.

Мнѣ-съ ваша тетушка на умъ теперь пришла,
Какъ молодый французъ сбѣжалъ у ней изъ дому.
Голубушка! хотѣла схоронить
Свою досаду, не съумѣла:
Забыла волосы чернить,
И черезъ три дни поседѣла.

(продолжаетъ хохотать)

Софія *(съ огорченіемъ)*

Вотъ такъ же обо мнѣ потомъ заговорятъ.

Лиза.

Простите, право какъ Богъ святъ,
Пыталась я, чтобъ этотъ смѣхъ дурацкій
Васъ несколько развеселить помогъ.

СЦЕНА 6-ая.

Софія Пав-вна, Лиза, Слуга, за нимъ Чадскій.

Слуга.

Къ вамъ-съ Александръ Андрѣичь Чадскій.
(уходитъ)

СЦЕНА 7-ая.

Софія П-вна, Лиза, Чадскій.

Чадскій.

Чуть свѣтъ ужь на ногахъ! и я у вашихъ ногъ.
(съ жаромъ цѣлуетъ руку)
Вы отъ меня нежданы этой прыти?
Чтожь раде? нѣтъ? Въ лице мнѣ посмотрите,
Удивлены? и только? вотъ пріемъ!
Какъ будто-бы недалѣе недѣли,
Какъ будто бы вчера, вдвоемъ
Мы мочи нѣтъ другъ другу надоѣли.
Ни на волосъ любви! страхъ милы! хороши!
И между тѣмъ, невспомнюсь, безъ души.
Я сорокъ пять часовъ глазъ мигомъ неприщуря,
Чрезъ седмь сотъ верстъ, пронесся вѣтеръ, буря,
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ,
И вотъ за подвиги награда.

Софія.

Ахъ! Чадскій, я вамъ очень рада.

Чадскій.

Вы раде? Въ добрый часъ.
Однако искренно, ктожь радуется эдокъ,
Мнѣ кажется, такъ напослѣдокъ

Ст. 312. Начинался: „Хотѣла“.
Ст. 315. Начинался прежде: „Такъ рано на ногахъ“.

Людей и лошадей знобя,
Я только тѣшилъ самъ себя.

Лизынька

Вотъ, сударь естлибы вы были за дверями,
Ей Богу! нѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали васъ мы тутъ,
Сударыня, скажите сами.

Софія.

Нетолько, что теперь,
Я никогда нестоила упрёка.
Кто только въ дверь
Являлся къ намъ заѣзжій изъ далека:
Съ вопросомъ я тотчасъ, будь онъ морякъ,
Что невстрѣчалъ-ли гдѣ васъ въ почтовой каретѣ?

Чадскій.

Положемте, что такъ.
Блаженъ кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ...—
Ахъ! Боже мой! ужь ли я здѣсь опять
Въ Москвѣ! у васъ! да какъже васъ узнать!
Гдѣ время то? гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда бывало въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ тутъ и тамъ.
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ.
Или вашъ батюшка съ Мадамой за пикетомъ,
Мы въ темномъ уголкѣ, и кажется, что въ этомъ
Вы помните? вздрогнемъ, чуть скрипнетъ столикъ, дверь

Софія.

Ребячество.

Чадскій.

Да-съ, а теперь
Въ седмнадцать лѣтъ вы разцвѣли прелестно,
Неподражаемо, и это вамъ извѣстно,
И потому скромны, чуть смотрите на свѣтъ.
Невлюблены-ли вы? прошу мнѣ дать отвѣтъ
Безъ думы, полноте смущаться.

Ст. 353 начинался: „Я въ темномъ уголкѣ“.

Софія.

Какъ несмутится мнѣ? Отъ васъ нѣтъ оборонъ,
Вы обзираете меня со всѣхъ сторонъ.

Чадскій.

Помилуйте, не вамъ чемуже удивляться?
Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два.
Тотъ сватался: успѣлъ, а тотъ далъ промахъ.
Все тотъже толкъ; и тѣжь стихи въ Альбомахъ.

Софія.

Гоненье на Москву. Что значитъ видѣть свѣтъ.
Гдѣжь лучше?

Чадскій.

Гдѣ насъ нѣтъ.
Ну что вашъ батюшка? все Англійскаго Клуба
Миритель спорщиковъ, и споритъ такъ, что любо?
Вашъ дядюшка отпрыгалъ-ли свой вѣкъ?
А этотъ, какъ его, онъ Турокъ или Грекъ,
Извѣстенъ всѣмъ, живетъ на рынкахъ?
Князь? или Графъ? Кто онъ таковъ?
Опустошитель всѣхъ столовъ
На свадьбахъ и поминкахъ?
А трое изъ бульварныхъ лицъ?
Которые съ полвѣка молодятся,
Родныхъ милліонъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко, нашъ кладъ;
На лбу написано: Театръ и Маскерадъ,
Домъ зеленью раскрашенъ въ видѣ рощи,
Самъ толстъ, его Артисты тощи.
На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ
За ширмами въ одной изъ комнатъ
Былъ спрятанъ человѣкъ, и щолкалъ соловьемъ,
Въ знакъ, что зимою лѣто помнятъ.

Ст. 368. Сначала было:

Гоненье на Москву. Знакомъ вамъ прочій свѣтъ

Ст. 376. Было: „Распорядитель всѣхъ столовъ“.
Ст. 382. Первоначально:

А толстый жизни другъ? для насъ бывало кладъ;

А тотъ чахоточный родня вамъ, книгамъ врагъ,
Въ ученый Комитетъ, который поселился,
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто незналъ и неучился?
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой.
Жить съ ними надоѣстъ, и въ комъ не съищемъ пятенъ?
Когдажь пространствуемъ, воротимся домой,
И дымъ Отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

Софія.

Вотъ васъ-бы съ тетушкою свесть,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть.

Чацкій.

А тетушка? все дѣвушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?
Ахъ! къ воспитанью перейдемъ,
Что нынче также, какъ издревле
Хлопочатъ набирать учителей полки
Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?

Ст. 390. „Родня“ передѣлано изъ недописаннаго слова: „знак“.
Ст. 395. Было: „не съищешь“.
Ст. 401. Послѣ этого стиха зачеркнуто:

Съ ней Докторъ Фаціусъ? Онъ вамъ нерасказалъ?
Его прилипчивой болезнью я пугалъ,
Что будтобы Смоленскъ опустошаетъ,
Мы въ Вязьмѣ съѣхались, вотъ онъ и разсуждаетъ:
Хотѣлось-бы въ Бреслау, да врятъ-ли попадетъ,
Когда на пол-пути умретъ,
Сюда назадъ давай Богъ ноги.

Софія.

Смѣялись мы, хоть мнимую чуму
Другой дорогою объѣхать-бы ему.

Чацкій.

Какъ будто есть у Нѣмца двѣ дороги!
А Гильоме? французъ, подбитый вѣтеркомъ?
Онъ не женился-ли?

Стихи 402—415 и 422—425 написаны на отдѣльномъ листѣ чужою рукою, при чемъ знаками отмѣчено, куда ихъ вставить.
Ст. 406. Было: „Числомъ побольше бы“.

x) Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?
Ахъ! къ воспитанью перейдемъ,
что нынче также, какъ издревле
Хлопочатъ набирать учителей полки
Числомъ поболь~~ше~~ де, цѣною подешевле.
Въ своей землѣ иноплеменники
Въ Россіи подъ великимъ штрафомъ
~~Велятъ~~ Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и Географомъ.
Я не могу забыть учительскій халатъ,
Перстъ указательный, иные ученья
Какъ наши робкие тревожили умы,
Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы
Что нѣтъ спасенья намъ безъ Нѣмца.

\# ✕ А бывши ~~тут~~ куда глаза ни обратишь,
Кто противъ личности волшебной устоитъ?
Живемъ мы такъ давно, такъ дружно, такъ
Со всякимъ встрѣчнымъ удальцомъ (семейно) изъ за Рейна.

Съ подлиннымъ вѣрно
[illegible]

Музейный автографъ, листъ 14-ый (почеркъ второго переписчика).

Музейный автографъ, листъ 16 оборотъ (на половину обрѣзанный).

Въ своей землѣ истопники
Въ Россіи подъ великимъ штрафомъ
Намъ каждаго признать вѣлятъ
Историкомъ и Географомъ.
Я не могу забыть учительскій халатъ,
Перстъ указательный, сіяніе гуменца,
Какъ наши робкіе тревожили умы,
Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы
Что ничего нѣтъ выше Нѣмца.
А Гильоме, Французъ, подбитый вѣтеркомъ?
Онъ не женатъ еще?

Софія.

На комъ?

Чацкій.

Хоть на какой нибудь Княгинѣ
Пульхеріи Андревнѣ на примѣръ?

Софія.

Танцмейстеръ! можно-ли!

Чацкій.

Ну онъ и Кавалеръ.
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ,
А Гильоме, куда глаза ни обратитъ,
Кто противъ легкости волшебной устоитъ?
Живемъ мы такъ давно, такъ дружно, такъ семейно
Со всякимъ вертуномъ залётнымъ изъ за Рейна.
Чтобъ незабыть. Здѣсь нынче тонъ каковъ?
На съѣздахъ на большихъ по праздникамъ приходскимъ
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ
Французскаго съ Нижегородскимъ?

Ст. 409. Начинался: „Въ нихъ“.
Стихи 418, 420, 430, 432 и 447 — „Чацкій“ передѣлано изъ „Чадскій“, какъ и въ сценахъ 8-й и 9-й.
Стихи 422—425. Первоначально:

А Гильоме, куда глаза не кинь,
На нашихъ Дамъ, Госпожь Княгинь,
Подъ пару всѣ ему поддѣлаться успѣли,
Мадамъ достойнѣйшихъ питомицы, Мамзели.

Эти стихи зачеркнуты, вставка вмѣсто нихъ вписана чужою рукой на томъ же листѣ.

Софія.

Смѣсь языковъ?

Чацкій.

Да двухъ, безъ этого нельзяжь.

Софія

Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить, какъ вашъ.

Чацкій.

По крайнѣй мѣрѣ ненадутый.
Вотъ новости! — Я пользуюсь минутой,
Свиданьемъ съ вами оживленъ,
И говорливъ, а развѣ нѣтъ временъ,
Что я Молчалина глупѣе. Гдѣ онъ кстати?
Еще-ли несломилъ безмолвія печати?
Бывало пѣсенокъ гдѣ новинькихъ тетрать
Увидитъ, скажетъ тутъ: „пожалуйте списать“
А впрочемъ быть ему у насъ въ людяхъ извѣстныхъ,
Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ.

Софія *(въ сторону)*

Не человѣкъ! змѣя!

(громко и принужденно)

Хочу у васъ спросить
Случалось-ли, чтобъ вы смѣясь? или въ печали?
Ошибкою? добро о комъ нибудь сказали?
Хоть нетеперь, а въ дѣтствѣ можетъ быть,
Когда пора была безвреднѣйшимъ забавамъ?

Чацкій.

На что же такъ давно? Вотъ доброты черта вамъ:
Звонками только что гремя
И день и ночь по снѣговой пустынѣ,
Спѣшу къ вамъ голову сломя.
И какъ васъ нахожу? въ какомъ-то строгомъ чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю!
Лице святѣйшей богомолки! ....—
И все таки я васъ безъ памяти люблю.

(минутное молчаніе)

Послушайте: Ужь-ли мои слова всѣ колки?

Ст. 454. Было: „И все я васъ“.

И клонятся къ чьемунибудь вреду?
Но естли такъ: умъ съ сердцемъ не въ ладу.
Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду:
Велитежь мнѣ въ огонь: пойду какъ на обѣдъ.

Софія.

Да, хорошо сгорите, естлижъ нѣтъ?

СЦЕНА 8-ая

Софія П-вна, Лиза, Чацкій, Фамусовъ,

Фамусовъ.

Вотъ и другій.

Софія.

Ахъ! батюшка! сонъ въ руку.
(уходитъ)

Фамусовъ *(ей въ слѣдъ въ полголоса)*

Проклятый сонъ.

СЦЕНА 9-ая.

Фамусовъ, Чацкій *(смотритъ на дверь, въ которую Софія вышла).*

Фмсвъ.

Ну выкинулъ ты штуку!
Три года неписалъ двухъ словъ!
И грянулъ вдругъ какъ съ облаковъ.
(обнимаются)
Здорово другъ, здорово братъ, здорово.
Расказывай, чай у тебя готово
Собранье важное вѣстей?
Садись-ка, обьяви скорѣй.
(садятся)

Чацкій *(разсѣянно)*

Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

Фмсвъ.

Вамъ молодымъ людямъ другого нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты.
Сказала что-то вскользь, а ты
Ечай надеждами занесся, закалдованъ!

Чацкій.

Ахъ! нѣтъ: надеждами я мало избалованъ.

Фамусовъ.

„Сонъ въ руку“ мнѣ она изволила шепнуть,
Вотъ ты задумалъ.....

Чацкій.

Я? ничуть.

Фмсвъ.

О комъ ей снилось? что такое?

Чцк.

Я не отгадчикъ снова.

Фмсвъ.

Не вѣрь ей, все пустое.

Чацкій.

Я вѣрю собственнымъ глазамъ,
Вѣкъ невстрѣчалъ подписку дамъ,
Чтобъ было ей хоть несколько подобно!

Фмсвъ.

Онъ все свое. Да раскажи подробно
Гдѣ былъ? Скитался столько лѣтъ?
Откудова теперь?

Чацкій.

Теперь мнѣ до того-ли!
Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ,
И не объѣхалъ сотой доли.
(встаетъ поспѣшно).

Ст. 484. Прежде было: „сколько“.

Простите; я спѣшилъ скорѣе видѣть васъ,
Не заѣзжалъ домой. Прощайте. Черезъ часъ
Явлюсь, подробности малѣйшей незабуду
Вамъ первымъ, вы потомъ расказывайте всюду.
(въ дверяхъ.)
Какъ хороша!
(уход:)

СЦЕНА 10-ая.

Фамусовъ *одинъ.*

Который-же изъ двухъ?
„Ахъ! батюшка, сонъ въ руку!“
И говоритъ мнѣ это въ слухъ!
Ну виноватъ. Каковожь далъ я крюку!
Молчалинъ давиче въ сомнѣнье ввелъ меня.
Теперь.... да въ полмя изъ огня.
Тотъ нищій, этотъ франтъ-пріятель
Отъявленъ мотомъ, сорванцемъ.
Что за коммиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцемъ!
(уход.)

Конецъ перваго Акта.

АКТЪ II.

СЦЕНА 1-ая

Фамусовъ, Слуга.

Фамусовъ

Петрушка, вѣчно ты съ обновкой,
Съ разодраннымъ локтемъ. Достань-ка Календарь,
Читай не такъ, какъ Пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстоновкой.
Пожди-ка. На листѣ черкни на записномъ
Противу будущей недѣли:
Къ Просковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ
Во вторникъ званъ я на форели
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй, умъ вскружится,
Великій постъ и вдругъ обѣдъ!
Ѣшь три часа, и въ три дни несварится!
Грибки, да кисельки, щи, кашки въ ста горшкахъ.
Отмѣть: *въ четвергъ я званъ на погребенье,*
А выносъ у Николы въ сапожкахъ.
Охъ родъ людской! Пришло у насъ въ забвенье,
Что всякій самъ тудаже долженъ лезть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.
Но хочетъ кто пути предъ Господомъ исправить,
Вотъ благочестія примѣръ
Покойникъ былъ. Почтенный Камергеръ,
Съ ключемъ, и сыну ключь умѣлъ доставить,
Богатъ, и на богатой былъ женатъ,
Переженилъ дѣтей, внучатъ,

Ст. 19. Было: „Но хочетъ кто пути свои".

Скончался: всѣ о немъ прискорбно поминаютъ,
Кузьма Петровичь! Миръ ему, —
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ! —
Пиши въ четвергъ, одно ужь къ одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу,
Я долженъ у вдовъ у докторшъ крестить.
Она неродила, но по моему ращоту
Должна родить.

СЦЕНА 2-ая.

ФАМУСОВЪ, СЛУГА, ЧАДСКІЙ.

ФАМУСОВЪ.

А! Александръ Андреичь просимъ,
Садитеська.

ЧАДСКІЙ.

Вы заняты?

ФАМУС: *(Слугѣ)*

Поди *(Слуга уход:)*
Да разныя дѣла на память въ книгу вносимъ,
Забудется того гляди.

ЧАДСК:

Вы что-то невеселы стали,
Скажите, отъ чего? Пріѣздъ не въ пору мой?
Ужь Софьѣ Павловнѣ какой
Неприключилось-ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.

ФАМУС:

Ахъ! батюшка нашелъ загадку:
Невеселъ я!... въ мои лѣта,
Неможноже пускаться мнѣ въ присядку?

ЧАДСКІЙ.

Никто неприглашаетъ васъ.
Я только, что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ, быть можетъ нездорова.

Ст. 25. Было: „всѣ о немъ съ прискорбьемъ поминаютъ“.

ФАМУСЪ:

Тьфу Господи прости! Пять тысячь разъ
Твердитъ одно и тоже!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригожѣ,
То Софья Павловна больна,
Скажи тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ; не хочешь-ли жениться?

ЧАДСКІЙ.

А вамъ на что?

ФАМУСЪ:

Меня нехудобы спроситься,
Вѣдь я ей несколько сродни,
По крайнѣй мѣрѣ искони
Отцомъ меня недаромъ называли.

ЧАДСКЪ:

Пусть я посватаюсь, вы что-бы мнѣ сказали?

ФАМУСЪ:

Сказалъ-бы я во первыхъ: Не блажи,
Имѣньемъ братъ неуправляй оплошно,
А главное, поди-тка послужи.

ЧАДСКЪ:

Служить бы радъ, прислуживаться тошно.

ФАМУСЪ:

Вотъ-то-то всѣ вы гордецы!
Спросилибы какъ дѣлали отцы?
Учились-бы на старшихъ глядя,
Мы на примѣръ, или покойникъ дядя
Максимъ Петровичь: онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ, сто человѣкъ къ услугамъ,
Весь въ орденахъ, ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ,
Вѣкъ при Дворѣ, да при какомъ Дворѣ!
Тогда нето, что нынѣ,
При Государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ поры все важный людъ,
Раскланяйся, тупеемъ некивнутъ.
Вельможа-Господинъ тѣмъ паче,
Не какъ другой, и пилъ и ѣлъ иначе.

А дядя, что твой Князь? что графъ?
Сурьозный взглядъ, надменный нравъ,
Когдаже надо подслужиться,
Сгибался въ перегибъ.
На Куртагѣ ему случилось обступиться,
Упалъ, да такъ, что чуть затылка непрошибъ,
Старикъ заохалъ, голосъ хрипкой:
Былъ Высочайшею пожалованъ улыбкой,
Изволили смѣяться, какъже онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ
Упалъ въ другорет — ужь нарочно —
А хохотъ пуще, онъ и въ третій такъже точно.
А? Какъ по вашему? по нашему смышлёнъ.
Упалъ онъ больно, всталъ здорово.
За то бывало въ вистъ кто чаще приглашенъ?
Кто слышитъ при Дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичь. Кто предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичь. Шутка!
Въ чины выводитъ кто? и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичь. Да. Вы нынѣшніе нут-ка! —

Чадскій.

И точно началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете вздохнувши,
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій;
Свѣжо̀ преданіе, а вѣрится съ трудомъ,
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ,
Стучали объ полъ нежалѣя!
Кому нужда: — тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли,
А тѣмъ, кто выше лесть какъ кружево плели.
Прямой былъ вѣкъ любви и страха,
Когда все красилось усердіемъ къ Царю,
Я не объ дядюшкѣ объ вашемъ говорю,
Не возмутимъ его мы праха.
Однако кто теперь дворцовый Донкишотъ
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ
Рѣшится, чтобъ смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ!
А сверстники, а старичьки,
Глядя на смѣлые скачьки,
Ужь разрушаясь въ вѣтхой кожѣ,
Чай молвили еще: ахъ естлибы намъ тоже!

Хоть есть охотничьки поподличить вездѣ,
Да нынѣче смѣхъ страшитъ, и держитъ стыдъ въ уздѣ,
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо Государи.

Фамусъ:

Ахъ! Боже мой! онъ Карбонари!

Чадскъ:

Нѣтъ! нынѣче дурно для Дворовъ.

Фамусъ:

Опасный человѣкъ!

Чадскъ:

Вольнѣе всякій дышетъ,
И неторопится вписаться въ полкъ шутовъ.

Фамусъ:

Что говоритъ! и говоритъ, какъ пишетъ!

Чадскъ:

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ.

Фамусъ:

Онъ вольность хочетъ проповѣдать!

Чадскъ:

Теперь кто странствуетъ, въ деревнѣ кто живетъ.

Фамусъ:

Властей непризнаетъ!

Чадскъ:

Кто служитъ дѣлу а не лицамъ.

Фамусъ:

Строжайшебъ запретилъ я этимъ языкамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ.

Чадскъ:

Я наконецъ вамъ отдыхъ дамъ.

Фамусъ:

Неслушаю, терпѣнья нѣтъ, досадно.

Чадскъ:

Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно,
Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть,
Хоть нашимъ временамъ въ придачу,
Ужь такъ и быть я непоплачу.

Фамусъ:

Знать нехочу, разврата нетерплю.

Чадскъ:

Я досказалъ.

Фамусъ:

Добро заткнулъ я уши.

Чадскъ:

На чтожь? Я ихъ не оскорблю.

Фамусъ:

Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши,
Воротятся, отъ нихъ тутъ толку жди.

Чадскъ:

Я пересталъ....

Фамусъ:

Пожалуй пощади.

Чадскъ:

Длить споры не мое желанье....

Фамусъ:

Хоть душу отпусти на покаянье! —

СЦЕНА 3-я

Слуга *входитъ.*

Полковникъ Скалазубъ.

Фамусовъ *(ничего не видитъ и неслышитъ)*

Тебя ужь упекутъ
Подъ судъ, какъ пить дадутъ.

Чадск:

Пожаловалъ къ вамъ кто-то на̄ до̆мъ.

Фамус:

Не слушаю, подъ судъ!

Чадск.

Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ.

Фамус:

Не слушаю, подъ судъ, подъ судъ.

Чадск:

Да обернитесь васъ зовутъ.

Фамус: *(оборачивается)*

А? бунтъ? я такъ и жду содома.

Слуга.

Полковникъ Скалазубъ. Прикажите принять?

Фамус:

Ослы! Сто разъ вамъ повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень радъ. Пошелъже торопись
(Слуга уходитъ)
Пожалуй-ста, Сударь, при немъ остерегись.
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тьму отличья нахваталъ,

Ст. 157. Въ ремаркѣ было: „оборачиваясь“,

Не по лѣтамъ, и чинъ завидный,
Не нынче, завтра Генералъ.
Пожалуй-сто при немъ веди себя скромненько,
Эхъ! Александръ Андрѣичь, дурно братъ!
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько,
Я всякому, ты знаешь, радъ.
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:
Вотъ будто женится на Сонюшкѣ. Пустое.
Объ этомъ онъ молчитъ со мной,
Мнѣ тоже нѣтъ нужды большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня,
Вѣдь Софья молода. А впрочемъ власть Господня.
Пожалуй-сто при немъ не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральныя идеи эти брось,
Однако нѣтъ его! какую бы причину....
А! знать ко мнѣ пошелъ въ другую половину.
(поспѣшно ух:)

СЦЕНА 4-ая

Чадскій.

Какъ суетится! Что за прыть!
А Софья? видно нездорова,
Съ которыхъ поръ меня дичатся какъ чужова!
Какъ здѣсь бы ей не быть!!....
Кто этотъ Скалазубъ? Отецъ имъ сильно бредитъ,
А можетъ быть нетолько, что отецъ....
Ахъ! тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года въ даль уѣдитъ.

СЦЕНА 5-ая

Чадскій, Фамусовъ, Скалазубъ.

Фамусъ:

Сергѣй Сергѣичь, къ намъ сюда-съ,
Прошу покорно, здѣсь теплѣе,
Прозябли вы, согрѣемъ васъ,
Отдушничикъ отвернемъ поскорѣе.

Послѣ стиха 181-го въ рукописи первоначально было:

А дочь его? Какъ здѣсь бы ей не быть?
А Софья? давиче была она здорова,

Скалаз: *(густымъ бассомъ)*
За чѣмъже лазить напримѣръ,
Самимъ!... Мнѣ совѣстно, какъ честный Офицеръ

Фамус:
Неужьто для друзей недѣлать мнѣ нишагу
Сергѣй Сергѣичь дорогой,
Кладите шляпу, сденьте шпагу,
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой.

Скалаз.
Куда прикажете, лишь только-бы усѣсться.

Фмсв.
Ахъ! батюшка, сказать, чтобъ незабыть,
Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальными, наслѣдства недѣлить,
Я самъ узналъ недавно,
И то ужь научилъ двоюродный вашъ братъ,
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

Склзб:
Незнаю-съ виноватъ,
Мы съ нею вмѣстѣ неслужили.

Фмсв.
Сергѣй Сергѣичь это вы-ли!
А я такъ дорожу родствомъ,
Сыщу его на днѣ морскомъ,
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки,
Все больше сестрины, своячинницы дѣтки,
Одинъ Молчалинъ мнѣ несвой,
И то затѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестнику-ли, къ мѣстечьку,
Ну какъ непорадѣть родному человѣчьку!..
Однако братецъ вашъ мнѣ другъ, и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ!

Ст. 199. Первоначально было

Гдѣ ни на есть, лишь бы усѣсться

Ст. 204. „Двоюродный“ переправлено изъ „троюродный“.
Ст. 217. Въ концѣ стиха было: „мнѣ тоже говорилъ“.

Склзб:

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ 30-мъ Егерьскомъ, а послѣ въ 45-томъ.

Фмсв.

Да, щастье у кого есть эдакій сынокъ.
Имѣетъ кажется въ петличькѣ орденокъ?

Склзб.

За 3-тье Августва, мы брали батарею,
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на шею.

Фмсв:

Любезный человѣкъ, и посмотрѣть такъ хватъ,
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ.

Склзб:

Но крѣпко зараженъ теперешнимъ столѣтьемъ,
Представьте Капитанъ по списку былъ онъ третьимъ,
Въ отставку вышелъ вдругъ и книги сталъ читать.

Фмсв:

Вотъ молодость!.. все вздоръ, а послѣ хвать!...
Вы повели себя исправно,
Давно Полковники, а служите недавно.

Склзб.

Инымъ и моего щастливѣе везетъ.
У насъ въ пятнадцатой Дивизіи недалѣ,
Объ нашемъ хоть сказать Бригадномъ Генералѣ.

Ст. 221 вписанъ позднѣе.
Ст. 222 начинался: „Имѣетъ онъ".
Ст. 223. „Августва" — описка въ подлинникѣ.
Ст. 227 — 229 первоначально были:

Но крѣпко зараженъ онъ нынѣшнимъ столѣтьемъ,
Представьте по полку былъ третьимъ
Вдругъ вышелъ вонъ и книги сталъ читать.

Ст. 230 былъ:

Что значитъ молодость терять,

Ст. 234 — 235 вписаны позднѣе.

Фмсв.

Помилосердуйте!, въ крестахъ-ли недочетъ?

Склзб.

Шесть, седмь ихъ у меня, да естлибъ было дѣсять,
Нехудо бы: еще одинъ привѣсить.

Фмсв.

Въ погонь-ли за однимъ крестомъ?
За то конечно въ чёмъ другомъ,
За вами далеко тянуться.

Склзб:

Нѣтъ-съ, старѣе меня по Корпусу найдутся,
Я съ 809-го служу,
Да ищетъ кто чиновъ, отроетъ къ нимъ каналы,
Объ нихъ какъ истинный философъ я сужу,
Мнѣ толькобы досталось въ Генералы.

Фмсв:

И славно судите, дай Богъ здоровье вамъ,
И Генеральскій чинъ, а тамъ,
За чѣмъ откладывать-бы дальше,
Рѣчь завести объ Генеральшѣ.

Склзб:

Жениться? я ни чуть не прочь.

Фмсв.

Чтожь? у кого сестра, племянница есть, дочь,
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода,
Чего? плодятся годъ отъ года,
А батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ съищется столица какъ Москва.

Склзб:

Дистанціи огромнаго размѣра.

Ст. 237. Было: „Ихъ девять у меня“.
Ст. 257 первоначально читался:

Огромнаго размѣра.

Фмсв:

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,
На все свои законы есть:
Вотъ на примѣръ у насъ ужь изстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохинькій, да естли наберется
Душъ тысячьки, двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другій хоть прытче будь, надутый книжнымъ чванствомъ,
Пускай себѣ разумникомъ слыви,
А въ семью невключатъ, на насъ неподиви,
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ. —
Да это-ли одно? возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать, — изволь,
Дверь отперта для званыхъ и незванныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ,
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ равнёхонько, про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ Московскихъ есть особый отпечатокъ.
Извольте посмотрѣть на нашу молодёжь,
На юношей — сынковъ и внучатъ,
Журимъ мы ихъ, а естли разберешь,
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши Старичьки?? — Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ объ дѣлахъ, что слово: — приговоръ, —
Вѣдь столбовые все, въ усъ никого недуютъ,
И объ Правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что естлибъ кто подслушалъ ихъ:.... бѣда.
Не то, чтобъ новизны вводили, — никогда.
Спаси насъ Боже отъ крамо̄лъ, но̆
Когда къ словцу, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ, и... полно.
Прямые Канцлеры въ отставкѣ по уму,
Я вамъ скажу, знать время неприспѣло,
А что безъ нихъ необойдется дѣло.
— А наши Дамы, а-сь? рѣчистѣе мужей,
Судьи всему, вездѣ, надъ ними нѣтъ судей,

Ст. 269 начинался прежде: „Теперь возьмите“... „Теперь“ зачеркнуто и надписано: „Да это ли еще?“

Ст. 274. Первоначально было: „Для насъ равны“.

Ст. 276. Первоначально:

На Москвичахъ особый отпечатокъ.

За картами къ такимъ способны бунтамъ,
Мущины всѣ отъ нихъ дрожатъ,
Скомандовать заставьте передъ фрунтомъ,
Присудствовать пошлите ихъ въ Сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Настасья Юрьевна! Пульхерія Андрѣвна! —
— А дочьки? Кто видалъ всякъ голову повѣсь,
Его Величество Король былъ Прусскій здѣсь,
Дивился непутемъ Московскимъ онъ дѣвицамъ,
Ихъ благонравью, а не лицамъ,
И точно можно-ли воспитаннѣе быть!
Умѣютъ-же себя принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой,
Словечька въ простотѣ нескажутъ, все съ ужимкой,
Французскіе Романсы вамъ поютъ,
И верьхнія выводятъ нотки,
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому, что Патріотки.
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица какъ Москва.

Склзь:

По моему сужденью
Пожаръ какъ на заказъ пылалъ.
Способствовалъ къ градскому украшенью,
И образъ жизни лучше сталъ.

Фмсв.

Охъ! отъ пожара намъ пришлося было туго.

Чдск *(необращаясь ни къ кому)*

Да, былъ намъ черный годъ, не послужило въ прокъ

Ст. 299. Сначала было: „Лукерья Апраксѣвна!“, потомъ зачеркнуто и надписано: „Татьяна Алексѣвна“, но потомъ опять передѣлано: „Лукерья“.
Ст. 300. Было: „Настасья Дмитревна“, исправлено на „Юрьевна“.
Ст. 305. Первоначально:

И можно-ли воспитаннѣе быть

Ст. 317. Было: „Способствовалъ ей много къ украшенью“.
Ст. 320. Первоначально было только послѣднихъ четыре слова; потомъ была дана и зачеркнута другая редакція:

Чацкій:

Да былъ намъ черный годъ, и приходилось туго:
Не послужило въ прокъ.

Фамс. *(Чацкому)*

Эй, завяжи на память узелокъ,
О чёмъ тебя просилъ?...
(Полковнику) Вотъ-съ: Чадскаго, мнѣ друга

Послѣ 320-го стиха въ рукописи также зачеркнуто:

Фмсв

Позвольте-съ..... Чадскаго мнѣ друга
Андрея Ильича покойнаго сынокъ,
На мѣстѣ не сидитъ, все по міру онъ бродитъ

(Первоначально было:

Онъ въ путешествіяхъ покуда вкусъ находитъ)
И славно пишетъ, переводитъ.

Чдск:

Какъ истинно въ Москвѣ всему своя печать

(Первоначально:

Вы правы, что въ Москвѣ всему своя печать)
Есть добродѣтели, которыя хоть стары,
А продолжаютъ вѣковать,
Преодолѣвъ и моды и пожары.
Чтобъ нетрудить себѣ ума,
Мы скажемте: все нынче какъ бывало,
И прежде были тѣжь открытые дома,
Входило все что ни попало
Ѣсть, пить и предавать на судъ
Столовъ убранство, роскошь блюдъ,
А путешественникъ неразъ середь обѣда,
Тишкомъ разгадывалъ на лбу
Иного земляка-сосѣда,
Что былъ привинчанъ онъ къ позорному столбу.
Вамъ нравится въ сынкахъ отцовское наслѣдство
И прежде имъ плѣлись побѣдные вѣнки
Людьми щитались съ малолѣтства
Патриціевъ Дворянскіе сынки,
Въ заслуги ставили имъ души родовыя,
Любили ихъ, ласкали ихъ,
И причитались къ нимъ въ родные. —
Коли теперь соборы всѣхъ сѣдыхъ
Бранятъ чего неразумѣютъ,
А рѣдко путное затѣютъ
Всегда готовые къ журьбѣ:

Музейный автографъ.

Андрея Ильича покойнаго сынокъ:
Не служитъ, то есть въ томъ онъ пользы не находитъ;
Но захоти: — такъ былъ-бы дѣловой.
Жаль, очень жаль, онъ малый съ головой,
И славно пишетъ, переводитъ
Нельзя непожалѣть, что съ эдакимъ умомъ.....

Чацкій.

Нельзя ли пожалѣть объ комъ нибудь другомъ?
Съ меня ужь будетъ.

Фамс:

Не я одинъ, а всякій такъже судитъ.

Чацкій.

А судьи кто!? — За древностію лѣтъ
Въ отставкѣ, вѣчный толкъ ихъ о придворныхъ штатахъ,
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ Газетъ
Годовъ семь-сотъ осмидесятыхъ,
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и туже,
Не замѣчая объ себѣ:
Что старѣе, то хуже.
Намъ укажите: гдѣ отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не этотъ-ли? грабительствомъ богатый,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашелъ, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудилъ Палаты,
Гдѣ разливается въ пирахъ и мотовствѣ,

Пѣвали прежде пѣсню туже,
Не замѣчая объ себѣ:
Что старѣе, то хуже.
Теперь громъ сабель, шпоръ, султанъ,
И камеръ-юнкерскій кафтанъ
Узорчитый красавицамъ прельщенье

(сначала этотъ стихъ начинался словами: „Военная броня“).

Не толижь было искушенье,
Когда изъ Гвардіи, иные отъ Двора
Сюда на время пріѣзжали:
Кричали женщины: ура!
И въ воздухъ чепчики бросали.

И гдѣ невоскресятъ Кліенты-Иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты.
(Да и кому въ Москвѣ незажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?)
Не тотъ-ли? вы къ кому меня еще съ пелёнъ
Дитёй возили на поклонъ;
Тотъ Несторъ негодяевъ старыхъ,
Тудаже въ самыхъ знатныхъ барахъ,
И Повелитель многихъ слугъ:
Они нещастные въ часы вина и драки,
И честь и жизнь его не разъ спасали: вдругъ
На нихъ онъ вымѣнилъ борзыя три собаки!!!
Или вонъ тотъ еще? который для затѣй
На крѣпостный балетъ согналъ толпы дѣтѣй,
Отъ матерей, отцевъ отторженныхъ и сирыхъ!!
Самъ погруженъ умомъ въ Амурахъ и Зефирахъ
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ!
Но должниковъ несогласилъ къ отстрочькѣ: —
Амуры и Зефиры всѣ
Распроданы по одиночькѣ!!!!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши старики! взъискательные судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ
Изъ молодыхъ людей найдется неслужащій,
И независимый отъ повышенья въ чинъ
Отъ мѣстъ и должностей, инымъ огнемъ горящій,
Въ науки умъ вперитъ, иль воспитаетъ жаръ
Въ душѣ къ высокому, къ исскуствамъ благороднымъ: —
Они тотчасъ: — разбой! Пожаръ!
И прокричатъ его мальчишкою негоднымъ...
Мундиръ! одинъ мундиръ! въ лѣтахъ онъ молодыхъ
Когда-то прикрывалъ пристойно и красиво
Ничтожность, пустоту, пороки, глупость ихъ,
И намъ за ними путь щастливой,
И въ женахъ, дочеряхъ, къ мундиру таже страсть!
Я самъ къ нему давноль отъ нѣжности отрекся?!
Теперь въ ту суетность мнѣ болѣе невпасть,
Но кто-бъ тогда за всѣми неповлекся?

Ст. 382. Паралельно этому стиху, оставленному въ неприкосновенности, дана, посредствомъ надписей, еще другая редакція:

Ахъ! самъ къ нему давно ль я нѣжности отрекся?!

Когда изъ Гвардіи, иные отъ Двора
Сюда на время пріѣзжали,
Кричали женщины: Ура!
И въ воздухъ чепчики бросали?

Фмсв: *(про себя)*

Ужь втянетъ онъ меня въ бѣду.

(громко)

Сергѣй Сергѣичь я пойду,
И буду ждать васъ въ Кабинетѣ.

(ух)

СЦЕНА 6-ая

Скалазубъ, Чадскій.

Скалазубъ.

Мнѣ нравится при этой сметѣ
Исскусно какъ коснулись вы
Предубежденія Москвы
Къ любимцамъ, къ Гвардіи, къ Гвардейскимъ, къ Гвардіонцамъ,
Вѣдь согрѣваются шитьемъ ихъ будто солнцемъ!
А въ первой Арміи какъ выправленъ Голдатъ!
Мундиры пригнаны по тальямъ, всѣ въ обхватъ,
И платья нижнія облеплѣны, такъ узки,
Въ шагу доходитъ какъ ни въ чёмъ,
И Офицеровъ вамъ начтёмъ,
Что даже говорятъ иные по Французски.

СЦЕНА 7-ая

Скалазубъ, Чадскій, Софья Павловна, Лиза.

Софія *(бѣжитъ къ окну)*

Ахъ! Боже мой! упалъ! убился!

(теряетъ чувства)

Ст. 389. Первоначально:

Терпѣть нѣтъ мочи, какъ въ бреду.

Чадскій.

Кто?

Кто это?

Склзб:

Съ кѣмъ бѣда?

Чдск:

Она мертва со страху!

Склзб.

Да кто? откудова?

Чдск:

Ушибся обо что?

Склзбъ.

Ужь не старикъ-ли нашъ далъ маху?

Лиза *(хлопочетъ около барашни)*

Кому назначено-съ: неминовать судьбы,
Молчалинъ на лошадь садился, ногу въ стремя,
А лошадь на дыбы,
Онъ объ землю и прямо въ темя.

Скалазубъ.

Поводья затянулъ. Ну жалкій же ѣздокъ.
Взглянуть, какъ треснулся онъ грудью или въ бокъ.
(уходитъ)

СЦЕНА 8-ая

Тѣ же безъ Скалазуба.

Чадскій.

Помочь ей чѣмъ? Скажи скорѣе.

Лиза.

Тамъ въ комнатѣ вода стоитъ
(Чацкій бѣжитъ и приноситъ)
(Все слѣдующее въ пол-голоса дотого, какъ Софья очнется)
Стаканъ налейте.

Ст. 411. Первоначально:

Знать затянулъ поводья. Плохъ ѣздокъ

Ст. 413. Первоначально: „Помочь ей какъ?“
Ст. 414. Въ ремаркѣ „дотого“ передѣлано изъ „покуда“.

Чдск:

Ужь налитъ,
Дай грудь ей распущу вольнѣе,
Виски ей уксусомъ потри,
Опрыскивай водой. Смотри,
Свободнѣе дыханье стало.
Повѣять чѣмъ?

Лиза.

Вотъ опахало.

Чдск:

Гляди въ окно:
Молчалинъ на ногахъ давно!
Бездѣлица ее тревожитъ.

Лиза.

Да-съ, барышнинъ нещастенъ нравъ,
Со стороны смотрѣть неможетъ,
Какъ люди падаютъ стремглавъ

Чдск:

Опрыскивай еще водою.
Вотъ такъ. Еще. Еще.

Софія *(съ глубокимъ вздохомъ)*

Кто здѣсь со мною?
Я точно какъ во снѣ.
(торопко и громко)
Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Скажите мнѣ.

Чадск:

Пускай себѣ сломилъ бы шею,
Васъ чуть было неуморилъ.

Софія.

Убійственны холодностью своею!
Смотрѣть на васъ, васъ слушать нѣту силъ.

Чдск:

Прикажете мнѣ за него терзаться?

Софія.

Туда бѣжать, тамъ быть, помочь ему стараться.

Ѣсть, пить и предавать на суд
Столовъ убранство, роскошь блюдъ,
А путешественникъ не разъ средь обѣда,
Тишкомъ разгадывалъ на лбу
Иного земляка - сосѣда,
Что былъ привинченъ онъ къ позорному столбу.
Вамъ нравится въ сынкахъ отцовское наслѣдство
И прежде [illegible] подобные вѣтки
Людьми считались съ малолѣтства
Патрицiевъ дворянскіе сынки,
Въ заслуги ставили имъ - души родовыя,
Любили насъ, ласкали насъ,
И причитались къ нимъ въ родные; —
Коли теперь соборы всѣхъ судьевъ
Бранятъ его не разумѣютъ,
А рѣдко путное затѣютъ
Всегда готовые къ друзьямъ:
Пѣвали прежде пѣсню туже,
Не замѣчая отъ себя:
Что старѣе, то хуже.
Теперь хоть бей, [illegible], султанъ,
И Камеръ-юнкерскій Кафтанъ
Зорчитый ~~[illegible]~~ краснощекимъ прельщенье,
~~И камеръ-юнкерскій [illegible] кафтанъ,~~
Не только было искушенье,
Когда изъ Гвардіи, иные отъ Двора
Сюда на время пріѣзжали,
Кричали женщины: ура!
И въ воздухъ чепчики бросали.

Музейный автографъ, листъ 33 (Актъ II, сцена 5-ая).

Фамусов:

Любезнѣйшій, человѣкъ, и посмотрѣть такъ хватъ,
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ.

Скалозубъ:

Но крѣпко зараженъ ~~онъ~~ ~~нынѣшнимъ~~ теперешнимъ столѣтьемъ,
Представьте (по ~~полку~~ списку Капитанъ) былъ (онъ третьимъ,
~~Вдругъ~~ Въ отставку вышелъ вонъ вдругъ, и книги сталъ читать.

Фамусов:

Вотъ молодость!.. въ вздоръ, а послѣ хвать!...
~~[illegible]~~
Вы повели себя исправно,
Давно Полковники, а служите недавно.

Скалозубъ

Иными и много щастливѣе везетъ
У насъ въ пятнадцатой дивизіи недавно,
Объ нашемъ хоть сказать Бригаднымъ Генералъ.

Фамусов:

Помилосердуйте! въ чемъ-такъ-ли недочетъ?

Скалозубъ.

Шесть, седмь ихъ ~~восемь, девять~~ у меня, да стало было десять,
Не худо бы еще одинъ привѣсить.

Фамусов

Въ погонь-ли за однимъ крестомъ?
За то конечно въ чемъ другомъ,
За вами далеко тянуться,

Музейный автографъ, листъ 28 оборотъ (Актъ II, сцена 5-ая).

Сцена 11ая

Софія, Лиза, Молчалинъ.

Софія.

~~[illegible] какъ сороки.~~
Молчалинъ! ~~[illegible]~~ какъ во мнѣ разсудокъ цѣлъ остался!
Вѣдь знаете, какъ жизнь мнѣ ваша дорога!
Зачѣмъ же ей играть, и такъ неосторожно?
Скажите, что у васъ съ рукой?
Не дать-ли капель вамъ? не нуженъ-ли покой?
Пошлемте къ доктору, пренебрегать не должно.

Молчалинъ.

Платкомъ перевязалъ, не больно мнѣ съ тѣхъ поръ.

Лиза.

Ударюсь объ закладъ, что вздоръ,
И естьлибъ не къ лицу, не нужно перевязки,
А ~~вотъ~~ то не вздоръ, что вамъ ~~[illegible]~~ неизбѣжать огласки: NB
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~

NB На смѣхъ того гляди подыметъ Чацкій васъ;
И Скалозубъ какъ свой хохолъ закрутитъ,
Расскажетъ обморокъ, прибавитъ сто прикрасъ,
Шутить и онъ гораздъ, вѣдь нынче кто не шутитъ!

Софія.

~~[illegible]~~ А кѣмъ изъ нихъ я дорожу?
Хочу люблю, хочу скажу.
Молчалинъ! будто я себя не принуждала?
Вошли вы, слова не сказала,
Не смѣла я при нихъ дохнуть,
У васъ спросить, на васъ взглянуть; —
~~[illegible]~~?
~~[illegible]~~

Лиза.

И въ нашемъ говорятъ быту,
Одна вина, сто оправданій,
Мою простите-съ простоту,
Да только бы безъ дальныхъ разбираній,
На смѣхъ подниметъ Чадскій васъ.
А Скалозубъ какъ усъ закрутитъ,
Расскажетъ обморокъ, прибавитъ сто прикрасъ;
Шутить и онъ гораздъ, вѣдь нынче, кто не шутитъ?
Дойдетъ до батюшки, который вдругъ, въ жару....
Припомните, что было по утру.

Софія.

Ужь разговориться теперь ихъ непринудимъ;
Да что за дѣло намъ, что Чадскій говоритъ?
Смѣшно допуститъ шутитъ онъ, ладно! — пусть бранитъ,
А мы мой другъ смотрѣть на нихъ не будемъ.

Лиза.

Сидятъ они у батюшки теперь,
Вотъ ка-бы вы порхнули въ дверь
Съ лицемъ веселымъ, беззаботно:
Когда намъ скажутъ ~~то~~, что ~~нужно~~ хотимъ,
Куда какъ вѣрится охотно!
Таковъ и Чадскій, ~~хоть~~ вы-бы съ нимъ
Особеннымъ подѣлили между
Невинныхъ ~~шутокъ~~ часокъ, милыхъ словъ.....
Еслибъ вы дали ~~Подайте вы взаимному~~ надежду,
~~Тотчасъ и онъ у васъ готовъ~~
А кто влюбленъ, на все готовъ?

Музейный автографъ, листъ 37 оборотъ.

Чдск:

Чтобъ оставались вы безъ помощи однѣ?

Софія.

На что вы мнѣ?
Да правда не свои бѣды для васъ забавы.
Отецъ родной убейся, все равно.
(Лизѣ)
Пойдемъ туда, бѣжимъ.

Лиза *(отводитъ ее въ сторону)*

Опомнитесь куда вы?
Онъ живъ, здоровъ, смотрите здѣсь въ окно.
(Софія въ окошко высовывается)

Чадск:

Смятенье! обморокъ! поспѣшность! гнѣвъ! испуга!
Такъ можно только ощущать,
Когда лишаешься единственнаго друга.

Софія.

Сюда идутъ. Руки неможетъ онъ поднять.

Чадск

Желалъ бы съ нимъ убиться.....

Лиза.

Для компаньи?

Софія

Нѣтъ, оставайтесь при желаньи.

СЦЕНА 9-ая

Софія Павловна, Лиза, Чадскій, Полковникъ Скалазубъ, Молчалинъ *(съ подвязанною рукою)*.

Плк. Скалазубъ.

Воскресъ и невредимъ, рука
Ушибена слегка,
И впрочемъ все фамильная тревога.

Ст. 442. Въ ремаркѣ: „окошко“ изъ „окно“.
Ст. 447. Сначала въ репликѣ Чацкаго было:

Желалъ бы съ нимъ убиться для компаньи.

Потомъ слова „для компаньи“ приписаны Лизѣ.
Ст. 451. „Фамильная“ изъ „фальшивая“.

Молчалинъ

Я васъ перепугалъ. Простите, ради Бога,

П. Скалаз:

Ну! я не зналъ, что будетъ изъ того
Вамъ ирритація. Опрометью вбѣжали. —
Мы вздрогнули. — Вы въ обморокъ упали,
И чтожь? — весь страхъ изъ ничего.

Софія *(неглядя ни на кого)*

Я чувствую, что изъ пустова,
А вся еще теперь дрожу.

Чадскій *(про себя)*

Съ Молчалинымъ ни слова!

Софія *(по прежнему)*

Я просто вамъ скажу,
За самоё себя не трушу, лошадь скинетъ
Убьюсь-ли: разъ со мной и было, я опять
Потомъ отважилась скакать.

Ст. 452. Была ремарка: „Софіи“, потомъ зачеркнута. Стихъ состоялъ изъ трехъ словъ: „Простите, ради Бога“, потомъ сверху вписаны начальные три слова.

Послѣ 453 стиха въ рукописи зачеркнуто:

Причиной былъ я столькихъ безпокойствъ.

(Первоначально было:

Что я причиной былъ вамъ...)

Лиза *(на ухо Софіи)*

Не бросьтесь вы къ нему на шею.

Софія *(по некоторомъ молчаніи обращается къ Скалазобу)*

Стыжусь моихъ трусливыхъ свойствъ
Преодолѣть ихъ неумѣю.

Ст. 457. Первоначально ремарка была: *„(къ нему же)“*.
Ст. 459. Первоначально: „Съ нимъ говорить, а съ тѣмъ ни слова!“.
Ст. 460. Ремарка была: *„(къ Скалаз.)“*.
Ст. 460 — 466 первоначально читались:

Вамъ странность объ себѣ скажу,
По днямъ и по часамъ, по прихоти я словно,

Но за другихъ во мнѣ душѝ нѣтъ
Изъ ничего,
И приключится что хоть вовсе мнѣ чужому.

Чадск: *(про себя)*

Прощенья просить у него,
Что разъ добра была къ другому.

П. Скалазубъ.

Позвольте, раскажу вамъ вѣсть:
Княгиня Ласова, какая-то здѣсь есть,
Наѣздница, вдова, но нѣтъ примѣровъ,
Чтобъ ѣздило съ ней много Кавалеровъ.
На дняхъ расшиблась въ пухъ, —
Жоке неподдержалъ, щиталъ онъ видно мухъ. —
И безъ того она, какъ слышно неуклюжа,
Теперь ребра недостаетъ,
Такъ для поддержки ищетъ мужа.

Софія.

Ахъ! Александръ Андрѣичь вотъ,
Къ ея искателямъ, кобы себя причлѝ вы? —
Вѣдь вы на помощь торопливы

Чадск:

Да-съ, опытъ давича я показалъ на васъ:,
Смиренникъ погубилъ, а я отъ смерти спасъ.
(беретъ шляпу и уходъ:)

То съ страхомъ вижу все, то слишкомъ хладнокровно.
Сама неберегусь верьхомъ,
Скачу, лечу, мой конь съ огнёмъ
Разъ въ сторону ударился съ разбѣгу,
Долой я подъ гору, по снѣгу,
Не охнула, привстала и опять
На немъ отважилась скакать.
Въ другой же разъ во мнѣ душѝ нѣтъ,
Кого нибудь, какъ лошадь скинетъ,
И неслучится ничего,
Готова я бѣжать изъ дому.

Ст. 482 первоначально:

Эндиміонъ сгубилъ, а я отъ смерти спасъ,

СЦЕНА 10-я

Тѣже кромѣ Чадскаго.

Софія.

Вы вечеромъ къ намъ будете?

П. Скалаз:

Какъ рано?

Софія.

Пораньше: съѣдутся домашніе друзья,
Потанцовать подъ фортопіяно,
Мы въ траурѣ, такъ балу дать нельзя.

П. Скалоз:

Явлюсь, но къ батюшкѣ зайти я обѣщался
Откланяюсь.

Софія.

Прощайте.

П. Скалаз: *(жметъ руку Молчалину)*

Вашъ слуга

(уходитъ)

СЦЕНА 11-ая

Софія, Лиза, Молчалинъ.

Софія.

Молчалинъ! какъ во мнѣ разсудокъ цѣлъ остался!
Вѣдь знаете, какъ жизнь мнѣ ваша дорога!
Зачѣмъ же ей играть и такъ неосторожно?

Ст. 485 былъ: „Мы станемъ танцовать подъ фортопіяно".
Ст. 486. Первоначально:

Великій постъ, такъ балу дать нельзя.

вм. „Великій постъ" написано: „Домъ не великъ", затѣмъ и это зачеркнуто.
Ст. 487. Первоначально:

Явлюсь, а между тѣмъ забылъ я въ эту смуту,
Что къ батюшкѣ зайти былъ долженъ на минуту,

Сцена 11-ая — цифра написана по выскобленному, прежде было: 10.
Ст. 489. Прежде было:

Ушли. Ахъ! скучные, лепечутъ, какъ сороки.
Молчалинъ, вы ко мнѣ жестоки!

Ст. 491. Первоначально: „Зачѣмъ играть ей такъ неосторожно".

Скажите, что у васъ съ рукой?
Недать-ли капель вамъ? не нуженъ-ли покой?
Пойдемте къ Доктору, пренебрегать недолжно.

Молчалинъ.

Платкомъ перевязать, небольно мнѣ съ тѣхъ поръ.

Лиза.

Ударюсь объ закладъ, что вздоръ,
И естлибъ не къ лицу ненужно перевязки,
А то не вздоръ, что вамъ неизбѣжать огласки
На смѣхъ того гляди подъиметъ Чадскій васъ,
И Скалазубъ какъ свой хохолъ закрутитъ,
Раскажетъ обморокъ прибавитъ сто прикрасъ
Шутить и онъ гораздъ, вѣдь нынѣче кто нешутитъ!

Софія.

А кѣмъ изъ нихъ я дорожу?
Хочу люблю, хочу скажу.
Молчалинъ будто я себя непринуждала?
Вошли вы слова несказала,
При нихъ несмѣла я дохнуть,
У васъ спросить, на васъ взглянуть. —

Ст. 493. „Недолжно“ исправлено изъ „неможно“.
Ст. 498. Первоначально:

А вотъ невздоръ, что васъ лукавый помутилъ,
Былъ здѣсь полковникъ, Чадскій былъ,
Непобоялись вы огласки.

Ст. 499—502 написаны на поляхъ, слѣва.
Ст. 503. Первоначально:

Ни на кого я негляжу,

Послѣ ст. 508 зачеркнуто:

И что же, наконецъ, въ моей любви худова?
Кому я невѣрна? кому давала слово?

Лиза.

И въ нашемъ говорятъ быту,
Одна вина, сто оправданій,
Мою простите-съ простоту,
Да только бы безъ дальныхъ разбиранiй,

Молчал:

Нѣтъ! Софья Павловна, вы слишкомъ откровенны

Софія.

Откуда скрытность почерпнуть!?
Готова я была въ окошко, къ вамъ прыгнуть
Да что мнѣ до кого? до нихъ? до всей вселенной?
Смѣшно? пусть шутятъ ихъ; досадно? — пусть бранятъ.

Молч:

Чтобъ дорого незаплатить за это.

Софія.

Неужь-то на дуэль васъ вызвать захотятъ?

Молчал:

Ахъ! злые языки страшнѣе пистолета.

Лиза.

Сидятъ они у батюшки теперь,
Вотъ ко-бы вы порхнули въ дверь
Съ лицемъ веселымъ, беззаботно:
Когда намъ скажутъ, что хотимъ,
Куда какъ вѣрится охотно!
Таковъ и Чадскій, вы-бы съ нимъ
Особнячькомъ подсѣли: между

На смѣхъ неподнялъ Чадскій васъ,
А Скалазубъ какъ усъ закрутитъ,
Раскажетъ обморокъ, прибавитъ сто прикрасъ,
Шутить и онъ гораздъ, вѣдь нынѣче, кто нешутитъ?
Дойдетъ до батюшки, который вдругъ, въ жару.....
Припомните, что было по утру.

Софія.

Ужь разувѣриться теперь ихъ не принудимъ,
Да что за дѣло намъ, что Чадскій говоритъ?
Смѣшно? пусть шутитъ онъ, досадно? — пусть бранитъ,
А мы мой другъ смотрѣть на нихъ небудемъ.

Ст. 520. Первоначально:

Когда намъ скажутъ то, что имянно хотимъ

Ст. 522. Первоначально: „ка-бы съ нимъ“.

Невинныхъ ласокъ, милыхъ словъ:...
Ему-бы подали надежду,
А кто влюбленъ, на все готовъ.

Молчалинъ.

Я вамъ совѣтовать не смѣю.
(цѣлуетъ ея руку)

Софія.

Хотите вы?... Пойду любезничать сквозь слёзъ,
Боюсь, что выдержать притворства несумѣю.
За чѣмъ сюда Богъ Чадскаго принесъ!
(уходитъ)

СЦЕНА 12-ая

Молчалинъ, Лиза.

Молчалинъ.

Веселое созданье ты! живое!

Лиза.

Прошу пустить: и безъ меня васъ двое.

Молчалинъ.

Какое личико твое!
Какъ я тебя люблю!

Лиза.

А барышню?

Ст. 524. Было: „Невинныхъ шутокъ".
Ст. 525. Было:

Подайте вы влюбленному надежду,

Ст. 526. Было:

Топиться онъ за васъ готовъ.

Послѣ ст. 526 зачеркнуто:

Софія.

Не стану лгать, не уважаю свѣта...—

Молчалинъ.

Чтобъ дорого незаплатить за это.
(цѣлуетъ ея руку)

Молчалинъ.

Ее

По должности, тебя....

Лиза.

Отъ скуки.

Прошу подальше руки.

Молчалинъ.

Есть у меня вещицы три:
Есть туалетъ, прехитрая работа:
Снаружи зеркальце, и зеркальце внутри,
Кругомъ все прорѣзь, позолота,
Подушечька изъ бисера узоръ,
И перломутровый приборъ:
Игольничикъ и ножинки, какъ милы!!
Жемчужинки, растертыя въ бѣлилы!
Помада есть для губъ, и для другихъ причинъ,
Съ духами стклянночьки: резеда и жасминъ.

Лиза.

Вы знаете, что я нельщусь на интересы,
Скажите лучше, почему
Вы съ барышней скромны, а съ горничной повѣсы?

Молчалинъ.

Сегодня боленъ я, обвязки не сыму,
Приди въ обѣдъ, побудь со мною,
Я тайну всю тебѣ открою.

(уходъ: въ боковую дверь)

СЦЕНА 13-aя

Софья, Лиза.

Софія.

Была у батюшкѣ, тамъ нѣту никого.
Сегодня я больна, и не пойду обѣдать,
Скажи Молчалину, и позови его,
Чтобъ онъ пришелъ меня провѣдать.

(уходъ: къ себѣ)

СЦЕНА ПОСЛѢДНЯЯ.

Лиза.

Ну! люди въ здѣшней сторонѣ!
Она къ нему, а онъ ко мнѣ,
А я..... одна лишь я любви до смерти трушу.—
А какъ неполюбить буфетчика Петрушу!—

Конецъ 2-го Акта.

АКТЪ III.

СЦЕНА 1-ая

Чацкій потомъ Софія.

Чацк:

Дождусь ее, и вынужу признанье:
Кто наконецъ ей милъ? Молчалинъ! Скалазубъ!
Молчалинъ прежде былъ такъ глупъ!...
Жалчайшее созданье!
Ужь развѣ поумнѣлъ?.... А тотъ
Хрипунъ, удавленникъ, фаготъ,
Созвѣздіе манёвровъ и мазурки.
Судьба любви, играть ей въ жмурки,
А мнѣ.....

(вход: Софія)

Вы здѣсь? Я очень радъ,
Я этого желалъ.

Софія *(про себя)*

И очень не въ попадъ.

Чацк:

Конечно не меня искали?

Софія.

Я не искала васъ.

Чацкій.

Дознаться мнѣ нельзя-ли,
Хоть и некстати нужды нѣтъ,
Кого вы любите?

Софія.

Ахъ! Боже мой! весь свѣтъ.

Чацкъ:

Кто болѣе вамъ милъ?

Софія.

Вотъ спросы пречудные.

Чацкъ:

Всѣ болѣе меня?

Софія.

Иные.

Чацкъ:

И я чего хочу когда все рѣшено?
Мнѣ въ петлю лѣзть а ей смѣшно.

Софія.

Хотите-ли знать истинны два слова?
Малѣйшая въ комъ странность чуть видна,
Веселость ваша нескромна,
У васъ тотчасъ ужь острота готова,
А сами вы.....

Чацкъ:

Я самъ? неправда-ли смѣшонъ?

Софія.

Да, грозный взглядъ, и рѣзкій тонъ,
И этихъ въ васъ особенностей бездна,
А за собой смотрѣть куда небезполезно.

Чацкъ:

Я страненъ, а нестраненъ ктожь?
Тотъ, кто на всѣхъ глупцевъ похожь,
Молчалинъ на примѣръ.

Софія.

Примѣры мнѣ неновы,
Замѣтно, что вы желчь на всѣхъ излить готовы,
А я, чтобъ немѣшать отсюда уклонюсь.

Чацкъ:

(держитъ ее)
Постойтеже *(въ сторон:)* Разъ въ жизни притворюсь.
(громко)
Оставемъте мы эти пренья,

Съ Молчалинымъ мирюсь я, виноватъ,
Быть можетъ онъ не то, что три года назадъ:
Есть на землѣ такія превращенья
Правленій, климатовъ, и нравовъ и умовъ,
Есть люди важные, слыли за простяковъ,
Извѣстныхъ по Газетамъ,
Боюсь назвать, но признано всѣмъ свѣтомъ,
Особенно въ послѣдніе года,
Что стали умны, хоть куда,
Не въ этомъ подлежитъ Молчалинъ укоризнѣ: —
Но есть-ли въ немъ та страсть? то чувство? пылкость та?
Чтобъ кромѣ васъ ему всё въ жизни
Казалось прахъ и смѣхъ? дымъ, мѣлочь и тщета?
Чтобъ сердца каждое біенье
Любовью ускорялось къ вамъ?
Чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ его дѣламъ
Душою вы? вамъ угожденье? . . .
Я это чувствую, сказать вамъ не могу,
Но что теперь во мнѣ кипитъ, волнуетъ, бѣситъ,
Я-бъ не желалъ и личному врагу,
А онъ? . . . . смолчитъ и голову повѣситъ.
Конечно смиренъ, тихъ, безгласнѣе травы,
Богъ знаетъ въ немъ какая мудрость скрыта,
Богъ знаетъ за него, что выдумали вы,
Чѣмъ голова его въ вѣкъ не была набита,
Быть можетъ качествъ вашихъ тьму
Любуясь имъ, вы придали ему
Не на его душѣ, весь грѣхъ на вашей шеѣ. . . .
Нѣтъ! нѣтъ! пускай уменъ часъ отъ часу умнѣе,
Но васъ онъ стоитъ-ли? вотъ вамъ одинъ вопросъ,
Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату,
Какъ человѣку вы, который съ вами взросъ,
Какъ другу вашему, какъ брату
Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ,
Потомъ
Отъ съумашествія могу я остеречься,
По прежнему пущусь во всѣ края глядѣть,
Искать хоть нелюбви, но буду я умѣть
Теряться по̀ свѣту, забыться и развлечься

Ст. 54. Въ рукописи: „и голову и повѣситъ“.
Ст. 68. Было: „Потомъ подумайте“.
Ст. 70. Первоначально:

По прежнему пущусь слоняться въ свѣтъ,

Ст. 72. Было: „Теряться въ повизнахъ“.

Софія *(про себя)*

Вотъ нехотя съ ума свела.
(вслухъ)
Что притворяться?
Молчалинъ давиче могъ безъ руки остаться,
Я живо въ немъ участье приняла,
А вы случась на эту пору
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всѣмъ и безъ разбору.
Но можетъ истинна въ догадкахъ вашихъ есть,
И горячо его беру я подъ защиту.
Зачѣмъ-же быть? скажу вамъ на прямикъ,
Такъ не воздержну на языкъ?
Въ презрѣньи къ людямъ такъ не скрыту?
Что и смирнѣйшему пощады нѣтъ!.. Чего?
Нельзя назвать его:
Тотчасъ градъ колкостей и шутокъ вашихъ грянетъ.
Шутить! и вѣкъ шутить! какъ васъ на это станетъ!

Чацк:

Ахъ! Боже мой! неужь-ли я изъ тѣхъ,
Которымъ цѣль всей жизни смѣхъ?
Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю,
А чаще съ ними я скучаю.

Соф:

Напрасно. Это все относится къ другимъ,
Молчалинъ вамъ наскучилъ-бы едва-ли,
Когда-бъ сошлись короче съ нимъ.

Чацк: *(съ жаромъ)*

За чѣмъ же вы его такъ коротко узнали?

Соф:

Я нестаралась, Богъ насъ свелъ.
Смотрите дружбу всѣхъ онъ въ домѣ пріобрѣлъ.
При батюшкѣ три года служитъ,
Тотъ часто безъ толку сердитъ,
А онъ безмолвіемъ его обезоружитъ,
Отъ доброты души проститъ.
И между прочемъ
Веселостей искать-бы могъ;

Ничуть отъ старичьковъ не ступитъ за порогъ.
Мы рѣзвимся, хохочемъ,
Онъ съ ними цѣлый день засядетъ, радъ нерадъ,
Играетъ...

Чацк:

Цѣлый день играетъ!
Молчитъ, когда его бранятъ!
(въ стор)
Она его неуважаетъ.

Соф.

Конечно нѣтъ въ немъ этого ума,
Что Геній для иныхъ, а для иныхъ чума,
Который скоръ, блестящь, и скоро опротивитъ,
Который свѣтъ ругаетъ на повалъ,
Чтобъ свѣтъ объ немъ хоть что-нибудь сказалъ,
Да эдакій-ли умъ семейство ощастливитъ?

Чацк:

Сатира и Мораль, смыслъ этого всего?
(въ стор:)
Она неставитъ въ грошь его.

Софія.

Чудеснѣйшаго свойства
Онъ наконецъ, уступчивъ, скроменъ, тихъ,
Въ лицѣ ни тѣни безпокойства,
И на душѣ проступковъ никакихъ,
Чужихъ и вкривь и вкось нерубитъ,
Вотъ я за что его люблю.

Чацк: *(въ сторон:)*

Шалитъ, она его нелюбитъ.
(вслухъ)
Докончить я вамъ пособлю
Молчалина изображенье,
Оставьте мнѣ на попеченье.
Но Скалазубъ? вотъ человѣкъ съ душой,
Люблю я ростъ его большой,
Геройскій голосъ — басъ, звучнѣе барабана.

Ст. 105. Было: „стариковъ".
Ст. 117. Было: „Мораль и Сатира?"

Софія.

Герой!... не моего романа.

Чацк:

Не вашего? кто разгадаетъ васъ?

СЦЕНА 2-ая

Чацкій, Софія, Лиза.

Лиза *(шопотомъ)*

Сударыня, за мной, сей часъ
Къ вамъ Алексѣй Степаночь будетъ.

Софія.

Простите, надобно идти мнѣ поскорѣй.

Чацк:

Куда?

Софія.

Къ прихмахеру.

Чацк:

Богъ съ нимъ.

Софія.

Щипцы простудитъ.

Чацк:

Пусть студитъ ихъ.

Софія.

Нельзя, ждемъ на вечеръ гостей.

Чацкій.

Богъ съ вами, остаюсь опять съ моей загадкой,
Однако дайте мнѣ зайти хотя украдкой
Къ вамъ въ комнату на несколько минутъ,
Тамъ стѣны, воздухъ все пріятно.
Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ
Воспоминанія, объ томъ, что не возвратно!
Взойду, незасижусь, вздохну минуты двѣ,
Потомъ подумайте, членъ Англійскаго Клуба,
Я тамъ дни цѣлые пожертвую молвѣ
Про умъ Молчалина, про душу Скалазуба.

(Софія пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается, за нею и Лиза)

СЦЕНА 3-iя

Чацкій потомъ Молчалинъ.

Чацкій.

Ахъ! Софья!... Неужь-ли Молчалинъ избранъ ей!
А чѣмъ не мужь? — Ума въ немъ только мало,
Но чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума недоставало?
Услужливъ, скромненькій, въ лицѣ румянецъ есть.
(входитъ Молчалинъ)
Вонъ онъ на ципочькахъ, и небогатъ словами,
Какою ворожбой умѣлъ къ ней въ сердце влезть!
(обращается къ нему)
Намъ Алексѣй Степаночь съ вами
Неудалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче? безъ печали?

Молчал:

По прежнему-съ.

Чацк:

А прежде какъ живали?

Молчал:

День за день, нынче какъ вчера.

Чацк:

Къ перу отъ картъ? и къ картамъ отъ пера?

Молчалинъ.

Могу назвать себя щастливымъ
По мѣрѣ ревности и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.

Чацкій.

Взманили почести и знатность?

Ст. 165. Было:

Съ тѣхъ поръ, какъ занятъ по Архивамъ,

Молчал:

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ...

Чацкій.

У васъ?

Молчал:

Два-съ:

Умѣренность и акуратность.

Чацк:

Чудеснѣйшіе два! и стоятъ нашихъ всѣхъ.

Молч:

Вамъ недались чины, по службѣ неуспѣхъ?

Чацк:

Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.

Молчал:

Какъ удивлялись мы!

Чацк:

Какое-жь диво тутъ?

Молчал:

Жалѣли васъ!

Чацк:

Напрасный трудъ.

Молчалинъ.

Татьяна Дмитревна расказывала что-то
Изъ Петербурга воротясь
Съ Министрами про вашу связь
Потомъ разрывъ...

Чацкій:

Ей почему забота!

Молчал:

Татьянѣ Дмитревнѣ!

Чацк:

Я съ нею незнакомъ.

Молчал:

Съ Татьяной Дмитревной!!

Чацк:

Съ ней вѣкъ мы невстрѣчались,
Слыхалъ, что вздорная.

Молчалинъ.

Да это полно та-ли-съ?
Татьяна Дмитревна!!! — Ее извѣстенъ домъ,
Живетъ по старинѣ, и рождена въ боярствѣ,
Мужь занимаетъ постъ изъ первыхъ въ Государствѣ,
Любезенъ, лакомка до вкусныхъ блюдъ и винъ,
При томъ отличный семьянинъ:
Съ женой въ ладу, по службѣ ею дышетъ,
Она прикажетъ, онъ подпишетъ.
Къ Татьянѣ Дмитревнѣ вы съѣздите.

Чацк.:

За чѣмъ!

Молчалинъ.

За тѣмъ,
Что часто пользу мы находимъ, гдѣ не метимъ.

Чацк.:

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.

Молчал.:

Какъ обходительна! добра! мила! проста!
Балы даетъ нельзя богаче
Отъ Рождества и до поста,
А лѣтомъ праздники на дачѣ.
Ну право что-бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить?
И награжденья брать и весело пожить?

Чацк:

Когда въ дѣлахъ: я отъ веселій прячусь,
Когда дурачиться: дурачусь,

А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искусниковъ, я не изъ ихъ числа.

Молчал:

По нашему тутъ нѣту преступленья,
Вотъ вамъ Ѳома Ѳомичь извѣстенъ вѣрно?

Чацк:

Чтожь?

Молчал:

При трехъ Министрахъ былъ Начальникъ Отдѣленья
Сюдаже перешелъ.

Чацк:

Хорошь!
Ничтожный человѣкъ, изъ самыхъ безтолковыхъ.

Молчал:

Какъ можно! слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ,
Читали-вы?

Чацк:

Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.

Молчал:

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть,
Не Сочинитель я....

Чацк:

Да; по всему замѣтно.

Молчал:

Несмѣю въ слухъ мое сужденье произнесть.

Чацк:

За чѣмъже такъ секретно?

Молчал:

Въ мои лѣта, недолжно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

Чацк:

Помилуйте мы съ вами неребяты,
За чѣмъже мнѣнія чужія только святы?

Молчал:

Вѣдь надобножь зависѣть отъ другихъ.

Чацк:

За чѣмъ-же надобно?

Молчал:

Въ чинахъ мы небольшихъ.

Чацкій *(почти громко)*

Съ такими чувствами! съ такой душою древнею!
Любимъ!.... обманщица смѣялась надо мною!

СЦЕНА 4-ая

Вечеръ.

Раскрывается въ перспективѣ рядъ освѣщенныхъ комнатъ, Слуги суетятся, одинъ изъ нихъ главный говоритъ:)

Эй! Ѳилька, Ѳомка, ну, ловчѣй,
Столы для картъ, мѣлъ, щётокъ и свѣчей

(стучится къ Софіи въ дверь)

Скажите, барышнѣ скорѣе, Лизавета:
Наталья Юрьевна, и съ мужемъ, и къ крыльцу
Еще подъѣхала карета.

(Расходятся, остается одинъ Чацкій)

СЦЕНА 5-ая

Чацкій, Наталья Юрьевна.

Нат: Юрь:

Не ошибаюсь-ли!... онъ точно по лицу.
Ахъ! Александръ Андрѣичь, вы ли?

Чацк:

Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы,
Не ужь-то такъ меня три года измѣнили?

Нат: Юрь:

Я полагала васъ далеко отъ Москвы
Давно-ли?

Чацк:

Нынче лишь.....

Нат. Юрьв:

На долго?

Чацк:

Какъ случится,
Однако кто смотря на васъ неподивится!
Полнѣе прежняго, помолодѣли страхъ.
Какъ свѣжи! какъ здоровы!
Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ.

Натл: Юрьв:

Я за мужемъ.

Чацк:

Сказали-бы давно вы.

Нат: Юрьв:

Мой мужь, прелестный мужь, вотъ онъ сейчасъ войдетъ,
Я познакомлю васъ, хотите-ль?

Чацк:

Прошу.

Нат: Юрьв:

Онъ не спѣсивъ, а какъ себя ведетъ!
Супружнихъ должностей строжайшій исполнитель.

Чацк:

Иныхъ особенно, да съ вами было бъ грѣхъ.

Натл: Юрьв

Нѣтъ-съ, неособенно, а всѣхъ, всегда и всѣхъ.
Платонъ Михайлочь мой единственный, безцѣнный,
Теперь въ отставкѣ, былъ военный,
И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, съ талантомъ,
Когда-бы службу продолжалъ,
Конечно былъ-бы онъ Московскимъ Комендантомъ.

СЦЕНА 6-ая

Чацкій, Натал: Юрьв: Платонъ Михайловичь.

Нат: Юрьв:

Вотъ мой Платонъ Михайлочь.

Чацк:

Ба!
Другъ старый, мы давно знакомы, вотъ судьба.

Плат: Мих:

Здорово, Чацкій братъ

Чацк:

Платонъ любезный, Славно
Похвальный листъ тебѣ, ведешь себя исправно.

Плат: Мих:

Какъ видишь братъ:
Московскій житель и женатъ.

Чацк:

Забытъ шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?

Плат: Мих:

Нѣтъ, есть таки занятья,
На флейтѣ я твержу дуэтъ
Амольный.....

Чацк:

Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ! въ мужьяхъ всего дороже.

Плат: Мих:

Братъ, женишься тогда меня вспомянь,
Отъ скуки будешь ты свистѣть одно и тоже.

Чацк:

Отъ скуки! какъ? ужь ты ей платишь дань?

Нат: Юрьевн:

Платонъ Михайлочь мой къ занятьямъ склоненъ разнымъ,
Которыхъ нѣтъ теперь, къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу.... иногда скучаетъ по утрамъ.

Чацк:

А кто любезный другъ велитъ тебѣ быть праздным?
Во фрунтъ. Ступай. Охота лишь была-бъ.

Нат: Юрьевн:

Платонъ Михайлочь мой здоровьемъ очень слабъ.

Чацк:

Здоровьемъ слабъ! давно-ли?

Нат: Юрьев:

Все рюматизмъ, и головныя боли.

Чацк:

Движенье болѣе. Въ деревню, въ теплый край.
По чаще на конь. Мчись, порскай.

Нат: Юрьевн:

Платонъ Михайлочь городъ любитъ,
Москву, за что въ глуши, онъ дни свои погубитъ.

Чацк:

Москву и городъ..... Ты чудакъ,
А помнишь прежнее?

Плат: Михайл:

Да, братъ, теперь нетакъ.

Натал: Юрьев:

Ахъ! мой дружочикъ,
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ,
Ты распахнулся весь, и растегнулъ жилетъ.

Плат: Мих:

Теперь братъ, я не тотъ.

Натал: Юрьевн:

Послушайся разочикъ
Мой милой застегнись скорѣй.

Плат: Мих: *(хладнокровно)*

Сей часъ.

Натал: Юрь:

Да отойди подальше отъ дверей
Сквозный тамъ вѣтеръ дуетъ сзади.

Плат: Мих:

Теперь братъ я нетотъ.

Натл: Юрьев:

Мой Ангель, Бога ради
Отъ двери дальше отойди.

Плат: Мих: *(глаза къ небу)*

Ахъ! матушка!

Чацк:

Ну Богъ тебя суди.
Ужь точно сталъ не тотъ въ короткое ты время,
Не въ прошломъ-ли году, въ концѣ
Въ полку тебя я зналъ? лишь утро: ногу въ стремя
И носишься на борзомъ жеребцѣ;
Осенній вѣтеръ дуй, хоть спереди, хоть съ тыла.

Плат: Михайл: *(со вздохомъ)*

Эхъ! братецъ! славное тогда житьё-то было.

СЦЕНА 7-ая.

Тѣ же и Князь и Княгиня Тугоуховскіе съ 6-тью дочерьми.

Натал: Юрьевн: *(тоненькимъ голоскомъ).*

Князь Петръ Ильичь, Княгиня, Боже мой!
Княжна Зизи! Княжна Наталья!
(громкія лобызанія, потомъ усаживаются).

1-ая Княжна.

Ахъ! что это на васъ?

2-ая Княжна.

Прелестнѣйшій покрой!

Натал: Юрьев:

Нѣтъ, естли-бъ видѣли, себѣ купила шаль я.

3-ая Княжна.

Какой эшарпъ cousin мнѣ подарилъ!

4-ая Княжна.

Ахъ! да, барежевый.

5-ая Княжна.

Ахъ! прелесть!

6-ая Княжна.

Ахъ! какъ милъ!

Княгиня.

Ссъ! Кто это въ углу? взошли мы, поклонился.

Натал: Юрьевн:

Пріѣзжій, Чадскій.

Княгиня.

Отставный?

Натал: Юрьевна.

Да, путешествовалъ, недавно воротился.

Княгиня.

И холостый?

Нат: Юрьев:

Да, неженатъ.

Княгиня.

Князь, Князь, сюда пожалуй.

Князь *(къ ней обращаетъ слуховую трубку)*

О! хмъ!

Княгиня.

Пошелъ-бы ты, да пригласилъ-бы къ балу
Натальи Юрьевны знакомого: вонъ онъ.

Князь.

И хмъ! *(отправляется, вьется около Чацкаго и покашливаетъ)*

Княгиня.

Вотъ то-то дѣтки,
Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ;
Тавцовщики ужасно стали рѣдки!...
— Онъ Камеръюнкеръ?

Нат: Юрьевн:

Нѣтъ.

Княгиня.

Богатъ?

Нат: Юрьев:

О! нѣтъ!

Княгиня *(громко, что есть мочи)*

Князь. Князь. Назадъ.

СЦЕНА 8-ая

Тѣже и Графини Хрюмины бабушка и внучька.

Графиня внучька.

Ахъ! grand' maman ну кто такъ рано пріѣзжаетъ!
Мы первыя! *(пропадаетъ въ боковую комнату)*

Княгиня.

Вотъ насъ честитъ!
Вотъ первая и насъ за никого щитаетъ!
Зла въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ, ужь Богъ ее проститъ.

Графиня внучька *(вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойный Лорнетъ)*

Мсьё Чацкій! вы опять въ Россіи?

Чацк.:

Какъ видите.

Графиня внучька.

Вернулись холостые?

Чацкій.

На комъ жениться мнѣ?

Графиня внучька.

Въ чужихъ краяхъ на комъ!
О! нашихъ тьма безъ дальнихъ справокъ
Тамъ женятся и насъ дарятъ родствомъ
Съ исскусницами модныхъ лавокъ.

Чацкій.

Нещастные! должныль упреки несть
Отъ подражательницъ модисткамъ?
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ?

СЦЕНА 9-ая

Тѣ же и множество другихъ Гостей. Между прочемъ Загарѣцкій. Мущины являются, шаркаютъ, отходятъ въ сторону, кочуютъ изъ комнаты въ комнату и пр: Софія отъ себя выходитъ. Всѣ къ ней на встрѣчу.

Графиня внучька *(къ нейже)*

Eh! bon soir! comment vont les rubans? les guirlandes?
Toujours le déséspoir de ceux, qui Vous attendent!

Загарѣцкій *(Софьѣ)*.

На завтрашній Спектакль имѣете билетъ?

Софія.

Нѣтъ.

Загарѣцкій.

Позвольте вамъ вручить, напрасно бы кто взялся
Другій вамъ услужить, за то
Куда я некидался!
Въ Контору: — все взято.
Къ Директору, онъ мнѣ пріятель,
Съ зарей въ седьмомъ часу, и! кстатель!
Ужь съ вечера никто достать не могъ,
Къ тому, къ сему, всѣхъ сбилъ я съ ногъ,
И этотъ наконецъ похитилъ уже силой
У одного, старикъ онъ милой,
Мнѣ другъ, извѣстный домосѣдъ,
Пусть дома просидитъ въ покоѣ.

Софія.

Благодарю васъ за билетъ,
А за старанье вдвое.
(Являются еще кое-какіе, тѣмъ временемъ Загорѣцкій отходитъ)

Загарѣцкій.

Платонъ Михайлочь.

Платонъ Михайл.:

Прочь.
Поди ты къ женщинамъ, имъ лги, и ихъ морочь.
Я правду объ тебѣ пораскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вотъ братъ
(Чадскому)
Рекомендую
Какъ эдакихъ людей зовутъ?
Помягчѣ-то? по свѣтски?
Отъявленный мошенникъ, плутъ:
Антонъ Антоночь Загарѣцкій.
При немъ остерегись, переносить гораздъ,
И въ карты несадись: продастъ.

Загарѣцкій.

Оригиналъ! брюзгливъ, а безъ малѣйшей злобы

Чацкій.

И оскорбляться вамъ смѣшно-бы,
Окромѣ честности есть множество отрадъ:
Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.

Плат. Мих.

Охъ нѣтъ! братецъ, Москва! ругаютъ
Вездѣ, а всюду принимаютъ.
(Загарѣцкій мышается въ толпу)

СЦЕНА 10-ая

Тѣже и Хлёстова.

Хлёстова.

Легко-ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Тащиться мнѣ къ тебѣ? племянница, мученье
Часъ битый ѣхала съ Покровки, силы нѣтъ.

Ночь: — свѣтопредставленье.
Отъ скуки я взяла съ собой
Арапку-дѣвку, да собачьку,
Вели ихъ накормить, ужо̀ дружочикъ мой,
Отъ ужина сошли подачьку.
Княгиня здравствуйте *(сѣла)* Ну, Софьюшка мой другъ,
Какая у меня Арапка для услугъ,
Курчавая! горбомъ лопатки!
Сердитая! всѣ кошечьи ухватки!
Да какъ черна! да какъ страшна!
Вѣдь создалже Господь такое племя!
Тамъ въ дѣвичей она
Позвать-ли?

Софія.

Нѣтъ-съ, въ другое время.

Хлёстова.

Представь: ихъ какъ звѣрей выводятъ на показъ,
Я слышала въ землѣ Турецкой,
А знаешь ли, кто мнѣ припасъ? —
Антонъ Антоночь Загарѣцкій,
(Онъ выставляется впередъ)
Лгунишка онъ, картежникъ, воръ.
(Загарѣцкій исчезаетъ).
Я отъ него было и двери на запоръ,
Да мастеръ услужить: Мнѣ и сестрѣ Прасковьѣ
Двоихъ Арапченковъ на ярмонкѣ досталъ,
Купилъ онъ говоритъ, чай въ карты сплутовалъ,
А мнѣ подарочикъ, дай Богъ ему здоровье.

Чацкій *(съ хохотомъ Платону Михайловичу)*

Не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ,
И Загарецкій самъ невыдержалъ, пропалъ.

Хлёстова.

Кто этотъ весельчакъ? изъ званія какого?

Софія.

Вонъ этотъ? — Чадскій.

Ст. 389. Въ началѣ стиха было: „Да“, потомъ зачеркнуто и вставлено: „Не“.

Музейный автографъ.

Хлёстова.

Ну? а что нашелъ смѣшного?
Чему онъ радъ? какій тутъ смѣхъ?
Надъ старостью смѣяться грѣхъ,
Я помню ты дитей съ нимъ часто танцовала,
Я за уши его трепала, только мало.

СЦЕНА 11-ая

Тѣже и Фамусовъ.

Фамусовъ.

Ждемъ Князя Петра Ильича,
А Князь ужь здѣсь! а я забился тамъ въ портретной.
Гдѣ Скалазубъ Сергѣй Сергѣичь? а?
Нѣтъ, кажется, что нѣтъ, онъ человѣкъ замѣтный
Сергѣй Сергѣичь Скалазубъ.

Хлёстова.

Ахъ! батюшка, да ты отправился къ нему-бъ.

СЦЕНА 12-ая

Тѣже и Скалазубъ, потомъ Молчалинъ.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичь, запоздали,
А мы васъ ждали, ждали, ждали.
(подводитъ къ Хлёстовой)
Моя невѣстушка, которой ужь давно
Объ васъ говорено.

Хлёстова *(сидя)*

Вы прежде были здѣсь... въ полку... въ томъ... въ
Гренадерскомъ?

Скалазубъ *(басомъ)*

Въ Его Высочества, хотите вы сказать,
Ново-Землянскомъ Мушкетерскомъ.

Хлёстова.

Не мастерица я полки-та различать.

Скалазубъ.

А форменныя есть отличьки
Въ мундирахъ выпушки, погончики, петличьки

Фамусовъ

Пойдемте батюшка, тамъ ожидаютъ васъ
Мой братъ и многіе. Прошу покорно. Князь.
(уводитъ ихъ съ собою)

Хлёстова *(Софіи)*

Ухъ! я точнёхонько избавилась отъ петли,
Вѣдь полоумный твой отецъ,
Дался ему трехъ саженъ удалецъ,
Знакомитъ, неспросясь пріятно-ли намъ? нѣтъ-ли?

Молчалинъ *(подаетъ ей карту)*

Я вашу партію составилъ: Мосьё Кокъ,
Ѳома Ѳомичь и я.

Хлёстова.

Спасибо мой дружокъ.
(встаетъ)

Молчалинъ.

Вашъ шпицъ, прелестный шпицъ, неболѣе наперстка,
Я гладилъ все его, какъ шелковая шерстка.

Хлёстова.

Спасибо мой родной.
(уходитъ, за ней Молчалинъ и многіе другіе)

СЦЕНА 13-ая

Чацкій, Софія и несколько посторонних, которые въ продолженіи расходятся.

Чацкій.

Ну! тучу разогналъ...

Софія.

Нельзяль непродолжать?

Чацк:

Чѣмъ васъ я испугалъ?
За то, что онъ смягчилъ разгнѣванную гостью
Хотѣлъ я похвалить.

Софія.

А кончили-бы злостью.

Чацк:

Сказать вамъ, что я думалъ? — Вотъ:
Старушки часто вѣдь сердиты,
Кобы всегда такій услужникъ знаменитый
Тутъ былъ какъ громовый отводъ.
Какъ онъ исскусно всё уладилъ!
Рушитель ссоръ, смиритель грозъ,
Какъ кстати карточьку поднёсъ!
Какъ моську во время погладилъ!
Въ немъ Загарѣцкій неумрётъ,
Чего неожидать при этомъ нравѣ кроткомъ,
При свойствѣ угождать племянницамъ и теткамъ,
(ей на ухо)
О! давишнее вамъ такъ даромъ непройдетъ.
(уходитъ)

СЦЕНА 14-ая

Софія, потомъ Г. N*

Софія.

Грозитъ и тѣшится, и радъ бы что есть силы
Молчалина при всѣхъ унизить, какъ онъ золъ!

Г. N* *(подходитъ)*

Вы въ размышленіи

Софья.

Объ Чацкомъ.

Г. N*

Онъ премилый.

Софія.

Онъ не въ своемъ умѣ.

Г. N*

Ужь-ли съ ума сошёлъ!

Софія

Не то, чтобы со всѣмъ.

Г. N*

Однако есть примѣты?

Софія *(смотритъ на него пристально)*

Мнѣ кажется.

Г. N*

Какъ можно въ эти лѣты!

Софія.

Какъ быть!

(въ стор:)

Готовъ онъ вѣрить!

А! Чадскій любите вы всѣхъ въ шуты рядить,
Угодноль на себѣ примѣрить?

(уходитъ)

СЦЕНА 15-ая

Г. N* потомъ Г. D*

N.*

Съ ума сошёлъ!.. Ей кажется!.. вотъ на!
Не даромъ!.. Поводъ есть, съ чего-бъ взяла она!
Ты слышалъ?

D*

Что?

N*

Объ Чацкомъ?

D*

Что такое?

N*

Съ ума сошёлъ

D*

Пустое...

N*

Не я сказалъ, другіе говорятъ.

D*

А ты разславить это радъ?

N*

Пойду, освѣдомлюсь, чай кто нибудь да знаетъ.
(уходитъ)

СЦЕНА 16-ая

Г. D* потомъ Загарѣцкій.

D*

Вѣрь болтуну!
Услышитъ вздоръ и тотчасъ повторяетъ!
Ты знаешь ли объ Чацкомъ?

Загарѣцкій.

Ну?

D*

Съ ума сошёлъ.

Загарѣцкій.

А знаю, помню, слышалъ.
Какъ мнѣ незнать? примѣрный случай вышелъ,
Его въ безумные упряталъ дядя, плутъ,
Схватили, въ желтый домъ, и на цѣпь посадили.

D.

Помилуй, онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ.

Загарѣцкій.

Такъ съ цѣпи стало быть спустили.

D*

Ну милый другъ, съ тобой ненадобно Газетъ,
Извѣстенъ обо всёмъ, да жаль, что вѣры нѣтъ,
Пойду къ другимъ. Авось поменьше знаютъ.
(уходитъ)

СЦЕНА 17-ая

Загарѣцкій потомъ Графиня внучька.

Загарцк.

Которогожь они тутъ Чацкимъ называютъ!
Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ,
Вы слышали объ нёмъ?

Графня внучьк:

Объ комъ?

Згрцк:

Объ Чацкомъ, онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ...

Грфн: внучька.

Знаю
Я говорила съ нимъ.

Згрцк:

Такъ я васъ поздравляю
Онъ съумасшедшій.....

Гр-ня внучька

Что?

Згрцк:

Да, онъ сошёлъ съ ума.

Грфня внучька.

Представьте я замѣтила сама
Была пари держать готова.

СЦЕНА 18-ая

Тѣже и Графиня бабушка.

Грф-ня внучька.

Ah! grand' maman, вотъ чудеса! вотъ ново!
Вы неслыхали здѣшнихъ бѣдъ?
Послушайте. Вотъ прелести! вотъ мило!

Музейный автографъ.

Грф-ня БАБУШКА.

Мой *т*ругъ, мнѣ уши залo*ш*ило.
Скаш*и* погромче...

Грф-ня ВНУЧЬКА.

Время нѣтъ,
Il vous dira toute l'histoire,
Пойду, спрошу.

(уходитъ)

СЦЕНА 19-ая

Загарѣцкій, Графиня БАБУШКА.

ГРАФ-ня БАБУШКА

Что? Что? ужь нѣтъ-ли здѣсь пo*ш*ара?

Загарѣцкій.

Нѣтъ, Чацкій произвелъ всю эту кутерьму.

Граф-ня Баб.:

Какъ Чацкаго? кто свёлъ въ тюрьму?

Загарѣцк:

Чтобъ не свели его, сошелъ съ ума заранѣ.

Грфн: Баб:

Пошелъ онъ въ бусурмане!

Згрцк.

Ее невразумишь

(уходитъ)

Грфня Баб:

Антонъ Антоночь. Ахъ!
И онъ бѣжитъ, всѣ въ страхѣ, въ попыхахъ.

СЦЕНА 20-ая

Графиня бабушка и Князь Тугоуховскій.

Грфня б.

Князь. Князь. Охъ! этотъ Князь, по баламъ самъ чуть дышетъ.
Князь слышали?

Князь.

А! хмъ.

Графня б.

Онъ ничего неслышитъ.
Хоть, можетъ, видѣли, здѣсь полицмейстеръ былъ?

Князь.

Э хмъ!

Графиня б.

Въ тюрьму-та Князь, кто Чацкаго схватилъ?

Князь.

И хмъ!

Графиня б:

Ечай ему надѣнутъ лямку, ранецъ,
Да ничто, шутка-ли перемѣнилъ законъ!

Князь.

У хмъ!

Графиня б.

Да!... въ бусурманахъ онъ!
Ахъ! окаянный Волтерьянецъ!
Что? а? глухъ мой отецъ, Достаньте свой рожокъ.
Охъ! глухота большой порокъ.

СЦЕНА 21-ая

Тѣже и Хлёстова, Софія, Молчалинъ, Платонъ Михайловичь, Наталья Юрьевна, Графиня внучька, Княгиня съ дочерями, Загарѣцкій, Скалазубъ, потомъ Фамусовъ и многіе другіе.

Хлёстова.

Съ ума сошёлъ! Прошу покорно!
Да невзначай! Да какъ проворно!
Ты Софья слышала?

Плат: Михайл:

Кто первый разгласилъ?

Натал: Юрьевн:

Ахъ! другъ мой, всѣ.

Плат: Мих:

Ну всѣ, такъ вѣрить по неволи,
А мнѣ сомнительно.

Фамусовъ *(входя)*

О чёмъ? О Чацкомъ что-ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открылъ,
Давно дивлюсь я: какъ никто его несвяжетъ!
Попробуй о властяхъ, и ни вѣсть что наскажетъ!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцёмъ,
Хоть предъ Монаршімъ лицёмъ,
Такъ назоветъ онъ подлецёмъ!...

Хлёстова.

Тудаже изъ смѣшливыхъ,
Сказала что-то я: онъ началъ хохотать.

Молчалинъ.

Мнѣ отсовѣталъ въ Москвѣ служить въ Архивахъ!

Графиня внучька.

Меня Модисткою изволилъ величать!

Натал: Юрьевн:
А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ.

Загарѣцк:
Безумный по всему.

Графн: внучька.
Я видѣла изъ глазъ.

Фамусовъ.
По матери пошелъ, по Аннѣ Алексевнѣ,
Покойница съ ума сходила осемь разъ.

Хлёстова.
На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
Чай пилъ не по лѣтамъ.

Княгиня
О! вѣрно.

Графиня внучька
Безъ сомнѣнья.

Хлёстова.
Шампанское стаканами тянулъ

Натал: Юрьевн:
Бутылками-съ, мы замѣчали сами.

Загарѣцк: *(съ жаромъ)*
Наталья Юрьевна, ведрами, да-съ ведрами.

Фамусовъ.
Ну, вотъ! великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мущина!
Ученье, — вотъ чума, ученость, — вотъ причина,
Что нынче пуще, чѣмъ когда
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній.

Хлёстова.
И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ
Отъ Пансіоновъ, школъ, Лицеевъ, какъ бишь ихъ,
Да отъ Ланкарточныхъ взаимныхъ обученій.

Ст. 522. „Юрьевна“ изъ „Дмитріевна“

Княгиня.

Нѣтъ, въ Петербургѣ Институтъ
Пе-да-го-гическій, такъ кажется зовутъ:
Тамъ упражняются въ расколахъ и въ безвѣрьи
Профессоры!! у нихъ учился нашъ родня,
И вышелъ! хоть сей часъ въ Аптеку, въ подмастерья,
Отъ женщинъ бѣгаетъ, и даже отъ меня!
Чиновъ нехочетъ знать! Онъ Химикъ, онъ Ботаникъ,
Князь Ѳедоръ мой племянникъ.

Скалазубъ.

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проэктъ на щетъ Лицеевъ, школъ, Гимназій,
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: Разъ. Два.
А книги сохранять такъ: для большихъ оказій.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичь нѣтъ. Ужь коли зло пресѣчь
Забрать всѣ книги-бы да сжечь.

Загарѣцкій

Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь. А естлибъ между нами
Былъ Цензоромъ назначенъ я,
На басни-бы налегъ, охъ! басни смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами! надъ Орлами!
Кто что ни говори: —
Хотя животные, а всё таки Цари.

Хлёстова.

Отцы мои, ужь кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ всё равно, отъ книгъ-ли, отъ питьяль,
А Чацкаго мнѣ жаль.
По христіански такъ, онъ жалости достоинъ,
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.

Фамусовъ.

Четыре.

Хлёстова.

Три, сударь.

Фамусовъ.

Четыреста.

Хлёстова.

Нѣтъ! триста

Фамусовъ.

Въ моемъ Календарѣ.

Хлёстова.

Все врутъ Календари.

Фамусовъ.

Какъ разъ четыреста, охъ! спорить голосиста!

Хлёстова.

Нѣтъ! триста ужь чужихъ имѣній мнѣ незнать.

Фамусовъ.

Четыреста и... сорокъ пять.

Вмѣстѣ bis.

Хлёстова.

Нѣтъ! триста, триста, триста.

СЦЕНА ПОСЛѢДНЯЯ

Тѣже всѣ и Чацкій

Нат. Юрь.

Вонъ онъ.

Графиня внуч.

Шшъ!

Всѣ.

Шшъ!

(пятятся отъ него въ противную сторону)

Хлёстова.

Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Онъ драться вздумаетъ, вѣдь съ нимъ плохи раздѣлки.

Фам:

О Господи! помилуй грѣшныхъ насъ!

(опасливо)

Любезнѣйшій. Ты не всвоей тарелкѣ,
Съ дороги нуженъ сонъ. Дай пульсъ. Ты нездоровъ.

Послѣдняя сцена вся написана чужою рукою.

Чацкій.

Да, мочи нѣтъ: милльонъ терзаній
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ.
(подходитъ къ Софьѣ)
Душа здѣсь у меня какой-то скорбью сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой,
Нѣтъ! не ужиться мнѣ съ Москвой.

Хлёстова.

Москва вишь виновата.

Фамусовъ.

Подальше отъ него
(дѣлаетъ знакъ Софіи)
Гмъ, Софья! Неглядитъ!

Софія. *Чацкому*

Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?

Чацкій.

Въ той комнатѣ, простѣйшій случай;
Французикъ изъ Бордо былъ окруженъ зѣвакъ
И слушательницъ кучей:
Къ своимъ приравнивалъ онъ насъ, что точно такъ
На все готовы мы, нѣтъ дѣла до послѣдствій,
Все только бы шутя, рѣзвясь,
Отъ нашихъ гладинькихъ онъ фразъ,
Отъ нашихъ круглинькихъ привѣтствій
Воображаетъ быть въ отечествѣ своемъ,
И прочее...—утихъ, и тутъ по немъ
Объ южной Франціи, о берегахъ Гароны
Заохали, урокъ изъ дѣтства натверженъ,
Особенно двѣ, три Княжны пускали стоны,
(Куда дѣваться отъ Княжёнъ!)
Я къ небу возсылалъ смиренныя желанья,
Однако въ слухъ,
Чтобъ удалилъ Господь нечистый этотъ духъ,
Слѣпаго, жалкаго, пустого подражанья,
Чтобъ воздержалъ насъ крѣпкою возжой,
Отъ слезъ и тошноты по сторонѣ чужой.
Не ужь-ли у себя для нашихъ нѣтъ желаній

Семейныхъ прелестей, родныхъ воспоминаній!
И чѣмъ нашъ Севѣръ лучше сталъ,
Что все завѣтное наслѣдье промѣнялъ?
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую —
По шутовскому образцу,
Хвостъ сзади; спереди какій-то чудный выемъ!
Короткополые на перекоръ стихіямъ,
Разсудку смѣхъ, и не краса лицу.
Какъ платья и умы коротки,
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки....
Ахъ! естли рождены мы все перенимать,
Хоть у Китайцевъ-бы намъ нѣсколько занять
Ихъ отверженья Иноземцевъ,
Воскреснемъ-ли когда отъ чужевластья модъ?
Чтобъ умный, бодрый нашъ народъ,
Хотя по языку насъ не считалъ за Нѣмцевъ.
— „Помилуйте, какъ ставить въ паралель,
„Національное съ Французскимъ, вотъ охота!
„Ну какъ перевести *Мадамъ* и *Мадмуазель?*
„Ужь-ли *сударыня!!*“ — пробормоталъ мнѣ кто-то — — —
Представьте, тутъ у всѣхъ,
На мой-же щетъ поднялся смѣхъ.
„Сударыня! Ха! Ха! Ха! Ха! прекрасно
„Сударыня! Хю! Хю! Хю! Хю! ужасно!!“—
Я разсердясь и жизнь кленя
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною, онъ не новый,
Москва, столичное въ Россіи мѣсто; то,
Гдѣ человѣкъ изъ города Бордо
Лишь ротъ раскрылъ имѣетъ щастье,
Во всѣхъ Княжонъ вселять участье,
И въ этой-же Москвѣ,
Когда воспитанъ кто въ отечественныхъ нравахъ,
Въ чьей головѣ
Пять, шесть, найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно обьявлять:
Глядь.....

(оглядывается, всѣ въ вальсъ кружатся съ величайшимъ усердіемъ. Старики разбрелись къ карточнымъ столамъ)

Конецъ 3-аго Акта.

АКТЪ IV.

У Фамусова въ домѣ Парадныя сѣни, большая лѣстница изъ второго жилья, къ которой примыкаютъ многія побочныя изъ Антресолей, внизу справа (отъ дѣйствующихъ) выходъ на крыльцо и Швейцарская ложа, съ лѣва на одномъ же планѣ комната Молчалина.

Ночь.

Лакеи иные въ движеніи, иные спятъ въ ожиданіи Господъ своихъ.

СЦЕНА 1-ая

Графиня бабушка, Графиня внучька, впереди ихъ Лакей.

Лакей

Графини Хрюминой Карета.

Графиня внучька *(покуда ее укутываютъ).*

Ну балъ! Ну Фамусовъ! умѣлъ гостей назвать!
Какіе-то уроды съ того свѣта,
И не съ кѣмъ говорить, и не съ кѣмъ танцовать.

Графиня баб:

Поѣдемъ матушка, мнѣ право не подъ силу,
Когда-нибудь я съ бала да въ могилу.
(обѣ уѣзжаютъ.)

Въ описаніи сцены было: „изъ второго Этажа“, „верьхнихъ Антресолей“.

СЦЕНА 2-ая

Платонъ Михайловичь и Наталья Юрьевна

(Одинъ лакей около ихъ хлопочетъ, другій у подъѣзда кричитъ:)

Карета Горича.

Натал. Юрьевн:

Мой Ангелъ, жизнь моя
Безцѣнный, душечька, мой милой
(цѣлуетъ мужа въ лобъ)
Признайся весело у Фамусовыхъ было

Платонъ Мих:

Наташа — матушка, дремлю на балахъ я,
До нихъ смертельный неохотникъ,
А непротивлюсь, твой работникъ,
Дежурю за полночь, подъ часъ
Тебѣ угодно, съ рожей постной
Пускаюсь по командѣ въ плясъ.

Натал. Юревн.:

Ахъ миленькій, ты пренесносный,
Охота смертная прослыть за старика.
(уходитъ съ Лакеемъ)

Плат: Михайл: *(хладнокровно)*

Балъ вещь хорошая, неволя-то горька,
И кто жениться насъ неволитъ!
Вѣдь сказаножь иному на роду,

Лакей *(съ крыльца)*

Въ каретѣ барыня-съ, и гнѣваться изволитъ.

Плат. Мих: *(со вздохомъ)*

Иду, иду.
(уѣзжаетъ)

Въ описаніи 2-й сцены было: „у кры“ (т. е. у крыльца).
Ст. 14. Было: „Тебѣ въ угодно“ (т. е. въ угодность).
Ст. 17. Первоначально:

Педанствуешь и корчишь старика.

СЦЕНА 3-ія.

Чацкій и Лакей его впереди.

Чацк:

Кричи, чтобы скорѣе подавали.

(Лакей уходитъ.)

Ну вотъ и день прошелъ, и съ нимъ
Весь этотъ чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли.
Чего я ждалъ? Что думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчь? участье въ комъ живое?
Крикъ! радость! свидѣлись!? — — Пустое.
Въ повозкѣ такъ-то на пути
Необозримою равниной, сидя праздно,
Все что-то видно впереди
Свѣтло, синё, разнообразно,
И ѣдешь часъ, и два, и день, вотъ началò
Темнѣть, часъ отдыха, ночлегъ: куда ни взглянешь,
Всё таже гладь и степь, и пусто и голо!.. —
Досадно мочи нѣтъ, чѣмъ больше думать станешь

(Лакей возвращается)

Готово?

Лакей.

Кучера-съ нигдѣ вишь ненайдутъ.

Чацк:

Пошелъ, ищи. Не ночевать же тутъ.

(Лакей опять уходитъ)

СЦЕНА 4-ая.

Чацкій, Репетиловъ *(вбѣгаетъ съ крыльца при самомъ входѣ падаетъ со всѣхъ ногъ и поспѣшно оправляется)*

Репетиловъ

Тьфу! оплошалъ. — Ахъ! мой Создатель!
Дай протереть глаза; откудова? Пріятель! — —
Сердечный другъ! Любезный другъ! Mon cher!
Ну вотъ мнѣ часто было пѣто,
Что пустомѣля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствіе, примѣта;

Сей часъ... растолковать прошу,
Какъ будто зналъ, сюда спѣшу,
Хвать объ порогъ задѣлъ ногою,
И растянулся во весь ростъ.
Пожалуй смѣйся надо мною,
Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ,
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Какая-то любовь и страсть,
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,
Такого вѣрнаго, ей, ей,
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
Пусть разразитъ меня Господь.

Чацкій.

Да полно вздоръ молоть.

Репетиловъ.

Не любишь ты меня, естественное дѣло:
Съ другими я и такъ и сякъ,
Съ тобою говорю несмѣло,
Я жалокъ, я смѣшенъ, я неучь, я дуракъ.

Чацк:

Вотъ странное уничиженье!

Репетиловъ.

Ругай меня, я самъ кляну свое рожденье,
Когда подумаю какъ время убивалъ!
Скажи, который часъ?

Чацк:

Часъ ѣхать спать ложиться,
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

Репетиловъ.

Что балъ? братецъ, гдѣ всѣ, всю ночь до бѣла дня
Въ приличьяхъ скованы, невырвутся изъ ига,
Читалъ ли ты? есть книга....

Чацк:

А ты читалъ? задача для меня,
Ты Репетиловъ-ли?

Репетиловъ.

Зови меня Вандаломъ.

Я это заслужилъ
Безпутно вѣкъ свой погубилъ!
Пустыхъ людей любилъ!
По рестораціямъ! по баламъ!
Объ дѣтяхъ забывалъ! обманывалъ жену!
Игралъ! проигрывалъ! въ опеку взятъ Указомъ!
Танцовщицу держалъ! и не одну
Трехъ разомъ!
Пилъ мертвую! неспалъ ночей по девяти!
Все отвергалъ: законы! совѣсть! вѣру!

Чацк:

Послушай, ври, да знайже мѣру
Есть отъ чего въ отчаянье придти.

Репетиловъ.

Постой, поздравь меня, теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими, всю ночь пешляюсь на пролётъ.

Чацк:

Вотъ нынче на примѣръ.

Репетиловъ.

Что? ночь одна не въ щётъ,
За то спроси гдѣ былъ?

Ст. 92. Было:

За то спроси гдѣ былъ? чѣмъ нынче занимаюсь?

Послѣ ст. 92 зачеркнуто:

Чацк:

Неужь-ли книгами?

Репетиловъ.

Да, накупилъ сотъ шесть
Вчера еще, ты можешь ихъ прочесть,
Я самъ что разъ прочту, то повторяю съ жаромъ,
Сто разъ вездѣ и всѣмъ, повѣрь
Минуты нетеряю даромъ.
Вотъ отгадай, откуда я теперь?

Чацк:

И самъ я догадаюсь
Чай въ Клубѣ?

Репетиловъ.

Въ Англійскомъ. Что отъ тебя скрывать?
Сей часъ изъ засѣданья,
Пожалосто молчи, я слово далъ молчать,
У насъ есть общество, и тайныя собранья
По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ.

Чацк:

Ахъ! я братецъ, боюсь.
Какъ? въ Клубѣ?

Репетиловъ.

Имянно.

Чацк:

Вотъ способъ чрезвычайный,
Чтобъ въ ташеи прогнать и васъ, и ваши тайны.

Чацк:

Изъ Клуба можетъ статься.

Репетиловъ.

Изъ Англійскаго? Да, а что я тамъ творилъ?

Чацк:

Игралъ, и ѣлъ, и пилъ.

Репетиловъ.

Ты умный человѣкъ, а сроденъ ошибаться:
Игралъ, по маленькой игралъ,
Пилъ, жажду запивалъ,
Съѣлъ, три куска чего-та,
Я знаю у тебя, всё на щету я мота,
Обжоры, игрока, повѣсы.... виноватъ,
Съ друзьями въ воду радъ,
За то грѣхи свои всѣмъ выскажу свободно
Кому угодно.
Сюда однакоже былъ долженъ опоздать
Не отъ игры моей другъ, сейчасъ изъ засѣданья,

Музейный автографъ.

Репетиловъ.

Напрасно страхъ тебя беретъ,
Въ слухъ, громко говоримъ, никто насъ непойметъ.
Я самъ какъ схватятся объ Камерахъ, Присяжныхъ,
Объ Бейронѣ, ну объ матерьяхъ важныхъ,
Частенько слушаю, неразжимая губъ,
Мнѣ неподъ силу братъ, и чувствую, что глупъ.
Ахъ! Alexandre! У насъ тебя недоставало,
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало,
Поѣдемъ-ка сей часъ, мы благо на ходу,
Съ какими я тебя сведу
Людьми!!!... ужь на меня нисколько непохожи,
Что называется: сокъ умной молодёжи!

Чацк:

Богъ съ ними, и съ тобой. Куда я поскачу?
За чѣмъ? въ глухую ночь? Домой я спать хочу.

Репетиловъ.

Э! брось! кто нынче спитъ? Ну полно, безъ прелюдій.
Рѣшись, а мы, у насъ..... рѣшительные люди
Горячихъ дюжина головъ! —
Кричимъ, подумаешь, что сотни голосовъ!...

Чац.

Да изъ чего бѣснуетесь вы столько?

Репетиловъ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ

Чацк:

Шумите вы? и только?

Репетиловъ.

Не мѣсто объяснять, теперь и недосугъ
Но Государственное дѣло:
Оно вотъ видишь несозрѣло,
Нельзяже вдругъ.

Послѣ ст. 115 зачеркнуто:

Дай случай мнѣ, хоть съ маленькимъ умомъ
Между умнѣйшими быть такъ сказать узломъ....

Что за люди! mon cher! безъ дальнихъ я Исторій
Скажу тебѣ: вопервыхъ: Князь Григорій!!
Чудакъ единственный! насъ со смѣху моритъ!
Вѣкъ съ Англичанами, вся Англійская складка,
И такъже онъ сквозь зубы говоритъ,
И такъже онъ обстриженъ гладко,
Ты незнакомъ? о! познакомься съ нимъ
Другій Воркуловъ Евдокимъ,
Ты неслыхалъ, какъ онъ поетъ? о! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
„А! нонъ лашьяръ ми, но, но, но“
Еще у насъ два брата:
Левонъ и Боринька, чудесные ребята!
Объ нихъ незнаешь что сказать,
Но естли Генія прикажете назвать:
Удушьевъ Ипполитъ Маркелочь!!!
Ты сочиненія его
Читалъ-ли что-нибудь? хоть мѣлочь?
Прочти братецъ, да онъ непишетъ ничего,
Вотъ эдакихъ людей-бы сѣчь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать,
Въ Журналахъ можешь ты однако отъискать
Его *отрывокъ, взглядъ* и *нѣчто.*
Объ чемъ-бишь нѣчто? — обо всёмъ,
Всё знаетъ, мы его на черный день пасемъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту,
Ненадо называть, узнаешь по портрету:
Ночный разбойникъ, Дуэлистъ,
Былъ сосланъ чортъ знаетъ, куда-то къ Алеутамъ,
И крѣпко на руку нечистъ,
Да умный человѣкъ неможетъ быть неплутомъ.
Когдажь объ честности высокой говоритъ,
Какимъ-то Демономъ внушаемъ:
Глаза въ крови, лице горитъ,
Самъ плачетъ, и мы всѣ рыдаемъ.
Вотъ люди, естли имъ подобные, на врятъ,
Ну между ими я конечно за урядъ,
Лѣнился съ молоду, отсталъ, подумать ужасъ!

Ст. 132. Было: „Варкуловъ“, — исправлено.
Послѣ ст. 163 зачеркнуто:

Негоденъ ни на что, безграмотный, шальной,
И вовсе притупѣлъ съ дѣтьми, братецъ, съ женой,

Однакожь я, когда умишкомъ понатужась
Засяду, часу несижу,
И какъ-то невзначай, вдругъ Каламбуръ рожу,
Другіе у меня мысль этуже подцѣпятъ,
И въ шестеромъ глядь водевильчикъ слѣпятъ,
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ.
Братъ, смѣйся, а что любо, любо:
Способностями Богъ меня ненаградилъ,
Далъ сердце доброе, вотъ чѣмъ я людямъ милъ,
Совру, простятъ.

Лакей *(у подъѣзда)*
Карета Скалазуба.

Репетиловъ
Чья?

СЦЕНА 5-ая

Тѣже и Скалазубъ *(спускается съ лѣстницы.)*

Репетиловъ *(къ нему на встрѣчу)*
Ахъ! Скалазубъ, душа моя,
Постой, кудаже? сдѣлай дружбу.
(душитъ его въ объятіяхъ)

Чацк:
Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ!
(входитъ въ Швейцарскую)

Репетиловъ *(Скалазубу)*
Слухъ объ тебѣ давно затихъ,
Сказали, что ты въ полкъ отправился на службу
Знакомы вы?
(ищетъ Чацкаго глазами)
Упрямецъ! ускакалъ!
Нѣтъ нужды, я тебя нечаянно съискалъ,
И просимъ-ка со мноіі, сеіі часъ, безъ отговорокъ:
У Князь-Григорія пиръ, шумъ и кутерьма,

Ст. 184. Было:

У Князь-Григорія всѣ собраны теперь.

Увидишь человѣкъ насъ сорокъ,
Фу! сколько братецъ тамъ ума!
Всю ночь толкуютъ, ненаскучатъ,
Вопервыхъ напоятъ Шампанскимъ на убой,
А во вторыхъ, такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ невыдумать конечно намъ съ тобой.

Скалазубъ.

Избавь, съ ученостью вы много взяли всѣ-то,
Богъ вамъ премудрость ниспошли,
Даютъ ли Ордена за это?
Давай ученье намъ, чтобъ люди въ ногу шли.
Я школы Фридриха, въ командѣ Гернадеры,
Фельдфебеля мои Волтеры.

Репетиловъ.

Что служба братецъ? вздоръ. Вотъ я, гляди сюда
Такія огорченья встрѣтилъ,
Какъ можетъ быть никто и никогда,
По Статской я служилъ, тогда
Баронъ фонъ Клоцъ въ Министры мѣтилъ,
А я,
Къ нему въ зятья.
Шелъ на прямикъ безъ дальней думы,
Съ его женой, и съ нимъ пускался въ реверси,
Ему и ей какія суммы
Спустилъ, что Боже упаси!
Онъ въ Царскомъ жилъ селѣ, я возлѣ домъ построилъ,
Съ колонами! огромный! сколько стоилъ!
Женился наконецъ на дочери его,
Приданаго взялъ: шишъ, по службѣ: — ничего.
Тесть Нѣмецъ, а что проку?
Боялся видишь онъ упрёку
За маленькій фавёръ къ роднѣ!..
Боялся! прахъ его возьми, да легчель мнѣ?
Секретари его, родъ хамскій и продажный,
Людишки, пишущая тварь,

Ст. 203. Было начато. „вз“, но *з* передѣлано въ *т*, а „зятья“ написано отдѣльно.

Ст. 214. Въ концѣ стиха была сначала запятая, но потомъ исправлено, какъ въ текстѣ.

Ст. 215. Было: „Боялся, чортъ его возьми“.

Всѣ вышли въ знать, всѣ нынѣче важны,
Гляди-ка въ Адресъ-Календарь.
Тьфу! служба и чины, кресты душѣ надсада,
Лахмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,
Что за Правительство путёмъ бы взяться надо,
Желудокъ дольше неваритъ.

(останавливается, увидя, что *Загарѣцкій* заступилъ мѣсто *Скалазуба*, который покудова уѣхалъ)

СЦЕНА 6-ая

Репетиловъ, Загарѣцкій.

Загарѣцкій

Извольте продолжать, повѣрьте
Я самъ ужасный Либералъ,
И рабства нетерплю до смерти,
Чрезъ это много потерялъ.

Репетиловъ *(съ досадой)*

Что это отъ меня всѣ направляютъ лыжи!
Куда одинъ, другій тудыже,
Былъ Чацкій, вдругъ исчезъ, потомъ и Скалазубъ.

Загарѣцкій.

Какъ думаете вы объ Чацкомъ?

Репетиловъ.

Онъ не глупъ,
Мнѣ другъ, и отъ него на верьхъ немогъ попасть я.
Сурьёзный разговоръ зашелъ про водевиль,
Да! водевиль есть вещь, а прочее всё гиль,
Мы съ нимъ.... у насъ свои пристрастья.

Загарѣцкій.

А вы замѣтили, что онъ
Въ умѣ сурьёзно поврежденъ?

Репетиловъ.

Какая чепуха!

Загарѣцкій.

Объ немъ всѣ этой вѣры.

Репетиловъ.

Вранье.

Загарѣцкій.

Спросите всѣхъ.

Репетиловъ.

Химеры.

Загарѣцкій.

А кстати вотъ Князь Петръ Ильичь,
Княгиня и съ Княжнами.

Репетиловъ.

Дичь.

СЦЕНА 7-ая

Репетиловъ, Загарѣцкій, Князь и Княгиня съ шестью дочерями, немного погодя Хлёстова спускается съ парадной лѣстницы, Молчалинъ ведетъ ее подъ руку. Лакеи въ суетахъ.

Загарѣцкій.

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мнѣнье,
Безумный Чацкій или нѣтъ?

1-я Кнжна.

Какоежь въ этомъ есть сомнѣнье?

2-я Кжна.

Про это знаетъ цѣлый свѣтъ.

3-я Кжна.

Дрянскіе, Хворовы, Варлянскіе, Скачьковы.

4-я Кжна.

Ахъ! вѣсти старыя, кому онѣ новы?

5-я Кжна.

Кто сомнѣвается?

Загарѣцкій.

Да вотъ невѣритъ...

6-я Кжна.

Вы!

Всѣ вмѣстѣ

Мсьѐ Репетиловъ! вы! Мсьѐ Репетиловъ что вы?
Да какъ вы! можноль противъ всѣхъ!
Да почему вы? стыдъ и смѣхъ.

Репетиловъ *(затыкаетъ себѣ уши.)*

Простите, я не зналъ, что это слишкомъ гласно.

Княгиня.

Еще негласно-бы, съ нимъ говорить опасно
Давно бы заперѣть пора,
Послушать, такъ его мизинецъ
Умнѣе всѣхъ, и даже Князь-Петра!
Я думаю, онъ просто Якобинецъ
Вашъ Чадскій. Ѣдемъ-те. Князь, ты везти-бы могъ
Катишь или Зизи, мы сядемъ въ шестимѣстной.

Хлёстова *(съ лѣстницы).*

Княгиня, карточный должокъ!

Княгиня.

За мною, матушка.

Всѣ *(другъ другу)*

Прощайте.

(Княжеская фамилія уѣзжаетъ и Загарьцкій тоже.)

СЦЕНА 8-ая

Репетиловъ, Хлёстова, Молчалинъ.

Репетиловъ.

Царь Небесный!
Амфиса Карповна! Ахъ! Чацкій! бѣдный! вотъ!
Что нашъ высокій умъ! и тысяча заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ!

Хлёстова.

Такъ Богъ ему судилъ, а впрочемъ
Полѣчатъ, вылѣчатъ авось,
А ты, мой батюшка, неизцѣлимъ хоть брось.

Ст. 259. Было: „ѣдемъ“.

Ночные шатуны! вишь, говорятъ, женате!
За чѣмъ пожаловалъ? Чтобъ посмотрѣть небось
Красивъ ли Фамусовъ въ халатѣ?
Всѣ, всѣ разъѣхались.

Репетиловъ.

Браните, бейте, ахъ!
Амфиса Карповна, я самъ себя гнушаюсь,
Пустой я человѣкъ, шалунъ я, вертопрахъ,
Чистосердечно, слезно каюсь,
Нещастье Чацкаго разительный урокъ,
Что невъбольшомъ умѣ намъ прокъ.
Дѣтьми займусь, и будетъ дѣло глаже,
Вселю въ нихъ Божій страхъ, и съ завтрашняго дняже
Остепенюсь, моя жена
Ужь болѣе не ляжетъ спать одна.

Хлёстова.

Такъ видно никогда бедняшкѣ неложиться.
Молчалинъ, вонъ чуланчикъ твой,
Ненужны проводы, поди, Христосъ съ тобой.
(Молчалинъ уходитъ къ себѣ въ комнату)
Прощайте, батюшка, пора перебѣситься.
(уѣзжаетъ)

СЦЕНА 9-ая

Репетиловъ съ своимъ Лакеемъ.

Репетиловъ.

Куда теперь направить путь?
А дѣло ужь идетъ къ разсвѣту,
Поди, сажай меня въ карету,
Вези куда нибудь.

(уѣзжаетъ)

СЦЕНА 10-ая

Чацкій выходитъ изъ Швейцарской.

Чацкій.

Что это? слышалъ-ли моими я ушами!
Не смѣхъ а явно злость. Какими чудесами?
Черезъ какое колдовство
Нелѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ!

И для иныхъ какъ словно торжество,
Другіе будто сострадаютъ....
О праздный! жалкій! мѣлкій свѣтъ!
Не надо пищи, сказку, бредъ
Имъ лжецъ отпуститъ въ угожденье
Глупецъ повѣритъ, передастъ,
Старухи кто во что горазд
Тревогу бьютъ.... и вотъ общественное мнѣнье!
И вотъ Москва! — Я былъ въ краяхъ,
Гдѣ съ горъ верьховъ комъ снѣга вѣтеръ скатитъ,
Вдругъ глыба этотъ снѣгъ, въ паденьи все охватитъ,
Съ собой влечетъ, дробитъ, стираетъ камни въ прахъ,
Гулъ, рокотъ, громъ, вся въ ужасѣ окрестность.
И что оно въ сравненьи съ быстротой,
Съ которой чуть возникъ, ужь пріобрелъ извѣстность
Московской фабрики слухъ вредный и пустой.
А Софья? знаетъ-ли? Конечно расказали,
Она въ веселый часъ, какъ до нее дошло,
Чай позабавилась, не то, чтобъ мнѣ на зло,
Ей все равно, другій-ли, я-ли,
Никѣмъ по совѣсти она недорожитъ,
И обморокъ я къ сердцу принялъ слишкомъ,
Разстройство, слабость нервъ, по прихоти, по вспышкамъ,
Чтобы придать себѣ чувствительности видъ,
Я признакомъ почелъ живыхъ страстей. — Ни крошки
Она конечнобы лишилась такъже силъ,
Когда бы кто нечаянно ступилъ
На хвостъ собачьки или кошки.

Софія *(съ свѣчей показывается изъ боковой двери надъ лѣстницей во второмъ этажѣ)*

Молчалинъ, вы?

(поспѣшно опять дверь припираетъ)

Чацк:

Она! Она сама!
Ахъ! голова горитъ, вся кровь моя въ волненьи.
Явилась, нѣтъ ее, не уже-ли видѣнье?
Не впрямъ-ли я сошелъ съ ума?
Нѣтъ, нѣтъ, къ горячькѣ я конечно подготовленъ,
Но невидѣнье тутъ, свиданья часъ условленъ,

Ст. 298. Было: „Глупецъ подхватитъ“.

Къ чему обманывать себя мнѣ самого!
Звала Молчалина, вотъ комната его.

Лакей его съ крыльца.

Каре....

Чацк: *(выталкиваетъ его вонъ)*

Сѣ!...
Буду здѣсь, нешевельнусь ни съ мѣста,
Хоть до утра. Ужь коли горе пить,
Такъ лучше съ одного присѣста,
Чѣмъ медлить, а бѣды медленьемъ неизбыть.
Дверь отворяется.
(прячется за колонну)

СЦЕНА 11-ая

Чацкій спрятанъ Лиза со свѣчкой

Лиза.

Ахъ! мочи нѣтъ! робѣю!
Въ пустыя сѣни! въ ночь! боишься домовыхъ,
Боишься и людей живыхъ.
Мучительница, — барышня, Богъ съ нею.
И Чацкій, какъ бельмо въ глазу,
Вишь, показался ей онъ гдѣ-то здѣсь въ низу.
(Осматривается)
Да! какъ же? по сѣнямъ бродить ему охота!
Онъ чай давно ужъ за ворота,
Любовь на завтра поберёгъ,
Домой, и спать залёгъ.
Однако велѣно къ сердечному толкнуться.
(стучится къ Молчалину)
Послушайте-съ. Извольте-ка проснуться.
Васъ кличетъ барышня, васъ барышня зоветъ.
Да поскорѣй, чтобъ незастали.

СЦЕНА 12-ая

Чацкій за колонною, Лиза, Молчалинъ
(потягивается и зѣваетъ)

Лиза.

Вы, сударь, камень, сударь лёдъ.

Молчал:

Ахъ! Лизанька, ты отъ себя-ли?

Лиза

Отъ барышни-съ.

Молчал:

Ну кто-бъ сказалъ,
Что въ этихъ щечькахъ, въ этихъ жилкахъ
Любви еще румянецъ неигралъ!
Охота быть тебѣ лишь только на посылкахъ!

Лиза

А вамъ искателямъ невѣстъ
Ненѣжиться и незѣвать-бы,
Пригожь и милъ, кто недоѣстъ,
И недоспитъ до свадьбы.
Скорѣй, пойдемтеже, боюсь не въ добрый часъ,
Изъ дворни кто нибудь тутъ выскачетъ на насъ.
Ну вотъ и барышня.

СЦЕНА 13-ая

Тѣже и Софія

Софія.

Какъ я перепугалась
Мой другъ, шла давиче сюда, съ свѣчой въ рукахъ,
И что-то двигалось, мнѣ показалось,
Что Чацкій здѣсь.....

Чацкій *(бросается между ими)*

Я здѣсь, притворщица. Да.

Софья.

Ахъ!.....

(Лиза свѣчку роняетъ съ испугу, *Молчалинъ* скрывается къ себѣ въ комнату)

Чацкій.

Скорѣе въ обморокъ, теперь оно въ порядкѣ,
Важнѣе давишной причина есть къ тому,
Вотъ наконецъ рѣшеніе загадкѣ!
Вотъ я пожертвованъ кому!

И зналъ ужь разъ! и вѣрить усумнился!
Сходнѣебъ кажется сквозь землю провалился.
А милый для кого забытъ,
И прежній другъ, и женскій страхъ и стыдъ
За двери прячется, боится быть въ отвѣтѣ.
Ахъ! какъ игру судьбы постичь?
Людей съ душой гонительница! бичь! —
Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ!

Софія.

Какая низость! подстеречь!
Подкраться, и потомъ конечно обезславить.
Что! этимъ думали къ себѣ меня привлечь?
И страхомъ, ужасомъ васъ полюбить заставить?
Отчетомъ я себѣ обязана самой,
Однако вамъ поступокъ мой,
Чѣмъ кажется такъ золъ, и такъ коваренъ?
Не лицемѣрила, и права я кругомъ.
Ахъ! Боже мой! стукъ! шумъ! сюда бѣжитъ весь домъ.
Вотъ батюшка.

Лиза.

Самъ баринъ!

СЦЕНА 14-ая

Чацкій, Софія, Лиза; Фамусовъ, Толпа Слугъ съ свѣчами.

Фамусовъ.

Сюда. За мной. Скорѣй. Скорѣй.
Свѣчей побольше. Фонарей.
Гдѣ домовые? Ба! Знакомыя всѣ лица!
Дочь, Софья Павловна, Страминица!
Безстыдница! Гдѣ? съ кѣмъ! Ни дать, ни взять она,
Какъ мать ее, покойница жена,
Бывало я съ дражайшей половиной
Чуть врозь: — ужь гдѣ нибудь съ мущиной.
Побойся Богу, какъ? чѣмъ онъ тебя прельстилъ?
Сама его безумнымъ называла!

Ст. 376. Было: „Подкрасться, чтоб“, но послѣднее слово недописано, зачеркнуто и въ строку написано „и“.
Ст. 388. „Страминица“ съ прописной буквы послѣ запятой.
Ст. 393. Было: „Побойся Бога, чѣмъ?“

И я повѣрилъ.... Нѣтъ! во мнѣ ума нестало!
Все это заговоръ, и въ заговорѣ былъ
Онъ самъ, я думаю, теперьче маски сбросьте.

Чацк: *(Софіи).*

Такъ этимъ я еще обязанъ вашей злости!

Фамусовъ.

Братъ, нефинти, не дамся я въ обманъ,
Хоть подеретесь, неповѣрю.
Ты Филька, ты прямой Чурбанъ,
Въ Швейцары произвелъ ленивую тетерю,
Незнаетъ ни про что, нечуетъ ничего.
Гдѣ былъ? куда ты вышелъ?
Сѣнѣй незаперъ для чего?
И какъ недосмотрѣлъ? и какъ ты недослышалъ?
Въ работу всѣхъ, на поселенье васъ.
Вы всѣ закуплены, сгубить меня готовы.
Ты быстроглазая, все отъ твоихъ проказъ.
Вотъ онъ Кузнецкій мостъ, наряды и обновы;
Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить,
Да я тебя заставлю:
Циплятъ кормить, коровъ доить.
Да и тебя мой другъ я дочька неоставлю:
Еще дни три терпѣніе возьми,
Небыть тебѣ въ Москвѣ, нежить тебѣ съ людьми.
Подалѣе отъ этихъ хватовъ,
Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ
Тамъ будешь горе горевать,
За пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать.
А васъ, Сударь, прошу я съ нашимъ домомъ,
Съ моей семьёй, со мной небыть знакомымъ,
И ваша такова послѣдняя черта,
Что чай ко всякому дверь будетъ заперта.
Я постараюсь, я; въ набатъ я приударю
По городу всему, надѣлаю хлопотъ,
И оглашу во весь народъ:
Въ Сенатъ подамъ, Министрамъ, Государю.

Ст. 398. Въ словѣ „злости“ послѣднія три буквы написаны дважды, второй разъ поверхъ перваго.
Ст. 408. Было: „продать“.
Ст. 412. Было: „Да я тебя исправлю“.
Ст. 413. Было: „На скотный“, но зачеркнуто.

Чацкій *(Софіи)*.

Я передъ вами виноватъ.
Не знаю, почему васъ съ тѣми ставилъ въ рядъ,
Которымъ впрочемъ здѣсь найдутся сотни ровныхъ,
Искательницъ фортунъ и жениховъ чиновныхъ,
Которымъ красотой едва дано разцвѣсть,
Ужь глубоко натвержено исскуство
Несердцемъ поискать, а взвѣсить и расчесть,
И продавать себя въ замужство.
Вы свыше этого. По васъ такій, чтобъ былъ
Немножко простъ, и очень милъ,
Чтобъ вы могли его, и въ возрастѣ-бы зрѣломъ
Беречь, и пеленать, и спосылать за дѣломъ,
Мужь-мальчикъ, мужь-слуга, изъ женинныхъ Пажей:
Высокій идеалъ Московскихъ всѣхъ мужей!
Но Боже мой! кого вы поискали!
Когда размыслю я, кого вы предпочли!
За что меня вы завлекли
Повергли въ бездну золъ, мученья и печали!
Я самъ, гдѣ я искалъ награду всѣхъ трудовъ?
Спѣшилъ, летѣлъ, дрожалъ, вотъ щастье, думалъ, близко.
Предъ кѣмъ я давиче, такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!!
Невѣрьте, съ вами я горжусь моимъ разрывомъ.
А вы, Сударь, Отецъ, вы, страстные къ чинамъ:
Въ дворянской спѣси вамъ желаю быть щастливомъ.
Я сватаньемъ моимъ неугрожаю вамъ.
Другій тутъ есть спокойный, благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами наконецъ
Онъ будущему тестю равный.
Такъ! отрезвился я сполна
Отъ слѣпоты своей, отъ смутнѣйшаго сна,
Теперь мнѣ кстатибъ было съ ряду
На дочь и на отца,
И на любовника-глупца,
И на весь міръ излить всю желчь и всю досаду.
Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше нейздокъ.
Бѣгу, неоглянусь, пущусь искать по свѣту
Гдѣ для разсудкаесть, и чувства уголокъ...—
Карету мнѣ, карету. *(уьзжаетъ)*

Ст. 433. Было: „процвѣсть".
Ст. 437. Было: „Вы свыше этого, для"

Музейный автографъ.

СЦЕНА 15-ая

Кромѣ Чацкаго.

Фамусовъ.

Безумный. Что онъ тутъ изволилъ городить!
Низкопоклонникъ! тесть! и про Москву такъ гнѣвно!
Ахъ! Боже мой! что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна!

Конецъ.

Ст. 470. Первоначально:

Судьба моя еще-ли неплачевна.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

Съ Булгаринской рукописи „Горе отъ ума“, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. С.-П.Б.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Примѣчанія къ основному тексту

„Горя отъ ума".

Согласно принципамъ, опредѣленнымъ въ предисловіи къ этому тому, основной текстъ „Горя отъ ума" устанавливается по двумъ рукописямъ—Жандровской 1824 г. и Булгаринской 1828 г. Окончательный текстъ комедіи, закрѣпленный въ нихъ рукою самого поэта, почти буквально тождественъ въ обѣихъ рукописяхъ. Разногласія текстуальныя встрѣчаются только въ трехъ-четырехъ словахъ (оговоренныхъ въ нижеслѣдующихъ примѣчаніяхъ), что показываетъ, что окончательный текстъ незыблемо установленъ поэтомъ еще въ 1824 году и вновь подтвержденъ въ 1828 г. Но въ орѳографіи и пунктуаціи наблюдаются колебанія и разногласія, создаваемыя какъ переписчиками этихъ рукописей, такъ и самимъ Грибоѣдовымъ, не всегда послѣдовательнымъ въ правописаніи и допускавшимъ странныя особенности въ пунктуаціи. Впрочемъ, въ громадномъ количествѣ—и въ наиболѣе характерныхъ случаяхъ—правописаніе обѣихъ рукописей поразительно совпадаетъ, что, конечно, объясняется тщательностью и добросовѣстностью переписчиковъ, копировавшихъ оригиналъ.

Для большей объективности въ установленіи окончательной редакціи комедіи привлекались къ сравненію также два другихъ текста: Музейный автографъ 1823—1824 г. и первопечатный текстъ „Русской Таліи" 1825 г. Во многомъ эти два текста расходятся съ вышеназванными. Музейный автографъ представляетъ собою раннюю редакцію текста, впослѣдствіи кореннымъ образомъ передѣланную самимъ авторомъ; а первопечатный текстъ, во-первыхъ, даетъ только отрывокъ изъ комедіи (7—10 явленія I-го дѣйствія и все третье дѣйствіе), а во-вторыхъ—очень искаженъ цензурными изъятіями и передѣлками, а также—произвольной корректорской пунктуаціей. Такъ что сравненіе можетъ быть только частичное, въ мѣру совпаденія разныхъ текстовъ. Лучшимъ случаемъ бывало, когда всѣ четыре текста буквально совпадаютъ; потомъ—когда совпадаютъ три текста, т. е. Булгаринскій и Жандровскій съ Музейнымъ или первоначальнымъ. Въ большинствѣ же случаевъ сопоставлялись два текста: Булгаринскій и Жандровскій. Изъ нихъ первый важенъ какъ самый поздній, а второй—какъ носящій большее количество поправокъ, внесенныхъ рукою автора. Въ нижеслѣдующихъ примѣчаніяхъ

оговорены характерныя особенности четырехъ текстовъ, относящіяся къ окончательной редакціи комедіи. Что же касается индивидуальныхъ особенностей каждаго изъ четырехъ текстовъ, то объ этомъ говорится въ особыхъ примѣчаніяхъ къ каждому изъ нихъ.

Афиша.

— Въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ Наталья Дмитріевна въ Жандровской рукописи названа: „молодинькая дама"; фамилія ея и мужа тамъ же: „Горичевы".

— „Лизанька" стоитъ въ спискѣ лицъ,—какъ и въ первомъ явленіи,—одинаково и въ Жандровской рукописи, и въ Булгаринскомъ спискѣ.

— Въ первопечатномъ текстѣ къ именамъ дѣйствующихъ лицъ въ скобкахъ добавлено: къ Софьѣ Павловнѣ—„дочь богатого Московскаго жителя"; къ Чацкому—„молодой человѣкъ, возвратившійся изъ путешествія, воспитанный вмѣстѣ съ Софіею"; къ Фамусову—„отецъ Софіи Павловны". Другія лица остались безъ поясненій.

Дѣйствіе первое.

— Написаніе Софія въ авторскихъ ремаркахъ систематически выдержано всюду во всѣхъ четырехъ текстахъ: Музейномъ, Жандровскомъ, первопечатномъ и Булгаринскомъ. Въ репликахъ же дѣйствующихъ лицъ—Софья, Софьи и т. д.

— Въ описаніи сцены: „оттудова"—въ Жандр. рук. и Булг. спискѣ, а въ Музейномъ автографѣ—„откудова" (переправлено изъ „оттудова"); въ Жандровской рук. и Булг. сп.—„фортопіяно", какъ и въ ст. 24.

Ст. 3. Послѣ „Ждемъ друга" въ Жандр. рук. точка, тире и запятая, и слѣдующее слово съ большой буквы; въ Булгар. спискѣ точка и тире и слово „нуженъ"—съ маленькой буквы.

Ст. 6. Послѣ „Сказать имъ" въ Жандр. рук. и Булг. спискѣ запятая; послѣ ремарки: (стучится къ Софіи) нѣтъ никакого знака, а слѣдующее слово—съ большой буквы.

Ст. 7. Послѣ „Эй" въ Музейномъ автографѣ и Жандр. рук. нѣтъ знака, въ Булгар. сп. восклицаніе.

Ст. 8. Послѣ „за ночь" въ Жандр. рук. и Булг. сп. двоеточіе.

Ст. 9. Послѣ „Быть можетъ" въ Жандр. рук. и Булг. сп. нѣтъ знака препинанія.

Ст. 15. Ремарка: „Голосъ Софіи" въ обоихъ текстахъ взята въ скобки; послѣ „поднялось" въ обоихъ текстахъ нѣтъ знака препинанія.

Ст. 16. Въ Жандр. рук.: „Седьмый, Осьмый, девятый", въ Булг. сп. „Седьмой, Осьмой, Девятой".

Ст. 17. Въ ремаркѣ въ Жандр. рук. „оттудова же"; въ репликѣ Лизы въ Булг. сп. „проклятой".

Ст. 21. Послѣ „играть" въ Жандр. р. нѣтъ никакого знака; въ ремаркѣ въ обоихъ текстахъ: „лезитъ", а послѣ нея—никакого знака.

— Со второго явленія служанка именуется Лиза.

Ст. 28. Въ Муз. автогр., Жандр. рук. и первоначально въ Булгар. спискѣ было: „Охъ“; но потомъ въ Булгар. спискѣ переправлено черными чернилами (надо думать, Грибоѣдовымъ): „Ой“! Въ Жандр. рук. „Баловницы“—„лицы“.

Ст. 37. Послѣ „ночь“ въ Булг. сп. восклицательный знакъ, тогда какъ въ Музейн. авт. и Жанд. рук.—вопросительный.

Ст. 44. Въ Муз. авт. и Жандр. рук. „доложусь“.

Ст. 45. Послѣ „идти“ въ Жандр. рук. запятая; но въ Булг. рук. точка съ запятой вставлена позже, черными чернилами.

Ст. 48. Послѣ „полноте-съ“ въ Жандр. рук. нѣтъ никакого знака, а въ Булгар. сп.—точка, несмотря на ремарку: „Какъ можно громче“. Ремарка: „Зажимаетъ ей ротъ“, имѣющаяся въ Муз. авт. и въ Жандр. рук., пропущена въ Булг. спискѣ.

Ст. 49. Послѣ „сходишь“ въ Жандр. рук. стоятъ рядомъ запятая и восклицательный знакъ.

Ст. 56. Передъ репликой Фамусова: „Тсъ!“ въ Муз. автогр. и Жандр. рук. стоитъ ремарка: „торопливо“, пропущенная въ Булг. спискѣ, очевидно по винѣ переписчика.

Ст. 71. Послѣ „давно“ въ Булг. спискѣ была точка, потомъ къ ней добавлена внизу запятая; въ Жандр. рук. здѣсь нѣтъ знака.

Ст. 73. Въ обоихъ текстахъ: „Щастливые“.

Ст. 80. Послѣ „что ты“ въ Жандр. рукописи знакъ вопроса.

Ст. 91. „Оттуда“—во всѣхъ трехъ рукописяхъ.

Ст. 94. Въ обоихъ текстахъ „чепцевъ“.

Ст. 97. „Испуги“ въ обоихъ текстахъ, при чемъ въ Жандр. *и* собственноручно надписано Грибоѣдовымъ вмѣсто *у*.; въ Музейн. автогр. „испугу“.

Ст. 105. Въ Жандр. рук. „другiй“, какъ и въ ст. 447; II д., ст. 265.

Ст. 106. Послѣ „обманутъ“ въ Булг. спискѣ знака не видно (такъ переплетена рукопись); въ Музейн. автогр. Жандр. рук. здѣсь многоточіе.

Ст. 120. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ „Инаго“.

Ст. 126. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ послѣ „молчать“ двоеточіе.

Ст. 132. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ въ концѣ стиха нѣтъ никакого знака препинанія.

Ст. 169. Послѣ „звѣри“ въ обоихъ текстахъ не достаетъ знака препинанія.

Ст. 178. Послѣ „погляжу“ въ обоихъ текстахъ нѣтъ знака.

Ст. 192. Послѣ „Скорѣе“ въ Жандр. рук. точка, какъ и послѣ „головы“ въ слѣдующемъ ст. 193.

Ст. 215. Въ Булг. спискѣ описка: „запретъ отъ васъ“.

Ст. 218. Въ обоихъ текстахъ: „Подумаешь; какъ щастье своенравно“.

Ст. 249. Послѣ „твердила я“ въ обоихъ текстахъ нѣтъ никакого знака препинанія.

Ст. 273. Въ концѣ стиха въ Жандр. рук. и въ Булг. спискѣ запятая.

Ст. 282. Послѣ „несмѣло“ въ обоихъ текстахъ нѣтъ никакого знака.

Ст. 303. Къ репликѣ слуги въ Муз. автогр. и Жандр. рук. дана ремарка: „уходитъ“, пропущенная переписчикомъ Булг. списка.

— *Со ст. 304* (до конца I-го дѣйствія) въ сопоставленіе вступаетъ *первопечатный* текстъ.

Ст. 306. Въ Муз. автогр. и въ Жандр. рук. „раде".

Ст. 314. Въ обоихъ текстахъ „седьмисотъ"; послѣ „пронесся" въ Жандр. рук. нѣтъ знака.

Ст. 318. Въ Музейномъ автографѣ и въ Жандр. рук. „раде". Въ Булг. рук. „въ доброй часъ".

Ст. 319. „Эдокъ"—въ Муз. автогр. и Жандров. рук.; въ первопеч. текстѣ—„эдакъ".

Ст. 334. Въ Жандр. рукоп. въ концѣ стиха двоеточіе и тире.

Ст. 341. Въ Муз. автогр., Жандр. рук. и первопечатномъ текстѣ: „Или вотъ батюшка", а въ Булг. рук. „А тутъ вашъ батюшка", при чемъ слова „А тутъ" написаны по выскобленному.

Ст. 342. Послѣ „въ этомъ" въ Муз. автогр. и Жандр. рук. нѣтъ никакого знака препинанія, въ первопечатномъ текстѣ—точка съ запятою, а въ Булг. рукописи восклицательный знакъ.

Ст. 344. Послѣ „Ребячество" въ Жандр. рук. точка.

Ст. 348. Въ концѣ стиха въ первопечатномъ текстѣ точка.

Ст. 356. Въ концѣ стиха въ первопечатномъ текстѣ восклицательный знакъ.

Ст. 357. Послѣ „Москву" въ первопечатномъ текстѣ восклицательный знакъ.

Ст. 362. Въ концѣ стиха въ первопечатномъ текстѣ запятая.

Ст. 368. Въ Жандр. рук. и Булг. спискѣ „которыя".

Ст. 370. Въ первопечатномъ текстѣ „Со всей вселенной".

Ст. 383. Въ Жандр. рук. и первопечатномъ текстѣ въ концѣ стиха точка.

Ст. 396. Въ концѣ стиха Жандр. рукописи запятая, а въ Булг. спискѣ точка съ запятой.

Ст. 399. Въ Жандр. рук. и въ первопечатномъ текстѣ точка.

Ст. 400. Въ первопечатномъ текстѣ послѣ „помните" запятая.

Ст. 401. Въ первопечатномъ текстѣ въ концѣ стиха запятая.

Ст. 409. Въ первопечатномъ текстѣ въ концѣ стиха вопросительный знакъ.

Ст. 414. Въ первопечатномъ текстѣ въ концѣ стиха восклицательный знакъ.

Ст. 416. Эта реплика отнесена къ Софьѣ въ Музейн. автографѣ; въ остальныхъ же трехъ текстахъ—къ Лизѣ.

Ст. 417. „Не надутой"—во всѣхъ четырехъ текстахъ.

Ст. 421. Въ Муз. автографѣ, Жандр. рук. и Булг. спискѣ послѣ „глупѣе" стоитъ точка.

Ст. 428—429. Въ Муз. автогр., Жандр. рук. и Булгар. спискѣ особая пунктуація: „Случалось ли, чтобъ вы смѣясь? или въ печали? Ошибкою? добро о комъ нибудь сказали?"

Ст. 445. Въ Жандр. рук. и Булгар. спискѣ послѣ „въ огонь" двоеточіе.

Ст. 457. Въ концѣ стиха въ Муз. автогр. точка; въ Жандр. рукоп. точка съ запятой, въ первопечатномъ текстѣ запятая, а въ Булгар. спискѣ двоеточіе.

Ст. 460. Послѣ „Ахъ! нѣтъ" въ первопечатномъ текстѣ восклицательный знакъ, какъ и послѣ „избаловань", а въ Булгаринскомъ спискѣ—никакого.

Ст. 462. Въ Жандр. рук. и Булг. спискѣ: „Я ничуть."

Дѣйствіе второе.

— Въ первопечатномъ текстѣ 2-го дѣйствія нѣтъ.

Ст. 10. Въ Жандр. рук. въ концѣ стиха запятая.

Ст. 29. Въ Муз. автографѣ и Жандр. рук. читается такъ: „Я долженъ у вдовѣ, у докторшѣ крестить". Въ Булгар. спискѣ первоначально было то же, но затѣмъ въ словѣ „вдовѣ" *ѣ* выскоблено и поставлено *ы*, слово же „докторшѣ" осталось неисправленнымъ. Въ концѣ стиха въ Булгар. спискѣ запятая.

Ст. 41. Послѣ „батюшки" въ обоихъ текстахъ нѣтъ знака.

Ст. 45. Запятая послѣ „только"—во всѣхъ трехъ рукописяхъ.

Ст. 76. Въ Булгар. спискѣ описка: „Что такой князь".

Ст. 77. „Сурьезный"—во всѣхъ трехъ рукописяхъ.

Ст. 80. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ именно „обступиться".

Ст. 81. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ „пришибъ".

Ст. 150. Въ обоихъ текстахъ въ концѣ стиха точка.

Ст. 161. „Пожало-ста"—въ Жандр. рук. и Булгар. спискѣ; въ Музейн. автографѣ—„пожалуй-ста". То же въ ст. 166 и 176.

Ст. 180. „Дичатся" во всѣхъ трехъ рукописяхъ.

Ст. 187. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ: «уѣдитъ».

Ст. 194. Въ Жандр. рук. въ концѣ стиха восклицательный знакъ, а въ ст. 195, наоборотъ, запятая.

Ст. 213. Въ Булгар. спискѣ въ концѣ стиха запятая.

Ст. 214—215. Эти стихи одинаково читаются какъ во всѣхъ трехъ рукописяхъ, такъ и въ письмѣ Грибоѣдова къ И. Ѳ. Паскевичу отъ 3 декабря 1828 г., гдѣ онъ ихъ самъ цитируетъ. («Русскій Вѣстникъ» 1894, III, 206.).

Ст. 261. „Дистанціи" во всѣхъ трехъ рукописяхъ.

Ст. 274. Въ Жандр. рук. этотъ стихъ переданъ переписчикомъ такъ: „Кто хочетъ къ намъ пожаловать.—„Изволь".

Ст. 287. „Никого"—во всѣхъ трехъ рукописяхъ.

Ст. 300. „Терпѣніе" въ Жандр. рук. и Булгар. спискѣ; въ Музейн. автогр. стихъ построенъ иначе, а въ Булар. спискѣ—точка съ занятой.

Ст. 347. Вопросительный знакъ послѣ „Гдѣ"—въ обоихъ текстахъ.

Ст. 366. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ „крѣпостный".

Ст. 383. „Прослывет*ъ*"—въ обѣихъ рукописяхъ; восклицательный знакъ послѣ „мечтателемъ" стоитъ только въ Булгар. рукописи.

Ст. 402. „Гвардейск*имъ*" во всѣхъ трехъ рукописяхъ.

Ст. 403. Въ Жандр. рук. „золотцу".

Ст. 434. „Торопко" во всѣхъ трехъ рукописяхъ.

Ст. 448. „Испуг*а*"—во всѣхъ трехъ рукописяхъ.

Ст. 456. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ: „*И* впрочемъ".

Ст. 477. Въ Музейн. автогр. и въ Жандр. рук. въ концѣ стиха точка, а въ Булгар. спискѣ—запятая.

Ст. 479. „Жоке" во всѣхъ трехъ рукописяхъ.

Ст. 509. Въ Булгар. спискѣ въ концѣ стиха точка.

Ст. 519. Въ Жандр. рук. и Булгар. спискѣ „вселенны", но въ Музейн. автогр. „вселенной".

Ст. 525. „Ко-бы" во всѣхъ трехъ рукописяхъ.

Ст. 556. „Горнишной"—во всѣхъ трехъ рукописяхъ.

Ст. 560. Въ Музейн. автографѣ и Жандр. рук.: „у батюшкъ".

— Въ Жандровской рук. явленіе 14-ое названо: „послѣднее", какъ и въ третьемъ дѣйствіи явл. 22-ое.

Дѣйствіе третье.

— Опять вступаетъ въ сравненіе первопечатный текстъ.

Ст. 39—40. Въ рукописяхъ „Иный",

Ст. 93. Въ первопечатномъ текстѣ: „Напрасно это *вы относите* къ другимъ"; въ рукописяхъ совсѣмъ иной оттѣнокъ смысла.

Ст. 155. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, въ Жандр. рук. „Степаночъ".

— *Явленіе 4-ое.* Въ описаніи сцены во всѣхъ трехъ рукописяхъ: „Настижъ"; въ Жандр. рукописи и въ первопеч. текстѣ: „въ спальню *къ* Софіи".

— *Явленіе пятое.* Въ ремаркѣ о Натальѣ Дмитріевнѣ: „молодая дамочка" въ Жандровск. рукописи.

Ст. 229. Въ Булгар. спискѣ „Неужли".

Ст. 236. Послѣ „сказала" въ Жандровск. рук. и первопечатномъ текстѣ точка.

Ст. 240. Въ Булгар. спискѣ въ концѣ стиха восклицательный знакъ.

Ст. 234. Въ Жандровск. рук. „Михайлочь", какъ и въ дальнѣйшихъ стихахъ.

Ст. 253. Послѣ „братъ" въ первоначальномъ текстѣ знакъ восклицанія.

Ст. 254. Въ Булгар. спискѣ „Московской".

Ст. 259. Въ Жандр. рук. и Булгар. спискѣ: „Ну постоянный вкусъ! въ мужьяхъ всего дороже"

Ст. 270. „Рюматизмъ"—во всѣхъ четырехъ текстахъ, согласно французскому: rhumatisme.

Ст. 274. Въ Булгар. спискѣ въ концѣ слова знакъ восклицанія.

Ст. 277. Въ Булгар. спискѣ „Охъ!"

Ст. 282. Въ ремаркѣ къ словамъ Платона Михайловича въ первопечатномъ текстѣ: „равнодушно".

Ст. 283. Въ Булгар. „Сквозный".

Ст. 299. Въ Жандр. рук. и Булгар. спискѣ „взошли".

Ст. 300. сл. Въ Жандр. рук. и Булгар. спискѣ: „отставный", „холостый".

Ст. 203. Въ Булгар. спискѣ „оборачиваетъ".

Ст. 322. Въ Жандр. рук. и Булгаринск. спискѣ въ концѣ стиха знакъ вопроса, а въ первопечатномъ текстѣ—запятая.

— *Явленіе 9-ое.* Въ ремаркѣ въ первопечатномъ текстѣ: „Между прочими Загорѣцкій".

Ст. 327. Ремарка: „Софьѣ" имѣется только въ Музейн. автографѣ, въ остальныхъ же текстахъ она отсутствуетъ.

Ст. 354. Въ Музейномъ автографѣ оригинальная пунктуація: „Съ зарей въ седьмомъ часу, и! кстатель!"

Ст. 353. Въ Жандровск. рук.: „бр*ѣ*згливъ".

Ст. 370. Во всѣхъ текстахъ „кошечьи".

Ст. 378. Въ Музейномъ автографѣ, Жандр. рукописи и въ печатномъ текстѣ ремарка: *Онъ* выставляется впередъ".

Ст. 382. Въ Муз. автографѣ, Жандров. рук. и первопечатномъ текстѣ: „Ярм*о*нкѣ"; въ Булгар. спискѣ слогъ *ар* написанъ по слогу *он*.

Ст. 388. „Вонъ этотъ"—во всѣхъ четырехъ текстахъ.

Ст. 406. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ „полки-т*а*"; въ первопечатномъ тексѣ—„то".

Ст. 413. Въ Жандр. рук, и Булгар. спискѣ „сажен*ь*".

Ст. 417. Запятая послѣ „Вашъ шпицъ" во всѣхъ четырехъ текстахъ.

— *Явленіе 13-ое.* Въ ремаркѣ, во всѣхъ трехъ рукописяхъ: „которые въ продолженіи расходятся".

Ст. 422. Въ первопечатномъ текстѣ въ концѣ стиха восклицательный знакъ.

Ст. 430. Въ первопечатномъ текстѣ въ концѣ стиха точка съ запятою, а въ Жандровск. рук. знакъ вопроса.

— *Явленіе 14-ое.* Въ рукописяхъ инициалы г-дъ N. и Д. обозначены латинскимъ шрифтомъ, а въ первопечатномъ текстѣ—русскимъ.

Ст. 435. Въ Жандровск. рукописи „завид*л*ивъ"; въ Булгар. спискѣ сначала было то же, но потомъ исправлено: „завистливъ"—въ соотвѣтствіи съ первопечатнымъ текстомъ.

Ст. 336. Въ рукописяхъ въ концѣ стиха точка.

Ст. 438. Въ концѣ стиха въ Жандровск. рук. и Булгар. спискѣ знакъ восклицанія.

Ст. 450. Въ Булгар. спискѣ слово „Это" пропущено.

Ст. 457. Въ рукописяхъ пунктуація: „Упряталъ дядя, плутъ".

— *Явленія 18—19.*

Въ репликахъ Графини-бабушки въ Музейной и Булгарinской рукописяхъ буквы *д, жс, б, г* замѣняются буквами *т, ш, п, к,* для обозначенія шепелявaго произношенія; но это проведено непослѣдовательно; въ Жандровской рукоп. соотвѣтствующія буквы надписаны сверху, не отмѣняя нижнихъ. Въ первопечатномъ же текстѣ Графинѣ-бабушкѣ дано обычное произношеніе.—То же самое въ четвертомъ дѣйствіи, явленіе первое.

Ст. 480. Въ рукописяхъ пунктуація: „Какъ? Чацкаго? Кто свелъ въ тюрьму?"

Ст. 481. Пунктуація Жандр. рук.: „Въ горахъ израненъ, въ лобъ".

Ст. 481—482. Здѣсь во всѣхъ текстахъ въ двѣ строки стянуты, собственно, четыре стиха:

Въ горахъ израненъ въ лобъ,
Сошелъ съ ума отъ раны.
— Что? Къ фармазонамъ въ клобъ?
Пошелъ онъ въ бусурманы!

Ст. 487 слл. Въ репликахъ князя Тугоуховскаго: *А-хмъ, Э-хмъ, И-хмъ* и т. д. пунктуація въ текстахъ расходится: въ Музейн. автографѣ, Жандр.

рук. и первопечатномъ текстѣ стоятъ восклицательные знаки, въ Булгар. спискѣ знаки вопроса.

Ст. 498. „Вѣри*ть*"—во всѣхъ четырехъ текстахъ; въ рукописяхъ: „поневол*и*".

Ст. 542. Ремарка „съ кротостію" вставлена только въ Булгаринск. спискѣ.

Ст. 547. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ „Животны*е*".

Ст. 551. Послѣ „по-христіански такъ" въ рукописяхъ запятая, а въ первопечатномъ текстѣ точка съ запятой.

Ст. 554. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ такъ: „Вс*е* врутъ календари"; только въ первопечатномъ текстѣ: „вс*ѣ*".

Ст. 559. Въ первопечатномъ текстѣ и въ Булгар. рукоп. „потребу*ю*тъ".

Ст. 563. Послѣ „Съ дороги" запятая стоитъ во всѣхъ текстахъ, кромѣ Музейнаго автографа, гдѣ нѣтъ знака препинанія.

Ст. 600. Въ Жандровск. рукоп. и Булгар. спискѣ „отъявятъ"; въ первопечатномъ текстѣ здѣсь цензурный пропускъ, а въ Музейн. автографѣ—иная редакція.

Ст. 602. Запятая послѣ словъ: „все въ обмѣнъ" стоитъ въ Жандр. рукописи и въ Булгар. спискѣ; въ Музейномъ автографѣ текстъ построенъ иначе, а въ первопечатномъ текстѣ эти фразы выпущены цензурой.

Ст. 606. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ „как*і*й-то".

Ст. 610. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ „плать*я*".

Ст. 615. „*Бод*рый"—во всѣхъ четырехъ текстахъ.

Ст. 617. Во всѣхъ текстахъ „мадамъ *и* мадмуазель".

Ст. 623. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ: „кл*е*ня".

Ст. 628. Въ первопечатномъ текстѣ особая, оригинальная пунктуація: „Вотъ случай вамъ: со мною онъ не новый", но во всѣхъ трехъ остальныхъ текстахъ одинаковая пунктуація, принятая нами.

Ст. 629. Запятая послѣ слова „Петербургъ"—во всѣхъ текстахъ, кромѣ Музейнаго, гдѣ фраза построена иначе.

Дѣйствіе четвертое.

— Въ первопечатномъ текстѣ 4-ое дѣйствіе отсутствуетъ.

Ст. 8. „Попошь"—въ Жандровск. рук. и въ Булгар. спискѣ; въ Музейномъ автографѣ—нѣтъ, и фраза построена иначе.

Ст. 26. Въ Музейн. автографѣ въ концѣ стиха точка.

Ст. 32. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ въ концѣ стиха нѣтъ никакого знака.

Ст. 37. Въ Музейн. автографѣ и Жандр. рук. въ концѣ стиха нѣтъ никакого знака препинанія.

Ст. 77. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ въ концѣ стиха нѣтъ никакого знака.

Ст. 90. Въ Музейн. автографѣ оригинальная пунктуація: „Что? ночь одна не въ щётъ".

Ст. 94. „Пожалосто"—во всѣхъ трехъ рукописяхъ.

Ст. 96. Въ Булгар. спискѣ особая пунктуація: „По четвергамъ: секретнѣйшій союзъ".

Ст. 103. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ: „Бейронѣ“; въ Музейномъ автографѣ и Жандровск. рукоп.—„*объ*“.

Ст. 131. Во всѣхъ рукописяхъ: „друг*ій*ій“.

Ст. 152. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ: „почи*ѣ*ій“.

Ст. 160. Во всѣхъ рукописяхъ: „наврят*ъ*“.

Ст. 161. „Между ими“—во всѣхъ трехъ рукописяхъ.

Ст. 192. Въ Музейномъ автографѣ и Булгар. спискѣ: „Во*л*теры“.

Ст. 205. „Какія“—во всѣхъ трехъ рукописяхъ.

Ст. 222. „Дольше“—во всѣхъ трехъ рукописяхъ.

Ст. 259. Въ концѣ стиха въ Музейн. автографѣ восклицательный знакъ, а въ Жандр. рук. и Булг. спискѣ точка.

Ст. 260. Въ Булгар. спискѣ: „Царь небесно*й*“.

Ст. 278. и 283. Въ Жандровск. рукоп. и Булгар. спискѣ въ концѣ стиха знакъ восклицанія.

Ст. 367. Въ Жандровск. рукописи „наградитъ“.

Ст. 376. Въ Булгар. спискѣ описка: „не гнѣвайтесь, взгляни*т*е“; нарушающая рифму „встаньте“.

Ст. 386. Въ Булгар. спискѣ: „васъ больше не знавала“.

Ст. 422. Во всѣхъ рукописяхъ „с*т*рамница“.

Ст. 434. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ: „подеретесь“.

II. Музейный автографъ „Горя отъ ума“ (1823—1824).

Текстъ воспроизводится по подлинной рукописи, хранящейся въ Москвѣ, въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ имени Императора Александра III, въ особомъ отдѣлѣ имени А. С. Грибоѣдова. Впервые напечатанъ въ изданіи Музея: Описаніе памятниковъ. Выпускъ III. Рукопись комедіи *А. С. Грибоѣдова* „Горе отъ ума.“ Москва, 1903. XIX+152 стр. Съ пятью фототипическими снимками съ рукописи. Редакція, введеніе и примѣчанія принадлежатъ В. Е. Якушкину, палеографическое описаніе рукописи—А. И. Станкевичу.

Исторія написанія этой рукописи вкратцѣ такова. Когда въ мартѣ 1823 г. Грибоѣдовъ пріѣхалъ съ Востока въ Москву, онъ привезъ съ собой только два первыхъ акта комедіи. Прочтя ихъ своему другу, Степану Никитичу Бѣгичеву, и выслушавъ его критическія замѣчанія, онъ сжегъ первый актъ и быстро написалъ его вновь. Лѣтомъ 1823 г. Грибоѣдовъ жилъ въ тульскомъ имѣніи Бѣгичева, Дмитріевскомъ, и здѣсь написалъ третій и четвертый акты. Осень, зиму и весну 1823—1824 гг. поэтъ провелъ въ Москвѣ, перерабатывая текстъ комедіи. Свой манускриптъ, испещренный поправками, онъ подарилъ С. Н. Бѣгичеву. Уѣхавъ въ концѣ мая 1824 г. въ Петербургъ и тамъ вновь переработавъ текстъ комедіи, Грибоѣдовъ писалъ оттуда Бѣгичеву, чтобы онъ, „коли рѣшится“, сжегъ „манускриптъ“, такъ какъ онъ „такъ несовершененъ, такъ нечистъ“. Но Бѣгичевъ не рѣшился сжечь драгоцѣнную рукопись, и она хранилась у него и потомъ у его дочери, М. С. Бѣгичевой. Въ 1902 г. рукопись пріобрѣтена Историческимъ Музеемъ и въ слѣдующемъ году, какъ упомянуто выше, издана подъ редакціей В. Е. Якушкина. По мѣсту храненія мы теперь называемъ ее *Музейнымъ автографомъ*. Рукопись состоитъ изъ четырехъ тетрадей, каждая для одного дѣйствія, въ листъ формата писчей бумаги, всего 82 листа. Большая часть рукописи, около девяти десятыхъ всего текста, писана собственноручно Грибоѣдовымъ. Сцены 2, 3 и часть 4-ой перваго акта (стихи 91—153) и сцена 22-ая третьяго акта писаны рукою одного переписчика, а нѣсколько стиховъ 7-ой сцены перваго акта (стихи 402—415 и 422—425)—другимъ переписчикомъ, который подписался внизу текста: „Съ подлиннымъ вѣрно. Вѣгрдв.“ (въ нашемъ изданіи эти части текста отмѣчены для наглядности вертикальной чертой на лѣвомъ полѣ). Въ первой тетради, содержащей первый актъ пьесы и состоящей изъ 21-го листа, листы 6, 15, 16 и 17 испорчены: вся правая половина ихъ вдоль листа отрѣзана, такъ что

написанный на нихъ рукою Грибоѣдова текстъ 2, 3 и части 4 сценъ перваго акта сохранился только въ обрывкахъ (см. ниже, примѣчанія къ первому акту). Взамѣнъ обрѣзанныхъ листовъ вставлены листы, переписанные первымъ, анонимнымъ, переписчикомъ (см. выше), но они неправильно подшиты. На листѣ 67-мъ имѣется слѣдующая запись (съ приложеніемъ печати) близкаго друга Грибоѣдова, Андрея Андреевича Жандра: „Удостовѣряю моею подписью, что рукопись сія, за исключеніемъ въ 1-мъ актѣ сцѣнъ 2-ой, 3-ей и 4-ой до словъ (Фамусовъ садится) Софьи: въ саду была, цвѣты и т. д. въ 7-ой сценѣ приписокъ, означенныхъ знакомъ *) ⫩ ⫫ и въ 3-мъ актѣ послѣдней сцѣны,—вся писана собственною рукою Александра Сергѣевича Грибоѣдова. 28-го февраля 1859 года. Сенаторъ Тайный Совѣтникъ Жандръ".

Изданіе Музейнаго автографа, вышедшее подъ редакціей В. Е. Якушкина, даетъ точный текстъ рукописи (окончательную редакцію, какъ она опредѣлилась послѣ всѣхъ исправленій Грибоѣдова, и, въ примѣчаніяхъ, всѣ варіанты, создававшіеся въ процессѣ авторской работы), детальное палеографическое описаніе ея и примѣчанія, гдѣ, въ послѣдовательности актовъ, сценъ и стиховъ, проведено сравненіе Музейнаго автографа съ нѣкоторыми другими текстами, рукописными и печатными.

Въ академическомъ изданіи воспроизводится окончательный текстъ автографа и въ примѣчаніяхъ подъ строкой даются всѣ варіянты рукописи и описываются ея палеографическія особенности. Сопоставленія рукописи съ окончательнымъ текстомъ имѣются въ примѣчаніяхъ къ этому послѣднему. Погрѣшности, допущенныя въ изданіи В. Е. Якушкина, немногочисленныя и состоящія главнымъ образомъ изъ буквенныхъ опечатокъ, здѣсь исправлены.

Списка дѣйствующихъ лицъ въ Музейномъ автографѣ совсѣмъ нѣтъ. Фамусовъ названъ Павелъ Петровичъ.

АКТЪ I.

Ст. 91—153. Писаны рукою переписчика взамѣнъ полуобрѣзанныхъ листовъ (см. выше). Переписчикомъ допущены грубыя и очевидныя описки, которыя легко устанавливаются сравненіемъ съ сохранившимся текстомъ обрѣзанныхъ листовъ и съ Жандровской рукописью; но то же сравненіе убѣждаетъ, что, за всѣмъ тѣмъ, переписчикъ внимательно копировалъ оригиналъ, что сказывается, напримѣръ, въ орѳографіи и пунктуаціи. Сохранившіяся половины обрѣзанныхъ листовъ даютъ только фрагменты отдѣльныхъ стиховъ, начала или концы ихъ; но все же легко установить при сравненіи съ замѣнившимъ ихъ текстомъ, переданнымъ рукою переписчика, что обрѣзанные листы содержали текстъ въ иной редакціи, чѣмъ на вновь вставленныхъ листахъ. Такъ, вмѣсто стиха 24 стояло: „мнѣ отзывается . . . То флейта, то . . . "; вм. ст. 27 было: „Играй себѣ, играй . . . Рѣзвушка, пухл[ая]"; вм. ст. 29 отвѣтъ Лизы первоначально состоялъ изъ двухъ совсѣмъ особыхъ стиховъ: „Да въ двухъ шагахъ . . . . Во всякій часъ, вездѣ . . . "; ремарка Фамусова къ ст. 28 первоначально читалась: „ . . . ною нѣжностью

трогаетъ ее по щекѣ, жметъ руку и прочее"; ст. 56—59 въ особой выноскѣ читались первоначально такъ:

Ушелъ . . . Ахъ! отъ Господской власти
Къ бѣдамъ себя на всякій часъ готовь,
Минуй насъ пуще всѣхъ несчастій
И барскій гнѣвъ, и барская любовь.

По тексту были нанесены рукою автора многочисленныя поправки, въ концѣ концовъ приблизившія его къ той редакціи, которая дается вставными листами. Можно думать, что переписчикъ скопировалъ на своихъ листахъ исправленную редакцію оригинала, и потомъ соотвѣтствующіе листы автографа были вырѣзаны, какъ ненужные.

Воспроизводимъ сохранившійся текстъ обрѣзанныхъ листовъ, исправляя нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ печатное воспроизведеніе у В. Е. Якушкина. Въ прямыя скобки взяты слова, зачеркнутыя въ рукописи.

СЦЕНА л. 15

Лиза, Ф

Лиз

Ахъ! ба

Ф

(останавлива

Вѣдь экая шалунь
Не могъ придума
Мнѣ отзываетс
слыш.
То флейт[ой]а, то
[Не] Для сл
[Ужь-ли] [то] Софь[я]и [мо]

Лиза

Нѣтъ, сударь,.. я....

Фам

Вотъ то-то невзначай
[Играй себѣ, играй]
Такъ [Все] вѣрно съ умысломъ
[Рѣзвушка, пухл]

[Лиза]

[Да въ двухъ шагахъ]
[Во всякій часъ, вездѣ]

[Фмсвъ]

[Молчи! Дочь спитъ?]

Лиза

*) Сей

Фмсвъ

Сей часъ? А ночь?

л. 15 об.

цѣлую читала**)
[а вы ее]

ъ

ы часы заводишь
Симфонію гремишь
(какъ можно громче)

совъ *(зажимаетъ ей ротъ)*

й какъ кричишь
а ты сходишь
[ъ, такъ кричишь]
(жмется [тѣснится] къ ней и заигрываетъ)

стью
*[кою нѣжностью***) треплетъ ее]*
[по щекѣ, жметъ руку и прочее]).
баловницы.

а.

лицуль вамъ эти лицы.

мсвъ.

о кромѣ
а умѣ.

за.

енники сами,
старики....

мсвъ

Почти.

---

*) Передъ этимъ словомъ поставленъ условный знакъ для переноса въ конецъ слѣдующей страницы.

**) Здѣсь также знакъ для указанія какой-то вставки.

***) Конецъ слова написанъ неразборчиво.

Лиза.

тъ, куда мы съ вами?

Фмсвъ

прид
[вой]ти?
и?
остелѣ, *)

Лиз л. 16.

**) Лиза *одна*

ъ подалѣй
Ушелъ... Ахъ! отъ Господ[ской власти]
У нихъ [Къ] бѣд[амъ]ы себ[я]ѣ на всякій часъ готовъ,
Минуй насъ пуще всѣхъ [нещастій] печалей
И барскій гнѣвъ, и барская любовь.

Фм.

Сей часъ легла,

Л.

Боюсь, что бы невы
[Сей часъ легла,]

Ф

Чего?
[Всю ночь неспа]

Л

Пора, сударь в
У дѣвушекъ со
Чуть дверью скр
Все слышутъ

Ф

[Ли]
[Ей Богу-съ, вамъ]

Гол

Эй, Лиза!

Фм

Тсъ! когд

Лиза

(съ трепетомъ

---

*) Знакомъ обозначенъ переносъ съ предыдущей страницы.
**) Знакъ для указанія вставки.

Актъ II.

Сцена 1.

Фамусовъ, Слуга

Фамусовъ

Петрушка вѣчно ты съ обновой
съ разодраннымъ локтемъ. достань-ка календарь
читай не такъ какъ пономарь
а съ чувствомъ съ толкомъ, съ разстановкой
позди-ка. на листѣ черкни на записномъ
противу будущей недѣли
Къ Прасковьѣ Федоровнѣ въ домъ
во вторникъ званъ я на форели
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ
пофилософствуй, умъ вскружится
великой постъ и вдругъ обѣдъ
ѣшь три часа и въ три дни не сваришь!
грибки да кисельки щи каши въ сто горшкахъ
Отмѣть въ четвергъ я званъ на погребенье
а выносъ Зыкова въ Сапожкахъ
Охъ родъ людской! пришло ужъ въ удивленье
что всякой самъ туда же долженъ лѣзть
въ тотъ ларчикъ гдѣ ни стать ни сѣсть,
но хочетъ кто по этомъ предъ господомъ исправить
вотъ благочестія примѣръ
покойникъ былъ почтенной камергеръ
съ ключемъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить
богатъ и на богатой былъ женатъ
переженилъ дѣтей, внучатъ
скончался; все о немъ прискорбно поминаютъ
Кузьма Петровичъ миръ ему
что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ
пиши въ четвергъ одно ужъ къ одному
а можетъ въ пятницу а можетъ и въ субботу
Я долженъ у вдовы у докторши крестить.

Бехтѣевскій списокъ, первая страница второй тетради.

Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
чертъ носилъ
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ,
хх Въ картахъ
И крѣпко на руку нечистъ....

Да умной человѣкъ не можетъ быть не плутомъ;

Когда жъ объ честности высокой говоритъ
Какимъ то демономъ внушаемъ:
Глаза въ крови, лице горитъ,
Самъ плачетъ и мы всѣ рыдаемъ.

Вотъ люди! — Есть ли имъ подобные! — наврядъ;
Ну между ими, я конечно зауряд,
Немножко поотсталъ, лѣнивъ подумать ужасъ!
Однакожъ, я когда умишкомъ понатужась,
Засяду, — часу не сижу,
И какъ то невзначай, — вдругъ каламбуръ рожу,
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ,
И въ шестеромъ глядь водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ.
Братъ, смѣйся, а что любо, любо,
Способностями мнѣ богъ не наградилъ,
Далъ сердце доброе, вотъ чѣмъ я людямъ милъ
Совру, простятъ. —

ибо
Сосланъ никогда не былъ.
хх Въ картахъ на руку нечистъ; для вѣрности портрета сія поправка необходима, чтобъ не подумали, что ворует табакерки со стола, по крайней мере я думалъ отгадать намѣреніе автора.

Изъ списка, принадлежавшаго кн. Ѳ. П. Шаховскому (съ собственноручными замѣтками Толстого-Американца).
Собраніе кн. Д. И. Шаховского.

Лиза

Охъ! сердце какъ дышат

л. 16 об. чькой за ней Молчалинъ

ѣ

[Точно] разсвѣло!

тъ свѣчу

къ быстры ночи!

ороны нѣтъ мочи!

шелъ

[дѣсь былъ], я обмерла.

не помню что врала

ъ, [лгала ему, лгала]

Для нашей, сударь чести,

на мѣстѣ

повыгляньте въ окно:

улицамъ давно

метутъ и убираютъ

дня, полъ моютъ, [пыль счисчаютъ] *).

я

въ ненаблюдаютъ,

[хоть къ людямъ]

[жалость]. [Страсть] ваша власть

конечно мнѣ попасть

Фія *(Молчалину)*,

нь еще потѣрпимъ скуку

иза

прочь возьмите руку

Молчалинъ въ дверяхъ сталкивается съ Фамусовымъ).

СЦЕН л. 17.

Софія (Павлн)

Ф

Что за оказія? М

М

Ф

За чѣмъ же здѣсь

И Софья!.. Здрав

подиялось

---

*) „Полъ моютъ, пыль счисчаютъ“—по выскобленному; вмѣсто послѣдняго слова прежде было: „сметаютъ“.

Такъ рано для ка
И какъ васъ Богъ
Ну? нѣмы?

Соф

бат
[Онъ сей
Онъ только, что теперь

Мо

Сей часъ съ прогулки

Фм

Бр

Гуляешь возлѣ женск
*) [Да какъ вы вмѣстѣ
Одна др[у]ожитъ, другій
у себя бы
Гулялъ! [онъ,] [т] Ты лежала въ
А? какъ сошлись вы]

Софія

[Позвольте]
[Перевести мнѣ дайте д]

л. 17 об.

[голова]
такъ проворно,
ю покорно
алъ!
алъ!
амъ встревоженъ очень,
имъ озабоченъ:
ужбѣ хлопотня,
сѣмъ дѣло до меня,
тобой
аго? Чтобъ былъ [въ семьѣ] обманутъ!..

я *(сквозь слезы)*
въ
отъ попрекать мнѣ станутъ,
[кать] всегда
урю.
ворю:
и нерадѣли
ъ колыбели!
мѣлъ я признанять
Розье вторую мать.
къ

*) Съ боку знакъ для означенія какой-то вставки.

то въ надзоръ тебѣ приставилъ
тихій рѣдкихъ
въ [кроткій], [честныхъ] правилъ.
[вѣдь]
[овлѣетъ сдѣлать ей]
и служить ей:

л. 6.

За лишнихъ въ г
други
Смапить себя [отсю]
Да не въ Мадамѣ с
Не надобно иного о
Когда въ глазахъ п
Смотри ты на м
Однако бодръ и свѣжъ
[Неуступлю въ здор].
Свободенъ, вдовъ, сѣбе я
Монашескимъ извѣ
Ты плакала о чемъ

Софі

[И смѣхъ и слезы съ]
[Вы гнѣвны на кого]

Фмс

[Невинные! Нашл]
[Вы посѣтитель т]

Софі

[Онъ ничего вамъ не]
это
Ужь я скорѣе разберу
Какъ съ вечеру васъ к
Простите батю
Не попадайся *) вамъ,
Что ступимъ шагъ,

Фмсв

Какой тутъ шагъ? ни

л. 6 об.

ти
го у кровати!
Великая напасть:
... случайно.
сть?
[Это что-ли тайно?]

*) Сначала было слитно: „Непопадайся", затѣмъ раздѣлено черточкой.

[безъ головы]
[ась съ просонокъ]
[нокъ...]
мѣли съ Лизой вы.]
ть мой голосъ можетъ?
здѣлица тревожитъ
ймете вы тогда.

свъ

ѳія

ъ расказать?

Фмсвъ

Ну да.

Ст. 314. „Чадскій“—отсюда и до ст. 400 идетъ эта форма фамиліи, потомъ Чадскій переправляется въ Чацкаго, потомъ прямо пишется Чацкій.

Ст. 325. Можно думать, что между „пронесся“ и „вѣтеръ“ стояла запятая, покрытая росчеркомъ, начинающимъ слово „вѣтеръ“.

Ст. 395—396. Формы „сыщемъ“, „пространствуемъ“, „воротимся“ всѣ послѣдовательно соблюдены только здѣсь, въ Музейномъ автографѣ; въ Жандровской рукописи „сыщемъ“, но уже „пространствуешъ“ и „воротишься“, — какъ и въ первопечатномъ текстѣ; въ Булгаринскомъ же спискѣ во всѣхъ трехъ случаяхъ форма 2-го лица единств. числа.

Ст. 402—415 и 422—425. Написаны на отдѣльномъ листѣ чужою рукою, при чемъ имѣется запись: „Съ подлиннымъ вѣрно. Вигрдв“.

АКТЪ II.

Ст. 11—13. Вмѣсто стиха „Великій постъ и вдругъ обѣдъ!“ въ Жандровской рукоп. и Булгаринск. спискѣ: „То бережешься, то обѣдъ“. Въ соотвѣтствіи съ передѣлкой стиха 11-го изъ позднѣйшаго текста исчезъ и стихъ 13-й, въ которомъ характеризуется великопостный обѣдъ. Ср. ст. 486.

Ст. 15. Церковь Николы въ Сапожкахъ (недалеко отъ башни, около манежа Кутафьи) уничтожена при импер. Николаѣ I. Ст. 15-й исчезъ изъ позднѣйшаго текста въ связи со ст. 13-мъ.

Ст. 188. Слова: „три“ и „уѣдитъ“ написаны по выскобленному. Можно догадываться по нижней петлѣ, оставшейся отъ выскабливанія перваго слова, что было написано: „два“.

Ст. 486. Первоначально было: „Великій постъ, такъ балу дать нельзя“. Но эта редакція отмѣнена въ виду передѣлки стиха 11-го (см. выше); вторая редакція: „Домъ невеликъ“ также зачеркнута, и стихъ получилъ тотъ видъ, который наблюдаемъ и въ позднѣйшемъ текстѣ.

АКТЪ III.

Ст. 117. Первоначально было: „Мораль и Сатира?“, потомъ красными чернилами указана перестановка; знакъ вопроса черными чернилами замѣненъ запятою.

Ст. 177. Въ позднѣйшемъ текстѣ: „Татьяна *Юрьевна*"; передѣлка, вѣроятно, стоитъ въ связи съ именемъ Натальи *Дмитріевны* Горичевой, ср. ст. 228

Ст. 138. Исчезъ изъ позднѣйшаго списка, и вмѣстѣ съ нимъ исчезъ одинъ изъ ближайшихъ мотивовъ мести Софьи: угроза Чацкаго.

Ст. 178 и слл. О шепелявенья Графини-бабушки во всѣхъ трехъ рукописяхъ: Музейной, Жандровской, и Булгаринской см. въ примѣчаніяхъ къ основному тексту.

Ст. 542. Двоеточіе послѣ „такъ" передѣлано изъ запятой.

Ст. 602. Тире въ концѣ стиха поставлено красными чернилами; послѣ „одежду" тоже красными чернилами поставлена запятая, но потомъ смазана.

АКТЪ IV.

Ст. 357—362. Вмѣсто этихъ шести стиховъ въ Жандровской рукописи и другихъ позднѣйшихъ текстахъ вставлено 68 новыхъ стиховъ, введена сцена зангрыванья Молчалина съ Лизой и соотвѣтственно передѣлано объясненіе Софьи съ Чацкимъ (ст. 375—382).

Ст. 129—168. Заключительный монологъ по Музейному автографу существенно отличается отъ окончательной редакціи. Посредствующую редакцію монолога см. въ примѣчаніяхъ къ Жандровской рукописи.

III. Бехтѣевскій списокъ.

До нашего времени сохранилась одна рукописная копія „Горя отъ ума", восходящая къ тексту Музейнаго автографа. Она принадлежала Ивану Петровичу Бехтѣеву, потомъ Н. П. Бехтѣеву и затѣмъ перешла въ собственность С. С. Бехтѣева. И. П. Бехтѣевъ жилъ въ с. Пружинкахъ, Задонскаго уѣзда, (умеръ 30 марта 1853 г., на 65-мъ году жизни. См. „Московскій Некрополь" I, 103) и былъ близкимъ пріятелемъ С. Н. Бѣгичева, жившаго неподалеку. Гостя у Бѣгичева лѣтомъ въ 1823 года, когда создавались третій и четвертый актъ, Грибоѣдовымъ бывалъ и у И. П. Бехтѣева, и послѣдній, конечно, зналъ всѣ подробности творческихъ работъ Грибоѣдова въ Ефремовскомъ. Возможно, что знакомство съ Грибоѣдовымъ поддерживалось и до, и послѣ 1823 г., и результатомъ этого знакомства явился Бехтѣевскій списокъ „Горя отъ ума".

Рукопись не дошла до насъ въ полной сохранности. Изъ четвертаго акта осталось только два отдѣльныхъ листа, содержащихъ двѣ послѣднихъ сцены, остальныя исчезли—когда и куда неизвѣстно. Текстъ переписанъ небрежно, съ крупными орѳографическими ошибками, искаженіями отдѣльныхъ словъ и пропусками словъ, цѣлыхъ фразъ и репликъ и особенно—знаковъ препинанія. Напр., вмѣсто „все ты лжешь" написано: „все ты можешь", „къ дверямъ" вмѣсто „въ дверяхъ", „Ей Ванька, Ванька" вмѣсто „Ей Филька, Ѳомка". Слова Репетилова въ 9-ой сценѣ III акта о билетѣ въ театрѣ:

И этотъ наконецъ похитилъ уже силой
У одного, старикъ онъ милой,
Мнѣ другъ, извѣстный домосѣдъ,
Пусть дома посидитъ въ покоѣ—

переданы такъ:

И этотъ наконецъ похитилъ уже силой
Мне другъ известной домоседъ
Постъ дома просидитъ впокое.—И т. д.

Сличеніе Бехтѣевскаго списка съ Музейнымъ автографомъ и окончательной редакціей устанавливаетъ полное совпаденіе списка съ автографомъ, точнѣе говоря съ окончательной редакціей автографа. Въ Бехтѣевскомъ спискѣ не сохранилось никакихъ варьянтовъ и передѣлокъ, какими такъ богатъ автографъ. И отсюда слѣдуетъ выводъ, что Бехтѣевскій списокъ создавался тогда, когда Грибоѣдовъ закончилъ всѣ измѣненія текста въ Музейномъ автографѣ, т. е., не лѣтомъ 1823 г., а скорѣе зимой или весной 1824 г.

Разночтенія, правда, имѣются, но они незначительны и созданы исключительно небрежностью переписки. Зато, не смотря на небрежность переписчика и произвольность его орѳографіи, въ спискѣ сохранились многія примѣты автографа: „седмь сотъ верстъ“, Чадскій, „прихмахеру“, „какій“; „другій“, „случалось ли, чтобы вы смѣясь? или въ печали? ошибкою? добро о комъ нибудь сказали“, и т. д.

Какъ извѣстно, въ Музейномъ автографѣ нѣтъ списка дѣйствующихъ лицъ. Цѣнную особенность Бехтѣевскаго текста составляетъ этотъ списокъ; однако трудно сказать, кѣмъ онъ составленъ, и нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, что—Грибоѣдовымъ. Вотъ текстъ его въ буквальной транскрипціи:

Дѣйствующія Лица:

Фамусовъ Сенаторъ служащій при архивахъ
Его дочь Софія Павловна
Его Секретарь Алексѣй Степановичь Молчалинъ
Лиза горничная Софьи
Чацкой Молодой человекъ воспитывавшійся въ домѣ Фамусова и въ любленой въ Софью путешествовалъ и только что воротился
Сергей Сергеичь Сколазубъ служащей полковникъ
Репетиловъ Московской Житель
Хлестова тетка Софьи Павловны
Князь Тугоуховскій, Жена его, 6 дочерей княженъ } гости
Графиня Хрюмина бабушка, Ее внучка } гости
Платонъ Михаиловичь Сослуживецъ Чацкаго, Его жена Наталья Дмитревна } гости
Антонъ Антоновичь Загорецкій гость, гости безъ речей и некоторые съ речьми } гости
Слуги Фамусова—

Возможно, что списокъ дѣйствующихъ лицъ составленъ самимъ И. П. Бехтѣевымъ; но и въ этомъ случаѣ характеристика лицъ имѣетъ свое значеніе.

IV. Жандровская рукопись „Горя отъ ума" (1824).

Хранится въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ, въ особомъ отдѣлѣ имени А. С. Грибоѣдова. Печатное изданіе: „Горе отъ ума" Комедія *А. С. Грибоѣдова.* Текстъ Жандровской рукописи. Съ приложеніемъ двухъ портретовъ и пяти снимковъ съ рукописи. Редакція, введеніе и примѣчанія Н. К. Пиксанова. Изданіе Л. Э. Бухгеймъ. Москва. 1912. 8+LXX+151 стр. Въ введеніи излагаются личныя отношенія Грибоѣдова и А. А. Жандра, разсказывается внѣшняя исторія рукописи и дается ея оцѣнка въ творческой исторіи „Горя отъ ума", въ связи съ другими главными рукописями и первопечатнымъ текстомъ комедіи.

Жандровская рукопись является, послѣ Музейнаго автографа, вторымъ важнымъ моментомъ въ текстуальной исторіи „Горя отъ ума". До отъѣзда изъ Москвы въ Петербургъ въ 1824 году Грибоѣдовъ подарилъ Музейный автографъ С. Н. Бѣгичеву. „На дорогѣ, писалъ онъ потомъ Бѣгичеву, пришло мнѣ въ голову придѣлать новую развязку; я ее вставилъ между сценою Чацкаго, когда онъ увидѣлъ свою негодяйку со свѣчою подъ лѣстницею и передъ тѣмъ, какъ ему обличить ее; живая быстрая вещь, стихи искрами посыпались, въ самый день моего пріѣзда" (Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ Петербургъ 1-го іюня 1824 года). Сдѣлавъ эту большую вставку, Грибоѣдовъ пересмотрѣлъ и прежній текстъ; Бѣгичеву онъ писалъ: „кстати, прошу тебя моего манускрипта [т. е. Музейнаго автографа] никому не читать и предать его огню, коли рѣшишься, онъ такъ несовершененъ, такъ нечистъ; представь себѣ, что я слишкомъ восемьдесятъ стиховъ, или лучше сказать рифмъ, перемѣнилъ, теперь гладко, какъ стекло." Грибоѣдовъ обыкновенно писалъ на полулистахъ и не берегъ своихъ рукописей. А. А. Жандръ потомъ сообщалъ Д. А. Смирнову: „Когда Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ Петербургъ и въ умѣ своемъ передѣлалъ свою комедію, онъ написалъ такіе ужасные брульоны, что разобраться было невозможно. Видя, что геніальнѣйшее созданіе чуть не гибнетъ, я у него выпросилъ его полулисты. Онъ ихъ отдалъ съ совершенною безпечностью. У меня была подъ руками цѣлая канцелярія; она списала „Горе отъ ума" и обогатилась, потому что требовалось множество списковъ. Главный списокъ, поправленный рукою самого Грибоѣдова, находится у меня" („Историческій Вѣстникъ" 1909, IV, 153). Этотъ „главный списокъ" и есть Жандровская рукопись. Она была создана лѣтомъ 1824 года, а всѣ авторскія исправленія ея закончились не раньше осени этого года (см. „Введеніе" въ изданіи Жандровской рукописи 1912 г., стр. LVI—VII).

Пожало-ста, сударь, при немъ остерегись:
извѣстный человѣкъ, солидный,
и знаковъ тьму отличьѣ нахваталъ,
Не по лѣтамъ, и чинъ завидный,
Не нынче завтра Генералъ.
Пожало-сти при немъ веди себѣ скромненько,
Эхъ! Александръ Андрѣичъ, дурно братъ!
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько,
Я всякому ты знаешь, радъ.
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:
Вотъ будто женится на Сонюшкѣ. Пустое.
Онъ можетъ быть и радъ-бы былъ душой,
~~Объ этомъ онъ мечтать со мной,~~
Да надобности самъ не вижу я большой
~~Мнѣ того нѣтъ нужды большой~~

Жандровская рукопись, стр. 66 (Дѣйст. II, явл. 3).

въ комнату и проч: Софія отъ себя выходитъ
всѣ къ ней на встрѣчу:

Графиня внучька. (къ ней же)

~~Eh! bon soir! comment vont les [illegible]~~
Eh! bon soir! Vous voilà! Jamais trop diligente
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente. ~~[illegible]~~?
~~Toujours le désespoir de ceux, qui vous attendent?~~

Загарѣцкій.

На завтрешній спектакль имѣете билетъ?

Софія.

Нѣтъ.

Загарѣцкій.

Позвольте вамъ вручить, напрасно-бы кто взялся
Другій вамъ услужитъ, за то

Жандровская рукопись, стр. 154 (Дѣйст. III, явл. 9).

~~Пред кѣмъ я давече, такъ страстно и такъ низко~~
~~Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!!~~

✕ ~~Но что? наказаны вы горестью отрадною.~~

А вы, сударь отецъ, вы ~~[illegible]~~ страстные къ чинамъ
Желаю вамъ дремать въ невѣденьи
~~Собой и дочерью; желаю быть~~ счастливомъ,

Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ.

Другій найдется благонравный,

Низкопоклонникъ и дѣлецъ,

Достоинствами наконецъ

Онъ будущему тестю равный.

Такъ! отрезвился я сполна,

Мечтанья съ глазъ долой и спала пелена;

Теперь не худо бъ было сряду

На дочь и на отца,

И на любовника-глупца,

Жандровская рукопись, стр. 242 (Дѣйст. IV, явл. 14).

И на весь міръ излить всю желчь и всю досаду.
Съ кѣмъ былъ! Куда меня закинула судьба!
Всѣ гонятъ! всѣ ~~вредятъ~~ клянутъ! Мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ.
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ, [illegible]!
Уряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ.
Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ
Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышетъ воздухомъ однимъ,
И въ немъ разсудокъ уцѣлѣетъ.
Вонъ изъ Москвы. сюда я больше не ѣздокъ
Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,

Жандровская рукопись, стр. 243.

„Ужасные брульоны", представляющіе переходную редакцію отъ Музейнаго автографа къ Жандровской рукописи, не сохранились до нашего времени. Хранимая А. А. Жандромъ и потомъ, послѣ его смерти въ 1873 г., въ его семьѣ Жандровская рукопись долгое время не подвергалась спеціальному изученію. Въ 1862 г. съ нею сличался текстъ комедіи во второмъ, исправленномъ изданіи Николая Тиблена (СПБ.), но сопоставленіе было произведено крайне поверхностно и небрежно. Въ 1903 г. въ изданіи Музейнаго автографа, въ примѣчаніяхъ В. Е. Якушкина, дано нѣкоторое количество сопоставленій съ Жандровскою рукописью; и только въ 1912 г. она издана полностью.

Въ рукописи всего 244 страницы, изъ которыхъ четыре, именно: 20, 21, 240 и 241, писаны собственноручно Грибоѣдовымъ и вклеены взамѣнъ вырѣзанныхъ. Остальной текстъ писанъ рукою одного переписчика, весьма тщательно; но весь покрытъ исправленіями самого Грибоѣдова. Основной текстъ Жандровской рукописи, переданный переписчикомъ, во многихъ случаяхъ сближается съ Музейнымъ автографомъ. Окончательный же текстъ ея, установленный исправленіями самого автора, совпадаетъ съ текстомъ Булгаринскаго списка и такимъ образомъ является, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ, дефинитивной редакціей пьесы.

Въ нижеслѣдующихъ примѣчаніяхъ даются всѣ существенные черновые варіанты рукописи и передѣлки, нанесенныя рукою Грибоѣдова (подробное палеографическое описаніе ея см. въ отдѣльномъ изданіи 1912 г.).

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что число стиховъ въ Жандровской рукописи совершенно совпадаетъ съ Булгаринскимъ спискомъ и съ окончательнымъ текстомъ, напечатаннымъ въ началѣ этого тома; этимъ облегчается дробное сопоставленіе по стихамъ. Счетъ же стиховъ Музейнаго автографа сильно расходится съ названными текстами.

Дѣйствіе первое.

Ст. 4. Первоначально было написано: „Не спи, покудова не снимутъ караула"; потомъ рукою Грибоѣдова передѣлано: „Не скатишься со стула".

Ст. 18. Первоначально было: „Ни вѣрить не хотятъ, ни слышать, ни видать", потомъ замѣнено: „И слышутъ, не хотятъ понять".

Ст. 70. Было: „повыгляньте въ окно"; замѣнено: „взгляните-ка".

Ст. 85. Было: „Подальше гдѣ нибудь повыбрать закаулокъ?"; послѣ зачеркиванія получилось: „Подальше выбрать закаулокъ?"

Ст. 149. Было: „Пожалуй на меня вину еще всю сложатъ"; замѣнено: „всю суматоху".

Ст. 154 слл. Первоначально разсказъ Софьи о снѣ былъ изложенъ въ редакціи, близкой къ Музейному автографу (см. тамъ ст. 154—166 и слл.). Грибоѣдовъ вырѣзалъ тотъ листъ, на которомъ переписчикомъ была переписана главная часть разсказа о снѣ, такъ что остались (на предыдущемъ листѣ) только начальные шесть стиховъ:

Софія.

Въ саду была; цвѣты безщетно тамъ пестрѣли
Искала я, мнѣ чудилось траву,

Какую то, не вспомню наяву.
Въ Ирисахъ, въ бархатцахъ, въ Левкояхъ и въ синели,
Да гдѣ ихъ всѣхъ назвать?
Изъ силъ я выбилась, и бросила искать.

Эти стихи зачеркнуты, и на вклеенномъ отдѣльномъ листѣ Грибоѣдовъ вписалъ собственноручно новую редакцію разсказа (ст. 154—172).

Ст. 180. Первоначально было: „И черти, и любовь, и флейты, и цвѣты“ потомъ вм. „флейты“ поставлено: „страхи“.

Ст. 232—233. Первоначально было:

Желалъ бы онъ звѣзду на зятѣ,
А при звѣздахъ не всѣ богате

Послѣ передѣлокъ получилось:

Желалъ бы зятя онъ съ звѣздами, да съ чинами.
А при звѣздахъ не всѣ богаты, между нами.

Ст. 240—242. Первоначально было:

Самъ на ряду со всѣми дураками.

Лиза.

Да-съ, правду молвить между нами,
Рѣчистъ, а больно нехитеръ.

Послѣ передѣлокъ получилось:

Онъ слова умнаго не выговорилъ съ роду,—
Мнѣ все равно, что за него, что въ воду.

Лиза.

Да-съ, такъ сказать рѣчистъ, а больно нехитеръ.

Ст. 254. Первонально было: „Богъ не оставитъ васъ—“; замѣнено: „живитека смѣясь“.

Ст. 293. Было: „ваша тетушка на мысли набрела“; надъ строкой рукою Грибоѣдова написано: „на умъ теперь пришла“, но прежнія слова остались незачеркнутыми.

Ст. 350—351. Первоначально было:

Какъ не смутиться мнѣ? отъ васъ нѣтъ оборонъ;
Обозрѣваете меня со всѣхъ сторонъ.

Эти стихи замѣнены другими:

Да хоть кого смутятъ
Вопросы быстрые, и любопытный взглядъ....

Ст. 425. Первоначально было: „быть ему у насъ въ людяхъ извѣстнымъ“; передѣлано:

Онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ.

Ст. 431—432. Первоначально было:

Когда пора была безвреднѣйшимъ забавамъ?—

Чацкій.

На что-же такъ давно? вотъ доброты черта вамъ:

Послѣ передѣлокъ приняло такой видъ: стихъ 431 въ репликѣ Софьи зачеркнутъ; въ реплику Чацкаго вставленъ стихъ:

Когда все мягко такъ? и нѣжно, и незрѣло?

Стихъ 432 измѣненъ:

На что-же такъ давно? вотъ доброе вамъ дѣло.

Дѣйствіе второе.

Ст. 86. Первоначально: „Упалъ въ другорeть“; передѣлано: „Упалъ въ другой разъ“; потомъ дана окончательная редакція: „Упалъ въ другоредь“.

Ст. 153—154. Слова Чацкаго: „Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ“ и слова Фамусова: „Не слушаю. Подъ судъ! подъ судъ!“ были пропущены переписчикомъ и вставлены рукою Грибоѣдова.

Ст. 172—173. Первоначально было:

Объ этомъ онъ молчитъ со мной,
Мнѣ тоже нѣтъ нужды большой.

Эти стихи зачеркнуты и вмѣсто нихъ вставлено:

Онъ можетъ быть и радъ-бы былъ душой,
Да надобности самъ не вижу я большой.

Ст. 208—209. Первоначально было:

А я такъ дорожу родствомъ.
Съ ищу его на днѣ морскомъ.

Потомъ стихъ 208 передѣланъ: „Нѣтъ! я передъ родствомъ гдѣ встрѣтится, ползкомъ“; потомъ слово „родствомъ“ замѣнено „родней“ и въ соотвѣтствіи съ этимъ ст. 209 передѣланъ: „Сыщу ее на днѣ морскомъ“.

Ст. 369. Первоначально было: „Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ“ потомъ вмѣсто „и“ поставлено: „всю“.

Ст. 386. Первоначально было: „Ничтожность, шалости, пороки, пустоту“ потомъ передѣлано: „Ихъ слабодушіе, разсудка нищету“.

Дѣйствіе третье.

Ст. 15. Въ репликѣ Софьи первоначально было: „Вотъ спросы пречудные“; потомъ рукою Грибоѣдова написано надъ зачеркнутою строкою: „Родные“. Въ первопечатномъ же текстѣ и въ Булгаринскомъ спискѣ уже: „Есть многіе, родные“,—и въ этомъ одно изъ немногихъ отличій Жандровской рукописи отъ окончательнаго текста.

Ст. 46. Первоначально было: „Казался прахъ и смѣхъ? дымъ, мѣлочь; суета“; передѣлано: „Казался прахъ и суета“.

Ст. 224. Первоначально было: „Наталья Юрьевна“; замѣнено: „Дмитревна“; то же въ ст. 305 и другихъ.

Ст. 292. Первоначально было: „Кровь была не та, теперь остыла“; замѣнено: „Славное тогда житье-то было“.

Ст. 325—326. Первоначально было:

Eh! bon soir! comment vont les rubans les guirlandes
Toujours le désespoir de ceux, qui Vous attendent?

Эти два стиха зачеркнуты и между ними вставлено:

Eh, bon soir! Vous voilà! jamais trop diligente
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente.

Ст. 336. Слова Загорѣцкаго: „Къ тому, къ сему, всѣхъ сбилъ я съ ногъ“ были пропущены переписчикомъ и вставлены рукою Грибоѣдова.

Ст. 392. Первоначально было: „И за уши его знать мало я дирала“, передѣлано: „Я за уши его дирала, только мало“.

Ст. 409—410. Первоначально было:

Пойдемте, батюшка; тамъ ожидаютъ васъ
Мой братъ и многіе. Прошу покорно. Князь!

Послѣ передѣлокъ получилось:

Пойдемте, батюшка; тамъ васъ я насмѣшу
Курьезный вистъ у насъ. За нами Князь! Прошу.—

Ст. 584 слл. Первоначально было:

Ну словомъ отпустилъ возъ цѣлый многолѣтствій,
И въ восхищеніи отъ насъ,
Отъ нашихъ округленныхъ фразъ,
Отъ нашихъ гладенькихъ привѣтствій.

Потомъ всѣ четыре стиха были зачеркнуты и вставлены слѣдующіе два:

Такой же толкъ у дамъ, такіе-же наряды...
Онъ радъ, мы больше рады.

Послѣдній стихъ снова передѣланъ: „Онъ радъ, но мы не рады“.

Ст. 588. Первоначально было: „Объ южной *Франціи;*“ передѣлано: „Ахъ! *Франція!*“

Ст. 607. Первоначально было: „Лишь только въ пору намъ, чтобъ кашель дать простудный“; замѣнено: „Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ“.

Дѣйствіе четвертое.

Ст. 67. Слова Репетилова: „Ругай меня, я самъ кляну свое рожденье“ были пропущены переписчикомъ и вставлены рукою Грибоѣдова.

Ст. 87. Первоначально было: „Отъ пустяковъ твоихъ въ отчаянье придти!“; передѣлано: „Есть отъ чего въ отчаянье придти“.

Ст. 114—115. Первоначально было:

Э! брось! кто нынче спитъ? будь образецъ Геройства,
Рѣшись, а мы! у насъ.... рѣшительнаго свойства.

Послѣ передѣлокъ получилось:

Э! брось! кто нынче спитъ? Ну полно безъ прелюдій,
Рѣшись, а мы! у насъ.... рѣшительные люди.

Ст. 227—228. Первоначально было:

Все врозь, неговоря худаго
Чуть изъ виду одинъ, гляди ужь нѣтъ другаго

Потомъ стихъ 227 передѣланъ: „*всѣ* врозь, неговоря ни *слова*;“ въ соотвѣтствіи съ этимъ стихъ 228 измѣненъ: „Чуть изъ виду одинъ, гляди ужь нѣтъ друг*ова*“.

Ст. 261. Первоначально было: „Амфиса Карповна“; потомъ вмѣсто слова „Карповна“ поставлено рукою Грибоѣдова: „Ниловна.“

Ст. 305. Первоначально было: „Нѣтъ, нѣтъ, къ горячькѣ я конечно подготовленъ“; передѣлано: „къ необычайности я точно приготовленъ“.

Ст. 395. Первоначально было: „*Все* батюшкѣ, въ *моей* доса*дѣ*“; передѣлано: „*Всю правду* батюшкѣ, съ доса*ды*.“

Ст. 154—493. Написаны рукою Грибоѣдова на отдѣльномъ листѣ, вклеенномъ взамѣнъ вырѣзаннаго (подобно стихамъ 154—172 перваго дѣйствія). При этомъ написанное Грибоѣдовымъ вновь подверглось авторскимъ исправленіямъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Ст. 476 сначала имѣлъ такой видъ: „Что память вамъ давно постыла,“ потомъ исправленъ: „Что память даже вамъ постыла.“ Ст. 483 и сл. сначала были изложены такъ:

Я тотчасъ бы бѣжалъ, чтобъ не при васъ тужить,
И сладко съ миленькимъ могли бы вы прожить

Послѣ передѣлки получилось:

Я съ вами тотчасъ бы сношенія пресѣкъ,
И передъ тѣмъ, какъ навсегда растаться
Не сталъ бы очень добираться
Кто этомъ вамъ любезный человѣкъ? . . .

Несомнѣнно, что написанный Грибоѣдовымъ на вставленномъ листѣ текстъ замѣнилъ собою болѣе раннюю редакцію послѣдняго монолога Чацкаго. На слѣдующей за вырѣзаннымъ листомъ страницѣ 242 въ рукописи сохранились отъ нея пять стиховъ:

Предъ кѣмъ я давиче, такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!!
Но что? наказаный вы горемъ справедливымъ.
А вы сударь отецъ, вы жертвуйте къ чинамъ
Собой и дочерью; желаю быть щастливымъ

Изъ нихъ первые три стиха совсѣмъ зачеркнуты (первые два въ новой редакціи поставлены въ другомъ мѣстѣ: см. ст. 469—470; а третій совсѣмъ исчезъ). Вторые же два стиха послѣ исправленій приняли такой видъ:

А вы сударь отецъ, вы страстные къ чинамъ
Желаю вамъ дремать въ невѣдѣніи щастливомъ

Сохранившійся такимъ образомъ фрагментъ болѣе ранней редакціи послѣдняго монолога Чацкаго въ Жандров. рукописи близко напоминаетъ еще одинъ варьянтъ этого монолога, закрѣпленный во многихъ спискахъ, а отсюда и въ печатныхъ изданіяхъ „Горя отъ ума“. См. Ефремовскую рукопись Пушкинскаго Дома; рукопись А. В. Всеволожскаго, рукописи

Император. Публичной Библіотеки: Q. XIV. 144, Q. XIV. 91, F. XIV. 49 и др.; ср. изданія Ю. Приваловскаго 1858, Берлинское 1858, Тиблена (первое) 1862 и др. (подробнѣе см. „Введеніе“ въ изданіи Жандровской рукописи 1912, стр. XLIV—XLVII) Вотъ его текстъ:

Чацкій (Софьѣ).

Не образумлюсь . . . виноватъ,—
Не знаю какъ я невпопадъ,
Представилъ васъ себѣ одной изъ хладнокровныхъ
Искательницъ Фортунъ и женихов чиновныхъ,
Которой красотѣ едва дано расцвѣсть,
Глубоко ужъ натвержено искуство
Не сердцемъ поискать, а взвѣстить и расчесть
И торговать собой въ замужество.
Нѣтъ, нѣтъ! ошибся я, намѣченъ былъ у васъ
Любовникъ миленькій, котораго подъ часъ
Могли бы, не смотря, что въ возростѣ онъ зрѣломъ,
Беречь и пеленать и посылать за дѣломъ
Мужъ мальчикъ, мужъ слуга, изъ женниныхъ пажей,
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей!!
Но Боже мой; кого себѣ избрали?
Когда размыслю я—кого вы предпочли?
Зачѣмъ меня взманили, завлекли?
Повергли въ бездну золъ, мученій и печали? . .
Слѣпецъ я! въ комъ искалъ награды всѣхъ трудовъ?
Спѣшилъ, дрожалъ, летѣлъ—вотъ счастье думалъ близко!
Предъ кѣмъ и давича такъ страстно, и такъ низко
Былъ разточитель нѣжныхъ словъ! . .
Но что! наказаны всѣ горемъ справедливымъ . . .
А вы, сударь, отецъ! вы жертвуйте чинамъ—
Собой и дочерью; желаю быть счастливымъ!
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ!

(дальше, какъ въ позднѣйшей редакціи).

Этотъ варьянтъ многими чертами напоминаетъ текстъ монолога въ Музейномъ автографѣ (см. тамъ ст. 429—469); и хотя онъ не засвидѣтельствованъ полностью авторизованными рукописями комедіи, однако, въ виду его характерныхъ совпаденій съ музейнымъ и жандровскимъ текстами, несомнѣнно принадлежитъ самому Грибоѣдову и является посредствующимъ звеномъ между Музейнымъ автографомъ и Жандровской рукописью. Съ увѣренностью можно утверждать, что изъ Жандровской рук. былъ вырѣзанъ Грибоѣдовымъ очень близкій къ приведенному варьянтъ.

Ст. 508. Сначала было: „всѣ вредятъ“, потомъ „вредятъ“ зачеркнуто и текстъ надписано: „клянутъ“.

V. Первопечатный текстъ „Горя отъ ума“ (1825).

Мысль о напечатаніи „Горя отъ ума“ возникла у Грибоѣдова еще въ Москвѣ, въ 1824 году, когда былъ законченъ весь текстъ комедіи (ранняя редакція). Отъѣздъ въ концѣ мая 1824 г. изъ Москвы въ Петербургъ былъ въ значительной степени обусловленъ намѣреніемъ Грибоѣдова искать разрѣшенія на печатаніе у петербургской цензуры. Объ этомъ Грибоѣдовъ пишетъ С. Н. Бѣгичеву въ первомъ же письмѣ изъ Петербурга, отъ 10 іюня 1824 г.: „Василій Серг. Ланской, министръ внутреннихъ дѣлъ, цензура отъ него зависитъ, мнѣ по старому знакомству вѣроятно окажется благопріятенъ. Александръ Сем. [Шишковъ, министръ народнаго просвѣщенія] тоже. Частью это зависитъ отъ гр. Милорадовича; на дняхъ онъ угощалъ меня обѣдомъ въ Екатерингофѣ.“ Одновременно Грибоѣдовъ хотѣлъ провести комедію и на сцену (о чемъ также говоритъ въ одномъ изъ дальнѣйшихъ писемъ къ С. Н. Бѣгичеву). Но личныя хлопоты Грибоѣдова, несмотря на такія связи, не увѣнчались успѣхомъ; столкновенія съ цензурою доставляли много непріятностей поэту (см. письмо Грибоѣдова къ Н. И. Гречу отъ 24 октября 1824 г.). Одновременно съ Грибоѣдовымъ въ цензурѣ хлопоталъ Ѳ. В. Булгаринъ о разрѣшеніи альманаха „Русская Талія“. Въ видѣ исключенія, цензурованіе альманаха было изъято изъ вѣдѣнія особой канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ и передано въ министерство народнаго просвѣщенія, попечителю учебнаго округа. Благодаря этому, въ альманахѣ появились отрывки изъ „Горя отъ ума“ (см. „Введеніе“ въ изданіи Жандровской рукописи 1912; ср. ст. *Н. В. Шаломытова* въ „Новомъ Времени“ 1909, № 12125, Иллюстриров. приложеніе). Альманахъ „Русская Талія, подарокъ любителямъ и любительницамъ отечественнаго театра на 1825 годъ. Издалъ Ѳаддей Булгаринъ. СПБ. 1825“ былъ разрѣшенъ цензурою 15 ноября 1824 г., но появился только въ январѣ 1825 г. Здѣсь, на страницахъ 257—316, впервые напечатаны явленія 7—10-е перваго дѣйствія и весь третій актъ „Горя отъ ума“.

Сличеніе первопечатнаго текста съ Жандровской рукописью показываетъ, что Грибоѣдовъ сообщилъ Булгарину для альманаха текстъ „Горя отъ ума“ послѣ того, какъ закончилъ всѣ исправленія Жандровской рукописи; и въ „Русской Таліи“ воспроизведенъ, такимъ образомъ, окончательный текстъ этой рукописи. Ср. ст. 350, 351, 425, 431, 432 перваго дѣйствія и 46, 224, 292, 305, 325, 326, 392, 409, 410, 595 третьяго дѣйствія по Жандровской рукописи съ соотвѣтствующими мѣстами въ „Русской Таліи“.

Изъ немногочисленныхъ разночтеній два—три случайны. Въ третьемъ дѣйствіи, явленіе первое, стихи 91—95 по Жандровской рукописи читаются такъ:

Чацкій. Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю,
А чаще съ ними я скучаю.

Софья. Напрасно: это все относится къ другимъ,
Молчалинъ вамъ наскучилъ бы едва-ли,
Когда бъ сошлись короче съ нимъ.

Въ альманашномъ текстѣ разночтеніе: „Напрасно это вы относите къ другимъ". Въ такомъ видѣ фраза теряетъ смыслъ и связь съ контекстомъ; и всего скорѣе, что она есть просто корректурное искаженіе жандровской редакціи; въ позднѣйшемъ, Булгаринскомъ спискѣ она читается такъ же, какъ у Жандра. Въ шестомъ явленіи того же дѣйствія, къ репликѣ Горича „сейчасъ" (стих. 282-ой по Жандровской рукописи) дана въ альманахѣ ремарка: „равнодушно", тогда какъ и въ раннемъ музейномъ, и въ позднѣйшемъ булгаринскомъ текстѣ „хладнокровно" (въ соотвѣтствіи съ такой же буквально ремаркой при словахъ Горича въ IV-мъ дѣйствіи, явленіе 2-ое: „Балъ вещь хорошая, неволя-то горька"). Въ 13-мъ явленіи, въ ремаркѣ, въ Жандровской рукописи стояло: „Чацкій, Софія и нѣсколько посторонніхъ, которые въ продолженіи расходятся". Въ „Русской Таліи" вставка: „въ продолженіе сцены", которая, однако, вновь исчезла изъ булгаринскаго списка.

Зато въ первопечатномъ текстѣ есть одна вставка, имѣющая литературную цѣнность и закрѣпленная въ позднѣйшемъ текстѣ. Въ бесѣдѣ Чацкаго съ Софьей въ первомъ явленіи третьяго дѣйствія, на вопросъ Александра Андреевича: „кто болѣе вамъ милъ?" Софья отвѣчала по первоначальному тексту Жандровской рукописи: „Вотъ спросы пречудные". Эта фраза тамъ перечеркнута Грибоѣдовымъ и сверху надписано: „Родные". Но и такая поправка не удовлетворила автора, и въ текстѣ „Русской Таліи" уже находимъ: „Есть многіе, родные"... Въ такомъ видѣ отвѣтъ Софьи воспроизведенъ и въ Булгаринскомъ спискѣ.

Итакъ, содержаніе альманашнаго текста почти буквально совпадаетъ съ окончательнымъ текстомъ Жандровской рукописи и является его воспроизведеніемъ. Но подлинная грибоѣдовская орѳографія и пунктуація подверглась большимъ измѣненіямъ и часто замѣняется шаблонной корректорской. Поэтому для читателей пропадали многія характерныя особенности говора и произношенія и отмѣтки въ интонаціяхъ дѣйствующихъ лицъ, подсказывавшіяся своеобразной постановкой знаковъ препинанія. Ср. стихи 44, 162, 181—184 191, 414 третьяго дѣйствія въ Жандровской рукописи съ соотвѣтствующими стихами въ „Русской Таліи".

Кромѣ того, цензурою произведено много изъятій и передѣлокъ въ текстѣ. Такъ, въ 7-мъ явленіи перваго дѣйствія, въ репликѣ Чацкаго: „Со всей Европой породнятся" (ст. 370 по Жандровской рукописи, счетъ стиховъ коей совпадаетъ съ Булгаринскимъ спискомъ) слово „Европой" замѣнено „вселенной". Въ той же репликѣ, ст. 380: „Въ ученый комитетъ который поселился"

Фамусовъ.

Ну вотъ! великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!
Ученье, — вотъ чума! ученость, — вотъ причина....

* * *

Хлестова.

Отцы мои! ужъ кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ все равно, отъ книгъ ли, отъ питья-ль,
А Чацкаго мнѣ жаль.
По Христіански такъ; онъ жалости достоинъ:
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.

Фамусовъ.

Четыре.

Хлестова.

Три, сударь!

Фамусовъ.

Четыреста.

Хлестова.

Нѣтъ! триста.

Фамусовъ.

Въ моемъ календарѣ. . .

Первопечатный текстъ „Горя отъ ума“ въ альманахѣ „Русская Талія“ на 1825 г. (Дѣйств. III, явл. 21).

С о ф і я. (*Чацкому*)

Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?

Ч а ц к і й.

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча:
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча,
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца;
Ни звука Рускаго, ни Рускаго лица
Не встрѣтилъ, будто бы въ отечествѣ, съ друзьями:
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды;
Онъ радъ, но мы не рады.
Умолкъ. — И тутъ со всѣхъ сторонъ,
Тоска, и оханье, и стонъ:
Ахъ! Франція! нѣтъ въ мірѣ лучше края!
Рѣшили двѣ Княжны, сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства навѣянъ.
Куда дѣваться отъ Княженъ! —
Я одаль возсылалъ желанья
Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья.

* * *

Ахъ! если рождены мы все перенимать,
Хоть у Китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ.
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,

Первопечатный текстъ (Дѣйств. III, явл. послѣднее).

„передѣланъ: „Между учеными который поселился". Въ третьемъ дѣйствіи явленіе 1-ое, послѣ стиха 5-го: „Ужь развѣ поумнѣлъ?.. А тотъ—" пропущены стихи:

Хрипунъ, удавленникъ, фаготъ,
Созвѣздіе маневровъ и мазурки!
Судьба любви, играть ей въ жмурки,
А мнѣ...

Въ стихахъ 37 и 39 поставлено: вмѣсто „правленій"—„одеждъ" и вм. „по арміи"—„по должности": въ ст. 129 вм. „За армію стоитъ горой"—„Онъ за своихъ стоитъ горой".

Въ явленіи 3-мъ, вмѣсто стиховъ 172—176, поставлено:

Молчалинъ. Вамъ не дались чины.

Чацкій. Не всякому успѣхъ.

Вмѣсто словъ Молчалина о Ѳомѣ Ѳомичѣ (ст. 203—204): „При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья, переведенъ сюда"—стоитъ: „Отличаго ума и поведенья, изъ Петербурга къ намъ переведенъ". Вмѣсто стиха 217: „Вѣдь надобно жь зависѣть отъ другихъ" поставлено: „Вѣдь надобно жь другихъ имѣть въ виду"; а вм. словъ Молчалина (см. 218): „Въ чинахъ мы не большихъ"—„чтобъ не попасть въ бѣду". Въ явленіи 10-мъ, ст. 349, слова Платона Михайловича о Загорѣцкомъ: „Отъявленный мошенникъ, плутъ" передѣлано такъ: „Извѣстный плутъ". Въ репликѣ Скалозуба, ст. 404, слова: „Въ Его Высочества, хотите вы сказать" передѣлано: „То есть, хотите вы сказать". Въ явл. 19-мъ, ст. 482, въ репликѣ Графини—бабушки пропущена фраза: „Что? къ фармазонамъ въ клобъ?" Въ явл. 21-мъ, ст. 504, вм. словъ Фамусова „передъ Монаршіимъ лицомъ" поставлено: „передъ какимъ ни есть лицомъ". Въ томъ же явленіи, послѣ стиха 522-го пропущены стихи 523—547 (реплики Фамусова, Хлестовой, Княгини, Скалозуба, Фамусова и Загорѣцкаго). Въ монологѣ Чацкаго, о французикѣ изъ Бордо, послѣ ст. 581, пропущены стихи:

Своя провинція. Посмотришь, вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ.

За исключеніемъ такихъ цензурныхъ пропусковъ и передѣлокъ и корректорскихъ исправленій въ орѳографіи и пунктуаціи первопечатный текстъ почти буквально близокъ къ Жандровской рукописи; нѣкоторыя же, немногія, авторскія поправки, отличающія его отъ этой рукописи, дѣлаютъ его буквально сходнымъ съ Булгаринской рукописью.

VI. Булгаринскій списокъ „Горя отъ ума“ (1828).

Булгаринскій списокъ является позднѣйшимъ изъ всѣхъ четырехъ авторизованныхъ текстовъ „Горя отъ ума“.

Когда онъ создавался, мы въ точности не знаемъ. Быть можетъ, онъ былъ изготовленъ и хранился у Булгарина задолго до того момента, когда Грибоѣдовъ сдѣлалъ на его титульной страницѣ извѣстную надпись: „Горе мое поручаю Булгарину. Вѣрный другъ Грибоѣдовъ. 5 іюня 1828“, что было наканунѣ отъѣзда Александра Сергѣевича на Востокъ (онъ выѣхалъ изъ Петербурга 6-го іюня 1828). Объ этомъ моментѣ мы читаемъ въ одномъ письмѣ Ѳ. В. Булгарина: „Грибоѣдовъ, уѣзжая посланникомъ въ Персію, далъ мнѣ полное право распоряжаться сею комедіею и передалъ на нее право собственности собственноручною надписью на подлинной комедіи и особою формальною бумагою“. Письмо *Ѳ. В. Булгарина* къ Михаилу Александровичу [Дондукову-Корсакову] изъ Спб. отъ 1 марта 1832 г. „Библіографическія Записки“ 1859, № 20, стбц. 621. Но самый процессъ тщательной переписки огромной рукописи долженъ былъ взять много времени. Кромѣ того, на переписанный текстъ нанесено много мелкихъ поправокъ, что тоже требовало времени,—такъ что по однимъ этимъ соображеніямъ надо время написанія рукописи отодвинуть дальше отъ 5 іюня.

Рукопись переписана однимъ четкимъ канцелярскимъ почеркомъ чрезвычайно старательно, болѣе старательно, чѣмъ даже Жандровская рукопись; переписчикъ рабски копировалъ свой оригиналъ и если и допустилъ нѣсколько оплошностей, имъ самимъ незамѣченныхъ, то таковыхъ совсѣмъ немного. На рукопись наброшена сѣть исправленій. Есть въ рукописи нѣсколько исправленій и помѣтокъ (чернымъ и синимъ карандашами), несомнѣнно, позднѣйшаго происхожденія; относительно огромнаго большинства другихъ (нанесенныхъ чернилами) невозможно съ увѣренностью утверждать, кому они принадлежатъ, такъ какъ это все знаки препинанія или отдѣльныя буквы, безхарактерныя по написанію. Но есть нѣсколько цѣлыхъ словъ, вписанныхъ въ текстъ, почеркъ коихъ несомнѣнно грибоѣдовскій. Такъ, напримѣръ, въ стихѣ: „Самъ погруженъ умомъ въ Зефирахъ и Амурахъ“ слово умомъ, внесенное надъ строкою, обличаетъ почеркъ Грибоѣдова. То же надо сказать о двухъ репликахъ, Репетилова и Чацкаго, пропущенныхъ переписчикомъ и вставленныхъ Грибоѣдовымъ въ 4-мъ явленіи IV-го дѣйствія: „Шумимъ, братецъ, шумимъ...—Шумите вы? и только?“ Отсюда можно заключать, что и многія другія исправленія—буквъ и пунктуаціи—принадлежатъ самому

автору комедіи. Грибоѣдовъ, уѣзжая на Востокъ съ предчувствіями близкой смерти и поручая Булгарину судьбу лучшаго своего созданія, конечно, просмотрѣлъ оставляемый для сцены и печати текстъ. Правда, пересмотръ не былъ такимъ тщательнымъ, какъ это наблюдаемъ въ Жандровской рукописи, Грибоѣдовъ пропустилъ нѣсколько явныхъ погрѣшностей переписчика, которыя исправилъ бы непремѣнно при болѣе внимательномъ чтеніи,—но съ другой стороны и матеріала для исправленій было немного: къ моменту пересмотра текстъ уже былъ давно фиксированъ въ художественномъ сознаніи поэта.

Въ рукописи встрѣчаются грубыя ошибки, но онѣ самоочевидны, не могутъ вводить въ заблужденіе, а потому и не опасны. Съ другой стороны, многое слѣдуетъ отнести къ своеобразіямъ правописанія самого Грибоѣдова, что теперь весьма легко установить, сопоставляя Булгаринскій списокъ съ Музейнымъ автографомъ и Жандровской рукописью. Это сопоставленіе обнаруживаетъ, что Булгаринскій списокъ такъ буквально близокъ къ Жандровской рукописи, что если бы не два—три характерныхъ разночтенія, можно было бы утверждать, что онъ копированъ съ нея. Въ текстуальномъ отношеніи Грибоѣдовъ не произвелъ почти ни одного измѣненія, не прибавилъ и не убавилъ ни одного стиха, не перемѣнилъ ни одной риѳмы, не переставилъ словъ, словомъ, оставилъ текстъ Жандровской рукописи въ новомъ спискѣ въ полной неприкосновенности. Но особенно показательны пунктуація и орѳографія— и для автора и для переписчика. Всѣ характерныя особенности грибоѣдовскаго письма строго соблюдены: то же обиліе восклицательныхъ и вопросительныхъ знаковъ—двойныхъ и тройныхъ; тѣ же непремѣнныя тире въ концѣ стиховъ, обильныя многоточія, даже такія странности, какъ запятая или двоеточіе въ концѣ реплики. И тѣ же формы живого языка: раде (и ради), два дни,—на ряду съ такими условностями, какъ—другій, иный, седьмсотъ и проч. Сохранены даже такія особенности Жандровскаго текста, какъ: „къ прихмахеру".

Есть, однако, и разночтенія. Нѣкоторыя изъ нихъ случайны и несущественны. Такъ, въ Булгаринскомъ спискѣ пропущены нѣкоторыя авторскія ремарки: въ I-мъ дѣйствіи къ стиху 56 (Фамусовъ): „торопливо"; къ стиху 303: „уходитъ", къ стиху 448: „ей въ слѣдъ вполголоса". И вѣрнѣе всего, что это—пропуски переписчика, незамѣченные авторомъ. Въ перечняхъ дѣйствующихъ лицъ того или другого явленія отдѣльныя имена варьируютъ: то съ отчествомъ, то, наоборотъ, безъ отчества; напр., въ 6-мъ явленіи I дѣйствія, въ Булгаринскомъ спискѣ „Софія", а въ Жандровской рукописи—„Софія Павловна". Въ нѣкоторыхъ случаяхъ „славяно-русскія" особенности языка сглажены въ Булгаринской рукописи: „седьмой, осьмой" (I, 1, ст. 16), хотя во многихъ другихъ случаяхъ сохранены. Обо всѣхъ такихъ разногласіяхъ—ихъ вообще немного—трудно сказать, кѣмъ они созданы: авторомъ или переписчикомъ; всего вѣроятнѣе послѣднее.

Но имѣются два—три случая, когда въ варіантѣ чувствуется авторская рука. Въ афишѣ Жандровской рукописи Наталья Дмитріевна названа „молоденькой дамой", а въ ремаркѣ 5-го явленія III-го дѣйствія: „молодая дамочка". Въ Булгаринскомъ спискѣ въ обоихъ случаяхъ уже: „молодая дама"—въ соотвѣтствіи съ первопечатнымъ текстомъ. Въ IV-мъ дѣйствіи Лиза говоритъ

Молчалину про Фамусова: „а иногда и чиномъ подаритъ“ (наградитъ, въ Жандровской рукописи).

Въ сущности, и всѣ замѣны второй категоріи очень незначительны, и изъ сопоставленія Булгаринской рукописи съ Жандровскимъ спискомъ становится очевидно, что на протяженіи четырехъ лѣтъ, отъЖандровской рукописи чрезъ первопечатные фрагменты къ Булгаринскому списку, текстъ „Горя отъ ума“ оставался неизмѣннымъ.

Булгаринскій списокъ тщательно хранился Ѳ. В. Булгаринымъ послѣ смерти Грибоѣдова. Булгаринъ охотно показывалъ его интересующимся (но едва ли допускалъ къ детальному изученію), и такимъ образомъ въ изданіяхъ комедіи 1850-хъ и 60-хъ годовъ мы нерѣдко встрѣчаемъ ссылки на Булгаринскій списокъ; но свѣрка печатнаго текста съ Булгаринскимъ спискомъ производилась крайне поверхностно и даже вела къ новымъ искаженіямъ. Такъ, напр., въ анонимной статьѣ о Грибоѣдовѣ въ журналѣ „Иллюстрированный Листокъ“ 1862 г., № 49, авторъ (В. Р. Зотовъ?) приводитъ нѣсколько десятковъ варьянтовъ яко-бы изъ Булгаринскаго списка, бывшаго у него въ рукахъ, но большинство изъ этихъ варьянтовъ совершенно расходится съ подлинной рукописью; изданіе т-ва „Общественная Польза“ 1866 г. (съ рисунками П. Соколова) тоже предлагало „полный текстъ съ рукописи, подаренной авторомъ Ѳ. В. Булгарину“, какъ и два изданія Я. А. Исакова—1869 и 1872 г. По смерти Ѳ. В. Булгарина его сыновья Б. Ѳ. и В. Ѳ. Булгарины, при посредствѣ Т. А. Сосновскаго, принесли рукопись въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ въ 1879 году (см. Отчетъ Библіотеки за 1879 г. СПБ. 1880, стр. 65—66), и съ тѣхъ поръ она стала легче доступна изученію. Но еще въ 1874 году наслѣдники Булгарина предоставили рукопись для изученія *П. Д. Гарусову*, и онъ рѣшилъ воспроизвести въ печати „буквально-точный текстъ“ рукописи. Въ своемъ извѣстномъ комментированномъ изданіи „Горя отъ ума“ 1875 г. (СПБ., изд. „Русской книжной торговли“) Гарусовъ, дѣйствительно, напечаталъ текстъ Булгаринскаго списка съ гораздо большей тщательностью, чѣмъ это дѣлали прежде; въ текстѣ онъ старался точно соблюсти орѳографію и пунктуацію рукописи, въ примѣчаніяхъ описалъ многія ея палеографическія особенности. Но все же Гарусову не удалось избѣжать многихъ и довольно крупныхъ погрѣшностей, несмотря на его увѣренія о „буквальной точности“. Въ виду особо важнаго значенія Булгаринскаго списка, какъ послѣдняго авторизованнаго Грибоѣдовымъ текста, отмѣчаемъ главнѣйшія погрѣшности въ изданіи Гарусова, минуя мелкіе недочеты въ передачѣ орѳографіи и пунктуаціи.

Дѣйствіе первое.

Ст. 91. Вмѣсто „Откуда“ слѣдуетъ: „Оттуда“.
Ст. 312. Вмѣсто „А между тѣмъ“ слѣдуетъ: „И между тѣмъ“.
Ст. 403. Вмѣсто „привыкли видѣть мы“ слѣдуетъ: „вѣрить“.

Дѣйствіе второе.

Ст. 243—245 приписаны Молчалину, слѣдуетъ—Фамусову.
Ст. 363. Слова „И честь, и жизнь“ написаны въ обратномъ порядкѣ.

Ст. 467. Вмѣсто „поднимутъ“ слѣдуетъ „подымутъ“.

Ст. 501. Вм. „Пошлите къ доктору“ слѣд. „Пошлемте“

Ст. 563. Послѣ этого стиха пропущена ремарка автора: „уходитъ къ себѣ“.

Дѣйствіе третье.

Ст. 310. Къ репликѣ Княгини пропущена авторская ремарка: „громко что есть мочи.“

Ст. 342. Въ авторской ремаркѣ вмѣсто „Между тѣмъ временемъ“ слѣдуетъ: „тѣмъ временемъ“.

Ст. 546. Вм. „Хоть и животные“ сл. „Хотя животные“.

Дѣйствіе четвертое.

Ст. 367. Вм. „чиномъ наградитъ“ слѣдуетъ: „подаритъ“.

Ст. 434. Вм. „подеритесь“ слѣд. „подеретесь“.

Ст. 459. Вм. „Я постараюсь, и въ набатъ я пріударю“ слѣдуетъ: „Я постараюсь, я, въ набатъ я пріударю“.

VII. Гарусовскій текстъ „Горя отъ ума".

Гарусовскій текстъ комедіи появился въ печати въ 1875 году, въ изданіи „Русской книжной торговли" („Горе отъ ума". Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, *А. С. Грибоѣдова.* Редакція полнаго текста, примѣчанія и объясненія составлены И. Д. Гарусовымъ. СПБ. 1875). Самъ редакторъ квалифицировалъ свое изданіе какъ „по счету сороковое, по содержанію первое полное изданіе, содержащее, при новой редакціи текста, 129 нигдѣ до сихъ поръ не напечатанныхъ стиховъ, всѣ доселѣ извѣстные варьянты комедіи, оцѣнку всѣхъ изданій и рукописей „Горя отъ ума" и буквально—точный текстъ рукописи, подаренной Грибоѣдовымъ Булгарину". Къ этому слѣдуетъ добавить, что редакторъ даетъ (подъ строкой и позади текста) огромное количество примѣчаній—историческихъ, литературныхъ, реальныхъ и иныхъ. Минуя эти комментаріи и воспроизведеніе Булгаринскаго списка (о немъ см. выше), мы здѣсь разсмотримъ основной текстъ изданія съ его варьянтами.

Гарусовскій текстъ во многомъ совершенно расходится съ общепринятымъ, восходящимъ обыкновенно къ Булгаринскому списку. При этомъ Гарусовъ опирался на одну рукопись, исторію которой излагаетъ такъ. Пріѣхавъ въ Москву въ 1823 году, Грибоѣдовъ бывалъ въ домѣ Лопухиныхъ и встрѣчался тамъ съ ихъ воспитанницей, Авдотьей Дмитріевной Юматовой. Лопухинымъ Грибоѣдовъ оставилъ „въ 1823 году полный списокъ комедіи *въ ея первоначальномъ, но въ законченномъ видѣ,* безъ урѣзокъ и сокращеній. Проѣздомъ въ 1826 году черезъ Москву онъ забросилъ Лопухинымъ варьянтъ нѣсколькихъ сценъ, которыя намѣренъ былъ исправить для печати. Такимъ образомъ Дунюшка [А. Д. Юматова] стала владѣтельницею полной рукописи". „Грибоѣдовъ въ 1826 г. самъ просмотрѣлъ ея собственный списокъ, сдѣлалъ кое-какія незначительныя поправки и сверху текста на 1-й страницѣ на-скоро надписалъ: „Исправляю по памяти: моего Горя не захватилъ. Москва. 1826 г. Ал. Грибоѣдовъ". „Событія 1825 года повліяли и на семейство Лопухиныхъ. Грибоѣдовская рукопись, по словамъ Юматовой, утратилась въ 30-хъ годахъ, и она стала единственной владѣлицей полнаго текста, который и былъ привезенъ изъ Москвы въ 1827 году въ ея имѣнье"—въ Ярославской губерніи. Здѣсь И. Д. Гарусовъ, тогда еще гимназистъ, „въ 1842 году провелъ много лѣтнихъ дней въ буквальномъ снятіи копіи съ рукописи, въ ея исправленномъ видѣ, выпустивъ, къ сожалѣнію, все, что было зачеркнуто авторомъ, не понимая тогда цѣны и значенія точныхъ работъ, и въ августѣ 1842 г. привезъ свой списокъ въ Ярославль". Въ Яро-

Достоинствами наконецъ.
Онъ будущему тестю равенъ!
Такъ! отрезвился я сполна,
Мечтанья съ глазъ долой и спала пелена!
Теперь не худо было бъ, сряду,
На дочь, и на отца,
И на любовника глупца
И на весь мiръ излить всю желчь и всю досаду!
Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула судьба?
Всѣ гонятъ, всѣ клянутъ: мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ!...
Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ,
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышетъ воздухомъ однимъ —
И въ немъ разсудокъ уцѣлѣетъ!
Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздокъ.
Бѣгу, не оглянусь! пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!
Карету мнѣ, карету!!!.. (Быстро уходитъ; Фамусовъ долго стоитъ въ остолбенѣнiи)

Явленiе XV.

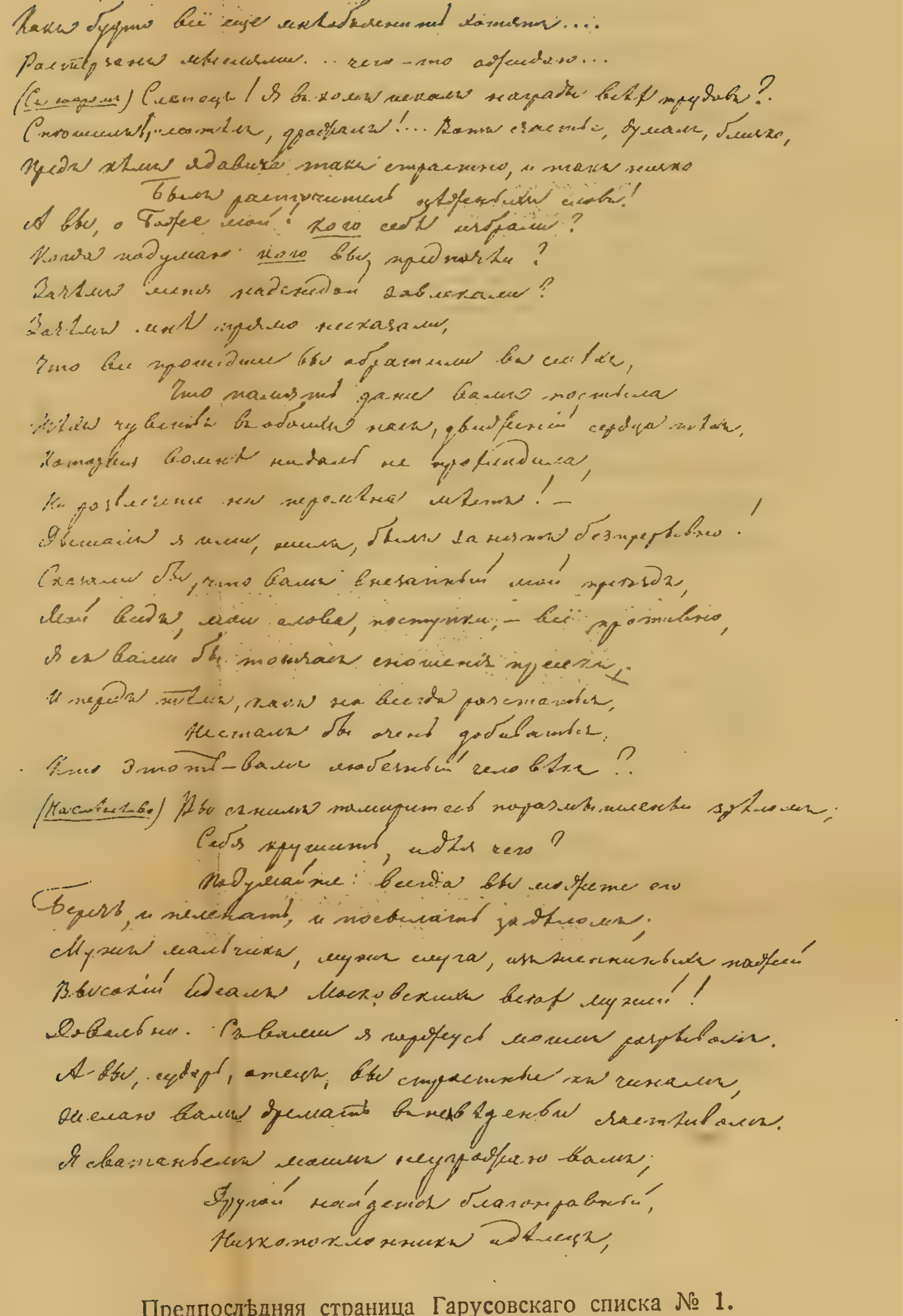
Тѣже кромѣ Чацкаго.

Фамусовъ.

Ну что? не видишь ты, что онъ съ ума сошелъ,
Скажи серьезно?
Безумный!! Что онъ тутъ за чепуху мололъ?
„Низкопоклонникъ! тесть!“ И про Москву такъ грозно....
А ты меня рѣшилась уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна:
Ахъ, Боже мой! что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексевна! —

Конецъ.

Послѣдняя страница Гарусовскаго списка № 1.


Какъ будто всё еще мнѣ объяснить хотятъ...
Растерянъ мыслями... чего-то ожидаю...
(*С жаромъ*) Слѣпецъ! Я въ комъ искалъ награды всѣхъ трудовъ?
Спѣшилъ, летѣлъ, дрожалъ!... вотъ счастье, думалъ, близко,
Предъ кѣмъ я давича такъ страстно, и такъ низко
Былъ расточитель нѣжнѣйшихъ словъ!
А вы, о Боже мой! <u>кого</u> себѣ избрали?
Когда подумаю <u>кого</u> вы предпочли?
Зачѣмъ меня надеждой завлекали?
Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ,
Что память даже вамъ постыла
Тѣхъ чувствъ въ обоихъ насъ, движеній сердца тѣхъ,
Которыхъ во мнѣ ни даль не охладила,
Ни развлеченья, ни перемѣна мѣстъ! —
Дышалъ я ими, жилъ, былъ занятъ безпрерывно!
Сказали бы вы, что вамъ внезапный мой пріѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки, — всё противно,
Я съ вами бъ тотчасъ сношенія пресѣкъ,
И передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться,
Не сталъ бы очень добиваться,
Кто этотъ вамъ любезный человѣкъ?..
(*Насмѣшливо*) Вы съ нимъ помиритесь по размышленьи зрѣломъ;
Себя крушить, и для чего?
Подумайте: всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и посылать за дѣломъ.
Мужъ мальчикъ, мужъ слуга, изъ жениныхъ пажей
Высокій идеалъ Московскихъ всѣхъ мужей!
Довольно. Съ вами я горжусь моимъ разрывомъ.
А вы, сударь, отецъ, вы страстные къ чинамъ,
Желаю вамъ дремать въ невѣденьи счастливомъ.
Я сватовствомъ моимъ не угрожаю вамъ;
Другой найдется благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,

Предпослѣдняя страница Гарусовскаго списка № 1.

славлѣ списокъ былъ къ 5 ноября 1842 г. „переписанъ на-бѣло" подъ руководствомъ П. М. Перевлѣсскаго; въ августѣ 1873 г. Гарусовъ „снялъ съ него копію и передалъ ее въ рукописное отдѣленіе Импер. Публ. Библіотеки, гдѣ она значится по каталогу подъ отмѣткою: XIV. F. Б. 48". Но въ этотъ новый списокъ Гарусовъ „по независящимъ отъ него обстоятельствамъ (?) не могъ включить тѣхъ варьянтовъ, которые появляются въ настоящемъ изданіи [т. е. въ изданіи 1875 г.] и которые пріобрѣтены были имъ отъ А. Д. Юматовой въ декабрѣ 1844 года", когда Гарусовъ вновь гостилъ у нея въ селѣ Противьѣ. Послѣ смерти А. Д. Юматовой ея собственная рукопись исчезла, и Гарусовъ не могъ уже ее отыскать. Тексту „Горя отъ ума", добытому Гарусовымъ у Юматовой, онъ придавалъ особое, исключительное значеніе въ смыслѣ авторитетности и достовѣрности. Этимъ текстомъ онъ измѣрялъ достоинство другихъ доступныхъ ему рукописей и печатныхъ изданій комедіи и въ ихъ подробномъ описаніи, данномъ въ изданіи 1875 г., онъ систематически отмѣчаетъ всѣ отличія отъ своего текста.

Не перечисляя здѣсь огромнаго количества такихъ отличій въ орѳографіи, пунктуаціи, порядкѣ отдѣльныхъ словъ въ стихѣ, приводимъ тѣ стихи и цѣлыя тирады, которыхъ нѣтъ въ обычномъ текстѣ комедіи и которые впервые введены Гарусовымъ въ изданіе 1875 г.

Гарусовскій печатный текстъ идетъ изъ стиха въ стихъ одинаково съ Жандровскою рукописью и Булгаринскимъ спискомъ отъ начала и до стиха 185-го въ третьемъ дѣйствіи (явленіе 3-е). Впрочемъ, къ ст. 4-му второго дѣйствія, содержащему обращеніе Фамусова къ Петрушкѣ: „Читай не такъ, какъ пономарь, а съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой",—вставлена ремарка: „Петрушка готовится читать", отсутствующая въ другихъ текстахъ (въ дальнѣйшемъ мы будемъ сопоставлять Гарусовскій текстъ съ Жандровско-Булгаринскимъ, т. е. съ окончательной редакціей комедіи).

Въ III-мъ дѣйствіи, явл. 3-е, въ репликѣ Молчалина, между стихами: „Татьяна Юрьевна! Извѣстная... Притомъ" и „Чиновные и должностные" вставленъ цѣлый новый стихъ:

Вся знать къ ней въ домъ.

Въ реплику Горича, характеризующаго въ явл. 9-мъ Загорѣцкаго, вставлены четыре стиха (по счету Гарусова 354—357):

На дняхъ онъ банкъ по-шуллерски сорвалъ.
Смигнулся съ шуллеромъ такимъ же записнымъ
И обыгралъ меня. Богъ съ нимъ!
Вчера укралъ билетъ, а слышалъ, какъ совралъ.

Въ явл. 10-мъ того же дѣйствія сдѣлана огромная вставка въ 46 стиховъ (ст. 400—445 по Гарусову):

Хлёстова. *(Указывая на Платона Михайловича, сидящаго къ ней спиной).*

А это что за чучело? Скажи, кто онъ?

Софья.

Натальи Дмитріевны мужъ, Платонъ Михайловичъ.

Платонъ Михайловичъ оборачивается и кланяется.

Хлёстова.

А! Знаю.—Здравствуйте! Супруга
Ужъ вѣрно здѣсь: вы неразлучные два друга.

Наталья Дмитріевна, *подходя.*

Я кланялась, вы не всмотрѣлись.

Цѣлуются.

Хлёстова.

Не мудрено, глаза подъ старость приглядѣлись.

Наталья Дмитріевна отходитъ.

Ну вотъ такъ парочка! По чести—заглядѣнье!

Увидя двухъ княженъ проходящихъ.

Ахъ! Боже мой; Племянница, гляди,
Какъ у второй княжны измято на зади...
Какъ выемка низка!—Ну, право, омерзенье!

Ахъ, какъ растрепана она,
Какъ будто дома и одна!

Мимо проходятъ другія двѣ княжны.

У всѣхъ запачканы, измяты шемизетки.

Увидя княгиню, ей громко:

Княгиня! Какъ прекрасны ваши дѣтки!
Невѣсты, милы всѣ, хоть разомъ подъ вѣнецъ.

Княгиня *въ сторону съ досадою.*

Стара̀, вѣкъ зла!

Вслухъ:

Ростутъ.—О, мой Творецъ!
Давно ли я сама...

Хлёстова, *перебивая:*

Мы вмѣстѣ съ вами
Къ вѣнцу шли...

Княгиня, *прерывая ее:*

Полноте! Ребенкомъ я была.

Хлёстова *Софьѣ:*

Примѣтно молодится.

Княгинѣ:

Можетъ, съ нами
Вы завтра? насъ Татьяна Юрьевна звала.

Княгиня.

И насъ звала; мы вмѣстѣ будемъ.
Князь, князь! отмѣть!—Мы, правда, не забудемъ.

Отходитъ къ гостямъ.

Хлёстова, *указывая Софьѣ на Скалозуба.*

А это кто стоитъ тамъ у колонны?

Софья, не дослышавъ, отходитъ къ гостямъ.

Какія нынче стали моды,
Конецъ вѣкамъ!—Какія таліи!—Уроды!
Ну, что за галстуки? какъ—словно хомуты.

Увидя графиню-бабушку:

Ну вотъ какой чепецъ напялила огромный!
Смотри-ка, Сонюшка.... Племянница! Гдѣ ты?

Софья подходитъ.

Взгляни, какъ стянута, въ чемъ держится душа!
Глуха, беззубая, ряба, не хороша...
Давно бы ей пора въ могилу...
А балъ, такъ, вѣрно, въ первыхъ здѣсь.

Увидѣвъ графиню-внучку:

А внучка.... Что́ за срамъ!—Тьфу!.. вся въ прорѣзь!
Чуть-чуть не голая.... Глядѣть-то не подъ силу.

Обѣ графини подходятъ и кланяются.

Графиня милая, мой другъ! давненько съ вами
Въ пикетъ, въ имперіалъ мы не играли. Съ нами....
Ахъ! кажется за мной есть маленькій должокъ?
Такъ съ княземъ въ-полъ вы, какъ придется,
А послѣ какъ нибудь сочтется.

Цалуетъ графиню-внучку.

Садись, мой миленькій дружекъ!
Какъ ты мила!
Какъ разцвѣла!

Графинѣ-бабушкѣ:

Графиня, другъ мой! какъ я рада,
Что вижу Васъ, божусь.... Не вспомнюсь.... безъ души....
Живу въ такой глуши,
Друзей увидѣть вся отрада.

Въ явл. 12-мъ, въ реплику Хлёстовой вставлены стихи (по Гарусову 468—473):

Ужъ право нынче времена!
Знакомятъ насъ, таща на балы.

Опомнясь.

Ахъ!... онъ богатъ, полковникъ, скоро въ генералы....
Ну, Сонюшка, сама себѣ кажусь чудна;
Забылась я.... Чѣмъ не женихъ! Всё въ немъ....
Вѣдь твой отецъ не скажетъ ничего путемъ.

Въ явл. 14-мъ, въ реплику Софьи о Чацкомъ, послѣ словъ: „А, Чацкій! Любите вы всѣхъ въ шуты рядить" вставленъ стихъ:

Вы никого не любите щадить.

Въ явл. 18-мъ, въ реплику Графини-бабушки, послѣ словъ: „Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?" еще вставленъ стихъ (540):

Кру*ш*ится *ж*алова, какъ словно отъ у*т*ара.

Въ явл. 21-мъ, въ реплику Фамусова, вмѣсто стиха: „Попробуй о властяхъ, и ни вѣсть что наскажетъ!" вставлены стихи (564—566):

Попробуй только говорить съ нимъ о властяхъ,
Такъ и не вѣсть онъ что наскажетъ...
Ну, просто страхъ!

Въ томъ же явленіи, въ реплику Скалозуба, послѣ словъ: „А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій", вставлено:

Пусть ихъ лежатъ себѣ въ пыли!
Отъ нихъ лишь злу намъ можно научиться.
Пускай въ нихъ тотъ и копошится;
Ни денегъ у кого нѣтъ, ни земли.

А въ реплику Загорѣцкаго, послѣ словъ: „Нѣтъ-съ, книги книгамъ розь!" вставлено:

Романы?.... Что за вредъ!...
А вотъ гдѣ зло, причина бѣдъ:
Ученыя.... Вотъ ихъ-то бросьте!...
Какую-то ученую мораль
Вчера читалъ, потѣлъ, понять трудился,
А что мололъ ученый враль?
Никакъ я не добился.

Въ концѣ заключительнаго монолога Чацкаго въ третьемъ дѣйствіи вставлены стихи (714—717):

Вездѣ его бѣгутъ, вездѣ его страшатся:
Въ привычку всѣмъ вошло умомъ его чуждаться.
Начнетъ онъ говорить,
Напрасный трудъ! А глядь....

Въ четвертомъ дѣйствіи, къ репликѣ Чацкаго: „Да изъ чего, скажи, бѣснуетесь вы столько" добавлено еще:

Ужъ вѣрно изъ какихъ нибудь да пустяковъ?

Въ разсказѣ Репетилова, послѣ фразы: „Объ чемъ бишь *Ничто?* Обо всемъ“ еще вставлено (ст. 150—151):

Ахъ, это *Ничто!* Милый другъ,
Какія мысли, смѣлость, духъ...

Въ монологъ Репетилова, обращенный къ Скалозубу, послѣ словъ „Тебѣ все служба на умѣ“, вставлены стихи (200—204):

Повѣрь, любезный, мнѣ,
Что вашей братіи у насъ есть не одинъ
Полковникъ,—всѣ съ имѣніемъ, служаки,
Грудь въ орденахъ, съ умомъ, рубаки.
Умомъ однимъ лишь красенъ чинъ!

А въ концѣ монолога, послѣ словъ: „Желудокъ больше не варитъ“, еще стихи (232—235):

Повѣрь, мой другъ, что скоро
Пойдетъ и наше дѣло споро.
Куда ни поглядимъ...

Въ это время Скалозубъ ускользаетъ отъ него, а Загорѣцкій заступаетъ его мѣсто.

Пустое всѣ чины!.. Найдемъ, чего хотимъ.

Въ реплику Загорѣцкаго, обращенную къ Репетилову (явл. 6-е), послѣ словъ: „Такой же я, какъ вы, ужасный либералъ“, вставленъ еще стихъ (238),

Я неудачи самъ встрѣчалъ.

Явленіе 9-ое начинается такими вставными стихами:

Репетиловъ, *смотря въ слѣдъ Хлёстовой.*

Не удалось!—Къ несчастью опоздалъ.
Вотъ эта намъ была-бъ подъ масть:
Заговоритъ, не дастъ пропасть.
Ужъ язычекъ! ужъ бабушка—нахалъ!....
Ахъ, бѣдный Чацкій! Что съ тобою?
Неужли вправду говорятъ?..
Какъ жаль!.. Съ такою головою
Для нашего собранья—кладъ.
А Загорѣцкій?.. Сомнѣваюсь;
Едва-ли бы онъ нашимъ сталъ...
Вотъ, какъ бы Скалозубъ! А дай-ка, попытаюсь...
Ума въ немъ нѣтъ, да золотой каналъ.

Таковы вставки, впервые введенныя Гарусовымъ въ печатный текстъ и почерпнутыя имъ изъ Лопухинской рукописи. Самъ Гарусовъ признавалъ этотъ текстъ единственно вѣрнымъ и отвергалъ всѣ иныя редакціи, какъ завѣдомо недостовѣрныя. Когда появилось въ свѣтъ его изданіе 1875 года, оно не встрѣтило вѣскихъ возраженій, и послѣдующіе редакторы, правда не безъ колебаній, готовы были признать подлинность Гарусовскихъ вста-

вокъ. Между тѣмъ, анализъ всей гарусовской традиціи обнаруживаетъ, что текстъ, опубликованный Гарусовымъ, несомнѣнно фальсифицированъ.

Гарусову остались совершенно недоступны Музейный автографъ и Жандровская рукопись „Горя отъ ума"; онъ ихъ не видѣлъ,—а потому исторія текста комедіи представлялась ему въ извращенномъ видѣ. Онъ не изучалъ также почерковъ Грибоѣдова и поэтому пренебрежительно отнесся къ Булгаринскому списку, считая, что кромѣ посвятительной надписи Булгарину тамъ нѣтъ ничего, принадлежащаго рукѣ Грибоѣдова. Все это лишило Гарусова возможности критически отнестись къ тексту, найденному имъ въ Лопухинско-Юматовской рукописи. Исторію этого текста онъ излагаетъ крайне сбивчиво и противорѣчиво. Онъ утверждаетъ, что текстъ Лопухинскаго списка былъ вполнѣ законченъ „въ началѣ 1823 года"; но мы знаемъ изъ показаній ближайшаго друга Грибоѣдова, С. Н. Бѣгичева (см. выше), что когда Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ Москву въ мартѣ 1823 г., у него были написаны вчернѣ только два первыхъ акта комедіи; вторые же два писаны лѣтомъ въ деревнѣ Бѣгичева и стали извѣстны въ Москвѣ въ первоначальной редакціи только осенью 1823 года. Гарусову совершенно неизвѣстно, что въ московскомъ текстѣ 1823 года совсѣмъ не было сцены заигрыванья Молчалина съ Лизой въ четвертомъ дѣйствіи; она, однако, имѣется въ Лопухинскомъ спискѣ. Гарусовъ увѣряетъ, что Грибоѣдовъ, „проѣзжая, уже подъ арестомъ, черезъ Москву" въ 1826 г., видѣлся съ Лопухиными; этого, однако, не было и не могло быть, такъ какъ Грибоѣдовъ видѣлся только съ Бѣгичевымъ и его братомъ Дмитріемъ. Безобразныя въ эстетическомъ отношеніи вставки въ третьемъ дѣйствіи не могутъ принадлежать Грибоѣдову, такъ какъ именно третье дѣйствіе напечатано въ альманахѣ Ѳ. В. Булгарина „Русская Талія" на 1825 годъ, когда самъ Грибоѣдовъ жилъ въ Петербургѣ. Въ Булгаринскомъ спискѣ 1828 года, авторизованномъ Грибоѣдовымъ, печатный текстъ 1825 года оставленъ безъ измѣненій. Вообще, во всѣхъ трехъ авторизованныхъ рукописяхъ „Горя отъ ума": Музейной, Жандровской и Булгаринской нѣтъ и малѣйшихъ намековъ на огромныя вставки въ третьемъ и четвертомъ актахъ, появляющіяся въ Гарусовскомъ текстѣ.

Ближайшее знакомство съ этимъ текстомъ обнаруживаетъ его компилятивность. Во-первыхъ, Гарусовъ включаетъ совершенно произвольно въ свой текстъ, который самъ считаетъ окончательнымъ, варьянты первоначальнаго текста, незадолго передъ тѣмъ опубликованные А. Н. Весселовскимъ („Русскій Архивъ" 1874, № 6); эти варьянты самимъ Грибоѣдовымъ были изъяты изъ позднѣйшаго текста (см. стихи 282—295 и 321—334 въ четвертомъ дѣйствіи, явл. 8 и 10, по Гарусовскому изданію 1875 г.). Правда, Гарусовъ увѣрялъ, что эти стихи имѣются и въ Юматовской рукописи, но это невѣрно (ср. ниже). Затѣмъ обнаруживается, что печатный текстъ Гарусова расходится съ его же собственноручными списками. Какъ упомянуто выше, Гарусовъ въ 1873 году передалъ въ Рукописное Отдѣленіе Императорской Публичной Библіотеки собственноручную копію со списка, сдѣланнаго имъ съ Юматовской рукописи (см. стр. 11 изданія 1875 г.), „не желая выпускать изъ своего семейства этого списка". Ни копія Публичной Библіотеки, ни тѣмъ болѣе „списокъ", оставленный у себя Гарусовымъ,

никогда не изучались изслѣдователями Грибоѣдова. Теперь мы получили возможность изучить и копію, и „списокъ“. Послѣдній оказался въ двухъ экземплярахъ (хранятся теперь у наслѣдниковъ Гарусова). На первомъ имѣется надпись: „Списана съ рукописи, исправленной Грибоѣдовымъ и найденной въ библіотекѣ Лопухиныхъ ученикомъ VII класса Ярославской Губернской Гимназіи Иваномъ Гарусовымъ. Правописаніе и разбивка по строкамъ тѣ же, какъ исправлено Грибоѣдовымъ. Рукопись въ настоящее время находится Яросл. губ., Угл. уѣзда, въ сельцѣ Противьѣ, у Авдотьи Дмитріевны Юматовой, бывшей воспитанницы Лопухиныхъ“. Этотъ списокъ, на обложкѣ коего самъ Гарусовъ выставилъ № 1, очевидно тотъ, который онъ, по разсказу въ предисловіи къ своему изданію 1875 г. (стр. 10), сдѣлалъ въ имѣніи Юматовой и „въ августѣ 1842 привезъ въ Ярославль“. На второмъ спискѣ находимъ дважды (на заглавномъ листѣ и на послѣдней страницѣ текста комедіи) помѣту: „кончена 5 ноября 1842 г.“; очевидно, это тотъ списокъ, который, по словамъ Гарусова, былъ вновь „переписанъ подъ редакціей Перевлѣсскаго на-бѣло къ „5 ноября 1842 г.“, какъ значится на заглавномъ листѣ“ (предисловіе, стр. 11). Оба списка, писанные черными, теперь порыжѣвшими чернилами, испещрены позднѣйшими исправленіями, зачеркиваніями и надписаніями красными чернилами и карандашомъ, при чемъ въ этихъ надписяхъ приводятся ссылки на печатныя изданія 60—70-хъ годовъ.

Сравнивая эти два списка 1842 года съ копіей 1873 г. и всѣ три списка съ печатнымъ изданіемъ Гарусова 1875 г., мы легко убѣждаемся, что всѣ четыре редакціи во многомъ расходятся между собою. Списокъ второй вовсе не былъ точной копіей перваго, и въ немъ, очевидно, остались слѣды произвольной „редакціи Перевлѣсскаго“, который, какъ сообщаетъ Гарусовъ (предисловіе, стр. 11), „призналъ *почти* весь текстъ списка за несомнѣнно принадлежащій Грибоѣдову“, но „отмѣтилъ всѣ, не подлежащіе до времени печати, стихи“ (?). Что же касается третьяго списка, сдѣланнаго Гарусовымъ черезъ тридцать лѣтъ, то онъ представляетъ произвольную компиляцію двухъ первыхъ, противорѣча то одному, то другому. Наконецъ, печатный текстъ былъ подвергнутъ Гарусовымъ новымъ передѣлкамъ, поставившимъ его въ разногласіе со всѣми тремя списками. Для образца приводимъ нѣкоторыя изъ этихъ разногласій.

I дѣйствіе, явл. 1, ст. 10. Ремарка во всѣхъ трехъ спискахъ (исправленія красными чернилами въ № 1 и чернымъ карандашемъ въ № 2 здѣсь не принимаются въ расчетъ какъ позднѣйшія): „опять подходитъ къ двери“, а въ печатномъ текстѣ уже: „къ дверямъ“.

I, 1. 15. Ремарка: въ № 1: „голосъ Софьи изъ спальни“, въ № 2: „Софья изъ большой двери“, № 3 какъ № 1, а въ печатномъ текстѣ: „голосъ Софьи“.

I, 3. Ремарка: въ № 1: „Лиза, Софья со свѣчой за ней Молчалинъ“; въ № 2: „Лиза, Софья со свѣчой и за ней Молчалинъ“; № 3 какъ № 2, а въ печатномъ текстѣ: „со свѣчою въ рукѣ“.

I, 4, 107. Ремарка: во всѣхъ трехъ спискахъ: „Софья (въ слезахъ)“, а въ печатномъ текстѣ: „Софья сквозь слезы“.

I, 5, 210—214. Во всѣхъ трехъ спискахъ говоритъ одна Софья, а въ печатномъ текстѣ ст. 211—212 переданы *Лизѣ*!

I, 9, 456. Въ № 1 и 2: „Вотъ, людямъ молодымъ“; въ № 3: „Вотъ! людямъ молодымъ“, а въ печатномъ текстѣ: „Вамъ людямъ молодымъ“.

II дѣйствіе, явл. 4. Въ печатный текстъ вставлена ремарка: „Петрушка готовится читать“; ея *нѣтъ* въ обоихъ первыхъ спискахъ, какъ и у Жандра и Булгарина.

II, 5, 312. Въ № 1 и 3 и въ печатномъ текстѣ: „Словечка въ простотѣ не скажутъ—все съ ужимкой“; а въ № 2: „не вымолвятъ, а все съ ужимкой“.

II, 8, 419. Ремарка: въ № 1 и 3 и въ печатномъ текстѣ: „Все прочее вполголоса, пока Софья очнется“, а въ № 2: „всѣ прочіе встали и говорятъ вполголоса пока Софья очнётся“.

II, 8, 435. Ремарка: во всѣхъ трехъ спискахъ: „торопится и громко“, а въ печатномъ текстѣ: „торопливо“.

III, дѣйствіе, явл. 1, ст. 71. № 1: „И думать о любви! Тамъ буду я умѣть“; № 2: „И думать о любви не буду я умѣть“; № 3 и въ печатномъ текстѣ: „Не думать о любви! Тамъ буду я умѣть“.

III, 9, 354—355. № 1 и 2:

> На дняхъ по шулерски онъ банкъ сорвалъ
> Смигнулся съ игрокомъ и записнымъ;

въ № 3: „съ игрокомъ онъ записнымъ“; въ печатномъ текстѣ:

> „На дняхъ онъ банкъ по шуллерски сорвалъ.
> „Смигнулся съ шуллеромъ такимъ же записнымъ“

IV дѣйствіе, явл. 9, ст. 299—300. Въ № 1 и 3: „Не удалось! Къ несчастью опоздалъ. Вотъ это бъ намъ подъ масть“.

Въ № 2: „Вотъ этобъ намъ до масти“. Въ печатномъ текстѣ: „Вотъ эта намъ была-бъ подъ масть“.

Особенно много разногласій въ текстахъ монолога Хлёстовой (III, 10, 400—445), которымъ Гарусовъ особенно гордился, какъ своимъ главнымъ открытіемъ.

Такимъ образомъ, Гарусовскій текстъ подвергся тройной фальсификаціи. Во-первыхъ, кѣмъ то внесены огромныя вставки еще въ Лопухинско-Юматовскій списокъ; во вторыхъ, порча текста допущена Гарусовымъ въ его трехъ спискахъ; въ-третьихъ, новая порча текстуальной традиціи произведена въ печатномъ изданіи 1875 года.

Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ съ людьми.
Подалѣе отъ этихъ хватовъ,
Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!
Тамъ будешь горе горевать,
За пяльцами сидѣть, за Святцами зѣвать!
А васъ, сударь, прошу я толкомъ:
Сюда не жаловать ни прямо, ни проселкомъ;
И ваша такова послѣдняя черта:
Что чай ко всякому дверь будетъ заперта!
Я постараюсь, въ набатъ я приударю,
По городу всему надѣлаю хлопотъ,
И оглашу во весь народъ!
Въ Сенатъ подамъ! къ Министру! къ Государю!...

Чацкій (послѣ нѣкотораго молчанія)

Не образумлюсь — виноватъ. ‡
И слушаю — не понимаю!
Какъ будто все еще мнѣ объяснить хотятъ!....
Растерянъ мыслями, чего-то ожидаю.....
Слѣпецъ! я въ комъ искалъ награду всѣхъ трудовъ, (съ жаромъ)
Спѣшилъ, летѣлъ, дрожалъ!... Вотъ счастье, думалъ, близко,
Предъ кѣмъ я давича такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжнѣйшихъ словъ! ⁜
А вы, о Боже мой, *кого* себѣ избрали!
Когда подумаю, *кого* вы предпочли?
Зачѣмъ меня надеждой завлекли?
Повергли въ бездну золъ мученій и печали
Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ,
Что память даже вамъ постыла
Тѣхъ чувствъ въ обоихъ насъ, движеній сердца тѣхъ,
Которыя во мнѣ ни даль не подавила, О

‡ [illegible]
[illegible]

Ни развлечение, ни перемѣна мѣстъ!
Дышалъ, я ими жилъ, былъ занятъ безпрерывно;
Сказали бы, что вамъ внезапный мой пріѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки — всё противно;
Я съ вами бъ тотчасъ сношенія пресекъ,
И передъ тѣмъ, чѣмъ навсегда разстаться,
Не сталъ бы очень добиваться
Кто этотъ вамъ любезный человѣкъ?...
(насмѣшливо) #
Вы помиритесь съ нимъ по размышленьи зрѣломъ;
Себя крушить, и для чего? —
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и ~~понукать~~ пеленать, и посылать за дѣломъ:
Мужъ мальчикъ, мужъ слуга, изъ жениныхъ пажей
Высокой идеалъ Московскихъ всѣхъ мужей.
Довольно!.. съ вами я горжусь моимъ разрывомъ.
А вы, сударь, отецъ, вы, страстные къ чинамъ,
Желаю вамъ дремать въ невѣденьи счастливомъ.
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ;
Другой найдётся благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ, — — —
Достоинствами наконецъ
Онъ будущему тестю равный.
Такъ, отрезвился я сполна!
Мечтанья съ глазъ долой, и спала пелена!...
Теперь не худо бъ было сряду
На дочь, и на отца,
И на любовника глупца,
И на весь міръ излить всю желчь и всю ~~отраву~~ досаду!
Съ кѣмъ былъ! Куда меня закинула судьба!

[illegible]

Страница 119-ая Гарусовскаго списка № 2.

А васъ, сударь, прошу я толкомъ,
Туда не жаловать ни прямо, ни проселкомъ;
И ваша такова послѣдняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будетъ заперта!
Я постараюсь, въ набатъ я пріударю,
По городу всему надѣлаю хлопотъ
И оглашу во весь народъ;
Въ Сенатъ подамъ, Министрамъ, Государю!

Чацкій (послѣ нѣкотораго молчанія.)

Не образумлюсь... виноватъ!
И слушаю — не понимаю!
Какъ будто все-еще мнѣ объяснить хотятъ.
Растерянъ мыслями..... чего-то ожидаю....
(съ жаромъ.
Слѣпецъ! Я въ комъ искалъ награды всѣхъ трудовъ?
Спѣшилъ, летѣлъ, дрожалъ!... Вотъ счастье, думалъ, близко!
Предъ кѣмъ я давича такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!
А вы, о Боже мой, кого себѣ избрали!
Когда подумаю, кого вы предпочли?
Зачѣмъ меня надеждой завлекли?
Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ;
Что память даже вамъ постыла
Тѣхъ чувствъ въ обоихъ насъ, движеній сердца тѣхъ,
Которыя во мнѣ ни даль не охладила,
Ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ! —
Дышалъ я ими, жилъ, былъ занятъ безпрерывно!
Сказали-бы, что вамъ внезапный мой пріѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки, — все противно;
Я съ вами бы тотчасъ сношенія пресѣкъ.

Гарусовскій списокъ № 3-ій. (Дѣйст. IV, явл. 14).

И передъ тѣмъ, какъ на всегда разстаться,
Не сталъ бы очень добиваться,
Кто этотъ вамъ любезный человѣкъ?...
(<u>Насмѣшливо.</u>)
Вы съ нимъ помиритесь, по размышленьи зрѣломъ.
Себя крушить, — и для чего!
Подумайте: всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и посылать за дѣломъ;
Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ жениныхъ пажей —
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей!
Довольно!... Съ вами я горжусь моимъ разрывомъ.
А вы, сударь; отецъ, — вы страстные къ чинамъ,
Желаю вамъ дремать въ невѣдѣньи счастливомъ!
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ:
Другой найдется благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами наконецъ
Онъ будущему тестю равный.
Такъ! Отрезвился я сполна:
Мечтанья съ глазъ долой, и спала пелена!
Теперь не худо было бъ сряду
На дочь, и на отца,
И на любовника-глупца,
И на весь міръ излить всю желчь и всю досаду!...
Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула судьба?
Всѣ гонятъ, всѣ клянутъ; мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ...

VIII. Приписываемый Грибоѣдову „Прологъ къ Горю отъ ума".

Въ научно-литературномъ сборникѣ „Помощь голодающимъ", Москва, 1892, изд. „Русскихъ Вѣдомостей", напечатанъ „Прологъ" къ „Горю отъ ума",—съ такимъ пояснительнымъ письмомъ сообщившаго его Н. М. Городецкаго: „Въ періодъ моего студенчества, въ началѣ 60-годовъ, я познакомился съ семействомъ г.г. Каневскихъ, въ библіотекѣ которыхъ, въ числѣ нѣсколькихъ старыхъ книгъ, мнѣ удалось увидать довольно старый рукописный экземпляръ „Горя отъ ума" съ прологомъ, никогда не появлявшимся въ печати. При случайной, черезъ 25 лѣтъ, встрѣчѣ съ г-жой К. я вспомнилъ объ имѣвшемся у нея спискѣ „Горя отъ ума", но, къ сожалѣнію, услыхалъ, что она совершенно не помнитъ, куда дѣвалась помянутая рукопись. Разсказавъ, между прочимъ, о своей неудачѣ, бывшей въ дружескихъ съ г-жой К. отношеніяхъ, моей близкой родственницѣ, А. М. Разумовой, я услыхалъ отъ нея, что одинъ листокъ рукописи, именно тотъ, на которомъ написанъ былъ „прологъ", сохранился у нея, вложеннымъ въ печатный экземпляръ Грибоѣдовской комедіи. Р. не могла припомнить, какъ къ ней въ библіотеку попалъ только одинъ этотъ листокъ, и не могла дать никакихъ указаній, у кого могла быть вся рукопись. Она передала въ мое распоряженіе сохранившійся у нея, пожелтѣвшій отъ времени, листокъ, который я, въ свою очередь, передаю для Сборника въ пользу голодающихъ. Къ моему сожалѣнію, несмотря на всѣ мои старанія, мнѣ не удалось узнать—когда, кѣмъ и съ какого экземпляра былъ переписанъ списокъ, имѣвшійся у К., и я не могъ найти неоспоримыхъ доказательствъ того, что помѣщенный въ рукописи „прологъ" принадлежитъ перу творца „Горя отъ ума". Одно, что придаетъ вѣроятность этому, заключается въ томъ, что, судя по бумагѣ и чернилamъ рукописи (уже въ началѣ 60-хъ годовъ бывшей довольно старой), можно не безъ серьезнаго основанія предположить, что списокъ былъ переписанъ еще при жизни поэта, когда едва ли могло кому-либо придти въ голову совершать поддѣлку. Самый характеръ стиховъ „пролога", мѣстами неотдѣланныхъ, скорѣе даетъ поводъ предположить, что „прологъ" былъ дѣйствительно написанъ Грибоѣдовымъ и потомъ отвергнутъ поэтомъ, какъ мало дополняющій содержаніе комедіи".

Всѣ эти указанія и соображенія имѣютъ цѣлью укрѣпить достовѣрность „Пролога". Однако, его подлинность остается совершенно сомнительной. Разсказанная Н. М. Городецкимъ внѣшняя исторія рукописи не возводитъ ее къ самому Грибоѣдову или къ его времени; что касается фактуры стиховъ, она не настолько характерна, чтобы подтверждать подлин-

ность текста: такимъ языкомъ писали Н. И. Хмѣльницкій и многіе другіе комики александровскаго времени, и здѣсь вполнѣ возможны легкія поддѣлки. Ни въ письмахъ самого Грибоѣдова, ни въ воспоминаніяхъ С. Н. Бѣгичева, давшаго наиболѣе точныя свѣдѣнія о ранней исторіи „Горя отъ ума", ни у другихъ современниковъ нигдѣ не находимъ и намековъ на существованіе „Пролога" къ пьесѣ. Во всѣхъ дошедшихъ до насъ редакціяхъ комедіи Софья является семнадцатилѣтней дѣвушкой (Чацкій говоритъ о ней: „Въ семнадцать лѣтъ вы расцвѣли прелестно"; I дѣйствіе, 7-ое явленіе); между тѣмъ, въ „Прологѣ" Лиза говоритъ объ отношеніяхъ Софьи и Молчалина еще до отъѣзда Чацкаго за-границу: „ужъ барышня комедію сыграетъ и съ вашимъ сердцемъ и съ умомъ: она, давно уже, вдвоемъ!",—значитъ эти отношенія возникли, когда Софьѣ было всего четырнадцать лѣтъ (Чацкій отсутствовалъ три года), что совершенно невѣроятно.

Въ виду отсутствія свидѣтельствъ достовѣрности текста „Пролога" и наличности поддѣлокъ „Горя отъ ума" (см. выше примѣчанія къ Гарусовскимъ спискамъ комедіи), мы считаемъ подлинность „Пролога" совершенно сомнительной. Возможно, что мотивъ „Пролога" подсказанъ фантазіи его сочинителя словами Лизы:

Слезами обливался,
Я помню, бѣдный онъ, какъ съ вами разставался.
— Что, сударь, плачете? живите-ка смѣясь.
А онъ въ отвѣтъ: „Не даромъ, Лиза, плачу,
„Кому извѣстно, что найду я воротясь?
„И сколько, можетъ быть, утрачу!"

ПРОЛОГЪ КЪ „ГОРЮ ОТЪ УМА".

Чацкій и Лиза.

Чацкій.

Я ѣду, и сейчасъ: заѣхалъ я проститься...

Лиза.

Какъ такъ? Вы ѣдете? Надолго ли? Куда?

Чацкій.

Подальше отъ Москвы; быть-можетъ, навсегда.

Лиза.

Раздумали жениться?

Чацкій.

На комъ!

Лиза.

На нашей барышнѣ-съ?!. она...

Чацкій.

Какая ты плутовка!
Пусть скажетъ мнѣ сама

Что милъ я ей, желаетъ, чувствуетъ, готова,
Составить счастіе мое...

Лиза.

Сказать-то ей неловко
Самой такое слово!

Чацкій.

Вѣдь для невѣсты нѣтъ отрады никакой,
Когда ведутъ ее немилою рукой
Къ вѣнцу..... Къ тому же—
Въ какомъ есть надобность ей мужѣ?

Лиза.

О комъ же барышня твердитъ, какъ не о васъ!

Чацкій.

Какъ? Обо мнѣ?!. Я думаю, что каждый часъ
Она толкуетъ о знакомыхъ,
О суженыхъ и о влюбленныхъ,
Объ острыхъ по уму, о милыхъ на паркетѣ,
О фракѣ щегольскомъ, о форменномъ колетѣ.

Лиза *(прерывая)*.

Помилуйте: она васъ любитъ, обожаетъ:
Весь вѣкъ желаетъ съ вами проводить.

Чацкій.

Такъ что-жъ она молчитъ о томъ, скрываетъ?
Вѣдь я не чуждый ей,—
И не злодѣй...
Родные наши всѣ другъ друга не чуждались,—
Быть-можетъ, упрекнутъ за то, что мы разстались,
Среди взаимныхъ чувствъ борьбы
Не сочетавъ счастливѣйшей судьбы...
. . . . . .
Дней на пятокъ
Я остаюсь въ Москвѣ... Здѣсь буду въ четвертокъ,
На будущей недѣлѣ,—
И всѣ слова ея повѣрю я на дѣлѣ...
О, сердце жалкое; о, какъ оно страдаетъ! *(Уходитъ)*.

Лиза.

Да, да: ужъ барышня комедію сыграетъ...
И съ вашимъ сердцемъ и съ умомъ:
Они, давно уже, вдвоемъ!!!

IX. Театральные списки „Горя отъ ума".

„Театральными" мы называемъ тѣ списки, по которымъ „Горе отъ ума" исполнялось на Императорскихъ театрахъ, въ первые годы сценическихъ постановокъ, въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ XIX в. имъ придавали большое значеніе, какъ авторитетной редакціи текста. Но до настоящаго изданія они не подвергались научному изученію; теперь оказывается, что театральные списки не оправдываютъ возлагавшихся на нихъ надеждъ.

Первую группу составляютъ театральные списки петербургскіе; они имѣются въ трехъ тетрадяхъ (доставлены въ Академію Наукъ изъ собранія П. Я. Дашкова; прежде хранились въ библіотекѣ СПБ. Императорскихъ Театровъ). Двѣ тетради переплетены, одна—нѣтъ (она вложена въ одну изъ переплетенныхъ). Всѣ въ четвертку писчей бумаги.

Непереплетенная тетрадь имѣетъ такой видъ: всего 16 страницъ, изъ нихъ три послѣднихъ—чистыхъ; страницы не нумерованы. Почеркъ одинъ и тотъ же. На первой заглавной страницѣ написано: Сцена изъ комедіи Горе отъ ума Сочиненія А. С. Грибоѣдова. Помѣщенная въ журналѣ *Русская Талія*. № 103. „Одобряется къ представленію Санктпетербургъ 20 Октября 1828. Цензоръ Евстафій Ольдекопъ". Взятое въ кавычки—автографъ цензора. На оборотѣ написано:

Фамусовъ—Вели[чкинъ]
Софья Павловна, дочь его—Семе[нова]
Чацкій—Сосни[цкій]
Лиза, горничная—Монго[тье]

Вся тетрадь скрѣплена по листамъ подписью цензора Ольдекопа. Дата 20 Октября 1828 повторена на послѣдней написанной страницѣ. Здѣсь же поставленъ, нѣсколько болѣе черными чернилами, № 76. Текстъ этой тетради содержитъ сцены 7—10 I-го дѣйствія „Горя отъ ума" и представляетъ, дѣйствительно, точную копію съ текста этихъ сценъ въ „Русской Таліи".

Остальныя театральныя рукописи заключены въ два переплета, которые мы будемъ условно обозначать: переплетъ первый, переплетъ второй.

При разсмотрѣніи этихъ переплетовъ оказывается, что ни одинъ изъ нихъ не включаетъ цѣльной рукописи всей комедіи „Горя отъ ума". Въ каждый переплетъ заключено по четыре тетради, изъ которыхъ каждая содержитъ по одному отдѣльному акту комедіи, и только четыре вмѣстѣ даютъ

полный текстъ. Тетради писаны разновременно и подобраны въ каждомъ переплетѣ случайно, не по времени написанія.

Переплетъ первый.

Тетрадь 1-я содержитъ первое дѣйствіе комедіи. *Заглавный листъ:* № 573. (зачеркнуто карандашомъ). № 55. (тоже). Горе отъ ума. Комедія Въ четырехъ дѣйствіяхъ. 1831. *На оборотѣ:* Дѣйствующія (дальше перечислены: Фамусовъ, Софья, Лизанька, Молчалинъ, Чацкій, Скалозубъ, Слуги). Никакихъ цензорскихъ скрѣпъ и помѣтокъ нѣтъ.

Тетрадь 2-я писана тѣмъ-же почеркомъ, безъ заглавнаго листа и тоже безъ цензорскихъ скрѣпъ и подписи; содержитъ второе дѣйствіе.

Тетрадь 3-я. Заглавный листъ: Изъ камедіи Горе отъ ума. 3-е Дѣйствіе. 11 Декабря 1829 Года. На оборотѣ—ничего. На слѣдующемъ листѣ: *Копія.* Третіе дѣйствіе изъ Камедіи Горе отъ ума. „Третіе Дѣйствіе Горе отъ ума одобряется къ представленію. СПетербургъ 11-го Декабря 1829." (взятое въ кавычки—тѣмъ же почеркомъ,—*не* автографъ цензора). Почеркъ всей тетради отличный отъ первыхъ двухъ тетрадей. На третьемъ листѣ: Дѣйствующія лица. Чацкій—Карат. б.; Софья—Семен.; Лиза—*Монготье (вос:)*; Молчалинъ—Дюръ; Наталья Дмитревна—Карат. б; Платонъ Михайловичъ—Брянс.; КнязьТугоуховскій—Григорь.; Княгиня, его жена—Шимае. (потомъ зачеркнуто) *Велич. б:* Княжны 1—*Шемае:* 2—*Прелуц.:*3—*Франц:* Григорьева; 4—*Кальбре: (вос:);* 5—*Щерби:* (потомъ зачеркнуто); 6—*Троянс: (вос:):* Графиня Хрюмина—Гусева; Графиня, ея внучка—Вальбер. б.; Загорѣцкій—Сосниц.; Хлёстова, тетка Софіи—Ежева б.; Фамусовъ—Рязан.; Скалозубъ—Экунин; Г. №.—*Хотяин: Екун:;* Г. Д.—Карат. м.; Слуга—Ворот.; Слуги безъ рѣчей. Подчеркнутое—написано другимъ почеркомъ и болѣе черными чернилами.

Тетрадь 4-я. Заглавный листъ: Разъѣздъ послѣ бала 4-е дѣйствіе. Изъ комедіи въ стихахъ Горе отъ ума. *(Соч. А. С. Грибоѣдова).* „№ 61 Одобряется къ представленію. Санктпетербургъ. 7 мая 1830 года, Цензоръ Евстаѳій Ольдекопъ" (взятое въ кавычки—автографъ). На *оборотѣ*: „Представлено въ 1-й разъ Іюня 16-го дня 1830-го года на маломъ театрѣ въ пользу актеровъ Г. Г. Каратыгина М. и Григорьева б. въ С: Петербургѣ". Черезъ всю тетрадь идетъ скрѣпа цензора Е. Ольдекопа; дата 7 мая 1830 г. еще разъ повторена имъ на послѣдней страницѣ.

Переплетъ второй.

Тетрадь 1-я. Заглавнаго листа нѣтъ. Черезъ всю тетрадь тянется скрѣпа цензора Ольдекопа; на послѣдней страницѣ; „Евстаѳій Ольдекопъ. Санктпетербургъ. 4-го Августа 1830 года".

Тетрадь 2-я. Безъ заглавнаго листа. Почеркъ тотъ же, что и въ 1-й тетради. Скрѣпа цензора Ольдекопа: 4-го августа 1830 г.

Тетрадь 3-я. Заглавный листъ: *Копія.* Третье дѣйствіе изъ Комедіи Горе отъ ума одобряется къ представленію. С.Петербургъ 11-го Декабря 1829. *На оборотѣ.* „№ 428. Одобряется къ представленію Санктпетербургъ. 11 Декабря 1829. Цензоръ Евстаѳій Ольдекопъ" (автографъ). Черезъ всю рукопись идетъ его же скрѣпа. На второмъ листѣ—списокъ дѣйствующихъ лицъ, съ неразборчивой отмѣткою карандашомъ нѣкоторыхъ исполнителей.

Тетрадь 4-я. *Заглавный листъ:* Изъ Комедіи Горе отъ ума. Четвертое Дѣйствіе. Соч. А. С. Грибоѣдова. „Одобряется къ представленію. Санктпетербургъ. 7 мая 1830 года. Цензоръ Евстаѳій Ольдекопъ" (автографъ). *На оборотѣ:* списокъ дѣйствующихъ лицъ съ неразборчивыми карандашными обозначеніями исполнителей.

Такимъ образомъ, въ хронологическомъ порядкѣ цензурныхъ разрѣшеній Ольдекопа слѣдуютъ:

1) Отдѣльная тетрадь съ явл. 7—10 I-го дѣйств.—20 окт. 1828.

2) Третье дѣйствіе во второмъ переплетѣ—11 декабря 1829,—и то же и тогда же (копія) въ 1-мъ переплетѣ.

3) Четвертое дѣйствіе въ первомъ и второмъ переплетѣ—7 мая 1830.

4) Первое и второе дѣйствія второго переплета—4 авг. 1830.

Безъ цензурныхъ помѣтъ—1-ое и 2-е дѣйствія въ первомъ переплетѣ—1831.

Сличеніе петербургскихъ театральныхъ списковъ съ Булгаринскимъ текстомъ показываетъ, что они восходятъ именно къ этому тексту; сравнительно съ нимъ въ театральныхъ спискахъ нѣтъ никакихъ оригинальныхъ отличій. Но текстъ въ нихъ очень испорченъ, съ одной стороны—цензурой, съ другой—переписчиками. Цензурою изъято много отдѣльныхъ фразъ и цѣлыхъ тирадъ и въ соотвѣтствіе съ этимъ многое передѣлано (образцы такихъ искаженій текста см. въ примѣчаніяхъ къ первопечатному тексту въ „Русской Таліи"). Съ другой стороны, переписаны театральные списки крайне небрежно; въ этомъ отношеніи они представляютъ полный контрастъ съ Жандровской и Булгаринской рукописями. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ III д., явл. 8, по списку въ переплетѣ второмъ Графиня—внучка говоритъ: „Ахъ, *Гронъ Мамонъ!*" Въ явленіи 16-мъ, тамъ же, вм. „Его въ безумные упряталъ дядя плутъ" написано: „Его въ безу*мье* упряталъ *видя* плутъ", и на той же страницѣ: „*сей день*" вмѣсто „*сей часъ*"; въ монологѣ Чацкаго стихъ: „И величавую одежду на другую" переданъ: „*одежду дорогую*". Въ явл. 18: вм. „горахъ" стоитъ: „городахъ". Многія изъ такихъ искаженій переписчиковъ исправилъ собственноручно самъ цензоръ Е. Ольдекопъ, но многія остались неисправленными. Въ явленіи 17-мъ третьяго дѣйствія, въ рукописи перваго переплета сначала собесѣдница Загорѣцкаго обозначена: Графиня внучка; затѣмъ другой рукой и болѣе черными чернилами это имя зачеркнуто и всюду надписано: Наталья Дмитріевна. Сдѣлано это было, очевидно, по режиссерскимъ нуждамъ. Въ спискѣ второго переплета уже переписчикомъ вездѣ писано: Наталья Дмитріевна, и отсюда такая замѣна, не оправдываемая ни Жандровской и Булгаринской рукописью, ни первопечатнымъ текстомъ, перешла въ печатныя изданія, придерживавшіяся театральнаго текста (изд. 1857 г. Смирдина и др.)

Вторую группу театральныхъ списковъ составляютъ списки, хранящіеся въ Библіотекѣ Императорскаго Московскаго Малаго Театра. Ихъ также три.

Первый списокъ (шифръ: Центр. Библ. Импер. Театровъ. Отд. I, шкафъ XI, полка 1, мѣсто 88, № 5091) озаглавленъ на первой страницѣ: „Московскій Балъ. 3-е дѣйствіе изъ комедіи „Горе отъ ума". № 427. С.Петербургъ. 11 декабря 1829-го года. Цензоръ Ольдекопъ. Представленъ въ 1-й разъ на Большомъ Театрѣ въ бенефисъ Каратыгиной б. февраля 5 д.

1830 года. „Справиться по Петербургскимъ афишамъ. *Кокошкинъ*". Такимъ образомъ, несомнѣнно, что этотъ списокъ—копія съ другого, Петербургскаго; разрѣшительная подпись цензора Ольдекопа—не оригинальна, писана тою же рукою, что и вся тетрадь; приписка Кокошкина—автографъ. Этотъ списокъ восходитъ къ петербургскому списку, помѣщенному во второмъ переплетѣ (см. выше). Текстъ здѣсь тотъ же и съ такими же цензурными изъятіями и передѣлками.

Второй списокъ (шифръ: Центр. Библ. Императ. Театровъ. Отд. I, шкафъ IX, полка 1, мѣсто 52, № 4273) озаглавленъ: „Московскій Балъ. 3-е дѣйствіе изъ комедіи Горе отъ ума". На заглавной страницѣ еще приписка: „Въ доказательство, что сія пьеса цензурована, прилагаю при семъ письмо, полученное мною отъ Начальника Репертуарной Части Императорскихъ С.-Петербургскихъ Театровъ, Надворнаго Совѣтника Рафаила Михайловича Зотова 6-го марта 1830 года. Титулярный Совѣтникъ Николай Степановъ (приписка – автографъ; письма Зотова при спискѣ не сохранилось). И этотъ списокъ есть, несомнѣнно, копія съ петербургскихъ, о чемъ свидѣтельствуетъ и приписка Степанова, и сходство текстовъ.

То же слѣдуетъ сказать и о третьемъ спискѣ (по каталогу Библіотеки Император. Москов. Малаго Театра № 17), заключающемъ въ себѣ текстъ всѣхъ четырехъ дѣйствій комедіи. Этотъ списокъ (in folio) имѣется въ двухъ экземплярахъ—режиссерскомъ и суфлерскомъ и является копіей съ „цензурованныхъ" экземпляровъ. На режиссерскомъ экземплярѣ имѣется помѣта: „1-е и 2-ое дѣйствія цензуромъ Ольдекопомъ въ С.-Петербургѣ одобрены къ представленію 4 августа 1831 г., 3-е д. 11 декабря 1829. А 4-ое 1 мая 1830 года". Этимъ устанавливается связь московскихъ списковъ съ петербургскими.

X. Другіе списки „Горя отъ ума".

Возникновеніе первыхъ списковъ съ подлиннаго текста комедіи относится къ зимнему сезону 1823—1824 гг. въ Москвѣ (см. выше, примѣчанія къ музейному автографу и Бехтѣевскому списку). Съ момента, когда текстъ „Горя отъ ума" былъ окончательно редактированъ Грибоѣдовымъ въ Жандровской рукописи, т. е. съ половины 1824 года, списки стали распространяться въ Петербургѣ и оттуда въ провинціи въ огромномъ количествѣ. Объ этомъ пишетъ самъ Грибоѣдовъ въ письмѣ къ С. Н. Бѣгичеву отъ 10 іюня 1825 г.: „Всѣ просятъ у меня манускрипта и надоѣдаютъ"; объ этомъ же времени разсказываетъ А. А. Жандръ: „У меня была подъ руками цѣлая канцелярія; она списала „Горе отъ ума" и обоготилась, потому что требовала множество списковъ" („Историческій Вѣстникъ" 1909, IV, 153). Декабристъ Д. И. Завалишинъ въ своихъ „Запискахъ" разсказываетъ, что осенью 1825 года „литературные дѣятели захотѣли воспользоваться предстоящими отпусками офицеровъ для распространенія въ рукописи комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума", не надѣясь никоимъ образомъ на дозволеніе напечатать ее. Нѣсколько дней сряду собирались у Одоевскаго, у котораго жилъ Грибоѣдовъ, чтобы въ нѣсколько рукъ списывать комедію подъ диктовку". Съ этихъ копій потомъ повсюду въ провинціи снимались новыя копіи, и въ началѣ 1830 г. Ѳ. В. Булгаринъ уже могъ печатно заявить: „нынѣ нѣтъ ни одного малаго города, нѣтъ дома, гдѣ любятъ словесность, гдѣ бъ не было списка сей комедіи, по несчастію, искаженнаго переписчиками" („Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ" 1830, № 1, стр. 13). Замѣчаніе Булгарина объ искаженіяхъ переписчиковъ справедливо относительно огромнаго большинства списковъ. Выше были уже приведены нѣкоторые примѣры такихъ искаженій (см. примѣчанія къ театральнымъ спискамъ); плохо разбирая копируемыя рукописи, переписчики извращали и отдѣльныя слова, и цѣлыя фразы, особенно—французскія; такъ, Фамусовъ вмѣсто „управляющаго казеннымъ мѣстомъ" аттестуется „управляющимъ казеннымъ *лѣсомъ*"; вмѣсто слова „симфонія" пишется „симоропія", вмѣсто „пеленать"—„поласкать", и т. д. Но текстъ искажался не только по неразборчивости рукописей и невѣжеству писарей-копіистовъ, но и произвольно, по капризу любителей словесности, желавшихъ и дерзавшихъ „исправлять" слогъ Грибоѣдова. Въ этомъ отношеніи особенно характеренъ одинъ списокъ, принадлежавшій раньше проф. О. Ѳ. Миллеру и нынѣ составляющій собственность проф. И. А. Шляпкина. Текстъ его такъ полонъ искаженіями словъ и фразъ, что, можно подумать, онъ является сознательной

Н. Дмитревна
~~Графиня Внучка~~

Знаю.

Я говорила съ нимъ.

Загорѣцкій

Такъ я васъ поздравляю:

Онъ Сумашедшій.

Нат. Дмитревна
~~Графиня Внучка~~

Что

Загорецкій

Да онъ сошелъ съума;

Н. Дмитревна
~~Графиня Внучка~~

Представте я Замѣтила сама:

И хоть пари держать, со мной въ одно вы слово.

Явленіе 18.

Тѣ же Графиня Бабушка

Ахъ Боже мой! вотъ чудеса! вотъ ново!

Вы слышали здѣшнихъ бѣдъ?

Послушайте вотъ прелести! вотъ мило!

Графиня Бабушка

Мой другъ, мнѣ уши заложило:

Театральные списки. Переплетъ 1-й (Дѣйст. III, явл. 17, стр. 60).

Явленіе послѣднее.

Тѣже, кромѣ Чацкаго.

Фамусовъ.

Ну что? не вѣришь ты, что онъ съ ума сошелъ?
Скажи серьезно?
Безумный! что онъ тутъ за чепуху мололъ:
Низкопоклонникъ! тесть! и про Москву такъ
грозно!
А ты меня рѣшилась уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна?
Ахъ! Боже мой! что станетъ говоритъ
Княгиня Марья Алексѣвна!

сорь Евграфій Оѣдевскій Санктпетербургъ 7-го Маія 1830 года

Конецъ.

Театральные списки. Переплетъ 2-й (Дѣйст. IV, явл. послѣднее, стр. 93).

переработкой обычнаго текста. Такъ, напр., въ ремаркѣ къ стиху 77 явленія 3-го въ первомъ дѣйствіи стоитъ: „расходятся", тогда какъ надо: „разводитъ ихъ"; въ ст. 349 явл. 7 д. 1-го вмѣсто „Безъ думы, полноте смущаться" написано: „Когда невинны вы, къ чему жь смущаться"; II, 5, 236: вмѣсто „Да, чѣмъ кого Господь пощетъ, вознесетъ" написано: „Да, иного Богъ понизитъ, другого вознесетъ",—и т. д. Подобные варіанты не совпадаютъ ни съ Музейнымъ автографомъ, въ основномъ и окончательномъ его текстахъ и исправленіяхъ, ни съ Жандровской рукописью, вообще—не оправдываются всѣмъ ходомъ текстуальныхъ работъ Грибоѣдова; иногда они нарушаютъ простыя требованія размѣра, и проч., такъ что являются очевидными образцами своевольной передѣлки. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ этой рукописи многія искаженія потомъ исправлены (тою же рукой) въ соотвѣтствіи съ обычнымъ текстомъ. (Варьянты Миллеровскаго списка воспроизведены въ примѣчаніяхъ къ тексту „Горя отъ ума" въ изданіи 1889 г., подъ редакціей И. А. Шляпкина; мы пользовались подлинною рукописью). Выше приведены примѣры прямыхъ поддѣлокъ цѣлыхъ монологовъ и сценъ (см. примѣчанія къ Гарусовскому списку и къ „Прологу"). Многочисленныя повторныя рукописныя копіи „Горя отъ ума" создали безконечное число „варіянтовъ", не имѣющихъ ровно никакой цѣнности и достовѣрности, почему мы и не отмѣчаемъ ихъ здѣсь. Нѣкоторые изъ списковъ, обращавшихся нѣкогда среди читателей и потомъ попавшихъ въ общественныя или частныя книгохранилища, были описаны въ печати. Таковъ, напримѣръ, Некрасовскій списокъ, принадлежавшій проф. И. С. Некрасову и теперь хранящійся въ библіотекѣ С.-Петербургскаго Университета; см. о немъ: *М. Кринскій.* Рукопись „Горя отъ ума". „Русское Слово" 1910, № 208, 10-го сентября; *О. В—нъ.* Новый списокъ „Горя отъ ума". „Рѣчь" 1910, № 252, 14-го сентября; *А—ъ Ш—ъ.*Рукопись Грибоѣдова. „Новое Время" 1910, № 12395, 14-го сентября. Списокъ изъ библіотеки Киріона, епископа Орловскаго, описанъ М. К. Богоявленскимъ, см. „Протоколы засѣданій Историко-филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ" за 1904—1905 гг., стр. 27—30 (засѣданіе 4-го марта 1905 г.). Варіянты одной рукописи, „сообщенные однимъ знакомымъ, получившимъ ихъ отъ его превосходительства П. Д. Завилейскаго, пользовавшагося дружбой покойнаго автора", сообщены *Пустынникомъ Горетубанскимъ* (Д. Ел. Зубаревымъ) въ „Письмѣ къ издателю" въ „Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ" 1832, № 3, стр. 69—72 (перепеч. въ „Русской Старинѣ" 1874, VII, 610—614). Хотя авторъ статьи и ссылается на то, что будто-бы „поправки писаны рукою автора и найдены въ его бумагахъ", но очевидно, что большинство „поправокъ"—цензурнаго характера и хорошо знакомы намъ по первопечатному тексту 1825 г. и первымъ отдѣльнымъ изданіямъ, другія же не подтверждаются ранними редакціями комедіи. Двѣ рукописи описаны въ сообщеніи *В. Илькова:* „Новые варьянты комедіи „Горя отъ ума". „Русская Старина" 1879, № 3, стр. 567—575; варьянты 12-го явленія IV-го дѣйствія сообщены по одному списку въ книгѣ *А. А. Стаховича* „Клочки воспоминаній". Москва, 1904, стр. 137—140. Нѣкоторые изъ списковъ цѣликомъ воспроизведены въ печати; о нихъ см. ниже, въ обзорѣ печатныхъ изданій. Изъ неизданныхъ же и неописанныхъ въ печати списковъ значительное

количество хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, Рукописномъ Отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ, въ Пушкинскомъ Домѣ при Академіи Наукъ, въ Румянцевскомъ и Историческомъ Музеяхъ въ Москвѣ, въ Ярославской Ученой Архивной Комиссіи, въ библіотекѣ Псковскаго Археологическаго Общества, въ Орловскомъ Музеѣ и въ другихъ учрежденіяхъ, равно какъ у частныхъ лицъ: П. А. Ефремова (†), И. А. Шляпкина, А. Н. Весловскаго, Н. К. Пиксанова, П. К. Симони, В. В. Каллаша, В. П. Семенникова, В. В. Протопопова, А. В. Всеволожскаго и другихъ.

Количество рукописныхъ копій „Горя отъ ума", созданныхъ до появленія отдѣльныхъ печатныхъ изданій, было такъ велико, что и донынѣ списки комедіи обращаются въ антикварной торговлѣ и легко могутъ быть пріобрѣтаемы. Но и съ тѣхъ поръ, какъ появилось первое отдѣльное изданіе „Горя отъ ума" въ 1833 г., рукописная традиція комедіи не прекратилась. И первыя и послѣдующія печатныя изданія, вплоть до 60-хъ годовъ, выходили съ огромными цензурными изъятіями и передѣлками; читатели, пріобрѣтая такое изданіе, часто вписывали на поляхъ и отдѣльныхъ вклеенныхъ листкахъ недостающее, черпая изъ старинныхъ полныхъ рукописныхъ копій „Горя отъ ума". Значительное число такихъ экземпляровъ (также не представляющихъ большого текстуальнаго интереса) имѣется въ распоряженіи нѣкоторыхъ изъ выше упомянутыхъ учрежденій и лицъ.

ФАМУСОВЪ.

Опасный человѣкъ!

ЧАЦКІЙ.

Вольнѣе всякой дышетъ,
И не торопится вписаться въ цѣхъ шутовъ.

ФАМУСОВЪ.

Что говоритъ! — а говоритъ какъ пишетъ.

ЧАЦКІЙ.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться, помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ. . .

ФАМУСОВЪ.

Онъ дальности хочетъ
~~Вотъ что онъ вздумалъ~~ проповѣдать!

ЧАЦКІЙ.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ....

ФАМУСОВЪ.

Законъ власти
~~Онъ ничего~~ не признаетъ!

ЧАЦКІЙ.

Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ....

Первое отдѣльное изданіе „Горя отъ ума“ (Москва, 1833 г.). Изъ собранія П. К. Симони.

ЧАЦКІЙ.

Чудеснѣйшіе два! и стоятъ нашихъ всѣхъ!

МОЛЧАЛИНЪ.

Вамъ не далась чины? По службѣ не успѣли?

ЧАЦКІЙ.

Чины людьми даются,
~~Не всякому успѣхъ.~~
А люди могутъ обмануться.
. . . . . .

МОЛЧАЛИНЪ.

Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,
Съ ~~иными важными людьми~~ Министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ. . . .

ЧАЦКІЙ.

Ей почему забота?

МОЛЧАЛИНЪ.

Татьянѣ Юрьевнѣ?

ЧАЦКІЙ.

Я съ нею незнакомъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Съ Татьяной Юрьевной?

XI. Печатныя изданія „Горя отъ ума“.

Печатныхъ изданій комедіи—огромное количество; до 1913 г. включительно ихъ можно насчитать около ста пятидесяти. Изъ нихъ изданія до 1875 г. библіографически зарегистрованы и подробно описаны въ изданіи „Горя отъ ума“ подъ редакціей И. Д. Гарусова, СПБ. 1875 г., стр. 21—108 послѣдующія изданія, до 1889 г., перечислены въ библіографическомъ указателѣ при первомъ томѣ изданія сочиненій Грибоѣдова подъ редакціей И. А. Шляпкина, СПБ., 1889; нѣкоторыя дополненія къ этому послѣднему списку имѣются въ книгѣ И. Д. Гарусова: „Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ. Поэзія драматическая“, изд. 2-ое, СПБ. 1890.

Дальнѣйшая библіографія изданій комедіи, съ 1889 по 1902 г., дана въ „Матеріалахъ для библіографическаго указателя произведеній А. С. Грибоѣдова и литературы о немъ“, собранныхъ Н. К. Пиксановымъ („Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета“ 1903, № 4).

Не перечисляя здѣсь всѣхъ изданій (исчерпывающій списокъ ихъ дается нами въ отдѣльно издаваемомъ библіографическомъ указателѣ произведеній Грибоѣдова и литературы о немъ) въ виду того, что среди нихъ было весьма много повторныхъ, не имѣющихъ текстуальной цѣнности или даже макулатурныхъ, мы охарактеризуемъ только тѣ, которыя имѣютъ извѣстное значеніе въ исторіи печатнаго текста „Горя отъ ума“.

Отрывки изъ комедіи появились въ печати въ 1825 г., въ „Русской Таліи“; но затѣмъ, несмотря на усердныя хлопоты самого Грибоѣдова, Ѳ. В. Булгарина, потомъ наслѣдницъ поэта, цензура не разрѣшала отдѣльнаго изданія пьесы, несмотря на то, что она уже шла, сначала отрывками, потомъ и полностью, на Императорскихъ театрахъ, а въ 1831 г. былъ напечатанъ въ Ревелѣ, съ цензурнаго разрѣшенія, нѣмецкій переводъ. Только въ 1833 г. удалось наконецъ добиться разрѣшенія на отдѣльное русское изданіе „Горя отъ ума“. Цензурная исторія этого изданія разсказана *Н. В. Шаломытовымъ* въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1908 г., № 193, 21-го августа („Къ семидесятипятилѣтію „Горя отъ ума“ въ печати“); ср. „Русскую Старину“ 1903, № 6. Согласившись съ мнѣніемъ цензора, проф. Льва Цвѣтаева, что нѣкоторыя сцены въ комедіи „противны благопристойности и нравственности“, московскій цензурный Комитетъ, а за нимъ и главное управленіе цензуры, съ С. С. Уваровымъ во главѣ, отказались одобрить ее къ печати; но императоръ Николай Павловичъ на дѣлѣ положилъ такую резолюцію: „Печатать

слово отъ слова, какъ играется, можно; для чего взять манускриптъ изъ здѣшняго театра". Дѣйствительно, текстъ изданія 1833 г. („Горе отъ ума". Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе Александра Сергѣевича Грибоѣдова. Москва. Въ типографіи Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургич. Академіи. 1833. Цензурное разрѣшеніе *Л. Цвѣтаева* 21 августа 1833 г. 167 стр.) является воспроизведеніемъ театральнаго текста Императорскихъ Театровъ (о немъ см. выше), при чемъ на изданіи отразились и многіе дефекты театральныхъ списковъ. Въ сравненіи съ первопечатнымъ текстомъ „Русской Таліи" изданіе 1833 г. предлагаетъ испорченный текстъ; такъ, напр., реплика Софьи, въ III-мъ дѣйствіи, въ отвѣтъ на вопросъ Чацкаго: „кто вамъ милъ", передана такъ: „Есть многія родныя" (слѣдуетъ: „Есть многіе, родные"); въ 6-мъ явленіи того же дѣйствія пропущена авторская ремарка о Платонѣ Михайловичѣ: „вздыхаетъ"; заключительная ремарка автора въ концѣ третьяго дѣйствія тоже искажена. Въ 17-мъ явленіи III-го дѣйствія въ изданіи 1833 г. наблюдаемъ характерную примѣту театральныхъ списковъ: въ діалогѣ съ Загорѣцкимъ реплика Графини—внучки приписаны, вопреки авторскому тексту, Натальѣ Дмитріевнѣ. Цензурныхъ изъятій такъ же много, какъ и въ театральныхъ спискахъ, хотя, въ сравненіи съ „Русской Талісй", и возстановлено 15-ть стиховъ въ монологѣ Чацкаго въ 22-мъ (послѣднемъ) явленіи III-го дѣйствія (стихи 596—610 по окончательному тексту).

Для характеристики текста приводимъ указанія на цензурныя изъятія и передѣлки во второмъ и четвертомъ дѣйствіяхъ (измѣненія въ первомъ и третьемъ актахъ указаны въ описаніи первопечатнаго текста). Во второмъ дѣйствіи, явленіе 2-ое, изъято 30-ть стиховъ изъ монолога Фамусова (стихи 65—95 по окончательному тексту), начиная со словъ: „Мы, напримѣръ, или покойникъ дядя" и кончая словами: „Вы нынѣшніе нутка!". Изъ діалога Фамусова и Скалозуба въ 5-мъ явленіи изъято 7-мъ стиховъ (ст. 237—240 и 248—250). Въ томъ же явленіи, изъ монолога Фамусова о Москвѣ выброшено еще 7-мь стиховъ—о „канцлерахъ въ отставкѣ по уму" и королѣ Прусскомъ (ст. 294—296 и 305—308). Въ отвѣтномъ монологѣ Чацкаго „А судьи кто?" отсутствуютъ стихи, начиная съ словъ „Мундиръ одинъ, мундиръ" и кончая словами „И въ воздухъ чепчики бросали" (12-ть стиховъ, 384—395 по окончательному тексту). Въ шестомъ явленіи изъ реплики Скалозуба изъято шесть стиховъ—о гвардейцахъ и первой арміи (402—407). Въ четвертомъ дѣйствіи, въ явленіи 4-мъ, изъяты изъ разговора Репетилова и Чацкаго стихи о тайныхъ собраніяхъ по четвергамъ (ст. 94—104). Въ явл. 5-мъ, изъ монолога Репетилова, обращеннаго къ Скалозубу, исчезло восемь стиховъ о „продажныхъ секретаряхъ" и „радикальныхъ лекѣрствахъ" (ст. 215—222).

Многіе стихи въ изданіи 1833 г. подверглись цензурнымъ передѣлкамъ. Напр., вмѣсто репликъ Фамусова: „Онъ вольность хочетъ проповѣдать" и „Да онъ властей не признаетъ" стоитъ: „Вотъ что онъ вздумалъ проповѣдать" и „Онъ ничего не признаетъ". Въ монологѣ Чацкаго фраза „Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима" передѣлана такъ „Вражда ихъ къ намъ непримирима". Въ репликѣ Репетилова (IV д., явл. 4) „государственное дѣло" переправлено на „литературное".

Гр. Внучка. (вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойной лорнетъ)

Мсье Чацкій! вы въ Москвѣ! какъ были, все такіе?

Чацкій.

На что мѣняться мнѣ?

Гр. Внучка.

Вернулись холостые?

Чацкій.

На комъ жениться мнѣ?

Гр. Внучка.

Въ чужихъ краяхъ на комъ!
О! нашихъ тьма, безъ дальнихъ справокъ,
Тамъ женятся и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ:

Чацкій.

Несчастные! должны ль упреки несть
От подрожательницъ модисткамъ,
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ?

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же, и множество другихъ гостей.

(Между прочими *Загорѣцкій.* Мущины являются, шаркаютъ, отходятъ въ сторону, кочуютъ изъ комнаты въ комнату и проч. *Софья* отъ себя выходитъ. Всѣ къ ней на встрѣчу)

Гр. Внучка. (къ ней же)

Eh! bonsoir! vous voilà jamais trop diligente,
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente.

Анонимное изданіе 30-хъ годовъ (изъ собранія Н. К. Пиксанова).

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ же, Графиня Бабушка.

Гр. Внучка.

ah! grand'maman, вотъ чудеса! вотъ ново!
Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?
Послушайте. Вотъ прелести! вотъ мило!

Гр. Бабушка.

Мой другъ, мнѣ уши заложило,
Скажи погромче....

Гр. Внучка.

Время нѣтъ.
Il vous dira toute l'histoire.
Пойду, спрошу.
(уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Загорѣцкій, Графиня Бабушка

Гр. Бабушка.

Что? Что? ужъ нѣтъ ли здѣсь пожара?

Загорѣцкій.

Нѣтъ! Чацкій произвелъ всю эту кутерьму:

ФАМУСОВЪ.

Любезный человѣкъ, и посмотрѣть такъ хватъ.
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ!

СКАЛОЗУБЪ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему, онъ службу вдругъ оставилъ —
Въ деревнѣ книги сталъ читать.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ молодость!... читать... А послѣ хватъ!...
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.

СКАЛОЗУБЪ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ.
Ваканціи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ.
Другіе, смотришь, перебиты.

ФАМУСОВЪ.

Да, чѣмъ Господь кого поищетъ, вознесетъ.

Скалозубъ.

Бываетъ, моего счастливѣе везетъ.
У насъ въ 15й дивизіи, недалеко

СКАЛОЗУБЪ.

Не жалуюсь, не обходили,
Однако за полкомъ два года поводили.

ФАМУСОВЪ.

Въ погонь-ли за полкомъ!
За то, конечно, въ чемъ другомъ
За вами далеко-тащиться.

СКАЛОЗУБЪ.

Пять-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ девятаго служу.

ФАМУСОВЪ.

И славно служите, дай Богъ здоровья вамъ
И генеральскій чинъ — а тамъ,
За чѣмъ откладывать-бы дальше?
Рѣчь завести объ генеральшѣ....

СКАЛОЗУБЪ.

Жениться? я ни чуть не прочь.

МОЛЧАЛИНЪ.

По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.

ЧАЦКІЙ.

Взманили почести и знатность?

МОЛЧАЛИНЪ.

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ....

ЧАЦКІЙ.

У васъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Два-съ:
Умѣренность и аккуратность.

ЧАЦКІЙ.

Чудеснѣйшіе два и стоятъ нашихъ всѣхъ!

МОЛЧАЛИНЪ.

Вамъ не дались чины? По службѣ неуспѣхъ.

Чацкій.

Чины людьми даются
А вами могут обмануться.

Молчалинъ.

Какъ удивлялись мы!

Чацкій

Какое жъ диво тутъ

Мол.

Жалѣли васъ.

ЧАЦКІЙ.

Напрасный трудъ.

~~Не всякому успѣхъ.~~

МОЛЧАЛИНЪ.

Татьяна Юрьевна разсказывала что-та,
Изъ Петербурга воротясь,
Съ иными важными людьми про вашу связь,
Потомъ разрывъ....

ЧАЦКІЙ.

Ей почему забота?

МОЛЧАЛИНЪ.

Татьянѣ Юрьевнѣ?

ЧАЦКІЙ.

Я съ нею незнакомъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Съ Татьяной Юрьевной?

Такимъ образомъ, первое отдѣльное изданіе „Горя отъ ума“ оказалось весьма неудовлетворительно въ текстуальномъ отношеніи и по своему первоисточнику--театральнымъ спискамъ, и по цензурнымъ изъятіямъ и передѣлкамъ.

Оно, однако, быстро разошлось, а слѣдующее изданіе появилось только шесть лѣтъ спустя, въ 1839 г.: „Горе отъ ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе *А. С. Грибоѣдова*. Второе изданіе. С.-Петербургъ. Въ военной типографіи. 1839. Цензурное разрѣшеніе А. Фрейганга 14 декабря 1838 г. In 48°. *С*+202 стр. Съ портретомъ автора. Первыя сто страницъ занимаетъ статья *К. Полевого:* „О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова“ (о ней см. ниже, въ обзорѣ литературы о Грибоѣдовѣ). Въ текстуальномъ отношеніи это изящное миніатюрное изданіе стоитъ не выше перваго изданія. Въ немъ также много цензурныхъ изъятій и его первоисточникъ не болѣе авторитетенъ. Правда, нѣкоторыя исправленія, все же, были сдѣланы. Такъ, стихъ „Въ ученой комитетъ который поселился“ возстановленъ въ своихъ правахъ; въ 17 явл. III-го дѣйствія, въ діалогѣ съ Загорѣцкимъ реплики возвращены по принадлежности Натальѣ Дмитріевнѣ. Но такихъ исправленій немного. (Къ внѣшней исторіи этого изданія см. сообщенія *А. И. Станкевича*, „Русская Старина“ 1901, декабрь, стр. 593 сл., и *В. В. Каллаша*, „Извѣстія II-го Отдѣленія Академіи Наукъ“ 1901, кн. 3 стр. 179 сл.).

Послѣ 1839 г. въ подцензурныхъ изданіяхъ „Горе отъ ума“ снова наступилъ перерывъ, длившійся цѣлыхъ 14 лѣтъ. Зато, въ 30-хъ же годахъ появилось два изданія анонимныхъ и безцензурныхъ, очевидно вызванныхъ тѣмъ, что въ обычныхъ изданіяхъ давался текстъ слишкомъ неполный и испорченный. Оба изданія—безъ цензурныхъ помѣтъ и безъ указанія на годъ и мѣсто изданія; но по типу бумаги, шрифтовъ и другимъ примѣтамъ, можно думать, относятся къ первой половинѣ 30-хъ годовъ. Одно изъ нихъ хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ (XVIII. 154. 1. 43) и изъ частныхъ лицъ имѣется у А. Г. Бухштабъ въ Одессѣ. Его описаніе см. въ статьѣ *П. А. Ефремова* въ „Библіографическихъ Запискахъ“ 1861. т. III, № 13, стбц. 387—390; ср. изданіе И. Д. Гарусова 1875. Оно даетъ полный текстъ комедіи, одинаковый съ окончательнымъ, но зато сильно испорченный невѣжественнымъ переписчикомъ и наборщикомъ. За неимѣніемъ французскаго шрифта всѣ французскія фразы въ текстѣ наборщикомъ пропущены и затѣмъ вставлены чернилами отъ руки. Можно предполагать, что это изданіе печаталось въ какой нибудь полковой типографіи, судя по тому, что имена высочайшихъ особъ набирались или капителью или разрядкой, какъ въ оффиціальныхъ бумагахъ.

Почти то же слѣдуетъ сказать о другомъ анонимномъ изданіи, которое пока извѣстно только въ единственномъ экземплярѣ, хранящемся у Н. К. Пиксанова. Напечатанное въ иномъ форматѣ и другимъ шрифтомъ (примѣта: заглавный листъ и списокъ дѣйствующихъ лицъ тиснуты золотомъ), оно даетъ полный текстъ; послѣдній монологъ Чацкаго изложенъ въ такъ называемой посредствующей редакціи (см. выше, примѣчанія къ Жандровской рукописи). Французскія фразы внесены отъ руки (см. снимки).

30 января 1854 г. кончился срокъ литературной собственности на „Горе отъ ума“ (тогда срокъ былъ еще 25-лѣтній), и въ этомъ году вышло сразу

семь отдѣльныхъ изданій комедіи и первое собраніе сочиненій Грибоѣдова (въ извѣстной коллекціи А. Смирдина—сына). Всѣ эти публикаціи, какъ и слѣдующія за ними, 1855—57 г.г., восходили въ своемъ текстѣ къ первому изданію 1833 г. и повторяли его недостатки; цензурныя изъятія оставались тѣ же (или еще прибавлялись новые; напр., вм. словъ: „за святцами зѣвать", допущенныхъ въ изд. 1833 г., появилось: „за книгами зѣвать"); иногда, впрочемъ, удавалось вставить тотъ или другой изъ меньшихъ пропусковъ (въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить изданіе А. Смирдина—сына въ 1857 г.).

Изъ дальнѣйшихъ публикацій слѣдуетъ выдѣлить изданіе Евграфа Серчевскаго: „А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія. Съ приложеніями: 1) портрета автора, 2) изображенія памятника надъ его могилою, 3) автографа, 4) герба Грибоѣдовыхъ, 5) сценъ изъ комедіи „Горе отъ ума": а) балъ, б) разъѣздъ, в) явленіе Репетилова, 6) статей о „Горе отъ ума" изъ лучшихъ журналовъ (1825—1857 г.)". СПБ. 1858. Сочиненія (и письма) Грибоѣдова въ этомъ изданіи собраны въ большей полнотѣ, чѣмъ въ упомянутомъ выше изданіи Смирдина 1854 г., и окружены очень полезными и обильными біографическими и литературными матеріалами, такъ что изданіе много способствовало знакомству съ Грибоѣдовымъ и доселѣ не утратило нѣкоторой цѣнности. Что же касается текста „Горя отъ ума", то онъ напечатанъ „по рукописи, употребляемой при представленіи этой комедіи на Императорскихъ Театрахъ", и стоитъ не выше смирдинскаго и другихъ тогдашнихъ изданій. Въ этомъ отношеніи болѣе цѣненъ текстъ, подготовленный въ 1857 г. П. Е. Басистовымъ для изданія, которое, однако, не состоялось (см. о немъ: *Н. Пиксановъ*. Къ литературной исторіи „Горя отъ ума". Несостоявшееся изданіе комедіи подъ редакціей П. Е. Басистова, 1857 г. „Извѣстія II-го Отдѣленія Академіи Наукъ", т. XVI, 1911, кн. 2).

Съ 1858 г. появляются заграничныя безцензурныя полныя изданія „Горя отъ ума" и собраній его сочиненій. Первымъ изъ нихъ было „единственное полное изданіе" комедіи—Юрія Приваловскаго, Leipzig, Gustav Baer, 1858. Вторымъ—„полнѣйшее изданіе", Berlin, Ferdinand Schneider, 1858. Весь интересъ ихъ заключался въ томъ, что они предлагали полный, безъ цензурныхъ изъятій, текстъ „Горя отъ ума"—по тѣмъ или другимъ анонимнымъ спискамъ, обращавшимся въ Россіи. Лучшее изъ этихъ изданій вышло въ Берлинѣ, въ 1860 г., у Рудольфа Вагнера, и было редактировано, повидимому, М. Н. Лонгиновымъ при содѣйствіи П. И. Бартенева (цензурное дѣло, съ докладомъ Н. П. Гилярова-Платонова 8 февраля 1857 г., „о разрѣшеніи къ печати „полнаго собранія сочиненій Грибоѣдова", представленнаго г.г. Лонгиновымъ и Бартеневымъ" см. въ „Русскомъ Обозрѣніи" 1896, ноябрь, стр. 454—456). Не предлагая особенно тщательно проработаннаго текста „Горя отъ ума" (издатели не располагали авторитетнымъ первоисточникомъ), берлинское изданіе 1860 г. впервые давало обильныя и точныя библіографическія и литературныя примѣчанія къ сочиненіямъ, немало послужившія и послѣдующимъ изслѣдователямъ Грибоѣдова.

Первымъ полнымъ русскимъ легальнымъ изданіемъ оказалось изданіе Николая Тиблена, СПБ., 1862 (цензурное разрѣшеніе В. Бекетова 25-го марта 1862). Въ немъ, однако, было много погрѣшностей, такъ какъ издатель не

располагалъ авторитетною рукописью. Вышедшее въ томъ же году „второе, исправленное“ изданіе Тиблена, какъ утверждалъ издатель, „было провѣрено окончательно по рукописи *А. А. Жандра*, исправленной самимъ *Грибоѣдовымъ*“. Но повѣрка была поверхностной и относилась только ко второй половинѣ комедіи (подробности см. въ отдѣльномъ изданіи Жандровской рукописи 1912 г., стр. XXXI—XXXIII). Съ тѣхъ поръ, однако, текстъ „Горя отъ ума“ печатался полностью (за исключеніемъ, впрочемъ, раннихъ школьныхъ изданій, гдѣ сами заботливые редакторы-педагоги еще выбрасывали нѣкоторыя фразы).

Первымъ изданіемъ, предназначеннымъ для школьныхъ нуждъ, было изданіе Я. А. Исакова, Спб., 1869: „Классная библіотека. Литературное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ 6-ой. „Горе отъ ума“. Съ примѣчаніями В. Я. Яковлева“; третье изданіе въ этой же серіи вышло уже подъ редакціей И. Д. Гарусова (СПБ. 1873) — „съ пропускомъ нествойственныхъ дѣтскому уху стиховъ“. Въ 1875 г. вышло въ свѣтъ „по содержанію первое полное изданіе“ „Горя отъ Ума“ подъ редакціей И. Д. Гарусова. О фальсифицированномъ текстѣ комедіи въ этомъ изданіи говорилось выше (стр. 37 слл.). Главной цѣнностью и заслугой изданія является воспроизведеніе Булгаринскаго списка (см. выше, стр. 33—34). Весьма полезенъ также обзоръ рукописей (немногихъ, впрочемъ, и не самыхъ цѣнныхъ, оставшихся недоступными Гарусову), печатныхъ изданій и переводовъ комедіи. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что оцѣнки текстуальнаго достоинства разныхъ изданій у Гарусова часто ошибочны, такъ какъ мѣриломъ ихъ онъ считалъ свой собственный текстъ, завѣдомо для насъ недостовѣрный. Нѣкоторую цѣнность представляютъ также сообщаемыя Гарусовымъ обширныя „объясненія и примѣчанія“ къ тексту — историческія, литературныя и реальныя; многія изъ нихъ, впрочемъ, излишни, сбивчивы и свидѣтельствуютъ о невысокомъ уровнѣ познаній и пониманія самого комментатора (ср. *Алексѣй Н. Веселовскій (Z).* Комментаторъ особаго рода. „Недѣля“ 1875. № 40).

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ изданія Гарусова, въ томъ же году появился 5-ый выпускъ „Русской Библіотеки“, издаваемой редакціей „Вѣстника Европы“, посвященный А. С. Грибоѣдову и редактированный Алексѣемъ Н. Веселовскимъ. Въ это изданіе вошли: біографія Грибоѣдова, написанная редакторомъ (о ней см. ниже, въ обзорѣ литературы о Грибоѣдовѣ), раннія и поздніе поэтическія произведенія, статьи и письма Грибоѣдова: нѣкоторыя произведенія здѣсь были впервые опубликованы. Что касается „Горя отъ ума“, то, какъ удостовѣрено въ примѣчаніи редактора, „въ настоящемъ изданіи комедіи сдѣланъ сводъ наиболѣе достовѣрныхъ редакцій, въ примѣчаніяхъ помѣщены варіанты, указанія на оригиналы дѣйствующихъ лицъ въ комедіи и отношенія разныхъ мѣстъ ея къ современности, которыя могутъ быть приняты съ достаточнымъ основаніемъ за достовѣрныя; тамъ же разъяснены нѣкоторыя неудобопонятныя слова, свойственныя свѣтскому языку Грибоѣдовскихъ временъ, и тѣ подробности, которыя могутъ способствовать лучшему уясненію плана пьесы и цѣлей автора. Буквенныя перемѣны или замѣны одного слова другимъ указаны только въ важныхъ случаяхъ“.

А. Н. Веселовскій имѣлъ уже возможность пользоваться ранней, т. е. Музейной редакціей „Горя отъ ума“, правда, не въ оригиналѣ, а въ копіи

Д. А. Смирнова и цѣнныя данныя изъ нея незадолго передъ тѣмъ опубликовалъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1874, VII (объ этомъ см. ниже, въ обзорѣ грибоѣдовской литературы). Такимъ образомъ, и въ изданіи 1875 г. редакторъ могъ ввести, въ примѣчаніяхъ, важные варіанты ранняго текста, освѣщающіе исторію созиданія комедіи. Текстъ пьесы въ изданіи 1875 г. представляетъ собою „сводъ наиболѣе достовѣрныхъ редакцій“ и, такимъ образомъ, компилятивенъ; редактору не были доступны ни Жандровская рукопись, ни Булгаринскій списокъ. Въ число „достовѣрныхъ редакцій“ включенъ, къ сожалѣнію, и фальсифицированный Гарусовскій текстъ; изъ него реципированы огромныя вставки въ третьемъ дѣйствіи (стр. 162—165). Въ силу выдающихся литературныхъ достоинствъ изданія, оно скоро разошлось, и въ 1878 г. вышло второе изданіе. Здѣсь фальсификаты Гарусовскаго текста уже вынесены въ примѣчанія, хотя все еще считаются подлинными грибоѣдовскими варіантами (Гарусовскіе списки не были доступны изученію редактора).

Изъ дальнѣйшихъ изданій комедіи отмѣтимъ „сорокъ второе изданіе по рукописи 1831 года, найденной въ Тифлисѣ, съ 150 варіантами“, редактированное кн. Д. Г. Эристовымъ (Тифлисъ, изданіе „Центральной книжной торговли“, 1879). Въ основу текста положена рукопись, принадлежавшая А. А. Іоаннисіани и датированная 9 сентября 1831 г.; на первой страницѣ имѣется еще надпись: „Катеринѣ Семеновнѣ на память отъ Виноградова. 1833 года іюня дня“. По времени написанія этотъ списокъ, какъ видимъ, позднійй; соотношеніе его съ авторитетными рукописями ничѣмъ формально не удостовѣрено; что же касается до содержанія, то анализъ его въ сопоставленіи съ окончательной редакціей обнаруживаетъ весьма значительную испорченность текста тифлисской рукописи,—стоитъ только сравнить выдѣленные ея редакторомъ варіанты съ Жандровской и Булгаринской рукописями. Иногда порча текста очевидна и сама по себѣ; напр., первая реплика Платона Михайловича въ явл. 21-мъ третьяго дѣйствія передана такъ: „Кто первый разсказалъ?“—но слѣдуетъ: „разгласилъ“, такъ какъ иначе разрушается рифма: „я открылъ“. Такимъ образомъ, изъ 150 варіантовъ, насчитанныхъ редакторомъ, огромное большинство объясняется простой порчей списка; другая доля—кажущихся разночтеній, такъ какъ кн. Эристовъ сопоставлялъ свой текстъ съ фальсифицированнымъ Гарусовскимъ текстомъ.

Съ 1879-го года идутъ изданія „Горя отъ ума“ подъ редакціей П. А. Ефремова („Дешевая Библіотека“ А. С. Суворина), имѣвшая большое распространеніе (до 1912 г. вышло 19-ть изданій). Имѣя въ виду широкую публику, Ефремовъ не даетъ никакихъ поясненій къ установленному имъ тексту (хотя самъ многократно писалъ о „Горѣ отъ ума“ и бывалъ требователенъ къ другимъ редакторамъ). Его текстъ, несомнѣнно, компилятивный, построенный на спискахъ, примыкающихъ къ окончательной редакціи; Жандровскаго и Булгаринскаго текстовъ Ефремовъ не зналъ, но воздержался и отъ заимствованій фальсификатовъ изъ Гарусовскаго текста. За позднѣйшими, повторными изданіями своей рецензіи Ефремовъ, повидимому, не слѣдилъ, такъ что на нихъ не отразились новыя текстуальныя открытія (напр., Музейный автографъ), и даже вкралась порча прежняго текста (напр., баронъ фонъ-Клоцъ съ 7-го изд. 1886 г. уже именуется неправильно, фонъ-Клокъ). Ефремовскій текстъ сталъ образцомъ для дешевыхъ изданій; онъ же былъ вос-

произведенъ въ роскошномъ изданіи А. С. Суворина 1886 г., съ предисловіемъ издателя: „Горе отъ ума и его критики“ (о чемъ см. ниже, въ обзорѣ литературы). Здѣсь, въ послѣсловіи и примѣчаніяхъ, даны варіанты по „первоначальному“, т. е. музейному, тексту и Гарусову.

Въ 1889 г. вышло изданіе, составившее эпоху въ изученіи Грибоѣдова: „Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова. Подъ редакціей приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго Университета И. А. Шляпкина. Въ двухъ томахъ. Изданіе И. П. Варгунина“. СПБ. 1889. Въ этомъ изданіи впервые опубликовано нѣсколько неизвѣстныхъ дотолѣ произведеній Грибоѣдова (напр., пьесы „Студентъ“ и „Кто братъ, кто сестра“) и его писемъ, напечатанныя раньше собраны во всей полнотѣ; сочиненія Грибоѣдова окружены обширными комментаріями біографическими, историческими, литературными и иными. „Горе отъ ума“ напечатано въ двухъ редакціяхъ: окончательной и первоначальной. Редактору были доступны рукописи: Булгаринская, Музейная въ копіи Д. А. Смирнова, Миллеровская и нѣсколько другихъ, менѣе значительныхъ; имъ широко использованы также печатныя изданія комедіи, русскія и заграничныя. Въ примѣчаніяхъ къ окончательному тексту редакторъ даетъ систематическое сопоставленіе своей рецензіи съ печатными и рукописными текстами (и это имѣетъ цѣну и до нашихъ дней). Такимъ образомъ, къ изученію были привлечены разнообразные матеріалы въ небываломъ дотолѣ объемѣ; и позднѣе никто изъ редакторовъ не ставилъ изданіе Грибоѣдова въ такой широтѣ, предпочитая черпать изъ изданія 1889 г. (таковы, напр., два изданія А. Ф. Маркса подъ редакціей Арс. Ив. Введенскаго, 1892 и 1903 гг.).

Къ сожалѣнію, принципы установленія текста „Горя отъ ума“ не были точно формулированы и послѣдовательно проведены въ изданіи. Подчиняясь несправедливой оцѣнкѣ И. Д. Гарусова, редакторъ не придалъ Булгаринскому списку той авторитетности, которую онъ имѣетъ, и не положилъ его въ основу своего изданія. Жандровская рукопись, почти тождественная въ своемъ окончательномъ текстѣ съ Булгаринской и дающая цѣнные варіанты въ авторскихъ исправленіяхъ, тоже почти не использована редакторомъ (ср. отдѣльное изданіе Жандровской рукописи 1912, Введеніе, стр. XXXIV—XXXV). Музейный автографъ непосредственно не былъ доступенъ И. А. Шляпкину (въ то время драгоцѣнная рукопись еще не поступила въ Московскій Историческій Музей), и редакторъ располагалъ только сводной рукописной работой Д. А. Смирнова. Въ силу такихъ обстоятельствъ, и въ изданіи 1889 г. текстъ „Горя отъ ума“ оказался компилятивнымъ, какъ указалъ и самъ редакторъ: „текстъ, напечатанный у насъ, сводный, изъ лучшихъ, по нашему разумѣнію, рукописей и изданій: извѣстно, что подлиннаго текста руки Грибоѣдова пока неизвѣстно“ (т. II, стр. 521). Эклектическимъ оказался и „первоначальный“ текстъ комедіи, данный въ приложеніи; въ основу его положенъ Музейный текстъ, насколько его можно было констатировать по сводной работѣ Смирнова, но въ этотъ текстъ вставлены „варіанты“ по Гарусовскому, т. е. фальсифицированному тексту.

Въ дальнѣйшей исторіи печатнаго текста „Горя отъ ума“ важнымъ моментомъ является публикація Музейнаго автографа, подъ редакціей В. Е. Якушкина (М. 1903); о ней сказано выше (см. примѣчанія къ Музейному

автографу). Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ этого изданія оказалась редакторская работа Ю. Э. Озаровскаго. Его рецензія „Горя отъ ума“ („Пьесы художественнаго репертуара и ихъ постановка на сценѣ. Выпускъ II. *„Горе отъ ума“*. Изданіе М. Д. Мусиной. СПБ. 1905) является смѣсью позднѣйшаго, Булгаринскаго текста съ раннимъ, Музейнымъ, причемъ г. Озаровскій возстановляетъ въ текстѣ тѣ варіанты, которые самъ Грибоѣдовъ отмѣтилъ въ окончательной редакціи (подробнѣе см. въ изданіи Жандровской рукописи 1912, стр. XXXVII—XXXVIII).

Въ 1912 г., въ изданіи Л. Э. Бухгеймъ въ Москвѣ, вышло изданіе Жандровской рукописи „Горя отъ ума“, подъ редакціей, съ введеніемъ и примѣчаніями Н. К. Пиксанова (см. выше, примѣчанія къ Жандровской рукописи).

Этой публикаціей замыкается восьмидесятилѣтняя исторія печатныхъ изданій „Горя отъ ума“ (1833—1912). Въ итогѣ ея мы имѣемъ—печатныя изданія всѣхъ трехъ основныхъ рукописныхъ текстовъ комедіи: Музейнаго автографа, Жандровской рукописи и Булгаринскаго списка; публикацію многихъ другихъ списковъ и отдѣльныхъ варіантовъ; ихъ систематическое сопоставленіе; наконецъ—данныя къ творческой исторіи „Горя отъ ума“.

XII. Обзоръ литературы о Грибоѣдовѣ.

Предлагаемое обозрѣніе не преслѣдуетъ цѣлей исчерпывающей библіографической регистраціи. Такая работа выполнена въ особомъ изданіи, печатаемомъ отдѣльно: *Н. Пиксановъ*. „Библіографія А. С. Грибоѣдова". Здѣсь же имѣется въ виду отмѣтить все наилучшее или характерное въ грибоѣдовской литературѣ, систематизировавъ матеріалъ по отдѣламъ, а внутри каждаго отдѣла придерживаясь по возможности хронологическаго порядка, чтобы дать представленіе о постепенномъ развитіи изученій Грибоѣдова.

1. Библіографическіе указатели.

Грибоѣдовская литература до 1889 г. зарегистрована въ „Библіографическомъ указателѣ произведеній А. С. Грибоѣдова и литературы о немъ (1814—1889)", составленномъ подъ редакціею Н. М. Лисовскаго при участіи: В. И. Межова, С. И. Пономарева, В. И. Сантова и И. А. Шляпкина и приложенномъ при изданіи сочиненій Грибоѣдова подъ редакціей И. А. Шляпкина. СПБ. 1889, т. I. Порядокъ распредѣленія здѣсь матеріаловъ—хронологическій, по годамъ, безъ систематизаціи по отдѣламъ; азбучный указатель облегчаетъ справки. Продолженіемъ этого указателя являются „Матеріалы для библіографическаго указателя и проч.", собранные Н. К. Пиксановымъ и напечатанные въ „Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Юрьевскаго Университета" за 1903 г., № 4. Здѣсь библіографія доведена до 1902 г. включительно; порядокъ матеріаловъ тотъ же. Нѣкоторыя дополненія къ двумъ названнымъ перечнямъ см. также въ „Источникахъ словаря русскихъ писателей. Собралъ С. А. Венгеровъ", т. II: Гогоцкая—Карамзинъ. СПБ. 1910, стр. 101—111 (впрочемъ, здѣсь библіографія доведена только до 1899 г. и не указаны изданія сочиненій Грибоѣдова).

Такимъ образомъ, существующіе указатели не идутъ дальше 1902 г.; въ нижеслѣдующемъ обзорѣ изложеніе доведено до 1913 г. включительно.

2. Воспоминанія, біографическіе матеріалы и изслѣдованія.

Первыя біографическія свѣдѣнія о Грибоѣдовѣ появились еще при его жизни; въ „Литературныхъ Листкахъ" 1824 г. ч. III, № 16, *О. Б.*, т. е. *О. В. Булгаринъ*, напечаталъ фельетонъ: „Литературные Призраки", гдѣ подъ именемъ Талантина, автора новой комедіи, обрисованъ Грибоѣдовъ и его лите-

ратурно-теоретическіе взгляды; изъ фельетона узнаемъ, какой литературной подготовки требовалъ Грибоѣдовъ отъ поэта, какихъ писателей считалъ онъ наиболѣе достойными изданія и т. д. По смерти Грибоѣдова тотъ же *О. В. Булгаринъ* первый опубликовалъ воспоминанія о немъ, весьма обильныя цѣнными матеріалами: „Воспоминанія о незабвенномъ Александрѣ Сергѣевичѣ Грибоѣдовѣ"—въ „Сынѣ Отечества" 1830, ч. CXXXI, № 1, стр. 3—42 (въ томъ же году перепечатаны во второмъ изданіи „Сочиненій *Ѳаддея Булгарина*", часть 12-ая, и потомъ многократно переиздавались). Здѣсь сообщено много точныхъ хронологическихъ дать изъ служебной дѣятельности Грибоѣдова (несомнѣнно, Булгаринъ пользовался при этомъ послужными списками); разсказано много важныхъ фактовъ изъ частной жизни поэта; на основаніи личныхъ наблюденій и бесѣдъ переданы точно многія черты его характера и взглядовъ; наконецъ, приведены (правда, не всегда точно) обильныя цитаты изъ писемъ Грибоѣдова къ Булгарину. Во многихъ случаяхъ эти „Воспоминанія" Булгарина остаются донынѣ надежнымъ первоисточникомъ для біографовъ. Позднѣе къ нимъ присоединилась еще одна статья *Булгарина*: „Какъ люди дружатся (справедливый разсказъ). Изъ воспоминаній *О. Б.*"—въ „Сѣверной Пчелѣ" 1837, № 47, стр. 187—188; здѣсь изложенъ эпизодъ съ больнымъ офицеромъ Генисс., другомъ Грибоѣдова, которому Булгаринъ оказывалъ помощь въ Варшавѣ, что и вызвало симпатію къ Булгарину со стороны Грибоѣдова. Во 2-мъ № „Сына Отечества" за 1830 г., въ дополненіе къ статьѣ Булгарина, напечатано „Описаніе послѣдняго долга, отданнаго Грибоѣдову въ Тифлисѣ" (письмо *Очевидца*—неизвѣстнаго).

Въ 1836 г. въ „Современникѣ", № 1, появились отрывки изъ „Путешествія въ Арзерумъ" *А. С. Пушкина*, гдѣ описана встрѣча поэта съ тѣломъ Грибоѣдова и сообщены драгоцѣнныя (къ горькому сожалѣнію, слишкомъ краткія) воспоминанія объ Александрѣ Сергѣевичѣ. Черезъ два года, въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ" А. Плюшара, т. XV, стр. 131—133 (1838) появилась біографія Грибоѣдова, составленная при содѣйствіи его друзей—кн. В. Ѳ. Одоевскаго, С. Н. Бѣгичева и А. А. Жандра, а потому достаточно точная и достовѣрная. Въ 1839 г., во второмъ изданіи „Горя отъ ума", была напечатана обширная статья *Ксенофонта А. Полевого*: „О жизни и сочиненіяхъ Грибоѣдова". К. А. Полевой лично зналъ (въ 1828 г.) Грибоѣдова и сообщаетъ много точныхъ и цѣнныхъ данныхъ къ характеристикѣ его личности и литературныхъ взглядовъ, что придаетъ статьѣ значеніе первоисточника. Въ 1851 г., въ „Москвитянинѣ", № 21, *А. С. Стурдза* мимоходомъ разсказалъ объ одномъ эпизодѣ изъ жизни Грибоѣдова, чему самъ былъ очевидцемъ: о выборѣ имъ рода службы въ 1818 г. Въ томъ же „Москвитянинѣ", за 1856 г., т. III, № 12, стр. 369—323, помѣщена статья *М. П. Семевскаго*: „Нѣсколько словъ о фамиліи Грибоѣдовыхъ"; авторъ посѣтилъ родовое имѣніе Грибоѣдовыхъ въ Смоленской губерніи Хмѣлиты, записалъ нѣсколько изустныхъ разсказовъ стараго слуги и въ фамильномъ архивѣ скопировалъ нѣсколько документовъ о предкахъ Грибоѣдовыхъ и ихъ государственной службѣ. Въ той же книжкѣ журнала напечатаны три письма Грибоѣдова, и отсюда начинается публикація такого рода матеріаловъ (въ дальнѣйшемъ мы ихъ не отмѣчаемъ, такъ какъ въ третьемъ томѣ

настоящаго изданія, въ примѣчаніяхъ къ письмамъ, всегда указывается, гдѣ каждое изъ нихъ впервые напечатано).

Первой литературно-библіографической статьей о Грибоѣдовѣ можно считать главу изъ „Библіографическихъ записокъ“ *М. Н. Лонгинова*: „Первые печатные опыты Грибоѣдова“—въ „Современникѣ“ 1857, т. LXII, № 3, стр. 89—92; здѣсь пересказаны уже забытыя тогда статьи Грибоѣдова въ „Вѣстникѣ Европы“ 1814 г.: „Письмо изъ Бреста-Литовска“ (о праздникѣ въ честь генерала Кологривова) и „О кавалеріискихъ резервахъ“; отмѣчены также еще нѣкоторыя изъ забытыхъ произведеній его.

Въ 1858 г. вышло изданіе Евграфа Серчевскаго, описанное выше (въ обзорѣ печатныхъ изданій „Горя отъ ума“), не мало содѣйствовавшее знакомству читателей съ Грибоѣдовымъ. Еще въ 1854 г. Е. Серчевскій составилъ книжку: „Краткій очеркъ политической и литературной жизни А. С. Грибоѣдова. Съ приложеніемъ его поэтическихъ сочиненій, донынѣ разсѣянныхъ въ журналахъ. Составлено *Евг. С . . . имъ*“ СПБ. 1854, 63 стр. in 32°. Книжка почему-то не вышла въ свѣтъ (экземпляръ ея—изъ библіотеки Г. Геннади—хранится въ коллекціи Н. К. Пиксанова), хотя и была разрѣшена цензоромъ В. Бекетовымъ. Такимъ образомъ, Серчевскій готовился къ своему большому изданію нѣсколько лѣтъ и, дѣйствительно, собралъ въ немъ много цѣннаго. Здѣсь напечатаны нѣкоторыя письма Грибоѣдова, извлеченія изъ воспоминаній Булгарина, К. Полевого и Пушкина, статьи изъ старыхъ журналовъ и газетъ о смерти и погребеніи Грибоѣдова, переводъ (къ сожалѣнію, неполный) „Реляціи происшествій, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ убіеніе Россійскаго Посольства въ Персіи въ 1829 году“ изъ журнала „Nouvelles annales des voyages“ 1830 г., цѣлая хрестоматія критическихъ статей (тоже не безъ сокращеній) о „Горѣ отъ ума“ изъ журналовъ 1825—1857 г. г. и обзоръ исторіи сценическаго исполненія комедіи (сост. *П. Араповымъ*). Въ виду того, что ни одно изъ послѣдующихъ изданій не даетъ такихъ матеріаловъ, изданіе Серчевскаго и понынѣ не потеряло своего интереса. Одновременно съ изданіемъ Серчевскаго вышла книга *Н. Сушкова*: „Московскій университетскій благородный пансіонъ“ (Москва, 1858), гдѣ имѣется нѣсколько припоминаній о Грибоѣдовѣ, съ которымъ Сушковъ былъ лично знакомъ.

Въ 1859 г. въ „Русскомъ Словѣ“, №№ 4, 5 и 6, выступилъ впервые *Дм. Ал. Смирновъ* съ публикаціей, имѣющей огромное значеніе: имъ напечатана „Черновая тетрадь“ Грибоѣдова, прежде хранившаяся у С. Н. Бѣгичева и содержавшая путевыя записки и дневники поэта, его оффиціальныя записки по разнымъ вопросамъ, замѣчанія о Петрѣ Великомъ и историческія desiderata, планы и отрывки „Радамиста и Зенобіи“, „1812 года“, „Грузинской ночи“, описаніе петербургскаго наводненія, стихотворенія и другіе фрагменты. „Черновая тетрадь“ Грибоѣдова впослѣдствіи сгорѣла вмѣстѣ съ другими бумагами Д. А. Смирнова въ его имѣніи, и статьи въ „Русскомъ Словѣ“ стали съ тѣхъ поръ первоисточникомъ. Къ сожалѣнію, грибоѣдовскія бумаги опубликованы Д. А. Смирновымъ не въ полномъ видѣ: пропущено кое-что изъ путевыхъ дневниковъ, опущены двѣ краткія, но, конечно, для насъ драгоцѣнныя, замѣтки Грибоѣдова о „Горѣ отъ ума“ и пр. Но Смирновъ съ горячей любовью относился къ памяти Грибоѣдова, до-

рожилъ всякими матеріалами о немъ и энергично ихъ собиралъ. Опубликованные въ „Русскомъ Словѣ“ тексты онъ снабдилъ обильными біографическими и литературными примѣчаніями, которыя сами по себѣ имѣютъ значительную цѣну. Смирновъ съ 40-хъ годовъ собиралъ матеріалы по Грибоѣдову, познакомился лично съ его сестрой Маріей Сергѣевной (по мужу Дуриово), со Степаномъ Ник. Бѣгичевымъ, докторомъ Іономъ, А. А. Жандромъ, княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, М. С. Щепкинымъ, И. И. Сосницкимъ, С. П. Жихаревымъ, какъ и другими современниками и друзьями Грибоѣдова, переписывался съ Ниной Александровной Грибоѣдовой, урожденной Чавчавадзе, изучилъ всю доступную тогда печатную литературу о Грибоѣдовѣ, и въ результатѣ такихъ неустанныхъ исканій собралъ огромный матеріалъ біографическій и литературный. Къ большому сожалѣнію, этотъ матеріалъ сохранился далеко не въ полномъ видѣ; какъ упомянуто, въ имѣніи Смирнова сгорѣла „Черновая“ Грибоѣдова и другія бумаги; значительные матеріалы были переданы послѣ смерти Смирнова († 1866) его вдовою въ московское Общество Любителей Россійской словесности, но въ 70-хъ или 80-хъ годахъ исчезли оттуда. Изъ нихъ Общество успѣло напечатать въ своихъ „Бесѣдахъ“ (1868, вып. II, отд. 2, стр. 1—28) только „Біографическія извѣстія о Грибоѣдовѣ“, написанныя *Смирновымъ* по поводу отзывовъ о поэтѣ Д. В. Давыдова, опубликованныхъ М. П. Погодинымъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1853, № 12. Въ статьѣ приведены отрывки изъ неизданныхъ еще тогда писемъ Грибоѣдова и сообщено много любопытнаго со словъ Маріи Сергѣевны, Бѣгичева и другихъ современниковъ; есть нѣкоторыя неточности въ разсказѣ о дуэли Завадовскаго съ Шереметевымъ, объ арестѣ и сидѣніи въ Главномъ Штабѣ (о чемъ намъ теперь точнѣе извѣстно изъ архивныхъ документовъ); но за всѣмъ тѣмъ статья сохраняетъ значеніе первоисточника. Въ нѣкоторой долѣ матеріалы Смирнова, бывшіе въ Обществѣ, использованы еще въ статьѣ *Алексѣя Н. Веселовскаго*: „Очеркъ первоначальной исторіи „Горя отъ ума“. „Русскій Архивъ“, 1874, т. I, № 6, стр. 1513—1573; въ этой статьѣ, по матеріаламъ Д. А. Смирнова, были сообщены варіанты комедіи по ранней, т. е. Музейной, редакціи и намѣчены нѣкоторые моменты въ работѣ поэта надъ текстомъ; даны и нѣкоторыя новыя біографическія свѣдѣнія; эта работа въ слѣдующемъ году была использована авторомъ для отдѣльнаго изданія комедіи въ серіи „Русской Библіотеки“ (см. выше). Статья А. Н. Веселовскаго долгое время, за отсутствіемъ въ печати другихъ данныхъ о ранней редакціи „Горя отъ ума“, была первоисточникомъ для изученія творческой исторіи комедіи,— пока не былъ въ 1903 году обнародованъ подлинный текстъ Музейнаго автографа съ обильными примѣчаніями В. Е. Якушкина (см. выше). А затѣмъ въ печати появилась еще одна доля затерянаго литературнаго наслѣдія Д. А. Смирнова. Въ „Русской Старинѣ“ 1909 г., февраль, 321—348, Н. В. Шаломытовъ сообщилъ, со своими комментаріями, „Неизданное предисловіе *Д. А. Смирнова* къ „Горю отъ ума“ (которымъ пользовался раньше Веселовскій); онъ же въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1909, № 3, стр. 1031—1061, и № 4, стр. 132—163, напечаталъ: „Изъ неизданныхъ матеріаловъ *Д. А. Смирнова* къ біографіи А. С. Грибоѣдова“ (съ портретомъ Д. А. Смирнова и примѣчаніями М. М. Поливанова и Н. В. Шаломы-

това). Здѣсь данъ очеркъ литературной дѣятельности самого Смирнова, а затѣмъ воспроизведены записанные Смирновымъ разсказы о Грибоѣдовѣ С. Н. Бѣгичева, Б. И. Іона, А. А. Жандра, И. И. Сосницкаго. Въ этихъ разсказахъ современниковъ-друзей много любопытныхъ чертъ изъ жизни Грибоѣдова, напр., объ отношеніяхъ къ декабристамъ, о службѣ на Востокѣ, о дуэли Завадовскаго съ Шереметьевымъ и проч. Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что разсказы Смирнова воспроизведены Н. В. Шаломытовымъ по чистовой копіи, сохранившейся въ бумагахъ сына его, Г. Д. Смирнова; подлинные же черновые автографы записей Смирнова, хранящіеся теперь въ музеѣ А. А. Бахрушина въ Москвѣ и изученные нами, обнаруживаютъ, что Смирновъ сильно перерабатывалъ свой первоначальный текстъ—въ интересахъ беллетристической занимательности, отъ чего страдала точность разсказа; извѣстныя неточности и прямыя ошибки допускали и друзья Грибоѣдова, передававшіе Смирнову свои воспоминанія спустя долгіе десятки лѣтъ послѣ событій. Продолженіемъ тѣхъ же матеріаловъ Смирнова являются „Два утра у Щепкина“, сообщенныя съ примѣчаніями, Н. В. Шаломытовымъ въ „Ежедневникѣ Императорскихъ Театровъ“, сезонъ 1907—1908 г. г., стр. 173—220; здѣсь также много любопытныхъ біографическихъ и литературныхъ фактовъ и преданій о Грибоѣдовѣ. Такимъ образомъ, публикація изысканій Д. А. Смирнова растянулась отъ 1859 г. до 1909 г.; но нѣкоторые изъ его матеріаловъ совсѣмъ утрачены или не найдены донынѣ.

Возвращаясь назадъ, слѣдуетъ отмѣтить, что вслѣдъ за первой публикаціей Смирнова появилось цѣнное сообщеніе *Л. Н. Майкова:* „Замѣтка объ А. С. Грибоѣдовѣ“—въ „Сборникѣ, изданномъ студентами С.-Петербургскаго Университета“ 1860, вып. II, стр. 235—244. Здѣсь, со словъ близко знавшаго Грибоѣдова г. N. (В. В. Шнейдера) сообщены свѣдѣнія о студенческихъ годахъ Грибоѣдова, впервые даны свѣдѣнія о комедіи „Студентъ“, впослѣдствіи найденной и напечатанной И. А. Шляпкинымъ, помѣщено письмо къ Катенину и „Лубочный Театръ“. Въ томъ же 1860 году, въ „Отечественныхъ Запискахъ“, № 10, отд. I, стр. 633—640, напечатаны воспоминанія *Александра Александровича Бестужева:* „Знакомство съ А. С. Грибоѣдовымъ“, прекрасно изложенныя и дающія весьма цѣнныя показанія о Грибоѣдовѣ, его общественныхъ отношеніяхъ въ 1824—1825 гг., личномъ характерѣ, литературныхъ взглядахъ и заботахъ объ опальномъ Бестужевѣ. Другіе матеріалы по вопросу объ отношеніяхъ Грибоѣдова и Бестужева изложены въ статьѣ *Н. К. Пиксанова:* „Грибоѣдовъ и А. А. Бестужевъ“. „Извѣстія II-го Отдѣленія Академіи Наукъ“ 1906 (т. XI), кн. 4, стр. 49—78.

Сочувственный тонъ воспоминаній Бестужева контрастируетъ съ отзывами другого современника, *Дениса Васильевича Давыдова* въ „Воспоминаніяхъ о 1826 годѣ“, напечатанныхъ въ „Сочиненіяхъ Д. В. Давыдова“, вышедшихъ въ томъ же 1860 г., М., т. I, стр. 12—19 (изд. 4-ое); Давыдовъ упрекалъ Грибоѣдова за неискренность и двуличность въ отношеніяхъ къ Ермолову и Паскевичу на Кавказѣ въ 1826 г.,—не принимая въ расчетъ тяжелаго положенія Грибоѣдова, создавшагося не по его винѣ (отзывы Давыдова вызвали возраженія Д. А. Смирнова, см. выше).

Въ 1865 г. въ газетѣ „Кавказъ“ № 16, стр. 86—87, *В. Безминовъ* помѣстилъ переводъ изъ персидской исторіи „Ровзетъ-ульсафа“—о пребы-

ваніи Грибоѣдова въ Персіи и его умерщвленіи (статья была перепечатана въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1865, № 11, въ „Сынѣ Отечества“ 1865, № 121, и др. изданіяхъ), и этимъ положилъ начало спеціальной литературѣ о Грибоѣдовѣ на Востокѣ. Въ ближайшіе годы по этому вопросу было напечатано: „Смерть Грибоѣдова. Извлеченіе изъ записокъ ген.-лейт. *Ив. Ос. Симоничa*“, въ газетѣ „Москва“ 1867, № 145; сообщенія *Н. Берга* и *Н. Путяты* въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871, №№ 1, 7—8 и 10; письма *Грибоѣдова* къ Родофиникону и переписка Паскевича и Нессельроде о Грибоѣдовѣ—въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872, № 7—8; *А. Бержe*. Смерть А. С. Грибоѣдова „Русская Старина“ 1872, № 8; *П. Ефремовъ*. О смерти Грибоѣдова въ Тегеранѣ (по подлиннымъ документамъ). „Русскій Архивъ“ 1872, № 2, ср. „Голосъ“ 1872, № 150; письмо *неизвѣстнаго* изъ Тегерана къ аштаракскому архіепископу Нерсесу объ истребленіи русской миссіи—въ „Кавказской Старинѣ“ 1872, № 1 (Ноябрь); „Русскій Архивъ“ 1874, № 4 (въ Воспоминаніяхъ *В. С. Толстого*—о причинахъ убійства Грибоѣдова). Въ 1873 г. въ „Русской Старинѣ“, № 6, напечатано донесеніе Грибоѣдова Паскевичу: „Персія и персіяне“, а въ 1874—1876 гг. въ той же „Русской Старинѣ“ были напечатаны обширныя статьи *А. П. Бержe* о дѣятельности Грибоѣдова на Кавказѣ и въ Персіи; статьи были основаны на оффиціальныхъ документахъ. Тѣ же документы печатались въ „Актахъ, собранныхъ Кавказскою Археографическою Комиссіею“ (подъ редакціей А. П. Берже), томы VI, VII, VIII и IX (1874—1888). Отчасти тѣ же документы, отчасти новые—о службѣ на Востокѣ и смерти Грибоѣдова—были потомъ напечатаны въ „Кавказскомъ Сборникѣ“, т. XXX (1911), въ отдѣлѣ „Матеріалы къ исторіи Персидской войны“; но и здѣсь запасъ оффиціальныхъ документовъ о Грибоѣдовѣ изъ кавказскихъ архивовъ не былъ исчерпанъ: см. новые матеріалы въ „Грибоѣдовскомъ Сборникѣ“, печатаемомъ отдѣльно.

Одновременно со статьями А. П. Берже въ „Русской Старинѣ“ стали печататься статьи *Т. А. Сосновскаго:* „А. С. Грибоѣдовъ. 1795—1829. Біографическій очеркъ“. („Русская Старина“ 1874, №№ 5 и 6); въ этихъ статьяхъ впервые были напечатаны многія письма Грибоѣдова изъ Карловскаго архива Ѳ. В. Булгарина; авторъ сгруппировалъ и раньше опубликованныя данныя, и кромѣ того использовалъ изустныя сообщенія нѣкоторыхъ современниковъ Грибоѣдова (однако, безъ точныхъ указаній, кого именно). Въ томъ же 1874 году, вообще богатомъ сообщеніями о Грибоѣдовѣ, кн. *П. А. Вяземскій* напечаталъ въ Русскомъ Архивѣ, № 2, статью: „Дѣла иль пустяки давно минувшихъ лѣтъ“, гдѣ разсказалъ исторію водевиля „Кто братъ, кто сестра“ и сообщилъ еще нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія о Грибоѣдовѣ (статья потомъ была перепечатана въ Сочиненіяхъ кн. *Вяземскаго,* т. VII); а *Н. П. Розановъ* въ „Русской Старинѣ“ (№ 10) сообщилъ „Замѣтку о годѣ рожденія Грибоѣдова“, составленную на основаніи метрическихъ книгъ Девятинской церкви въ Москвѣ; впослѣдствіи вопросъ о годѣ рожденія дебатировался въ статьяхъ *В. Е. Якушкина* („Русскія Вѣдомости“ 1895, № 88, 30 марта), *Язона* („Русская Правда“ 1904, № 19, 22 апрѣля), *Н. В. Шаломытова* („Русскія Вѣдомости“ 1907, № 231, 10 октября), *В. В. Калаша* („Утро Россіи“ 1907, 17 октября), и наиболѣе вѣскіе аргументы были за 1795 годъ.

1879 году былъ юбилейнымъ (пятидесятилѣтіе со дня смерти поэта) и принесъ массу статей въ журналахъ и газетахъ. Изъ нихъ особенно цѣнными оказались „Воспоминанія о Грибоѣдовѣ“ декабриста *Дм. Пр. Завалишина*—въ „Древней и Новой Россіи“ (1879, № 4); Завалишинъ встрѣчался съ Грибоѣдовымъ въ 1824—1825 г.г. и потомъ сидѣлъ съ нимъ подъ арестомъ въ Главномъ Штабѣ въ 1826 году; нѣкоторыя мелкія дополненія къ тому же см. въ „Запискахъ декабриста *Д. И. Завалишина*“, München, 1904, т. I, стр. 174—177, т. II, стр. 32, 33, 34, 35 (и русское изданіе СПБ. 1906, въ одномъ томѣ). Разсказъ Завалишина о Главномъ Штабѣ дополняетъ *П. И. Липранди* въ „Замѣчаніяхъ на Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля“, М., 1873, стр. 176 (изъ „Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1873, № 2). Изъ юбилейной литературы 1879 г. слѣдуетъ еще упомянуть статью барона *К. К. Боде*: „Смерть Грибоѣдова. Изъ воспоминаній“ въ „Живописномъ Обозрѣніи“, № 4, и особенно—воспоминанія о Нинѣ Ал. Грибоѣдовой *К. Бороздина*, изящно и тепло написанныя.

Изъ литературы воспоминаній позднѣйшихъ годовъ отмѣтимъ „Записки *И. А. Каратыгина*“, СПБ. 1880, и „Воспоминанія *А. М. Каратыгиной*“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1881, №№ 4 и 5; здѣсь Грибоѣдовъ изображается въ средѣ сценическихъ дѣятелей своего времени. Позднѣе Грибоѣдовъ вспоминается въ „Запискахъ“ *Н. П. Греча* (СПБ. 1886), *М. И. Глинки*. (СПБ. 1887), *Ксенофонта Полевого* (СПБ. 1888), въ „Воспоминаніяхъ о Д. Н. Бѣгичевѣ“ *Е. Сокошниной* въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1889, № 3. Много цѣнныхъ чертъ къ характеристикѣ Грибоѣдова въ „Дневникахъ“ *В. К. Кюхельбекера* въ „Русской Старинѣ“ 1875, №№ 7, 8, 9; 1883, № 7; 1891, № 10; Кюхельбекеръ зналъ Грибоѣдова въ Тифлисѣ, въ 1822 г., потомъ въ Москвѣ и Петербургѣ, много бесѣдовалъ съ нимъ о литературѣ и религіи, наблюдалъ первыя работы по „Горю отъ ума“, испыталъ сильное вліяніе Грибоѣдова—моральное и эстетическое. Не менѣе обильны данными—о жизни и дѣятельности Грибоѣдова на Востокѣ—„Записки“ *Н. Н. Муравьева-Карскаго* въ „Русскомъ Архивѣ“ 1886, № 11; 1888, № 5; 1889, № 9; 1893, т. III; 1894, № 1; Муравьевъ познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1818 г. и потомъ встрѣчался съ нимъ въ теченіе десяти лѣтъ по службѣ на Кавказѣ и въ занятіяхъ восточными языками; не питая особой симпатіи къ Грибоѣдову, Муравьевъ, однако, высоко цѣнилъ его умъ и познанія; изъ эпизодовъ, имъ разсказанныхъ, особенно интересна дуэль Грибоѣдова съ Якубовичемъ въ 1818 г. Къ той же жизни Грибоѣдова на Востокѣ относятся слѣдующіе важные матеріалы, напечатанные въ девяностыхъ и девятисотыхъ годахъ: проф. *В. Жуковскій*. Персидскіе лѣтописцы о смерти А. С. Грибоѣдова. „Новое Время“ 1890, № 5068 (ср. выше ст. *В. Безмѣнова*); *А. И. Мальшинскій*. Подлинное дѣло о смерти Грибоѣдова. „Русскій Вѣстникъ“ 1890, №№ 6 и 7; *его же*. Неизданная записка Грибоѣдова. Тамъ же, 1891, № 9; *его же*. Изъ жизни и отношеній А. С. Грибоѣдова (по неизданнымъ источникамъ). Тамъ же. 1894, № 3; разсказъ *Амбарцуми* объ убійствѣ Грибоѣдова—въ армянской газетѣ „Мшакъ“ 1895, №№ 2 и 3 (переводъ въ „Русской Старинѣ“ 1901, № 10); позднѣе, М. Я. Алавердянцъ перевелъ съ армянскаго отрывки изъ „Матеріаловъ для національной исторіи“ *Галуста Шермазаняна*—о кончинѣ Грибоѣдова. Въ „Русской Старинѣ“ 1901, № 10; „Къ матеріаламъ объ

А. С. Грибоѣдовѣ. Пять писемъ, относящихся къ первымъ годамъ послѣ войны Россіи съ Персіей. 1825—1828. „Литературный Вѣстникъ“ 1904, кн. 2. Объ отношеніи Грибоѣдова къ армянамъ говоритъ, по печатнымъ источникамъ, *Юрій А. Веселовскій* въ „Пріазовскомъ Краѣ“ 1898, №№ 314 и 315 (перепечатано въ его „Литературныхъ Очеркахъ, 2-ое изданіе 1910, М.). Въ 1888 г. въ „Историческихъ очеркахъ и разсказахъ“ *С. Н. Шубинскаго* впервые было изложено по архивнымъ даннымъ дѣло о дуэли Шереметева съ Завадовскимъ, въ которой Грибоѣдовъ былъ сильно замѣшанъ; позднѣе „Очерки“ Шубинскаго много разъ перепечатывались (6-е изданіе, СПБ. 1911); нѣкоторыя дополненія къ статьѣ о дуэли, тоже по архивнымъ документамъ, см. у *Н. В. Шаломытова* въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1909, № 4 („Изъ неизданныхъ матеріаловъ Д. А. Смирнова“), и у *С. А. Бѣлокурова* въ „Русскомъ Обозрѣніи“ 1895, № 3 (документы изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ); но полностью все дѣло производства, важное для уясненія роли Грибоѣдова, до сихъ поръ не опубликовано.

Въ 1898 г. появились наконецъ и первые архивные документы по дѣлу о принадлежности Грибоѣдова къ декабристамъ, о чемъ прежде знали только изъ скудныхъ воспоминаній современниковъ,—статья извѣстнаго кавказовѣда *Е. Г. Вейденбаума*: „Арестъ Грибоѣдова“, въ газетѣ „Кавказъ“ 1898, № 2, 3-го января; здѣсь изложено (въ извлеченіяхъ и пересказахъ) „дѣло объ отправленіи коллежскаго ассесора Грибоѣдова въ Петербургъ арестованнымъ и объ описаніи у него бумагъ“ изъ Архива Гражданскаго Управленія Кавказа; въ дѣлѣ имѣются не только интересныя и точныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ ареста, но и о книгахъ Грибоѣдова, среди коихъ были, напр., сочиненія по славяновѣдѣнію. Статья была потомъ перепечатана въ книгѣ того же автора „Кавказскіе этюды“, въ 1901 г. (Тифлисъ), а двумя годами позже изслѣдователямъ и читателямъ стало доступно и дѣло о Грибоѣдовѣ Слѣдственной Комиссіи въ Государственномъ Архивѣ. Въ печати оно излагалось не разъ, съ наибольшей же полнотой и точностью напечатано въ книгѣ *П. Е. Щеголева*: А. С. Грибоѣдовъ и декабристы. (По архивнымъ матеріаламъ). Съ приложеніемъ факсимиле дѣла о Грибоѣдовѣ, хранящагося въ Государственномъ Архивѣ. С-Петербургъ. Изданіе А. С. Суворина. 1905. Въ этомъ изданіи само „дѣло“ воспроизведено со всей роскошью современной типографской техники, изслѣдованіе же редактора даетъ обильные и точные комментаріи къ нему (то же изслѣдованіе, но безъ fac-simile документовъ, перепечатано въ „Историческихъ этюдахъ“ *П. Е. Щеголева*. СПБ. 1913). Здѣсь находятся показанія какъ самого Грибоѣдова, такъ и многихъ декабристовъ о немъ: Рылѣева, Пестеля, А. А. Бестужева, Трубецкаго, Оболенскаго, Волконскаго, С. Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и другихъ. Все это имѣетъ высокій интересъ и ставитъ вопросъ о принадлежности и отношеніяхъ Грибоѣдова къ декабристамъ на прочное основаніе; но слѣдуетъ указать, что Грибоѣдовъ, категорически отрицая свою принадлежность къ тайнымъ обществамъ, былъ очень уклончивъ и скупъ въ своихъ показаніяхъ, какъ и декабристы старались всячески выгородить его изъ дѣла; поэтому въ слѣдственномъ производствѣ много недосказаннаго и неяснаго (нѣкоторыя дополненія и оговорки къ изслѣдованію

Щеголева см. въ работахъ Н. К. Пиксанова, указанныхъ ниже). О любви, связывавшей Грибоѣдова съ однимъ изъ декабристовъ, Вильг. Карл. Кюхельбекеромъ, выразительно говоритъ „дѣло главнаго военнаго суда“ 1829 г., найденное А. В. Безроднымъ и опубликованное въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1902, № 5; здѣсь разсказана исторія съ перехваченнымъ письмомъ Кюхельбекера къ Грибоѣдову изъ Динабургской крѣпости и опубликовано самое письмо. О личныхъ отношеніяхъ Грибоѣдова и декабристовъ см. неизданные документы также въ статьѣ *П. К. Пиксанова*: „Къ характеристикѣ Грибоѣдова. Поэтъ и ссыльные декабристы“—въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1911, № 263, 15-го ноября. Въ статьѣ того же автора „Душевная драма Грибоѣдова“ въ „Современникѣ“ 1912, № 11, данъ анализъ тяжелаго душевнаго состоянія поэта въ 1824—1825 г. г., вызваннаго кризисомъ его творчества, ослабѣвшаго послѣ „Горя отъ ума“, что дѣлало Грибоѣдова глухимъ къ политическимъ увлеченіямъ. Изъ другихъ дробныхъ біографическихъ матеріаловъ девятисотыхъ годовъ документальное значеніе имѣютъ: сообщеніе *Н. К. Пиксанова* о „столкновеніи Булгарина съ матерью Грибоѣдова“ въ „Русской Старинѣ“ 1905, № 12, гдѣ напечатано пространное письмо *О. В. Булгарина* къ гр. А. Х. Бенкендорфу отъ 20 февраля 1830 г., съ изложеніемъ личныхъ и дѣловыхъ отношеній его къ Грибоѣдову; статья *П. А. Р-скаго*: „Дѣло Михаила Кологривова“ въ „Русской Мысли“ 1901, № 11, гдѣ находимъ любопытныя подробности о воспитателѣ Грибоѣдова, Богданѣ Ивановичѣ Іонѣ; о немъ же, именно о его экзаменахъ на степень доктора правъ въ Казанскомъ университетѣ, см. у *Н. Н. Булича*: „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго Университета“, ч. 2, изд. 2-ое, Казань. 1904. Вопросу о музыкальныхъ интересахъ и занятіяхъ посвящены: статья *П. В. Шаломытова*: „Грибоѣдовъ и музыка“ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1910, № 6, и, особенно, изслѣдованіе проф. *С. К. Булича*: „Грибоѣдовъ-музыкантъ“ въ первомъ томѣ настоящаго изданія.

3. Біографическіе и историко-литературные обзоры.

Выше были отмѣчены біографическія и историко-литературныя изслѣдованія, сообщавшія новыя, неизданныя документальныя, данныя, каковы, напр., работы Д. А. Смирнова, Т. А. Сосновскаго, А. П. Берже. Въ этомъ отдѣлѣ укажемъ обзоры, дающіе сводку и оцѣнку опубликованныхъ данныхъ—въ прагматическомъ изложеніи. Изъ болѣе раннихъ опытовъ такова работа проф. *Ореста Ѳ. Миллера*: „А. С. Грибоѣдовъ. Жизнь и переписка“—въ газетѣ „Недѣля“ 1879, № 15—17 (17 и 24 іюня); ср. *его же*: „Въ память А. С. Г. Рѣчь на актѣ Спб. Университета“—въ журн. „Древняя и Новая Россія“ 1879, № 4. Въ статьѣ использованы данныя изъ работъ Сосновскаго и Берже. Отразившаяся здѣсь славянофильская тенденція, упрекавшая русское барство въ забвеніи традицій древне-русскаго земскаго строя, нашла себѣ откликъ въ позднѣйшихъ заявленіяхъ Арс. Нв. Введенскаго. Литературно-біографическій очеркъ *А. Н. Веселовскаго* при изданіяхъ „Горя отъ ума“ 1875 и 1878 гг. указанъ выше. Позднѣе авторъ не переставалъ слѣдить за грибоѣдовскими матеріалами, появлявшимися въ печати, и въ 1894 г. повторилъ свой очеркъ въ первомъ изданіи своихъ „Этюдовъ и

характеристикъ" (Москва, 1894, стр. 495—532), использовавъ въ этой редакціи всѣ новѣйшія данныя, напр. собраніе сочиненій Грибоѣдова подъ редакціей И. А. Шляпкина 1889 г. По изяществу и стройности изложенія, мѣткости и тонкости психологическихъ и литературныхъ характеристикъ эта работа принадлежитъ къ наилучшимъ въ грибоѣдовской исторіографіи. Къ сожалѣнію, авторъ исключилъ ее изъ послѣдующихъ изданій своихъ „Этюдовъ", замѣнивъ рѣчью, произнесенной въ юбилейный 1895 г. въ „Обществѣ Любителей Россійской Словесности", предлагающей блестящую общую характеристику личности и творчества Грибоѣдова. Въ тѣхъ же „Этюдахъ" (4-ое изд. М. 1912) печатается еще изслѣдованіе А. Н. Веселовскаго: „Альцестъ и Чацкій" (впервые напечатано въ „Вѣстникѣ Европы" 1881, № 3), дающее исчерпывающій анализъ всѣхъ аналогій мольеровскаго „Мизантропа" и „Горя отъ ума"; мастерски вскрывая вліяніе Мольера на Грибоѣдова, авторъ, одинъ изъ лучшихъ мольеристовъ, не впадаетъ въ крайность, но признаетъ и раскрываетъ яркую оригинальность русскаго поэта (то же, въ сжатомъ видѣ, см. въ книгѣ *Алексѣя Н. Веселовскаго:* „Западное вліяніе въ новой русской литературѣ", 4-ое изд. М. 1910; ср. *Н. П. Николаевъ.* Эфемериды. Статьи по вопросамъ искусства, театра и литературы. Кіевъ, 1912, стр. 93—104: „Общественный элементъ въ „Горѣ отъ ума" и „Мизантропѣ").

Изданіе сочиненій Грибоѣдова 1889 г. и затѣмъ юбилей 1895 г. (столѣтіе со дня рожденія) вызвали къ жизни еще нѣсколько общихъ литературно-біографическихъ работъ. Въ „Біографической библіотекѣ" Ф. Ѳ. Павленкова напечатана книжка *А. М. Скабичевскаго:* „А. С. Грибоѣдовъ, его жизнь и литературная дѣятельность". (СПБ. 1893. 87 стр.); въ ней умѣло и полно компилированы факты и дана правильная, въ общемъ, историческая оцѣнка Грибоѣдова; книжка сослужила хорошую службу школѣ и самообразованію, будучи до послѣдняго времени единственнымъ отдѣльнымъ изданіемъ біографіи поэта. Работа проф. *А. П. Смирнова:* «А. С. Грибоѣдовъ, его жизненная борьба и судьбы комедіи его „Горе отъ ума"» („Варшавскія Университетскія Извѣстія" 1895, т. VI—VII, стр. 1—100) широко использовала изданіе 1889 г., тщательно систематизируя данныя писемъ Грибоѣдова въ сопоставленіи съ другими матеріалами; половина всей работы посвящена изложенію судебъ „Горя отъ ума" въ русской литературной критикѣ; по обилію хронологическихъ, библіографическихъ и литературныхъ данныхъ изслѣдованіе Смирнова и до сихъ поръ хорошо служитъ для справокъ по Грибоѣдову, хотя уже сильно устарѣло. Къ тому же юбилейному 1895 г. относится очеркъ біографіи и литературной дѣятельности Грибоѣдова, написанный *В. О. Боцяновскимъ* для „Ежегодника Императорскихъ Театровъ" (сезонъ 1893—1894 г., приложенія, кн. 3-я, стр. 1—44).

Послѣ 1895 г. общихъ обзоровъ долго не появлялось. Въ 1907 г. вышла цѣлая книга на французскомъ языкѣ, написанная нашей соотечественницей: *Olga Kramareva.* A. S. Griboïédov. Sa vie—ses oeuvres. Thèse pour le doctorat présentée à la Faculté des Lettres de l'Université de Paris. (Paris. 1907. P. 316). Безусловно полезное для французскихъ читателей, какъ добросовѣстная и обширная компиляція, книга интересна и для русскихъ впервые напечатанными извлеченіями изъ донесеній французскому правительству консула Гамба. Общая характеристика личности и творчества Грибоѣдова дана въ

статьѣ *П. К. Пиксанова* въ „Исторіи русской литературы XIX вѣка“, подъ редакціей Овсянико-Куликовскаго, вып. III, гл. 6-я (изд. „Міръ“, М. 1908); здѣсь наибольшее вниманіе удѣлено теоретическимъ взглядамъ поэта. Ср. біографическій очеркъ въ первомъ томѣ настоящаго изданія.

Въ группѣ собственно литературныхъ обзоровъ и изслѣдованій слѣдуетъ поставить первыми „историческія замѣтки о Грибоѣдовѣ *А. Н. Пыпина* въ „Вѣстникѣ Европы“ 1890, № 1, стр. 185—224 (потомъ, съ нѣкоторыми дополненіями, напечатанныя, какъ глава XLI, въ четвертомъ томѣ *его* „Исторіи русской литературы“). Изучая въ этихъ „замѣткахъ“ матеріалы изданія 1889 г., Пыпинъ извлекаетъ оттуда все характерное для Грибоѣдова и ставитъ рядъ вопросовъ о личности и творчествѣ Грибоѣдова, намѣчая для будущихъ изслѣдователей очередныя задачи познанія и пониманія поэта.

Серьезная методологическая постановка этихъ вопросовъ, изъ коихъ нѣкоторые уже разрѣшены новыми разысканіями, составляетъ главную цѣнность работы Пыпина. Въ 1894 г. въ журналѣ „Міръ Божій“ (№ 12, стр. 11—46) напечатана статья проф. *П. Н. Иванова* „Годовщина грибоѣдовской славы“ (перепечатана въ книгѣ „Новая культурная сила. Русскіе писатели XIX в.“ СПБ. 1901, стр. 317—364), въ которой сопоставляетъ художественную картину нравовъ въ „Горѣ отъ ума“ съ показаніями современниковъ и данными біографіи самого Грибоѣдова. Еще обстоятельнѣе эта параллель разработана въ статьѣ проф. *А. Н. Кирпичникова* „Московское общество въ изображеніи Грибоѣдова и графа Льва Толстого“—въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1895, № 6, стр. 722—758 (перепечатано въ „Очеркахъ по исторіи новой русской литературы“, Москва, 1903, т. I, стр. 398—439); эта послѣдняя работа остается наилучшей для культурно-бытового пониманія „Горя отъ ума“. Спеціальными экскурсами являются двѣ аналогичныя работы: 1) *В. Кунцкій.* Языкъ и слогъ комедіи „Горе отъ ума“. Кіевъ. 1894; 2) *В. Истоминъ.* Главнѣйшія особенности языка и слога произведеній А. С. Грибоѣдова. „Русскій Филологическій Вѣстникъ“ 1894, №№ 1—2, стр. 56—84. Къ сожалѣнію, оба автора не обращались къ изученію подлинныхъ рукописей Грибоѣдова, тогда въ большей части своей и недоступныхъ, а потому и не обладаютъ научной точностью. *Юрій А. Веселовскій* разработалъ другой спеціальный вопросъ: „Грибоѣдовъ и западно-европейскія литературы“ („Новости“ 1904, № 155; перепечатано въ „Литературномъ Вѣстникѣ“ 1904, кн. 4, стр. 73—76).

Въ „Вѣстникѣ Воспитанія“ 1903, №№ 1—3, впервые появились первыя три главы „Исторіи русской интеллигенціи“ проф. *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго,* посвященныя „Горю отъ ума“ (потомъ перепечатано въ отдѣльномъ изданіи этого сочиненія и въ составѣ собранія сочиненій *Овсянико-Куликовскаго,* СПБ. 1911, т. VII, стр. 1—70). Авторъ характеризуетъ Чацкаго какъ лучшаго выразителя общественныхъ настроеній двадцатыхъ годовъ XIX вѣка, сопоставляетъ его душевную настроенность съ измѣнившимися настроеніями тридцатыхъ годовъ и затѣмъ излагаетъ оцѣнку „Горя отъ ума“ въ критикѣ Бѣлинскаго. Въ сужденіяхъ автора не мало психологически-цѣннаго; таковы, напр., замѣчанія о націонализмѣ Чацкаго,—хотя привлеченный фактическій матеріалъ невеликъ.

Позднѣе Овсянико-Куликовскаго о „Горѣ отъ ума“ высказался проф. *П. А. Котляревскій* въ „Литературныхъ направленіяхъ александровской эпохи“ (СПБ. 1907; второе изд. СПБ. 1913). Считая, что Грибоѣдовъ по преимуществу сатирикъ, а не комикъ-драматургъ, что „Горе отъ ума“ — „сатира въ монологахъ и діалогахъ“, авторъ изъ двухъ взглядовъ, заявленныхъ въ критикѣ,—Бѣлинскаго и Гончарова, примыкаетъ къ первому, изложенному Бѣлинскимъ въ періодъ „примиренства“, находя въ комедіи много натяжекъ, условностей и неправдоподобія, вызванныхъ желаніемъ поэта „судить жизнь“. Авторъ находитъ даже, что Грибоѣдовъ изобразилъ сатирически не только фамусовскую Москву, но и самого Чацкаго, „героя исключительно словеснаго низложенія всѣхъ авторитетовъ“, у котораго нѣтъ „никакихъ установившихся взглядовъ ни на одинъ серьезный вопросъ жизни“.

Послѣднимъ изъ общихъ литературныхъ пересмотровъ Грибоѣдова пока является глава пятая во второмъ томѣ труда проф. *Б. В. Варнеке:* „Исторія русскаго театра“ (Казань, 1910, стр. 102—133), гдѣ авторъ разбираетъ драматическія сочиненія Грибоѣдова, спеціально—„Горе отъ ума“, и даетъ краткія свѣдѣнія о сценическихъ постановкахъ комедіи.

4. Учебная и популярная литература.

Въ оборотъ учебной литературы Грибоѣдовъ былъ включенъ раньше, чѣмъ „Горе отъ ума“ появилось въ отдѣльномъ изданіи. Въ 1830 году о немъ уже упоминаетъ *Н. И. Гречъ:* „Учебная книга русской словесности, или избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, съ присовокупленіемъ краткихъ правилъ риторики и пінтики и исторіи русской литературы“ (второе изд. СПБ. 1830); здѣсь же напечатана, по „Русской Талін“, выдержка изъ „Горя отъ ума“ (явленія 4—8 третьяго дѣйствія). Съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней Грибоѣдовъ обошелъ всѣ учебники по исторіи русской литературы и теоріи словесности, а также—хрестоматіи историческія и такъ называемыя русскія (списокъ ихъ до 1901 г. см. у *А. В. Мезіеръ*. Русская словесность съ XI по XIX в. включительно, ч. II, СПБ. 1902, стр. 1—6). За книгой Греча послѣдовало „Руководство къ познанію исторіи русской литературы“ *В. Плаксина* (СПБ. 1833). Въ 1847 г. впервые появился „Очеркъ исторіи русской поэзіи“ *А. Милюкова,* въ которомъ „Горе отъ ума“ трактуется по статьѣ Бѣлинскаго 1840 г., какъ пьеса, „въ которой нѣтъ ни завязки, ни сценическаго дѣйствія“, которое „какъ художественная комедія не выдерживаетъ самой легкой критики“, гдѣ Чацкій „кажется смѣшнымъ и жалкимъ“, гдѣ цѣнна только „картина нравовъ и сатира на общество“, и т. д. Впослѣдствіи такіе взгляды повторялись въ учебной и популярной литературѣ до блестящаго этюда *И. А. Гончарова* „Мильонъ терзаній“ 1872), да и позже, даже до нашихъ дней. Въ 1866 г. вышло первое изданіе книги *В. И. Водовозова* „Новая русская литература“ (7-ое изд. СПБ. 1908); въ 1875 г.—первое изданіе второго тома „Исторіи русской словесности“ *А. Д. Галахова* (3-е изд. СПБ. 1894); въ 1893—„Исторія русской словесности“ *А. И. Незеленова* (17-ое изд., подъ редакціей и съ дополненіями В. В. Каллаша, СПБ. 1909); въ 1906—„Очерки по исторіи русской литературы XIX-го вѣка *В. О. Саводника* (8-ое изд.

М. 1912) и одновременно — „Исторія русской словесности“ *В. В. Сиповскаго* (6-ое изд. 1912, СПБ.). Изъ книгъ по „теоріи словесности“, разбирающихъ и „Горе отъ ума“, давно выдвинулись: „Словесность въ образцахъ и разборахъ“ *В. П. Водовозова* (6-ое изд. СПБ. 1905) и „О преподаваніи русской литературы“ *В. Я. Стоюнина* (6-ое изд. СПБ. 1904).

Не перечисляя здѣсь хрестоматій, въ которыхъ помѣщались отрывки „Горя отъ ума“, укажемъ, что первыя отдѣльныя изданія комедіи для школьныхъ нуждъ относятся еще къ 60-мъ годамъ XIX в. (напр. изданіе подъ редакціей В. А. Яковлева, 1869). Лучшимъ изъ нихъ оказалось изданіе И. Глазунова, подъ редакціею А. Н. Чудинова, въ серіи „Русской классной библіотеки“ (вып. VI; первое изданіе—1891, второе 1903). Здѣсь, кромѣ полнаго текста „Горя отъ ума“, напечатано: біографическій очеркъ (*В. Я. Стоюнина*), отрывки *А. С. Пушкина* (изъ „Путешествія въ Арзерумъ“ и письма къ А. А. Бестужеву) и *Н. В. Гоголя* (изъ „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“), отрывокъ изъ статьи *В. Г. Бѣлинскаго* и полный текстъ этюда *И. А. Гончарова:* „Мильонъ терзаній“; въ примѣчаніяхъ къ тексту комедіи объяснены нѣкоторыя слова и выраженія (напр. фармазоны, ланкастерскія школы и проч.). Къ сожалѣнію, въ редакціи текста и въ біографическихъ данныхъ имѣются обильныя неточности. По настоящему академическому изданію текстъ „Горя отъ ума“ напечатанъ въ новѣйшемъ школьномъ изданіи—въ серіи „Универсальной Библіотеки“ В. Антикъ и К° (М. 1913), гдѣ имѣются необходимыя данныя біографическія, литературныя и библіографическія. Для школьнаго обихода, но также и для самообразованія, предназначается третій выпускъ „Историко-литературной библіотеки“ подъ редакціей А. Е. Грузинскаго (изд. И. Д. Сытина, М. 1910), посвященный А. С. Грибоѣдову и составленный А. Д. Алферовымъ по болѣе обширной программѣ, чѣмъ два вышеупомянутыя изданія. Здѣсь данъ довольно большой выборъ сочиненій Грибоѣдова: „Горе отъ ума“ (въ примѣчаніяхъ приводятся также главнѣйшіе варіанты изъ Музейнаго автографа, что даетъ возможность читателямъ ознакомиться съ творческой исторіей комедіи), „1812 годъ“, „Грузинская ночь“, три стихотворенія, нѣкоторыя письма и замѣтки. Вступительная статья составителя: „Грибоѣдовъ и его время“ сообщаетъ, по новѣйшимъ даннымъ, характеристику личности и воззрѣній поэта (біографической канвы, къ сожалѣнію, не дано), въ приложеніямъ указателѣ отмѣчено главнѣйшее по Грибоѣдову въ спеціальной литературѣ. Кромѣ того, въ изданіи имѣются отзывы *Пушкина* о Грибоѣдовѣ, извлеченія изъ „Записокъ“ *С. П. Жихарева* и изъ переписки М. А. Волковой съ В. И. Ланской—въ цѣляхъ характеристики „Грибоѣдовской Москвы“. Дополненіемъ къ этому изданію можетъ служить 6-ой выпускъ „Словаря литературныхъ типовъ“, составленный группою преподавателей подъ редакціей Н. Д. Носкова (СПБ. 1910). Здѣсь имѣется краткая біографическая канва, затѣмъ даются (въ алфавитномъ порядкѣ именъ) характеристики всѣхъ типовъ и образовъ Грибоѣдова (не только изъ „Горя отъ ума“, но и изъ другихъ его произведеній); дѣйствующія лица характеризуются по возможности точными цитатами изъ самихъ произведеній Далѣе предлагаются историко-литературныя справки объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Грибоѣдова съ обзоромъ критическихъ отзывовъ о нихъ (напр.

сужденій о „Горѣ отъ ума“ критики 20-хъ годовъ, Бѣлинскаго, Апол. Григорьева, Гончарова, Овсянико-Куликовскаго). Наконецъ, въ приложеніи даны еще слѣдующія статьи: источники для изученія Грибоѣдова, сводъ нарицательныхъ именъ и выраженій у Грибоѣдова, прототипы дѣйствующихъ лицъ, пояснительный списокъ лицъ, именъ и предметовъ, связанныхъ съ изученіемъ поэта (напр. справки о Буле, Катенинѣ, Одоевскихъ, Московскомъ университетѣ и т. д.), Грибоѣдовская Москва и поколѣніе 20-хъ годовъ. Оригинальный замыселъ изданія и многія достоинства его выполненія даютъ ему мѣсто въ школьной и общеобразовательной библіотекѣ; но книга не свободна и отъ недостатковъ, главнымъ образомъ торопливости и небрежности въ составленіи: въ книгѣ, напр., повторяются старыя легенды о „вольнослушательствѣ“ Грибоѣдова въ университетѣ, о профессорѣ Спѣшневѣ, котораго никогда не существовало; статья о прототипахъ могла бы быть разработана документальнѣе и проч. Рядъ литературныхъ пособій замыкаетъ „сборникъ историко-литературныхъ статей“ о Грибоѣдовѣ, составленный В. И. Покровскимъ (третье изданіе, М. 1911); здѣсь перепечатаны въ извлеченіяхъ статьи Веселовскаго, Пыпина, Булича, Дубровина, кн. Вяземскаго, Иванова, Гончарова, Незеленова, Васильева, Ор. Миллера, Пиксанова, Кунцкаго и другихъ, разбирающія разнообразные вопросы біографическіе и историко-литературные, что въ итогѣ можетъ дать обильный запасъ познаній о Грибоѣдовѣ. Въ упрекъ составителю можно бы только поставить излишнюю пестроту и дробность отрывковъ (напр. стройный и цѣлостный этюдъ Гончарова раздробленъ на нѣсколько кусковъ), устарѣлость нѣкоторыхъ статей (напр. Стоюнина), произвольность заглавій, даваемыхъ самимъ составителемъ, и отсутствіе точныхъ библіографическихъ указаній объ источникахъ заимствованія статей. Критическія статьи 20—50-хъ г. г. XIX в. въ этотъ сборникъ не вышли, о чемъ тоже слѣдуетъ пожалѣть, такъ какъ единственное такое собраніе, въ изданіи Серчевскаго 1857 г., теперь совершенно недоступно публикѣ и въ свое время было не совсѣмъ удовлетворительно.

Сознательному усвоенію перечисленныхъ выше матеріаловъ могутъ способствовать программы для чтенія и такъ называемые вопросники. См. „Программы домашняго чтенія“, изд. Комиссіей по организаціи домашняго чтенія, годъ четвертый (второе изданіе, М. 1905); „Эпизодическія программы“, изд. той же Комиссіи, серія II (М. 1904; программа *Ю. П. Айхенвальда*); *А. Д. Алферовъ* и *А. Е. Грузинскій*. Сборникъ вопросовъ по курсу исторіи русской литературы (изданіе 8-е, М. 1912); *Ц. Баталіонъ*. Пособіе для литературныхъ чтеній и письменныхъ работъ (изд. 9-ое, М. 1912); *Н. Пиксановъ*. Семинарій по новой русской литературѣ. Три эпохи. Темы, библіографія, вопросники (изд. 2-ое, СПБ. 1913).

Что касается низшей школы и народнаго читателя, то ихъ нужды могутъ удовлетворить слѣдующія изданія: *Викторъ Острогорскій*. Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей (изд. 11-ое, И. Д. Сытина, М. 1908); *В.л. Тадыженскій*. Исторія русской литературы для школъ и народа. (изд „Солнце“. СПБ. 1909); А. С. Грибоѣдовъ. Біографическій очеркъ *К. М. П.*, подъ редакціей Вс. С. Соловьева. Изданіе Постоянной комиссіи народныхъ чтеній (СПБ. 1899); *В. Потто*. Посольство и смерть Грибоѣдова. Изд. В. А. Березовскаго (СПБ. 1905).

5. Грибоѣдовъ въ иностранныхъ литературахъ.

Грибоѣдовъ у славянъ.

А. С. Грибоѣдовъ не можетъ быть признанъ хорошо извѣстнымъ русскимъ писателемъ у славянъ; не говоря уже о гораздо большей у нихъ популярности творчества и личности такихъ корифеевъ русской литературы первой половины XIX в., какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Крыловъ и т. д., приходится отмѣтить, что даже имена и произведенія Булгарина, Греча, Сенковскаго и т. д. пользовались у славянъ долгое время гораздо большею извѣстностью, чѣмъ имя и творчество Грибоѣдова.

Грибоѣдовское „Горе отъ ума“, которое почти одно только изъ его произведеній и извѣстно у славянъ, имѣло наиболѣе значительный успѣхъ и въ переводахъ, и въ оригиналѣ у поляковъ. Впервые отрывки изъ „Горя отъ ума“ (5-ое явл. I-го дѣйствія и 1-ое явл. II-го дѣйств.) переведены въ стихахъ въ петербургскомъ изданіи „Balamut“ 1831, №№ 24—26: *Apol. Korzeniowsky*. Kochanek szyderca. Z komedyi Gribojedowa „Biada z dowcipem“. Особый интересъ къ Грибоѣдову и его комедіи былъ проявленъ поляками въ 1857 году, когда появилось сразу 2 перевода комедіи „Горе отъ ума“, а именно „Biada temu, kto ma rozum, prz. Józef Lewart-Lewiński, Warsz. 1857“ и „Biada temu, kto ma rozum, prz. Hipolit Świeykowski, Warsz. 1857“. Второй изъ вышеупомянутыхъ переводовъ былъ перепзданъ въ 1893 году въ Петербургѣ. Въ промежуткѣ же между первымъ и вторымъ изданіями перевода Свѣйковскаго появился въ 1866 году въ Львовѣ переводъ „Горя отъ ума“ безъ обозначенія имени переводчика въ изданіи „Dziennika literackiego“ подъ заглавіемъ „Bieda z rozumem, komedja w czterech aktach wierszem napisana przez Aleksandra Grybojedowa, przepolszczona wedlug pierwszego zupelnego wydania 1862 r. nakładem wydawnictwa „Dziennika literackiego“, Lwòw, 1866.

Съ собственными именами дѣйствующихъ лицъ комедіи переводчики обращаются довольно свободно; такъ, у Свѣйковскаго герой комедіи получаетъ отчество „Michałowicz“ вм. Андреевичъ, вм. Ѳома Ѳомичъ читаемъ Tomasz Iwanycz (68), вм. Прасковьи Ѳеодоровны—do Praskowji Petrowny (31). „Платонъ Михайловичъ Горичевъ“ именуется „Platon Piotrowicz“. Śweikowski въ перечнѣ дѣйствующихъ лицъ пишетъ „Pawel Afanasiewicz Famusow, Zofia Pawłowna, Aleksand Michałowicz Czacki и т. д., а у переводчика 1866 г. находимъ „Pan Famusow, panna Zofia, p. Aleksander Czacki и др. Неточности и замѣна собственныхъ именъ оригинала произвольно выбранными находимъ и въ польскомъ переводѣ 1866 г., какъ напр. „Ты Филька! ты прямой чурбанъ“ переведено: „Ty *Florku*, gapiu! Ty gawronie stary (99), тогда какъ у Свѣйковскаго это мѣсто читаемъ: „O ty, bałwane! *Filke!*“, или „Прасковья Ѳедоровна“ замѣняется „pani Prakseda“ (26) и др. Переводчикъ 1866 г. вмѣсто „Нижегородскій“ пишетъ „Tmutarakański“ (22), вмѣсто „начальника“ у него фигурируетъ „policjant“ (96), „и очень невпопадъ“ оригинала переводится черезъ „A to wpadłam w łapkę“ (49) и т. п. Еще болѣе неточностей и вольностей, порой трудно объяснимыхъ, находимъ мы въ переводѣ Свѣйковскаго, который особенно много грѣшитъ

всевозможными добавленіями, вставками. Такъ напр. мѣсто подлинника „въ четвергъ я званъ на погребенье“ переводится „we czwartek pogrzeb... *zmarł nasz sąsiad Bartek*“ (31); извѣстное мѣсто въ монологѣ Фамусова „будь плохенькій, да если наберется душъ тысячки двѣ родовыхъ, тотъ и женихъ“ передано съ совершенно произвольнымъ добавленіемъ о двухъ милліонахъ рублей такимъ образомъ:

Kto ma dusz tysiąc, *rubli dwa miljony,*
Choćby tam hultaj—to nasz narzeczony... (43).

Дѣлаются переводчикомъ вставки репликъ, не имѣющихъ мѣста въ оригиналѣ, такъ напр. слова Лизы „Być może...“ (57) въ отвѣтъ на приглашеніе Молчалина придти къ нему (II д., 13 явл.).

Польскіе переводчики „Горя отъ ума“ не находятъ нужнымъ давать поясненій текста въ примѣчаніяхъ; такъ, у переводчика 1866 г. мы находимъ лишь единственное поясненіе словъ оригинала „most Kuźniecki“ (I д. 3 сц.), а именно „jedna z główniejszych ulic w Moskwie“; у Свѣйковскаго же мы не находимъ ни одного пояснительнаго примѣчанія.

Кромѣ переводовъ мы затрудняемся однако отмѣтить что-либо самостоятельное и оригинальное въ области біографической польской литературы о Грибоѣдовѣ, въ области монографій о немъ и т. д. Укажемъ развѣ—статью *Leona Janiszewskiego* о посѣщеніи могилы Грибоѣдова, въ „Bibliotheka Warszawska“ 1843, lipiec; *Mariann Zdziechowski.* Byron i jego wiek. Studya porównawczo-literackie. Lwow, t. II, 1897 (здѣсь, въ главѣ о Пушкинѣ, проводится параллель между Пушкинымъ и Грибоѣдовымъ въ отношеніи къ байронизму). О польскихъ переводахъ см. еще: *В. Лугаковскій.* Къ библіографіи Грибоѣдова. „Новое Время“ 1904, № 10032, иллюстриров. приложеніе; *В. Ф.* Курьезный польскій переводъ „Горе отъ ума“. Jbidem, № 10052 иллюст. приложеніе.

Изъ западно-славянскихъ языковъ намъ совсѣмъ неизвѣстны переводы Грибоѣдовскихъ произведеній на сербо-лужицкомъ языкѣ.

У словаковъ намъ извѣстенъ 1 переводъ „Горя отъ ума“, а именно: Rozum sposobil nehody, posl. Jan L-a въ Sokol 1876, 46—52, 84—90, 106—115, 135—41. Иначе обстоитъ дѣло у чеховъ. На чешскомъ языкѣ можно указать сдѣланный съ основательнымъ знаніемъ русскаго языка и съ большою тщательностью переводъ „Горя отъ ума“ *Болеслава Каленскаго (Вл. Шнабль),* а именно „Hoře z rozumu, veršovaná komedie v čtyrech dějstvích, napsal Al. S. Gribojédov, formou originálu přeložil Boleslav Kalénsky, v Praze, 1895, а также новѣйшій чешскій переводъ „Горя отъ ума“: A. S. Gřibojedov. Hoře z rozumu, komedie v čtyrzech dějstvich, z ruštiny přeložil F. Vever, Praha, 1913, въ „Světova knihovna“, 1081—82. Изящно изданная Кирилло-Меѳодіевской типографіей книжка Каменскаго снабжена портретомъ Грибоѣдова, обстоятельною вступительной статьей и является чешскою данью къ 100-лѣтнему юбилею рожденія писателя. Какъ вполнѣ правильно отмѣчаетъ переводчикъ во вступительной статьѣ, извѣстность Грибоѣдова въ Чехіи очень не велика; помимо болѣе или менѣе обстоятельныхъ и обширныхъ замѣтокъ объ этомъ русскомъ писателѣ того же Вл. Шнабля (Б. Каленскаго), помѣщенныхъ въ видѣ фельетоновъ въ январскихъ номерахъ крупной чеш-

ской газеты „Národni Listy“ за 1899 г., имѣются краткія замѣтки о Грибоѣдовѣ въ газетѣ „Čas“ за февраль (9 února) того же года и статья извѣстнаго чешскаго профессора и знатока русскаго языка и литературы проф. Ю. Поливки въ журналѣ „Naše doba“, II, 707; ср. Ottův Slovnik Naučny (s. v., 1896), X, 479—80.

Переводъ Б. Каленскаго отличается полнотой, близостью къ подлиннику, при чемъ наблюдается нерѣдко наличность руссизмовъ тамъ, гдѣ можно было бы подобрать и чешскіе выраженія или обороты, такъ напр. stavni (6), skřipneš, zašeptíneš (9), uhořely (12), něžnostem (14), protivno (36) и др. Въ передачѣ собственныхъ именъ чешскій переводчикъ придерживается русскаго способа наименованій, т. е. по именамъ и отчествамъ, напр. Pável Afanasjevič Famusov, Sófja Pàvlovna, Aleksándr Andréjevič Čackij и т. д., при чемъ не наблюдается той путаницы въ этихъ именахъ, отчествахъ и фамиліяхъ, какая отмѣчалась нами въ польскихъ переводахъ. Въ пояснительныхъ примѣчаніяхъ, которыхъ въ переводѣ довольно много, г. Каленскій даетъ толкованіе и отдѣльныхъ словъ, и мыслей, и способа произношенія, а порой даетъ и комментаріи. При всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ разсматриваемаго перевода не свободенъ онъ однако и отъ недочетовъ.

Порой наблюдаются совершенно излишнія вставки, какъ напр. „Ihu?“ (24). „kdo věří, blažen žije na světě, *jak dèti*“ (24), dvě kněžny sestry rozhodne kdys řekly *ke mně* (114) и т. д. Что касается перевода Вевера, то подробную нашу замѣтку о немъ см. „Слав. Извѣст.“ 1913, № 40, стр. 570—71. Извѣстна еще попытка перевода комедіи въ журналѣ „Naše doba“ чешскаго переводчика Лермонтова проф. Ф. Таборскаго, но переводчикъ не довелъ своего дѣла до конца въ виду появленія перевода Каленскаго.

Въ журналѣ Světozor, 1834 [1]) мы находимъ извѣстіе, что „Hřibojedow wyslanec rusky w perském městě Teheraně zamordowan“, передаются подробности и причины этого убійства, разсказывается о миссіи персидскаго принца Хозрева Мирзы и отмѣчается, что Грибоѣдовъ былъ русскимъ любимымъ поэтомъ и что его „Горе отъ ума“ принадлежитъ къ самымъ удачнымъ русскимъ комедіямъ. [2]) Краткую замѣтку о Грибоѣдовѣ и его насильственной смерти помѣщаетъ въ концѣ 30 годовъ чешскій журналъ „Česka Wčela [3])“; не разъ находимъ мы бѣглыя упоминанія о нашемъ поэтѣ и его произведеніи и въ позднѣйшей чешской журналистикѣ, какъ напр. въ журналахъ Lumír [4]), Světozor [5]) и др., пока наконецъ вышеупомянутые Б. Каленскій и Ф. Веверъ не обогащаютъ чешскую переводную литературу своими удачными переводами „Горя отъ ума“, а проф. Поливка и тотъ же Каленскій не дарятъ чешскую монографическую литературу своими дѣльными статьями о Грибоѣдовѣ, при чемъ помимо характеристики личности и творчества поэта дѣлается попытка опредѣленія значенія Грибоѣдовской комедіи и мѣста, занимаемаго поэтомъ въ

[1]) Světozor, 1834, XXIV, 190—191.

[2]) Pan Hřibojedow... byl oblibeny basnik, a jeho „Hore ot uma“ patří mezi nejwytečnejši komické diwadelnj kusy ruské“.

[3]) Č. Wčela 1839, 418—9.

[4]) Lumir, 1861, II, 166.

[5]) Světozor, 1871, 428.

общемъ ходѣ русской литературы [1]). Замѣтки о Грибоѣдовѣ общаго характера имѣются въ извѣстныхъ чешскихъ энциклопедіяхъ „Slownik naučny, red. Rieger 1861, III, 491—2“ и „Ottův Slovnik naučny“ 1896, X, 479—80.

Изъ южныхъ славянъ наибольшій интересъ къ русской литературѣ и наибольшую освѣдомленность въ ней проявляютъ болгары. Мы можемъ указать на наличность у болгаръ двухъ переводовъ изъ Грибоѣдова, а именно „Грибоѣдовъ А. С. Отъ главата си тегли (Горѣ отъ ума). Ком. въ 4 дѣйствія, прѣв. Г. Бакаловъ, Варна, 1898“, а также „Студентъ, ком. въ 3 дѣйств. отъ А. Грибоѣдовъ и П. Катенинъ, прѣв. П. Калчевъ. Стара-Загора 1895“. Отмѣтимъ, что при своемъ знакомствѣ съ русскимъ языкомъ и при значительномъ распространеніи въ Болгаріи русской книги, болгары не такъ нуждаются въ переводахъ, въ данномъ случаѣ Грибоѣдовскихъ, какъ большинство другихъ славянъ.

У сербо-хорватовъ намъ знакомы переводы Грибоѣдовской комедіи: Петровича 1890 и новѣйшій, а именно „Грибоједов, Ко много зна, тај много и пати, пр. Поп-Манић. Ниш, 1904“. Краткую замѣтку о Грибоѣдовѣ, какъ первомъ русскомъ комическомъ писателѣ и создателѣ типичныхъ героевъ — Чацкаго и Молчалина—находимъ у проф. Т. Маретича въ его извѣстной „Čitanka iz slavenske i madžarske književnosti, Zagr. 1896. Замѣтка о Грибоѣдовѣ принадлежитъ перу А. Радича въ его статьѣ „Prijegled ruske književnosti“, при чемъ названіе комедіи „Горе отъ ума“ передается „Teško pametnom čovjeku“ [2]). Въ цѣнномъ сербскомъ сборникѣ „Р. Конутић. Примери књижевнога језика руског Београ. 1910“, а также и въ „Јов. Максимовић. Песнички зборник, Мост. 1900“ Грибоѣдову и его комедіи совсѣмъ не удѣлено мѣста. Изъ сербо-хорватскихъ статей біографическаго характера о Грибоѣдовѣ отмѣтимъ какъ болѣе или менѣе обстоятельную „Iv. Gojtan. O A. S. Griboedovu“ въ журналѣ „Nada“ [3]). У словинцевъ извѣстные переводчики съ русскаго языка и составители „Ruska antologija“ А. Ашкерцъ и Ив. Веселъ не удѣлили вниманія Грибоѣдову и его комедіи, и мы можемъ отмѣтить у словинцевъ среди мелкихъ журнальныхъ замѣтокъ о творцѣ „Горя отъ ума“ лишь болѣе или менѣе обстоятельную статейку д-ра Ленарда въ журналѣ „Dom i svet“ [4]).

Въ общемъ же, какъ видимъ, знакомство славянъ съ Грибоѣдовымъ и его комедіей заставляетъ желать очень многаго.

П. Заболотскій.

Грибоѣдовъ въ нѣмецкой литературѣ.

Изъ западно-европейскихъ литературъ первой усвоила „Горе отъ ума“ въ переводѣ нѣмецкая литература. Замѣчательно, что нѣмецкій переводъ

[1]) Hoře z rozumu, jeho vznik, původce, umělecká cena a význam v básnictvi ruském, úvodni nástinek B. Kalenského, Pr. 1895, XVII—LXVII.

[2]) Čitanka, Zagr. 1896, 360.

[3]) Nada, 1896, II. III. IV. V. VI. VII. VIII.

[4]) Dom i sv. 1906 VI, 240—3.

появился раньше перваго русскаго отдѣльнаго изданія комедіи, тормозившагося цензурою до 1833 г. Переводъ былъ напечатанъ въ Ревелѣ, въ 1831 г., въ серіи издававшейся Кнорринтомъ „Русской Библіотеки" и носилъ такое заглавіе: „Горе отъ ума oder Leiden durch Bildung. Lustspiel in vier Aufzugen, aus dem Russischen des Gribojedow. Russische Bibliothek für Deutsche. Von Karl von Knorring. Drittes Heft. Reval. 1831 (цензурное разрѣшеніе Ф. Эрдмана—Дерптъ, 18 сентября 1831). Переводъ былъ сдѣланъ съ полнаго, но повидимому не совсѣмъ исправнаго списка. Напр., въ рукописи, очевидно, было написано, въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ, о Фамусовѣ: „управляющій казеннымъ лѣсомъ" вм. „мѣстомъ", что и дало переводчику основаніе именовать Фамусова: Oberforstmeister. Зато многія мѣста, подвергавшіяся въ первыхъ русскихъ изданіяхъ цензурнымъ изъятіямъ или передѣлкамъ, переданы въ переводѣ полностью. Переводъ сдѣланъ въ стихахъ и, въ общемъ, очень удачно. Отрывокъ изъ него появился въ журналѣ „Радуга", издававшемся Бюргеромъ, учителемъ россійской словесности въ Ревелѣ (1832, кн. 1 стр. 12—14; извѣстіе о переводѣ см. въ „Московскомъ Телеграфѣ" за 1831 г., ч. XLII, № 23, стр. 323—324). Второй нѣмецкій переводъ вышелъ гораздо позже и за-границей: „Verstand schafft Leiden. (Горе отъ ума). Schauspiel in vier Acten und in Versen nach dem Russischen des Gribojedoff metrisch übertragen von Dr. Bertram. Den Bühnen gegenüber als Manuscript zu betrachten". Leipzig, in Commission bei F. A. Brockhaus. 1853. Dr. Bertram—псевдонимъ G. J. Schultz (см. Conversations—Lexicon Брокгауза, изд. 1902, VII, стр. 255). Этотъ стихотворный переводъ былъ, очевидно, разсчитанъ на нужды нѣмецкой сцены, такъ какъ снабженъ указаніями на сценическую обстановку; кромѣ того, переводчикъ счелъ позволительнымъ отъ себя вставить въ текстѣ нѣсколько ремарокъ, описывающихъ поведеніе дѣйствующихъ лицъ. Изданіе вызвало рецензію въ „Deutsches Museum" 1854, № 24, S. 872—874; ср. „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1864, № 141. Позднѣе „Горе отъ ума" переводилъ А. Вальдъ: „Leiden eines Gebildeten. Komödie von A. Gribojedoff. Uebersetzt von A. Wald". Leipzig, 1871. Ср. изданіе того же переводчика: 1) „Anthologie russischer Dichter", Odessa, 1860; 2) Russlands bedeutendste Dichter von Lomonossow bis auf Gegenwart metrisch ins Deutsche übersetzt von A. Wald". Riga, 1880 (здѣсь—переводъ 3 и 5 явл. II дѣйствія и 3 явл. III дѣйствія). Послѣднимъ по времени былъ переводъ д-ра О. А. Эліссенъ: „Weh dem Klugen!" Einbeck, 1899. (Ср. „Новый Міръ" 1904, № 144, стр. 48).

Изъ раннихъ упоминаній о Грибоѣдовѣ въ нѣмецкой критической литературѣ слѣдуетъ отмѣтить—*H. König:* Literarische Bilder aus Russland", Stuttgart und Tübingen, 1837 (русскій переводъ: Кёнигъ. Очерки русской литературы. СПБ. 1862). Пренебрежительный отзывъ Кёнига о культурномъ уровнѣ супруги Грибоѣдова, Нины Александровны, урожд. Чавчавадзе, вызвалъ рѣзкій отпоръ со стороны Н. И. Греча, въ его извѣстной полемикѣ съ Кёнигомъ. Изъ позднѣйшихъ статей и упоминаній укажемъ: 1) „Deutsche Monatsschrift" von Kolatschek (Bremen), 1851, Februar; 2) „Blätter für litterarische Unterhaltung" 1852, №№ 248—251 (статья *Іордана*); 3) „Russische Revue" 1877, 11 Heft (ст. *Hasselblatt;* ср. „Древняя и Новая Россія" 1880, іюль, стбц. 571—573). Грибоѣдовъ неизмѣнно упоминается въ общихъ обзорахъ

всемірной литературы и спеціально—русской. Назовемъ здѣсь: 1) *A. Reinholdt.* Geschichte der russischen Litteratur. Leipzig, 1886, S. 524—530; 2) Dr. *Georg Polonsky.* Geschichte der russischen Litteratur. Leipzig, 1902 (Sammlung Göschen); 3) *A. Brückner,* Proffesor zu Berlin. Geschichte der russischen Litteratur—Leipzig, 1905, S. 149—156; 4) *Alexis Wesselowsky.* Die russische Litteratur—въ серіи „Die Kultur der Gegenwart" (1908). Послѣднимъ звеномъ въ этой длинной цѣпи является „Geschichte der Weltliteratur" von Dr. *Carl Busse,* Bielefeld und Leipzig, 1913, B. II, S. 583—584. О Грибоѣдовѣ говоритъ также извѣстный нѣмецкій критикъ и знатокъ русской литературы, *E. Zabel* въ своихъ статьяхъ о развитіи русской сатиры, въ журналѣ „Nord und Süd" (1910—1911). Но отдѣльнаго изслѣдованія объ авторѣ „Горя отъ ума" на нѣмецкомъ языкѣ нѣтъ.

Грибоѣдовъ во французской литературѣ.

На французскомъ языкѣ имѣется три полныхъ перевода „Горя отъ ума". Первый по времени принадлежитъ небезызвѣстному путешественнику по Россіи, А. Легрелю: „Chefs d'oeuvre du théâtre russe. Le malheur d'avoir de l'esprit (Goré ote ouma), comédie en 4 actes et en vers par A. S. Gribojedove, traduite pour la première fois en français et précedée d'une notice par A. Legrelle. Gand. 1884. Въ бытность свою въ Россіи, Легрель изучалъ грибоѣдовскую литературу въ Петербургѣ, пользуясь указаніями И. А. Бычкова, В. В. Стасова и А. С. Зарудняго, что́ благопріятно отразилось и на переводѣ, и на вступительномъ очеркѣ, предпосланномъ переводу и содержащемъ характеристику жизни и литературной дѣятельности Грибоѣдова. Вступительный очеркъ былъ потомъ перепечатанъ въ журналѣ „La Revue Nouvelle d'Alsace-Lorraine". (Colmar) 1885, № 10 (1 Mars) et suiv. Работа Легреля была замѣтнымъ и почтеннымъ явленіемъ и потому вызвала рядъ отзывовъ, какъ во французской, такъ и русской журналистикѣ. Въ „Moniteur Universell" 1885 (первое полугодіе) была помѣщена статья *Эдуарда Тьерри,* вызвавшая замѣтку въ „Новомъ Времени" 1885, № 3341, (ст. „Иностранецъ о комедіи Грибоѣдова") и въ книжкѣ *П. Черняева:* „Успѣхи русской литературы въ Западной Европѣ за послѣднее время". Казань, 1885, стр. 25—28. Переводъ Легреля былъ также рецензированъ въ „Новомъ Времени" 1885, № 3187, „Гражданинѣ" 1885, № 22, „Русской Мысли" 1885, № 3, въ „Journal de St.-Pétersbourg" 1885, № 347 (9 janvier). Менѣе удаченъ оказался второй полный переводъ: „Les deux chefs-d'oeuvre du théâtre russe. „Revisor", par Nicolas Gogol; „Trop d'esprit nuit" par A. S. Gribojedoff. Traduction française de E. Gothi" Paris, Paul Ollendorff, éditeur. Оцѣнку его см. въ названной ниже книгѣ г-жи Крамаревой (стр. 205—208). Выше по своему достоинству третій переводъ: „L'esprit nuit. Comédie en quatre acts en vers libres d'Alexanrde Serguiévitch Griboïédov, traduite par *Ernest Combes*". Paris, Fischbacher, 1905. Кромѣ полныхъ переводовъ, „Горя отъ ума" передавалось на французскомъ языкѣ въ отрывкахъ; напр., въ журналѣ „Dimanche" 1858, № 8 переведены г. Сенъ-Моромъ III и IV дѣйствія; ср. *Dupré de Saint Maure.* Anthologie russe. Paris, 1893 (стр. 335—348); „Les poètes russes, traduits en vers français par le prince *Élim Mestscherski,* Paris, 1846.

О Грибоѣдовѣ и его дѣятельности французскіе читатели могли освѣдомляться изъ вышеназванной статьи А. Легреля. Но гораздо раньше во французской печати были оглашены подробности трагической смерти Грибоѣдова. Въ журналѣ „Nouvelles Annales de Voyages“ за 1830 г., т. XLVIII (т. 18-ый 2-ой серіи), стр. 337—367, была помѣщена статья: „Relation des évenements qui ont précédé et accompagné le massacre de la dernière ambassade russe en Perse“. Статья эта, съ сокращеніями, была переведена въ изданіи Евгр. Серчевскаго 1858 г. (стр. LXV—LXXXII). Правильную общую характеристику Грибоѣдова встрѣчаемъ въ многотомномъ сочиненіи: „Histoire universelle du Théâtre“ par *Alphonce Royer*, t. 6, Paris, 1878 (стр. 348—351). Затѣмъ упоминанія и оцѣнки Грибоѣдова встрѣчаются во многихъ общихъ обзорахъ литературы всеобщей и русской. Особо необходимо упомянуть слѣдующее изданіе: *Olga Kramareva*. A. S. Griboïédov. Sa vie—ses oeuvres. Thèse pour le doctorat présentée à la Faculté des Lettres de l'Université de Paris. Paris. 1907. Здѣсь дана обширная характеристика личности, жизни и творчества Грибоѣдова. Ср. отзывъ *Sc.* въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1909, № 10, стр. 303—306. Грибоѣдову посвящена также отдѣльная, написанная съ полнымъ знаніемъ дѣла, глава въ книгѣ знатока Островскаго, г. *J. Patouillet:* Le Théatre des moeurs russes. Paris. 1912.

Грибоѣдовъ въ англійской литературѣ.

Впервые „Горе отъ ума“ переведено, прозой въ 1857 году, обильномъ изданіями комедіи; переводъ принадлежитъ русскому литератору Н. Бенардаки: „Gore ot ouma a comedy from the russian of Gribojedoff translated by *Nicolas Benardaky*. Printed by R. and R. Clark. Edinburgh. 1857. Переводъ былъ снабженъ краткой характеристикой дѣйствующихъ лицъ. Онъ вызвалъ критическую статью въ изданіи: „Macphails Edinburgh Ecclesiastical Journal and literary review“ 1857, сентябрь; изложеніе этой статьи см. въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1857, № 228: „Образчикъ шотландскаго воззрѣнія на русскую литературу“ (выдержки см. также у *П. Смирновскаго*. Исторія русской литературы XIX в., вып. VIII, стр. 121—122). Въ самое послѣднее время, въ 1913 г., въ Лондонѣ вышелъ новый, тоже прозаическій переводъ „Горя отъ ума“, сдѣланный *S. W. Pring*: „The Misfortune of being clever“. Comedy in four Acts, by A. S. Griboyedof. О немъ см. *Діонео:* „Грибоѣдовъ на англійскомъ языкѣ“. „Русскія Вѣдомости“ 1913, № 109.

Здѣсь не отмѣчены многіе общіе обзоры всеобщей и русской литературы, энциклопедическіе словари и другія подобныя изданія на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, гдѣ встрѣчаются упоминанія о Грибоѣдовѣ; перечни ихъ имѣются въ соотвѣтствующей статьѣ пятаго тома академическаго изданія сочиненій Лермонтова, подъ ред. Д. И. Абрамовича.

На шведскомъ языкѣ имѣется статья извѣстнаго писателя *Альфреда Іенсена:* „Горе отъ ума и его авторъ“ въ журналѣ „Nordisk Tidskrift“ за 1894 г.

Латышскій переводъ (1886) указанъ Юріемъ Ге въ „Новомъ Времени“ 1897, 16-го ноября; ср. *М. Аронсъ:* „Указатель латышской переводной беллетристики“. Рига, 1902, стр. 55.

Грибоѣдовъ въ восточныхъ литературахъ.

Живая память о Грибоѣдовѣ, какъ русскомъ государственномъ дѣятелѣ на Востокѣ, и тѣсныя культурныя связи съ Россіей вызвали къ жизни многочисленные переводы „Горя отъ ума“ на кавказскихъ и закавказскихъ нарѣчіяхъ.

Въ 1853 г. грузинскій переводъ комедіи издалъ въ Тифлисѣ кандидатъ московскаго университета *Григорій Цинамзгваровъ*, см. о немъ „Вѣдомости Московской Городской Полиціи“ 1853, № 218; ср. Акты Кавказской Археографич. Комиссіи, т. XI, стр. 919. Позднѣе отрывки изъ „Горя отъ ума“ были переданы на грузинскомъ языкѣ въ Сочиненіяхъ кн. *Г. Д. Эристова* (Тифлисъ, 1884, стр. 459—476), который писалъ о Грибоѣдовѣ и по русски. Еще позднѣе, въ началѣ нашего вѣка, надъ переводомъ комедіи трудилась грузинская писательница *Д. Гандегели* (псевдонимъ), печатавшая его въ грузинскихъ журналахъ „Квали“ 1900, № 43, и „Моамбэ“ 1902—1903; объ этомъ переводѣ см. статьи проф. *А. С. Хаханова* въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1900, № 308, и „Научномъ Словѣ“ 1903, № 8, стр. 150—151.

На турецкомъ языкѣ „Горе отъ ума“ издано отдѣльной книжкой въ Константинополѣ въ 1885 году, въ переводѣ Мурадъ-Бея, редактора константинопольской газеты „Терджуманъ Хакикатъ“. Подробную характеристику этого перевода см. въ статьѣ *М. А. Гамазова:* „Горе отъ ума“ въ турецкомъ переводѣ“. „Вѣстникъ Европы“ 1886, № 1, стр. 430—450. Ср. „Новое Время“ 1888, № 4262.

На армянскій языкъ комедія была переведена г. Теръ-Асатуровымъ въ 1886 г.; см. ст. *С.*: „Русскіе поэты въ армянскомъ переводѣ“. „Новое Время“ 1886, № 3555. О другомъ, позднѣйшемъ армянскомъ переводѣ упоминаютъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1900, № 125. Въ юбилейный 1895 г., въ армянскомъ сборникѣ „Тадронъ“ (Театръ), вышедшемъ въ Тифлисѣ, была помѣщена, на стр. 78—90, статья *М. Берберьяна* о Грибоѣдовѣ (съ портретами его и Нины Александровны).

О персидскомъ переводѣ находимъ свѣдѣнія въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1900, № 125. Тамъ же указывается татарскій (по адзербейджанскому нарѣчію) переводъ.

6. Иллюстраціи къ «Горю отъ ума».

Первыя иллюстраціи къ комедіи встрѣчаемъ въ извѣстномъ изданіи Евграфа Серчевскаго: „А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія“. СПБ. 1858. Здѣсь, на вкладныхъ листахъ, даны два рисунка *П. Бореля*, литографированные у А. Мюнстера и изображающіе: 1) балъ у Фамусова (д. III, явл. 9) и 2) бесѣду Репетилова и Загорѣцкаго (д. IV, явл. 6). Въ 1862 г. вышло роскошное изданіе Николая Тиблена (СПБ., 1862, in folio), въ которомъ воспроизведены 25 рисунковъ *М. С. Башилова*, рѣзанныхъ на деревѣ Августомъ Гобермъ въ Дрезденѣ. Талантливый художникъ щедро иллюстри-

محمد مراد

(روسجه‌دن ترجمه)

عقلدن بلا

قومدیه ٤ پرده

مؤلفی

روسیه ادبای مشهوره‌سندن

غریبویه‌دوف

ناشری قصبار

معارف نظارت جلیله‌سنك رخصتیله

استانبول

باب عالی جوارنده ابوالسعود جاده‌سنده (محمود) یکك ۷۲ نومرولی

مطبعه‌سنده طبع اولنمشدر

۱۳۰۰

Титульная страница турецкаго перевода „Горя отъ ума“ (Константинополь, 1885). Изъ собранія Н. К. Пиксанова.

ровалъ здѣсь многіе моменты въ развитіи пьесы; заслугу Башилова составляетъ близость къ исторической правдѣ въ костюмахъ и обстановкѣ; созданный имъ типъ Фамусова воспроизводился охотно сценическими исполнителями этой роли. Несравненно ниже по художественному достоинству рисунки *Іогансона,* рѣзанные на деревѣ Михайловымъ и помѣщенные въ „полномъ иллюстрированномъ второмъ изданіи“ книгопродавца К. И. Шамова (М. 1864). Двумя годами позже Шамова, товарищество „Общественная Польза“ выпустило новое роскошное изданіе комедіи (СПБ., 1866, in folio), съ 32 рисунками академика *П. А. Соколова,* но и эти рисунки уступаютъ башиловскимъ, тѣмъ болѣе, что переданы въ грубоватой гравюрѣ; нѣкоторые изъ нихъ гораздо нѣжнѣе воспроизведены съ подлинниковъ автотипіей въ „Журналѣ Театра Литературно-Художественнаго Общества“, сезонъ 1908—1909, № 7. Въ 1887 г. журналъ „Будильникъ“ выпустилъ, въ видѣ преміи, „Горе отъ ума“ (М., in folio) съ 8-ю фототипіями, изъ которыхъ одна представляетъ копію съ фотографіи, изображающей Самарина, Щепкина и Ольгина въ 5-мъ явленіи II-го дѣйствія, на Московскомъ Маломъ театрѣ; семь остальныхъ сняты съ натуры художникомъ-фотографомъ М. М. Пановымъ съ артистовъ и новой постановки Московскаго Драматическаго Театра Ѳ. А. Корша. Новыя иллюстраціи къ „Горю отъ ума“ предложены были художникомъ *К. Изенбергомъ* въ изданіи Н. Аскарханова (СПБ. 1897); здѣсь помѣщено десять рисунковъ, на вкладныхъ листахъ, воспроизведенныхъ фототипіей И. И. Бабкина. То же изданіе было выпущено Аскархановымъ въ уменьшенномъ и удешевленномъ видѣ („Иллюстрированная библіотека Н. Аскарханова“, № 3. СПБ. 1897).

Не перечисляя здѣсь отдѣльныхъ рисунковъ къ „Горю отъ ума“, время отъ времени помѣщавшихся въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, главнымъ образомъ—въ юбилейные дни, укажемъ только выдающіеся. Въ приложеніи къ февральскому номеру „Художественнаго Журнала“ за 1885 г. данъ рисунокъ въ краскахъ *В. В. Самойлова,* изображающій артиста въ роли князя Тугоуховскаго. Въ иллюстрированномъ приложеніи къ „Новому Времени“ 1893, № 6139, данъ снимокъ въ картины *К. А. Трутовскаго,* изображающей 9-ое явленіе II-го дѣйствія. Въ журналѣ „Звѣзда“ 1895, № 1, воспроизведено шесть иллюстрацій къ комедіи *Е. Самокишъ-Судковской.* Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1900, мартъ, май и іюнь, даны рисунки *В. П. Россинскаго,* прекрасно воспроизведенные въ краскахъ за-границей, на вкладныхъ листахъ. Рисунки изображаютъ нѣсколько дѣйствующихъ лицъ комедіи, какъ они одѣты и загримированы въ Художественномъ театрѣ.

Послѣднимъ моментомъ въ исторіи иллюстрированія „Горя отъ ума“ является роскошное изданіе фирмы Голике и Вильборгъ (СПБ., 1913), гдѣ воспроизведены (нѣкоторые въ краскахъ) обильные рисунки академика *Д. Н. Кардовскаго;* текстъ комедіи сопровождается статьей *Н. К. Пиксанова:* „Живописная исторія Горя отъ ума“ и примѣчаніями.

XIII. Оцѣнка „Горя отъ ума“ въ литературной критикѣ.

1. 1825-ый годъ. Н. А. Полевой, Н. И. Гречъ, А. А. Бестужевъ, М. А. Дмитріевъ, О. М. Сомовъ, А. И. Писаревъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій.

Развитіе литературной оцѣнки „Горя отъ ума“ въ значительной мѣрѣ связано съ важными моментами во внѣшней исторіи комедіи: тѣми или другими печатными изданіями ея, сценическими постановками, наконецъ—юбилеями. Первымъ такимъ моментомъ было появленіе отрывковъ пьесы въ альманахѣ Булгарина „Русская Талія“ на 1825 годъ. Вниманіе читателей было уже возбуждено, такъ какъ рукописные списки „Горя отъ ума“ въ большомъ количествѣ ходили по рукамъ въ Москвѣ и Петербургѣ еще въ 1824 году. Появленіе печатныхъ отрывковъ было сигналомъ къ горячимъ журнальнымъ спорамъ, при чемъ критики говорили о всей пьесѣ, хотя формально должны были считаться только съ фрагментами „Русской Таліи“. Первымъ высказался *Н. А. Полевой* въ „Московскомъ Телеграфѣ“ (1825, ч. I, № 2, 20-го января, стр. 167—168), въ рецензіи на „Талію“: „Первою статьею должно почесть отрывокъ изъ комедіи: *Горе отъ ума*, соч. А. С. Грибоѣдова. Еще ни въ одной Русской комедіи не находили мы такихъ острыхъ, новыхъ мыслей и такихъ живыхъ картинъ общества, какія находимъ въ комедіи *Горе отъ ума*. Загорѣцкій, Наталья Дмитревна, Князь Тугоуховъ, Хлестова, Скалозубъ списаны мастерскою кистью. Смѣемъ надѣяться, что читавшіе и читавшія отрывокъ позволятъ намъ отъ лица всѣхъ просить г. Грибоѣдова издать всю комедію: до того не можемъ сказать ни слова о завязкѣ, развязкѣ и родѣ комедіи“. Къ этимъ похваламъ прибавлено придирчивое критическое замѣчаніе, которое, кажется, вставлено противъ воли автора кн. П. А. Вяземскимъ (см. Записки *К. А. Полевого;* ср. изданіе „Горя отъ ума“ СПБ. 1886, предисловіе *А. С. Суворина*, стр. II, примѣч.): „Безпристрастно судя, надобно бы пожелать больше гармоніи и чистоты въ стихахъ г. Грибоѣдова. Выраженія: глазомъ мигомъ не прищуря—кто жъ радуется эдакъ—черномазенкій—домъ зеленью раскрашенъ—нѣту дѣла—слыли за дураковъ—опротивитъ—къ прикмахеру и т. п. дерутъ уши“. Какъ увидимъ ниже, и похвалы, и придирки вызвали энергичный отпоръ съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Но раньше этого успѣли высказаться еще два критика—въ похвалу комедіи. Въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1825, № 15, 3-го февраля), въ „Петербургскихъ запискахъ“

Д. Р. К. (т. е. *Н. П. Греча*), въ „письмѣ въ Москву къ Петру Александровичу Мух—ву“ (т. е. Муханову, извѣстному собирателю историческихъ матеріаловъ), въ обзорѣ литературныхъ новостей, говорилось: „Изъ рукописныхъ произведеній всѣ истинные знатоки и любители отечественнаго слова восхищаются комедіею А. С. Грибоѣдова: *Горе отъ ума*. Ее читаютъ даже въ позлащенныхъ гостиныхъ. Изъ напечатаннаго отрывка въ *Русской Таліи* никакъ нельзя судить о прелести цѣлаго. Прекрасные стихи, вѣрное изображеніе характеровъ и странностей общества, высокія чувствованія любви къ отечеству, занимательность комическихъ положеній, все соединяется въ этой пьесѣ. Безо всякаго сомнѣнія послѣ *Недоросля* у насъ не было ничего подобнаго“. Другой, еще болѣе горячій отзывъ далъ *А. А. Бестужевъ* въ альманахѣ „Полярная Звѣзда“ на 1825 г., вышедшемъ съ запозданіемъ—къ Святой недѣлѣ, во „Взглядѣ на Русскую Словесность въ теченіе 1824 и началѣ 1825 годовъ“. Посѣтовавъ на то, что русскій театръ обѣдиѣлъ оригинальными пьесами, и побранивъ нѣсколько драматическихъ новинокъ, Бестужевъ продолжаетъ: „Но все это выкупила рукописная Комедія г. Грибоѣдова: *Горя отъ ума*, феноменъ, какого не видали мы отъ временъ *Недоросля*. Толпа характеровъ, обрисованныхъ смѣло и рѣзко; живая картина Московскихъ нравовъ, душа въ чувствованіяхъ, умъ и остроуміе въ рѣчахъ, невиданная доселѣ бѣглость и природа разговорнаго Русскаго языка въ стихахъ. Все это завлекаетъ, поражаетъ, приковываетъ вниманіе. Человѣкъ съ сердцемъ не прочтетъ ее не смѣявшись, не тронувшись до слезъ. Люди, привычные даже забавляться по Французской систематикѣ, или оскорбленные зеркальностію сценъ, говорятъ, что въ ней нѣтъ завязки, что авторъ не по правиламъ правится:—но пусть они говорятъ, что имъ угодно: предразсудки разсѣются и будущее оцѣнитъ достойно сію Комедію, и поставитъ ее въ число первыхъ твореній народныхъ“.

Одновременно съ этимъ восторженнымъ отзывомъ, въ которомъ ярко сказалось тогдашнее общественное возбужденіе, писался отзывъ діаметрально противоположный. Въ мартовской книжкѣ московскаго „Вѣстника Европы“ (1825, ч. CXL, № 6, стр. 111—115) появилась статья московскаго старожила-литератора *Мих. А. Дмитріева:* „Замѣчанія на сужденія *Телеграфа*“—съ рѣзкой полемикой противъ похвалъ Полевого. „По отрывку *нельзя судить о цѣлой комедіи;* но о характерѣ главнаго дѣйствующаго лица—можно! Г. Грибоѣдовъ хотѣлъ представить умнаго и образованнаго человѣка, который не нравится обществу людей необразованныхъ. Если бы комикъ исполнилъ сію мысль, то характеръ Чацкаго былъ бы занимателенъ, окружающія его лица—смѣшны, а вся картина забавна и поучительна!—Но мы видимъ въ Чацкомъ человѣка, который злословитъ и говоритъ все, что ни придетъ въ голову: естественно, что такой человѣкъ наскучитъ во всякомъ обществѣ, и чѣмъ общество образованнѣе, тѣмъ онъ наскучитъ скорѣе! Напримѣръ, встрѣтившись съ дѣвицей, въ которую влюбленъ и съ которой нѣсколько лѣтъ не видался, онъ ненаходитъ другаго разговора, кромѣ ругательствъ и насмѣшекъ надъ ея батюшкой, дядюшкой, тетушкой и знакомыми; потомъ на вопросъ молодой Графини: за чѣмъ онъ не женился въ чужихъ краяхъ? отвѣчаетъ грубою дерзостію!—Сама Софія говоритъ объ немъ: *не человѣкъ, змѣя!* И такъ, мудрено ли, что отъ такого лица разбѣгутся и примутъ его за сумасшедшаго?...

„Впрочемъ, идея сей комедіи не новая; она взята изъ *Абдеритовъ*. Но Виландъ представилъ своего Демокрита умнымъ, любезнымъ, даже снисходительнымъ человѣкомъ, который про себя смѣется надъ глупцами, но не старается выказывать себя передъ ними; Чацкій же, напротивъ, есть не что иное, какъ сумасбродъ, который находится въ обществѣ людей совсѣмъ не глупыхъ, но необразованныхъ, и который умничаетъ передъ ними, потому что считаетъ себя умнѣе: слѣдственно все смѣшное — на сторонѣ Чацкаго! Онъ хочетъ отличиться то остроуміемъ, то какимъ-то бранчивымъ патріотизмомъ передъ людьми, которыхъ презираетъ; онъ презираетъ ихъ, а между тѣмъ, очевидно, хотѣлъ бы, чтобы они его уважали! Словомъ: Чацкій, который долженъ быть умнѣйшимъ лицомъ піесы, представленъ (по крайней мѣрѣ въ сценахъ, мнѣ извѣстныхъ) менѣе всѣхъ разсудительнымъ! Это Мольеровъ Мизантропъ въ мѣлочахъ и въ каррикатурѣ! Это такая несообразность характера съ его назначеніемъ, которая должна отнять у дѣйствующаго лица всю его занимательность и въ которой не можетъ дать отчета ни Авторъ, ни самый изыскательный критикъ! — Пріемъ Чацкаго, какъ путешественника есть, по моему мнѣнію, грубая ошибка противъ мѣстныхъ правовъ! — Абдериты, послѣ возвращенія Демокрита, запретили путешествовать; у насъ совсѣмъ другое! у насъ всякій возвратившійся изъ чужихъ краевъ принимается съ восхищеніемъ!... Короче: Г. Грибоѣдовъ изобразилъ очень удачно нѣкоторые *портреты*, но не совсѣмъ попалъ на нравы того общества, которые вздумалъ описывать, и не далъ главному характеру надлежащей съ ними противуположности!

„Не говорю уже о языкѣ сего отрывка, жесткомъ, неровномъ и непріятномъ! Во многихъ мѣстахъ слогъ совсѣмъ не разговорный, а книжный; тамъ между Русскими стихами встрѣчаются *два цѣлые стиха* Французскіе; тутъ къ слову *histoire* рифма *пожара;* словомъ (употребимъ счастливое выраженіе самого Автора) въ сей-то піесѣ —

Господствуетъ смѣшенье языковъ
Французскаго съ Нижегородскимъ!

„Смѣемъ надѣяться (продолжаетъ Критикъ), что всѣ, читавшіе отрывокъ, позволятъ намъ отъ лица всѣхъ просить г. Грибоѣдова издать всю комедію“.—Напротивъ, лучше попросить Автора не издавать ее, пока не перемѣнитъ главнаго характера и не исправитъ слога“.

Въ этихъ раздраженныхъ сужденіяхъ сказалось тогдашнее настроеніе фамусовской Москвы, считавшей „Горе отъ ума“ пасквилемъ на Москву и оскорбленіемъ русскаго дворянства; попутно сводились счеты съ новымъ журналомъ — соперникомъ („Московскій Телеграфъ“ только что началъ выходить въ 1825 г.). Тѣмъ же соперничествомъ, „совмѣстничествомъ“ по тогдашнему, отчасти объясняется отповѣдь Полевому (т. е. вѣрнѣе — Вяземскому) за замѣчанія о неправильностяхъ языка въ комедіи со стороны *Н. Н.* (кажется, тоже *Н. И. Гречъ*) въ „Сынѣ Отечества“ (1825, ч. С, № 5, мартъ, въ „третьемъ письмѣ на Кавказъ“, стр. 64—65.): „Изъ приведенныхъ Критикомъ примѣровъ только сокращеніе *къ примѣру* можетъ назваться непозволительнымъ въ хорошихъ стихахъ; всѣ прочія слова, употребленныя въ обыкновенномъ свѣтскомъ разговорѣ, нѣкоторыя въ шуткахъ, ничуть не

противны ни правиламъ, ни слуху, ни пристойности театральной. У насъ еще, какъ видно, не всѣ понимаютъ свободу слога поэтическаго: и въ Комедіяхъ требуютъ размѣренныхъ стиховъ, шестистопныхъ сентенцій, гладкихъ фразъ. Г. Грибоѣдовъ именно тѣмъ, въ отношеніи къ слогу, и заслуживаетъ вниманіе и хвалу, что умѣлъ переложить въ непринужденныя рѣчи языкъ разговорный". Полевой потомъ съ достоинствомъ отвѣчалъ, что рецензентъ „пропускаетъ все, что онъ сказалъ въ похвалу сей превосходной комедіи" и вмѣняетъ въ вину даже опечатки (*К. К.* обвинялъ Полевого въ искаженіи цитаты: *глазомъ мигомъ*); „Московскій Телеграфъ" 1825, ч. IV, № 13, іюль, особое прибавленіе, стр. 21—22.

Въ маѣ уже былъ готовъ отвѣтъ на изложенную выше статью М. А. Дмитріева: въ „Сынѣ Отечества" (1825, ч. CI, май, № 10, стр. 177—195) одинъ изъ близкихъ друзей и единомышленниковъ Грибоѣдова, *О. М. Сомовъ* помѣстилъ обширную статью: „Мои мысли о замѣчаніяхъ г. Дмитріева въ Вѣстникѣ Европы". Даровитый критикъ, вращавшійся въ средѣ лучшихъ поэтовъ и литераторовъ въ Петербургѣ и, несомнѣнно, лично слышавшій отъ Грибоѣдова о замыслахъ и выполненіи „Горя отъ ума" (ср. его сужденія съ письмомъ Грибоѣдова къ П. А. Катенину, январь 1825 г.), Сомовъ сумѣлъ съ достоинствомъ и вѣсомъ отразить придирчивыя нападки Дмитріева. Въ нихъ онъ видѣлъ партійное пристрастіе и „французско-классическій вкусъ", который „выкрадывается наружу сквозь всю массу ошибочныхъ мнѣній г. Дмитріева". Между тѣмъ, чтобы „Горе отъ ума" „разсматривать съ настоящей точки зрѣнія, должно откинуть пристрастіе духа партій и литературное старовѣрство. Сочинитель ея не шелъ, и, какъ видно, не хотѣлъ итти тою дорогою, которую углаживали, и наконецъ истоптали комическіе Писатели, отъ Моліера до Пирона, и нашихъ временъ. Посему обыкновенная Французская мѣрка не придется по его Комедіи, здѣсь нѣтъ ни плута слуги, около котораго вьется вся интрига, нѣтъ ни jeune premier, ни grande coquette, ни père noble, ни raisonneur... Здѣсь характеры узнаются, и завязка развертывается въ самомъ дѣйствіи; ничто не подготовлено, но все обдумано и взвѣшено, съ удивительнымъ расчетомъ... Г. Грибоѣдовъ, сколько могъ я постигнуть цѣль его, вовсе не имѣлъ намѣренія выставлять въ Чацкомъ лицо идеальное: зрѣло судя объ Искусствѣ драматическомъ, онъ зналъ, что существа заоблачныя, образцы совершенства, нравятся намъ, какъ мечты воображенія, но не оставляютъ въ насъ впечатлѣній долговременныхъ и не привязываютъ насъ къ себѣ... Онъ представилъ въ лицѣ Чацкаго умнаго, пылкаго и добраго молодого человѣка, но не вовсе свободнаго отъ слабостей: въ немъ ихъ двѣ, и обѣ почти не разлучны съ предполагаемымъ его возрастомъ и убѣжденіемъ въ преимуществѣ своемъ передъ другими. Эти слабости—заносчивость и нетерпѣливость. Чацкій самъ очень хорошо понимаетъ (и въ этомъ со мною согласится всякъ, кто внимательно читалъ Комедію *Горе отъ ума*), что, говоря невѣждамъ о ихъ невѣжествѣ и предразсудкахъ, и порочнымъ о ихъ порокахъ, онъ только напрасно теряетъ рѣчи; но въ ту минуту, когда пороки и предразсудки трогаютъ его, такъ сказать, за живое, онъ не въ силахъ владѣть своимъ молчаніемъ: негодованіе противъ воли вырывается у него потокомъ словъ, колкихъ, но справедливыхъ. Онъ уже не думаетъ, слушаютъ и понимаютъ ли его, или нѣтъ:

онъ высказалъ все, что у него лежало на сердцѣ—и ему какъ будто бы стало легче. Таковъ вообще характеръ людей пылкихъ, и сей характеръ схваченъ Г. Грибоѣдовымъ съ удивительною вѣрностію. Положеніе Чацкаго въ кругу людей, которыхъ Г. Критикъ, такъ снисходительно, принимаетъ за *людей совсѣмъ не глупыхъ, но необразованныхъ*, прибавимъ,—набитыхъ предразсудками и закоснѣлыхъ въ своемъ невѣжествѣ (качества, вопреки, Г. Критику, весьма въ нихъ замѣтныя), положеніе Чацкаго, повторю, въ кругу ихъ тѣмъ интереснѣе, что онъ видимо страдаетъ отъ всего, что видитъ и слышитъ. Невольно чувствуешь къ нему жалость и оправдываешь его, когда онъ, какъ бы въ облегченіе самому себѣ, высказываетъ имъ обидныя свои истины. Вотъ то лицо, которое Г. Дмитріеву угодно называть сумасбродомъ, по какому-то благосклонному снисхожденію къ подлинными сумасбродамъ и чудакамъ...

„Взаимныя отношенія Чацкаго съ Софьею позволяли ему принять тонъ шутливый, даже при первомъ съ нею свиданіи. Онъ вмѣстѣ съ нею росъ, вмѣстѣ воспитанъ, и изъ рѣчей ихъ можно выразумѣть, что онъ привыкъ забавлять ее своими колкими замѣчаніями на счетъ чудаковъ, которыхъ они знали прежде; естественно, что по старой привычкѣ, онъ и теперь ей дѣлаетъ забавные распросы о тѣхъ же чудакахъ. Самая мысль, что это прежде нравилось Софьѣ, должна была увѣрять его, что и нынѣ это былъ вѣрный способъ ей нравиться. Онъ еще не зналъ и не угадывалъ перемѣны, происшедшей въ характерѣ Софьи... Чацкій, не измѣняя своему характеру, начинаетъ съ Софьей веселый и остроумный разговоръ, и тамъ только, гдѣ душевныя чувствованія пересиливаютъ въ немъ и веселость, и остроту ума, говоритъ ей о любви своей, о которой она, вѣроятно, уже довольно наслушалась. За то онъ говоритъ ей языкомъ не книжнымъ, не элегическимъ, но языкомъ истинной страсти; въ словахъ его отсвѣчивается дума пылкая; они, такъ сказать, жгутъ своимъ жаромъ... Гдѣ нашелъ Г. Критикъ, будто бы Чацкій *злословитъ и говоритъ все, что не придетъ въ голову?* Я совершенно согласенъ съ нимъ, что *такой человѣкъ наскучитъ во всякомъ обществѣ*, и *чѣмъ общество образованнѣе, тѣмъ онъ наскучитъ скорѣе*. Этого нельзя однако жъ примѣнить къ Чацкому, который нигдѣ не говоритъ безъ разбору всего, что ни придетъ въ голову, и я не вижу *образованнаго общества*, коимъ Чацкій окруженъ...

„Сравненіе Чацкаго съ Виландовымъ Демокритомъ кажется мнѣ и лишнимъ, и неудачнымъ. Лишнимъ потому, что Г. Грибоѣдовъ, выводя въ Чацкомъ возвратившагося на родину путешественника, конечно, не думалъ блеснуть новостью сего положенія, которое такъ просто и обыкновенно, что разысканіе, откуда *взята идея сей комедіи*,—есть напрасный трудъ. Неудачнымъ сіе сравненіе кажется мнѣ потому, что Виландовъ Демокритъ, возвратясь изъ путешествія, приноситъ съ собою удивленіе и уваженіе къ чужимъ краямъ, и совершенное презрѣніе къ своей отчизнѣ; напротивъ того, Чацкій, и прежде и послѣ путешествія, питаетъ пламенную любовь къ родинѣ, уваженіе къ народу, и только сердится и негодуетъ на грубую закоснѣлость, жалкіе предразсудки и смѣшную страсть къ подражанію чужеземцамъ,—не всѣхъ вообще Русскихъ, а людей нѣкоторой касты. Демокритъ хотѣлъ бы преобразовать своихъ земляковъ по образцу чужеземному, Чацкій

желаетъ, чтобы коренные нравы народа и дѣдовскіе Русскіе обычаи были удержаны... Какое жъ сходство между сими двумя путешественниками?— Невольно подумаешь, что Г. Критикъ писалъ и о характерѣ Чацкаго, и о Виландовыхъ *Абдеритахъ*—по наслышкѣ...

„Всего загадочнѣе для меня *бранчивый патріотизмъ Чацкаго*. Любовь къ отечеству, изливающаяся въ жалобахъ на то, что многіе сыны его отстали отъ коренныхъ доблестей своихъ предковъ, и, не достигши до настоящей степени образованія, заняли у иностранцевъ только то, что вовсе недостойно подражанія: роскошь, моды и полу-Французскій тонъ разговора; негодованіе на то, что все чужеземное предпочитается всему отечественному,—вотъ *бранчивый патріотизмъ Чацкаго!* И сіе-то лицо, съ чувствами благороднѣми и душею возвышенною, сей-то Чацкій, осуждающій одни старые и новые пороки и странности въ землякахъ своихъ, есть, по славомъ Г-на М. Дмитріева, *сумасбродъ и Мольеровъ мизантропъ въ мелочахъ и каррикатурѣ!...*

„Что касается до стихосложенія, то оно таково, какого должно было желать въ Русской Комедіи, и какого мы донынѣ не имѣли. Это не тощій наборъ звонкихъ или плавныхъ словъ и обточенныхъ рѳмъ, при изысканіи которыхъ часто жертвовали или словомъ сильнымъ, или даже самою мыслью. Г. Грибоѣдовъ очень помнилъ, что пишетъ не Элегію, не Оду, не Посланіе, а Комедію: отъ того онъ соблюлъ въ стихахъ всю живость языка разговорнаго; самыя рифмы у него нравятся своею новостью, и въ чтеніи заставляютъ забывать однозвучіе ямбическаго метра, и однообразіе стиховъ рѳмованныхъ“...

Въ той же книжкѣ „Сына Отечества“, въ „четвертомъ письмѣ на Кавказъ“ *Д. Р. К. (Н. И. Греча)*, стр. 200, вновь восхваляется, въ опроверженіе Дмитріева, „разговорный слогъ“ Грибоѣдова и „искусство необыкновенное подвести обыкновенный разговорный языкъ, со всѣми его изысканіями, подъ правила Поэзіи такимъ образомъ, что рѳма, кажется, есть натуральное окончаніе каждаго рѣченія“. Что же касается нападокъ журналистовъ на комедію, то—„мы даже не хотимъ знать именъ противниковъ Моліера и фонъ-Визина, а творенія ихъ живутъ и утѣшаютъ насъ—то же будетъ и съ Критиками Г. Грибоѣдова“. На защиту Дмитріева выступилъ его единомышленникъ, извѣстный водевилистъ и эпиграмматистъ *А. П. Писаревъ*; вдвоемъ съ Дмитріевымъ они уже обмѣнялись рукописными эпиграммами съ Грибоѣдовымъ въ 1824 г. (см. т. I нашего изданія, стр. 23 и 286), теперь Писаревъ могъ говорить въ печати. Подъ псевдонимомъ *Шилада Бѣлугина* (что пародировало Ореста Сомова) Писаревъ напечаталъ въ майской книжкѣ „Вѣстника Европы“ (1825, ч. CXLI, № 10, стр. 108—121) статью: „Нѣсколько словъ о мысляхъ одного Критика и о Комедіи Горе отъ ума“. Вся наполненная придирками къ отдѣльнымъ фразамъ Сомова и отдѣльнымъ стихамъ комедіи, эта раздраженная статья не внесла въ полемику ничего идейнаго. Слѣдуя старому шаблону комедіи интриги, Писаревъ требовалъ отъ „Горя отъ ума“ большей сложности въ „завязкѣ“ и „дѣйствіи“; онъ, напр., хотѣлъ бы, чтобы Фамусовъ больше „предпринималъ въ пользу Скалозуба“, Хлёстова больше „вредила Чацкому своими сплетнями“, Загорѣцкій больше плутовалъ. Критикъ находилъ излишними для пьесы Горичевыхъ и Репети-

лова, и приходилъ къ выводу, который потомъ поддерживался и кн. П. А. Вяземскимъ: „Можно выкинуть каждое изъ сихъ лицъ, замѣнить другимъ, удвоить число ихъ — и ходъ пьесы останется тотъ же. Ни одна сцена не истекаетъ изъ предыдущей и не связывается съ послѣдующею. Перемѣните порядокъ явленій, переставьте нумера ихъ, выбросьте любое, вставьте, что́ хотите, и Комедія не перемѣнится. — Во всей пьесѣ нѣтъ *необходимости*, стало нѣтъ *завязки*, а потому не можетъ быть и *дѣйствія*". Въ статьѣ сказывается раздраженіе москвичей на сатиру Грибоѣдова, напр., на Англійскій клубъ, и Писаревъ съ досадой говоритъ, что „автору хотѣлось мимоходомъ задѣть почтенное собраніе". Изъ другихъ замѣчаній любопытно только одно: о совпаденіи (которое Писаревъ считаетъ заимствованіемъ) стиха: „Самъ это чувствую, сказать я не могу" со стихомъ изъ „Танкреда" въ переводѣ Н. И. Гнѣдича:

Лишь чувствовать могу, сказать не въ силахъ я!

Съ большимъ принужденіемъ Писаревъ въ заключеніе „отдаетъ справедливость нѣкоторымъ удачно изображеннымъ характерамъ, смѣшнымъ сценамъ, ѣдкости многихъ эпиграммъ и вообще искусству рисовать миніатюры".

Одновременно со статьей Писарева появилась статья кн. *В. О. Одоевскаго,* противоположная по взглядамъ, но одинаковая по придирчивости и раздраженности тона. Еще въ четвертой книгѣ своей „Мнемозины" (она вышла съ запозданіемъ въ 1825 г., но процензурована 13 октября 1824 г.), въ редакціонной статьѣ, кн. Одоевскій мимоходомъ высказался о „Горѣ отъ ума" съ большой похвалой, какъ о „произведеніи, истинно дѣлающемъ честь нашему времени, блистающемъ всею свѣжестію творческаго вымысла, заслуживающемъ уваженія всѣхъ своихъ читателей, кромѣ нѣкоторыхъ привязчивыхъ говоруновъ" („Мнемозина" на 1825 г., ч. IV, стр. 232). Несомнѣнно-Одоевскій мѣтилъ тогда въ Дмитріева; теперь новая „привязчивость" этого критика возмутила Одоевскаго, и онъ отвѣтилъ на нее самой рѣзкой изъ всѣхъ статей о „Горѣ отъ ума", написанныхъ въ 1825 г. Одоевскому было тогда всего 21 годъ; онъ недавно только познакомился (въ сезонѣ 1823—1824 г.г.) съ Грибоѣдовымъ и горячо полюбилъ его какъ человѣка и поэта; немудрено, что рѣзкость его „антикритики" становилась крайней. Въ своей статьѣ („Замѣчанія на сужденія Мих. Дмитріева о комедіи: „Горе отъ ума"; „Московскій Телеграфъ" 1825, ч. III, № 10, 17-го мая, приложеніе „Антикритика", стр. 1—12; подпись: У. У.) кн. Одоевскій опровергаетъ пунктъ за пунктомъ сужденія Дмитріева, постоянно переходя на личности; но по существу, о самой пьесѣ онъ говоритъ мало, совпадая въ общемъ съ мнѣніями О. М. Сомова. Вотъ самый характерный отрывокъ, свидѣтельствующій объ идейномъ сочувствіи критика Чацкому: „Въ Чацкомъ Комикъ не думалъ представить *идеала совершенства,* но человѣка молодого, пламеннаго, въ которомъ глупости другихъ возбуждаютъ насмѣшливость, наконецъ, человѣка, къ которому можно отнести стихъ Поэта:

Не терпитъ сердце нѣмоты.

Еслибъ вы съ сей точки зрѣнія посмотрѣли на характеръ Чацкаго, тогда бы увидѣли, что онъ составляетъ совершенную противоположность съ окру-

жающими его лицами и что одна сторона оттѣняетъ другую: что въ одной видна сила характера, презрѣніе предразсудковъ, благородство, возвышенность мыслей, обширность взгляда; съ другой—слабость духа, совершенная преданность предразсудкамъ, низость мыслей, тѣсный кругъ сужденія". Любопытно также мнѣніе кн. Одоевскаго о языкѣ „Горя отъ ума": „До Грибоѣдова слогъ нашихъ Комедій былъ слѣпкомъ слога Французскихъ; натянутыя, выглаженныя фразы, заключенныя въ шестистопныхъ стихахъ, приправленныя именами Милоновъ и Миленъ, заставляли почитать даже оригинальныя Комедіи переводными; непринужденность была согнана съ комической сцены; у одного Г-на Грибоѣдова мы находимъ непринужденный, легкій, совершенно такой языкъ, какимъ говорятъ у насъ въ обществахъ, у него одного въ слогѣ находимъ мы колоритъ Русской. Въ семъ случаѣ нельзя доказывать теоретически; но вотъ практическое доказательство истины словъ моихъ: почти всѣ стихи Комедіи Грибоѣдова сдѣлались пословицами, и мнѣ часто случалось слышать въ обществѣ цѣлые разговоры, которыхъ большую часть составляли—стихи изъ Горя отъ ума". Статья Одоевскаго не осталась безъ отвѣта. Съ такимъ же раздраженіемъ и еще большею придирчивостью къ мелочамъ ему отвѣчалъ, правда, съ большимъ запозданіемъ—въ декабрѣ, тотъ же alter ego Дмитріева—Пиладъ Бѣлугинъ, т. е. Писаревъ, длинною статьей: „Противъ замѣчаній неизвѣстнаго У. У. на сужденія о комедіи. Горе отъ ума" („Вѣстникъ Европы" 1825, ч. CXLIV, № 23—24, стр. 193—124): Здѣсь вновь тянутся безконечныя выписки изъ Одоевскаго съ непремѣнными опроверженіями всего имъ сказаннаго; вновь—придирки къ словамъ и фразамъ, выдернутымъ изъ комедіи, и снова—ни одного принципіальнаго идейнаго сужденія; въ „Горѣ отъ ума" Писаревъ усматриваетъ „сряду тысячи дурныхъ стиховъ", считаетъ комедію „уродливымъ сколкомъ съ безсмертныхъ образцовъ Мольера", языкъ ея—„нарѣчіемъ, котораго не признаетъ ни одна Грамматика, кромѣ, можетъ быть, лезгинской" (намекъ на пребываніе Грибоѣдова на Кавказѣ); разбирать всѣ недостатки стиха Грибоѣдова, будто-бы, „не достанетъ бумаги и терпѣнія"—и т. д. Такія заявленія были столь очевидно пристрастны и неправдоподобны, что редакторъ „Вѣстника Европы" въ редакціонномъ примѣчаніи къ статьѣ „покорнѣйше просилъ почтеннаго Бѣлугина и другихъ литераторовъ на будущее время освободить его отъ спорныхъ статей и состязаній продолжительныхъ". На прекращеніи полемики настаивалъ и самъ А. С. Грибоѣдовъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ. Кн. В. Ѳ. Одоевскому онъ писалъ изъ Кіева отъ 10 іюня 1825 г.: „Виноватъ, хотя ты за меня подвизаешься, а мнѣ за тебя досадно. Охота же такъ ревностно препираться о нѣсколькихъ стихахъ, о ихъ гладкости, жесткости, плоскости; между тѣмъ, тебѣ отвѣчать будутъ и самого вынудятъ за брань отвѣтить бранью. Борьба ребяческая, школьная. Какое торжество для тѣхъ, которые отъ души желаютъ, чтобы отечество наше осталось въ вѣчномъ младенчествѣ!!!" Еще раньше въ томъ же духѣ Грибоѣдовъ говорилъ Бѣгичеву. Возмущенный нападками Дмитріева, С. Н. Бѣгичевъ написалъ горячую антикритику и прислалъ ее изъ Москвы въ Петербургъ къ Грибоѣдову для напечатанія. Въ письмѣ отъ 18-го мая 1825 г. Грибоѣдовъ рѣшительно отказывается это сдѣлать; вотъ одинъ отрывокъ изъ длиннаго письма: „итакъ, плюнь на марателя Дмитріева, въ одномъ только случаѣ возьмись за перо

въ мою защиту, если я буду въ отдаленіи или умру прежде тебя, и кто нибудь, мой ненавистникъ, вздумаетъ чернить мою душу и поступки".

Статьей Бѣлугина-Писарева закончилась полемика 1825 года вокругъ „Горя отъ ума". Всеобщій восторгъ читателей передъ славной комедіей заставилъ замолчать ея зоиловъ, а поклонниковъ лишилъ побужденій ее защищать. Подводя итоги, слѣдуетъ сказать, что критика оказалась безсильной оцѣнить всю полноту художественныхъ и идейныхъ достоинствъ комедіи. Страннымъ образомъ, даже раздраженные противники Грибоѣдова не сумѣли выбрать изъ пьесы наиболѣе неудачныхъ стиховъ, какіе въ ней, конечно, есть, и цитировали иногда какъ разъ тѣ, которые стали потомъ пословицами. Изъ возраженій противъ сценическаго плана комедіи можно признать развѣ только эпизодичность Репетилова. Что касается содержанія „Горя отъ ума", то несомнѣнно, что Писаревъ и особенно Дмитріевъ были рѣшительно противъ общественныхъ взглядовъ и настроеній Чацкаго, но не сумѣли подвергнуть ихъ критическому разбору и формулировать свои собственныя мнѣнія. Сторонники Грибоѣдова высказались не только справедливѣе, но гораздо опредѣленнѣе; правильныя оцѣнки богатствъ языка, яркости типовъ и бытовыхъ картинъ, стройности плана,—все это выгодно отличаетъ статьи Бестужева, Сомова, Одоевскаго; ихъ предсказаніе, что будущее поставитъ комедію Грибоѣдова „въ число первыхъ твореній народныхъ", конечно, блестяще сбылось. Но и поклонники поэта не сумѣли истолковать читателямъ многаго. Въ статьяхъ Бестужева, Сомова чувствуется, напр., полная солидарность съ Чацкимъ въ его общественныхъ идеяхъ; но когда Дмитріевъ увѣрялъ, что Чацкій смѣшонъ со своими мелкими нападками на фраки и бритье подбородка, его антагонисты не указали ему, что Чацкій нападаетъ также и на крѣпостное право, и на „Нестора негодяевъ знатныхъ" и т. д. Критика александровскаго времени еще только начинала переходить отъ стилистическихъ и элементарно-теоретическихъ вопросовъ къ широкимъ вопросамъ эстетическимъ и общественнымъ; глубокое произведеніе Грибоѣдова сильно содѣйствовало такому переходу.

2. А. С. Пушкинъ.

Изъ критическихъ отзывовъ 1825 г. о „Горѣ отъ ума" одинъ не былъ тогда напечатанъ, такъ какъ заключался въ частныхъ письмахъ; но онъ оказалъ свое вліяніе (напр., на кн. П. А. Вяземскаго) и долженъ быть изложенъ здѣсь, такъ какъ принадлежитъ *А. С. Пушкину* и имѣетъ идейное значеніе. „Горе отъ ума" Пушкинъ прочелъ впервые въ январѣ 1825 г. по рукописи, привезенной въ Михайловское Пущинымъ (см. Записки *И. И. Пущина* о Пушкинѣ. СПБ. 1907, стр. 62). 25-го января Пушкинъ пишетъ кн. П. А. Вяземскому: „A propos. Читалъ я Чацкаго—много ума и смѣшного въ стихахъ, но во всей комедіи ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкій совсѣмъ не умный человѣкъ—но Грибоѣдовъ очень уменъ" (Переписка Пушкина. Изданіе Академіи Наукъ, т. I, стр. 171). Нѣсколькими днями позже, успѣвъ подробнѣе обдумать пьесу, Пушкинъ пишетъ о ней большое письмо А. А. Бестужеву: „Слушалъ Чацкаго, только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ. Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить.

„Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признанными. Слѣдст., не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его—характеры, и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана не ясно: не то ....., не то московская кузина. Молчалинъ не довольно рѣзко подлъ; не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? старая пружина—но штатской трусъ въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. Les propos de bal, сплетни, расказъ Репетилова о клобѣ, Загорѣцкій всѣми отъявленный и вездѣ принятый—вотъ черты истинно комическаго генія.—Теперь вопросъ: въ комедіи „Горе отъ ума" кто умное дѣйств. лицо? отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь-ли что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малой, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатрическими замѣчаніями. Все, что говоритъ онъ, —очень умно. Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это не простительно. Первый признакъ умнаго человѣка—съ перваго взгляду знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому подобн. [1]) Къ стати, что такое Репетиловъ? Въ немъ 2, 3, 10 характеровъ. За чѣмъ дѣлать его гадкимъ? довольно, что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ; довольно, чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Это смиреніе чрезвычайно ново на театрѣ, хоть кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся?—Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи—недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молч. прелестна!—и какъ натурально! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія—но Грибоѣдовъ видно не захотѣлъ—его воля —о стихахъ я не говорю: половина—должны войти въ пословицу.

Покажи это Грибоѣдову—Можетъ быть я въ немъ ошибся. Слушая его комедію, я не критиковалъ, а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда ужъ не могъ я справится. По крайней мѣрѣ говорю прямо, безъ обиняковъ, какъ истинному таланту".

Больше Пушкинъ никогда не высказывался о комедіи Грибоѣдова, въ письмахъ судилъ о ней по первому чтенію, о чемъ и самъ оговаривался, мнѣніе свое изложилъ кратко и многаго не досказалъ; въ виду всего этого необходимо истолковывать его сужденіе съ извѣстной осторожностью и ограниченіями. Самыми существенными здѣсь были два пункта: сближеніе мыслей и настроеній Чацкаго съ самимъ Грибоѣдовымъ и критика поведенія Чацкаго въ фамусовскомъ обществѣ. Первое угадано съ замѣчательной чуткостью (хотя Пушкинъ лично не встрѣчался съ Грибоѣдовымъ съ 1818 года) и теперь можетъ быть подтверждено многими біографическими фактами. Второе стало предметомъ обсужденія въ послѣдующей критикѣ, напр., у Вяземскаго, особенно у Бѣлинскаго—и у другихъ.

---

[1]) Cléon Грессетовъ не уминчаетъ съ Жеронтомъ ни съ Хлоей (*примѣчаніе Пушкина*).

3. Тридцатые годы. В. А. Ушаковъ, Н. И. Надеждинъ, И. В. Кирѣевскій, О. И. Сенковскій.

Послѣ 1825 года въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не встрѣчаемъ критическихъ статей о комедіи въ русскихъ журналахъ—за отсутствіемъ внѣшнихъ поводовъ къ тому. Новымъ возбужденіемъ оказались сценическія постановки комедіи съ 1829 года, сначала отдѣльными актами, потомъ и цѣликомъ. По поводу бенефиса Н. Рѣпиной, поставившей на московскомъ театрѣ третій актъ „Горя отъ ума", старый знакомый Грибоѣдова, *В. Ушаковъ* написалъ обширную статью въ „Московскомъ Телеграфѣ" (1830, іюнь, №№ 11 и 12), гдѣ вскользь говоритъ о сценическомъ исполненіи и очень много о самой пьесѣ. Статья написана нѣсколько поверхностно и съ отступленіями въ сторону, но зато впервые въ критикѣ дастъ попытку изложить планъ комедіи и прослѣдить послѣдовательное развитіе дѣйствія въ двухъ слагающихъ его элементахъ: любовной и общественной интригѣ, т. е. намѣчаетъ ту задачу, которую впослѣдствіи выполнилъ съ такимъ блескомъ и глубиной Гончаровъ. Преклоняясь передъ художественными достоинствами комедіи и сочувствуя, въ общемъ, Чацкому, Ушаковъ, однако, говоритъ: „Ознакомившись съ Чацкимъ, нельзя его не полюбить, но узнавши его характеръ, должно признаться, что нѣтъ средства ужиться съ такимъ человѣкомъ!" Чацкій на балу „почти всѣхъ угощаетъ сарказмами, очень остроумными, но неприличными въ обществѣ". Такія утвержденія подготовляли читателей къ будущимъ нападкамъ Бѣлинскаго. Предвосхищала нападки знаменитаго критика и статья его учителя, *Н. И. Надеждина* въ „Телескопѣ" (1830, № 20, стр. 587—600), написанная по поводу перваго представленія „Горе отъ ума" полностью въ Москвѣ 27 ноября 1831 г. Изложенная точнымъ языкомъ, съ выразительною сжатостью, обильная мѣткими замѣчаніями, обличающими вкусъ и знаніе театра, эта статья больше всего говоритъ о сценическомъ исполненіи пьесы и игрѣ отдѣльныхъ актеровъ; но нѣсколько первыхъ страницъ посвящены общей оцѣнкѣ комедіи. Она написана въ какомъ-то сдержанно-недоброжелательномъ тонѣ и во многомъ несправедлива, но выгодно отличается отъ полемическихъ статей 1825 г. серьезностью тона и принципіальностью сужденій. Авторъ настаиваетъ на „совершенномъ отсутствіи дѣйствія въ пьесѣ"; „акты смѣняютъ другъ друга какъ подвижныя картины въ діорамѣ, доставляя удовольствіе собою каждый порознь, но не производя никакого цѣльнаго эффекта. Взаимная связь и послѣдовательность сценъ, ихъ составляющихъ, отличается совершенною произвольностью". Надеждинъ не допускаетъ, чтобы Фамусовъ повѣрилъ объясненію Молчалина, почему онъ оказался вмѣстѣ съ Софьей въ первомъ дѣйствіи; „у Молчалина въ то время никакихъ бумагъ съ собой не было и не могло быть: ибо онъ шелъ на свое ночное дежурство къ дочери, вѣроятно, никакъ не предполагая встрѣтиться съ батюшкой"; „какъ и зачѣмъ и съ какою пользою для пьесы Репетиловъ прилетаетъ къ концу ея?"; „какимъ образомъ послѣдняя сцена, происходящая подъ лѣстницей, не растревоживъ находившагося вблизи швейцара, могла дойти до Фамусова, котораго кабинетъ и спальня вѣроятно были не въ сосѣдствѣ съ передней?" Но критикъ признаетъ большія достоинства

произведенія. „*Горе отъ ума* не есть комедія, но живая сатирическая картина, вставленная въ сценическія рамы... Нѣтъ нужды, что фигуры, изъ коихъ она составлена, не движутся драматическою жизнію: ихъ физіономіи, изображающія различные оттѣнки Московскаго быта, такъ вѣрно схвачены, такъ рѣзко обрисованы, такъ счастливо поставлены, что невольно засматриваешься, признаешь подлинники и хохочешь". И эта мысль, что „Горе отъ ума" не комедія, а сатира, напомнитъ намъ Бѣлинскаго.

Изъ другихъ статей начала тридцатыхъ годовъ, связанныхъ со сценическими постановками комедіи, слѣдуетъ отмѣтить статью *Ивана В. Кирѣевскаго* въ первомъ и единственномъ номерѣ „Европейца" (1832, январь, стр. 135—141: „Горе отъ ума" на московскомъ театрѣ"; перепечатано въ сочиненіяхъ *И. В. Кирѣевскаго*, М. 1860, ч. I, стр. 106—110; ср. новое изданіе М. 1911), гдѣ находимъ первую попытку принципіально посчитаться съ идейнымъ содержаніемъ комедіи. Отдавая должное художественнымъ достоинствамъ пьесы и прекрасному выполненію задачи изобразить московское общество, Кирѣевскій возражаетъ противъ „негодованія автора на нашу любовь къ иностранному", т. е. противъ одной изъ самыхъ важныхъ идей, выраженныхъ Чацкимъ. „Правда, мы смѣшны, подражая иностранцамъ, но только потому, что подражаемъ неловко и не вполнѣ; что изъ-подъ Европейскаго фрака выглядываетъ остатокъ Русскаго кафтана, и что обривши бороду, мы еще не умыли лица. Но странность нашей подражательности пройдетъ при большемъ распространеніи просвѣщенія, а просвѣщеніе у насъ распространиться не можетъ иначе, какъ вмѣстѣ съ распространеніемъ иностраннаго образа жизни, иностраннаго платья, иностранныхъ обычаевъ, которые сближаютъ насъ съ Европою *физически* и слѣдовательно способствуютъ и къ нашему нравственному и просвѣщенному сближенію... Намъ нечего бояться утратить своей національности: наша религія, наши историческія воспоминанія, наше географическое положеніе, вся совокупность нашего быта столь отличны отъ остальной Европы, что намъ физически невозможно сдѣлаться ни Французами, ни Англичанами, ни Нѣмцами... Тамъ, гдѣ *обще-Европейское* совпадаетъ съ нашею *особенностью*, тамъ родится просвѣщеніе истинно-Русское, образованно-національное, твердое живое, глубокое и богатое благодѣтельными послѣдствіями." Итакъ, „любовь къ иностранному никогда не должна возбуждать негодованія." Любопытно, однако, что Кирѣевскій вовсе не противъ націонализма Чацкаго—Грибоѣдова. „Любовь къ иностранному не должно смѣшивать съ пристрастіемъ къ иностранцамъ; если первая полезна, какъ дорога къ просвѣщенію, то послѣднее безъ всякого сомнѣнія и вредно, и смѣшно, и достойно *нешуточнаго* противодѣйствія." „Большая часть такъ называемыхъ иностранцевъ не разнится съ нами даже и мѣстомъ своего рожденія; они родились въ Россіи, воспитаны въ полурусскихъ обычаяхъ, образованы также поверхностно и отличаются отъ коренныхъ жителей только своимъ *незнаньемъ Русскаго языка* и иностраннымъ окончаніемъ фамиліи;" они дѣйствуютъ сплоченно, противопоставляя себя „кореннымъ жителямъ." Какъ извѣстно, запрещеніе „Европейца" въ значительной степени обусловлено именно тѣмъ, что въ статьѣ о „Горѣ отъ ума" была усмотрѣна „самая неприличная и непристойная выходка насчетъ находящихся въ Россіи иностранцевъ."

Въ 1833 г. вышло первое отдѣльное изданіе „Горя отъ ума“. Въ связи съ нимъ появилось нѣсколько журнальныхъ отзывовъ о комедіи, изъ коихъ слѣ-отмѣтить мнѣніе *О. И. Сенковскаго* („Библіотека для Чтенія“ 1834, т I, № 1, дуетъ отд. VI, стр. 43—44; перепечатано въ Собраніи сочиненій *Сенковскаго*, СПБ. 1859, т. IX, стр. 317—319). Авторъ высокаго мнѣнія о пьесѣ. „Теперь о красотахъ ея должно говорить такъ, какъ англичанинъ и испанецъ говорятъ о красотахъ Шекспира и Кальдерона; о недостаткахъ съ тѣмъ же уваженіемъ, съ какимъ они разсуждаютъ о погрѣшностяхъ, примѣчаемыхъ въ твореніяхъ этихъ двухъ писателей“. Особенно же выдвигаетъ Сенковскій общественное значеніе комедіи. „*Горе отъ ума* занимаетъ въ нашей словесности, по своему роду и духу, именно то мѣсто, которымъ *Свадьба Фигаро*, извѣстная комедія Бомарше, овладѣла во французской. Подобно *Свадьбѣ Фигаро* эта комедія политическая: Бомарше и Грибоѣдовъ съ одинакими дарованіями и равною колкостію сатиры вывели на сцену политическія понятія и привычки обществъ, въ которыхъ они жили, мѣряя гордымъ взглядомъ народную нравственность своихъ отечествъ“.

4. В. Г. Бѣлинскій.

Съ 1834 годомъ мы доходимъ до перваго отзыва *В. Г. Бѣлинскаго*. Онъ появился въ знаменитой статьѣ „Литературныя Мечтанія“, въ приложеніи къ „Телескопу“—„Молвѣ“ (1834, № 51, въ приложеніи къ № 20 „Телескопа“; въ изданіи сочиненій *Бѣлинскаго* (Солдатенкова), М., 1859, т. I, стр. 95—97; въ изданіи С. А. Венгерова—т. I (1900), стр. 372—373) и имѣетъ восторженный характеръ. „Комедія Грибоѣдова есть истинная divina comedia! Это совсѣмъ не смѣшной анекдотецъ, переложенный на разговоры, не такая комедія, гдѣ дѣйствующія лица нарицаются Добряковыми, Плутоватиными, Обираловыми и пр.; ея персонажи давно были вамъ извѣстны въ натурѣ, вы видѣли, знали ихъ еще до прочтенія „Горя отъ ума“, и однакожъ вы удивляетесь имъ, какъ явленіямъ совершенно новымъ для васъ: вотъ высочайшая истина поэтическаго вымысла!... Каждый стихъ Грибоѣдова есть сарказмъ, вырвавшійся изъ души художника въ пылу негодованія; его слогъ есть par excellence разговорный... Конечно, это произведеніе не безъ недостатковъ въ отношеніи къ своей цѣлости, но оно было первымъ опытомъ таланта Грибоѣдова, первою Русскою комедіею; да и сверхъ того, каковы бы ни были эти недостатки, они не помѣшаютъ ему быть образцовымъ, геніальнымъ произведеніемъ и не въ Русской литературѣ, которая въ Грибоѣдовѣ линнялась Шекспира комедіи“. Этотъ горячій отзывъ является отголоскомъ непосредственныхъ впечатлѣній отъ комедіи, которую въ студенческомъ кружкѣ Бѣлинскаго „знали наизустъ“. Послѣ 1834 г. Бѣлинскому долго не приходилось подробно говорить о комедіи Грибоѣдова—до 1839 г., когда новое (второе) изданіе „Горя отъ ума“, съ очень цѣннымъ и обширнымъ предисловіемъ Ксеноф. Полевого, сосредоточило мысль Бѣлинскаго на комедіи. Къ этому времени знаменитый критикъ уже пережилъ нѣсколько крупныхъ поворотовъ въ своихъ философскихъ и литературныхъ взглядахъ и пришелъ къ право-гегельянской доктринѣ „примиренія съ дѣйствительностью“. Въ области искусства онъ проповѣдывалъ теперь „поэзію формы“,

что же касается „поэзіи содержанія“, или идейной, то онъ думалъ, что „она колеблется между краснорѣчіемъ и художественностью, безпрестанно переходя то въ краснорѣчіе, что́ вредитъ ей, то въ художественность, что́ возвышаетъ ее. Въ этомъ смыслѣ она есть какой-то недоносокъ, и ея произведенія не могутъ надѣяться на долговѣчность“. Теперь Бѣлинскій отрицалъ Шиллера, всю французскую литературу, „юную Германію“ замалчивалъ Лермонтова и хвалилъ беллетристику Греча. Требуя, чтобы поэзія была проникнута „кроткимъ, благолѣпнымъ сіяніемъ эстетической красоты“, Бѣлинскій рѣзко отрицалъ сатирическую поэзію „потому что сатира не принадлежитъ къ области искусства и никогда не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ“. „Горе отъ ума“ критикъ счелъ сатирой и обрушился на комедію со всею экстатичностью, какая тогда его отличала. Огромная статья о „Горѣ отъ ума“ написана Бѣлинскимъ въ 1839 г. и напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1840, т. VIII, № 1, отд. V, стр. 1—56; цензурное разрѣшеніе 14 января 1840; перепечатана въ изданіи Солдатенкова—М. 1859, т. III, стр. 337—434; въ изданіи Венгерова—СПБ. 1901, т. V, стр. 22—90). Больше трехъ четвертей ея не касаются произведенія Грибоѣдова и посвящены обсужденію теоріи поэзіи, въ частности—драматической, и разбору сочиненій Гоголя, напр. „Тараса Бульбы“, и особенно—„Ревизора“, въ которомъ Бѣлинскій усматриваетъ образецъ объективнаго художества. Послѣдніе полтора десятка страницъ заняты разборомъ пьесы Грибоѣдова. По-прежнему, какъ въ 1834 г., Бѣлинскій признаетъ за Грибоѣдовымъ „талантъ яркій, живой, свѣжій, сильный, могучій“, восторгается богатствами языка и стиха, „геніальною живописью“ поэта, художественной „самобытностью“ характеровъ, называетъ Грибоѣдова „великимъ творцомъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ критикъ видитъ въ комедіи массу недостатковъ, раждающихся, по его мнѣнію, изъ самаго существа пьесы-сатиры. Слѣдуетъ признать, что нѣкоторые недостатки указаны мѣтко и справедливо, что подтвердила и послѣдующая критика. Таково, напримѣръ, утвержденіе, что Фамусовъ иногда въ своихъ монологахъ „дѣлаетъ выходки противъ общества, какія могли бы прійти въ голову только Чацкому“; то же справедливо и относительно Лизы, рѣчи которой „сдѣлали бы честь остроумію самого Чацкаго“. Но большинство упрековъ Бѣлинскаго нельзя не признать придирчивыми и несправедливыми. Вся статья, вообще, написана въ рѣзкомъ, повышенномъ тонѣ. О XVIII вѣкѣ Бѣлинскій говоритъ, что его духъ „бродилъ еще, какъ заколдованная тѣнь, ожидая себѣ осиноваго кола, которымъ и было „Горе отъ ума“; про Лизу онъ утверждаетъ, что она, будто-бы, „держитъ въ рукахъ участь“ Софьи, пользуясь тѣмъ, что „является помощницей въ ея низкой связи“; Софья ведетъ себя „нагло-враждебно въ отношеніи къ Чацкому“; Молчалинъ—„ползающая тварь“, но „умѣнъ, какъ дьяволъ, когда дѣло идетъ о его личныхъ выгодахъ“. Но особенно рѣзко Бѣлинскій судитъ о Чацкомъ, который сосредоточиваетъ въ себѣ идейное содержаніе комедіи, значитъ, больше всего нарушаетъ требованія „поэзіи формы“. Бѣлинскому въ Чацкомъ не нравится все: и его рѣчи, и его поступки. Критикъ подробно пересматриваетъ все развитіе комедіи и не находитъ нигдѣ оправданія главному герою. Вотъ Чацкій является раннимъ утромъ въ домъ Фамусова и видитъ Софью. „Во-первыхъ, онъ заѣзжаетъ

въ домъ ея отца и требуетъ свиданія съ ней, прямо съ дороги, не заѣхавъ домой, чтобы обриться и переодѣться, и заѣзжаетъ когда же?—*въ шесть часовъ утра!*—Воля ваша—не *по-свѣтски*, не умно и не эстетически!" „Какъ *свѣтскій* человѣкъ онъ не долженъ разсыпаться въ нѣжныхъ и страстныхъ монологахъ; скорѣе долженъ онъ начать шутить и говорить о незначущихъ предметахъ; обо всемъ, кромѣ любви своей". А Чацкій упрекаетъ Софью, „что она холодно его принимаетъ". При этомъ „истиннаго и глубокаго чувства любви не видно ни въ одномъ его словѣ". Во второмъ дѣйствіи, въ столкновеніяхъ съ Фамусовымъ, Чацкій ведетъ себя какъ „полоумный". Любовь Чацкаго къ Софьѣ Бѣлинскій называетъ „бурей въ стаканѣ воды" и отрицаетъ у него „уваженіе къ святому чувству любви, уваженіе къ самому себѣ". На балу Чацкій „несетъ такую дичь, что всѣ уходятъ". Въ концѣ пьесы, когда для Софьи открывается лживость Молчалина, Чацкій спѣшитъ „прочесть нѣсколько проповѣдей", тогда какъ—„какой бы порядочный, по крайней мѣрѣ не сумасшедшій человѣкъ, на мѣстѣ Чацкаго, не удалился тихонько, узнавъ горькую истину?..." Общій выводъ Бѣлинскій фомулируетъ такъ: „Это просто крикунъ, фразёръ, идеальный шутъ, на каждомъ шагу профанирующій все святое, о которомъ говоритъ. Неужели войти въ общество и начать всѣхъ ругать въ глаза дураками и скотами, значитъ быть глубокимъ человѣкомъ? Что бы вы сказали о человѣкѣ, который, войдя въ кабакъ, сталъ бы съ одушевленіемъ и жаромъ доказывать пьянымъ мужикамъ, что есть наслажденіе выше вина—есть слава, любовь, наука, поэзія, Шиллеръ и Жанъ-Поль Рихтеръ?... Это новый Донъ-Кихотъ, мальчикъ на палочкѣ верхомъ, который воображаетъ, что сидитъ на лошади... Глубоковѣрно оцѣнилъ эту комедію кто-то, сказавшій, что это горе,—только не отъ *ума*, а отъ *умничанья*. [М. А. Дмитріевъ]. Искусство можетъ избрать своимъ предметомъ и такого человѣка, какъ Чацкій, но тогда изображеніе долженствовало-бъ быть объективнымъ, а Чацкій лицомъ комическимъ, но мы ясно видимъ, что поэтъ не шутя хотѣлъ изобразить въ Чацкомъ идеалъ глубокаго человѣка въ противорѣчіе съ обществомъ, и вышло Богъзнаетъ что". Что же касается общихъ итоговъ оцѣнки всей комедіи, то они таковы: „Горе отъ ума" не есть комедія, по отсутствію, или лучше сказать, по ложности своей основной идеи; не есть художественное созданіе по отсутствію самоцѣльности, а слѣдовательно, и объективности, составляющей необходимое условіе творчества. „Горе отъ ума"—сатира, а не комедія: сатира же не можетъ быть *художественнымъ* произведеніемъ. И въ этомъ отношеніи, „Горе отъ ума" находится на неизмѣримомъ, безконечномъ разстояніи ниже „Ревизора", какъ вполнѣ—художественнаго созданія, вполнѣ—удовлетворяющаго высшимъ требованіямъ искусства и основнымъ философскимъ законамъ творчества. Но „Горе отъ ума" есть въ высшей степени *поэтическое* созданіе, рядъ отдѣльныхъ картинъ и самобытныхъ характеровъ, безъ отношенія къ цѣлому, художественно-нарисованныхъ кистію широкою, мастерскою, рукою твердою, которая, если и дрожала, то не отъ слабости, а отъ кипучаго, благороднаго негодованія, которымъ молодая душа еще не въ силахъ была совладѣть. Въ этомъ отношеніи „Горе отъ ума", въ его цѣломъ, есть какое-то уродливое зданіе, ничтожное по своему назначенію, какъ напр., сараи, но зданіе, построенное изъ драгоцѣннаго паросскаго

мрамора, съ золотыми украшеніями, дивною рѣзьбою, изящными колоннами"...

Такова оцѣнка „Горя отъ ума", предложенная Бѣлинскимъ читателямъ въ началѣ 1840 года. Безъ труда можно указать въ ней совпаденія съ критиками 1825 года: Дмитріевымъ, Писаревымъ; Дмитріева Бѣлинскій прямо даже цитируетъ сочувственно. Нападки на поведеніе Чацкаго, на безсвязность дѣйствія, увѣренія, что „Горя отъ ума" не комедія, а сатира — сближаютъ Бѣлинскаго и съ другими его предшественниками, напр. Н. И. Надеждинымъ. Отмѣтимъ здѣсь еще два-три изъ подобныхъ совпаденій. Въ статьѣ 1840 г. Бѣлинскій считалъ, что въ комедіи нѣтъ стройности въ развитіи дѣйствія, и указывалъ на третій актъ съ его бытовыми картинами, — „все это какъ-то несвязно съ цѣлымъ комедіи, выставляется само-собою, особно и отдѣльно". Та же мысль, только съ большей рѣзкостью развивается въ анонимной критической статьѣ по поводу „Недовольныхъ" Загоскина въ „Библіотекѣ для Чтенія" (1836, т. XVI, май, Критика, стр. 1—30): „комедія разрывается безпрестанно, и только воля автора раздѣлила ее на четыре акта. Можете раздѣлить ее на десять, на двѣнадцать штукъ, вынуть одну штуку, убавить, прибавить, — цѣлое ничего не потеряетъ". Здѣсь же, и не разъ, критикъ утверждаетъ, что „Горе отъ ума" — не комедія, а сатира, или, лучше сказать, пародія на современную Москву". Много совпаденій съ Бѣлинскимъ и у кн. *П. А. Вяземскаго* въ его статьѣ о Д. И. Фонъ-Визинѣ, написанной за три года до статьи Бѣлинскаго („Современникъ" 1837, т. V, № 1, стр. 67—71; въ отдѣльномъ изданіи книги „Фонъ-Визинъ", СПБ. 1848, стр. 220—225; въ собраніи сочиненій *Вяземскаго*, т. V, СПБ. 1880, стр. 142—145). Здѣсь о „Горѣ отъ ума" говорится: „Дѣйствія въ драмѣ, какъ и въ твореніяхъ Фонъ-Визина, нѣтъ или еще и менѣе. Здѣсь почти всѣ лица эпизодическія, всѣ явленія выдвижныя: ихъ можно выдвинуть, перемѣстить, пополнить и нигдѣ не замѣтишь ни трещины, ни придѣлки". Характерно мнѣніе о Чацкомъ: „Умъ, каковъ Чацкаго, не есть завидный ни для себя, ни для другихъ. Въ этомъ главный порокъ автора, что посреди глупцовъ разнаго свойства, вывелъ онъ одного умнаго человѣка, да и то бѣшенаго". И Вяземскій, полагаетъ, что „Горе отъ ума" не комедія, а сатира — „лучше и жарче всѣхъ обдуманная". То же строгое сужденіе Вяземскій повторилъ гораздо позже въ статьѣ „Дѣла иль пустяки давно минувшихъ лѣтъ" („Русскій Архивъ" 1874, кн. 2, стр. 0545—0548). Наконецъ, совсѣмъ наканунѣ появленія статьи Бѣлинскаго, въ „Сынѣ Отечества" Греча (1839, т. XI, Очеркъ русской литературы за 1838 и 1839 г., стр. 36—38; цензурное разрѣшеніе — 25 октября 1839 г.), въ анонимной рецензіи на второе изданіе комедіи 1839 г. (принадлежащей, кажется, *П. А. Полевому*) еще разъ высказывается то же мнѣніе: „комедію считаемъ блестящимъ, умнымъ явленіемъ *ея* времени, но отводимъ ей мѣсто подлѣ *Недоросля* и *Бѣдны* — не далѣе, и не почитаемъ ее даже и драмою, но просто умною, удивительно умною сатирою". Такимъ образомъ, сужденія Бѣлинскаго въ 1840 г. близко совпадаютъ съ оцѣнками 1825 и 1830-хъ годовъ; правда, знаменитый критикъ присоединилъ къ нимъ особую философско-эстетическую мотивировку, но литературные аргументы и формулировки у него почти тѣ же, что у Дмитріева, Надеждина, Вяземскаго.

Связанная съ прошлымъ, статья 1840 г. сильно повліяла и на послѣдующее развитіе русской критики. Воспроизведеніе взглядовъ Бѣлинскаго встрѣчаемъ въ 1847 г. въ „Очеркѣ исторіи русской поэзіи“ *А. И. Милюкова* (см. ниже) и потомъ—во многихъ популярныхъ и учебныхъ книгахъ; въ 1872 г. *И. А. Гончаровъ* доказалъ стройное сценическое развитіе пьесы и возстановилъ Чацкаго въ его художественномъ и психологическомъ значеніи; но и позже взгляды Бѣлинскаго встрѣчали сочувствіе и поддержку (см. выше о книгѣ *Н. А. Котляревскаго* „Литературныя направленія Александровской эпохи“). Между тѣмъ, самъ Бѣлинскій вскорѣ послѣ написанія своей статьи сталъ относиться къ ней критически. Въ письмѣ къ В. П. Боткину отъ 18-го февраля 1840 г. онъ уже говоритъ: „Съ твоимъ мнѣніемъ о статьѣ о „Горѣ отъ ума“ я совершенно согласенъ: много хорошаго въ ней, но въ цѣломъ—уродъ“. Около этого времени уже совершался въ Бѣлинскомъ новый поворотъ въ литературно-философскихъ взглядахъ—къ лѣвому гегельянству и „идейной поэзіи“. Въ свѣтѣ новыхъ идей статья о Грибоѣдовѣ стала казаться ему крайне несправедливой. Тому же Боткину онъ пишетъ 11-го декабря 1840 г.: „всего тяжелѣе мнѣ вспомнить о „Горѣ отъ ума“, которое я осудилъ съ художественной точки зрѣнія и о которомъ говорилъ свысока, съ пренебреженіемъ, не догадываясь, что это—благороднѣйшее, гуманическое произведеніе, энергическій (и при томъ еще первый) протестъ противъ гнусной расейской дѣйствительности, противъ чиновниковъ, взяточниковъ, баръ-развратниковъ, противъ... свѣтскаго общества, противъ невѣжества, добровольнаго холопства и пр., и пр., и пр.,“ (*А. Н. Пыпинъ*. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. 2-ое изд. СПБ., 1908, стр. 289 и 341). Новое настроеніе не замедлило отразиться въ статьяхъ Бѣлинскаго. Въ огромной статьѣ: „Раздѣленіе поэзіи на роды и виды“, напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1841 г. (т. XV, № 3, цензур. разрѣш. 28 февр. 1841; изданіе Солдатенкова, М. 1862, т. XII, стр. 269, 356; въ изданіи Венгерова, СПБ., 1902, т. VI, стр. 112) о „Горѣ отъ ума“ уже читаемъ тираду, въ которой сохраняется прежняя эстетическая точка зрѣнія, но кореннымъ образомъ измѣнена общественная оцѣнка. Противополагая художественную комедію дидактической, Бѣлинскій пишетъ: „если дидактическая комедія выходитъ не изъ невиннаго желанія поострить, но изъ глубоко-оскорбленнаго пошлостію жизни духа, если ея насмѣшка растворена саркастическою желчью, въ основаніи ея лежитъ глубокій юморъ, а въ выраженіи дышетъ бурное одушевленіе, словомъ, если она есть выстраданное созданіе,—то стоитъ всякой художественной комедіи“. „Высочайшій образецъ такой комедіи имѣемъ мы въ „Горѣ отъ ума“—этомъ благороднѣйшемъ созданіи геніальнаго человѣка, этомъ бурномъ дивирамбическомъ изліяніи желчнаго, громового негодованія, при видѣ гнилого общества ничтожныхъ людей, въ души которыхъ не проникаетъ лучъ Божьяго свѣта, которые живутъ по обветшалымъ преданіямъ старины, по системѣ пошлыхъ и безнравственныхъ правилъ, которыхъ мелкія цѣли и низкія стремленія направлены только къ призракамъ жизни—чинамъ, деньгамъ, сплетнямъ, униженію человѣческаго достоинства, и которыхъ апатическая, сонная жизнь есть смерть всякаго живого чувства, всякой разумной мысли, всякаго благороднаго порыва... „Горе отъ ума“ имѣетъ великое значеніе и для нашей литературы, и для нашего общества“.

Годомъ позже, въ обозрѣніи: „Русская литература въ 1841 году“ („Отечественныя Записки“ 1842, № 1, цензур. разрѣшеніе 31 декабря 1841; въ изданіи Солдатенкова, т. VI, М. 1860, стр. 66—67; въ изданіи Венгерова — т. VII, СПБ. 1904, стр. 39) Бѣлинскій говоритъ о Грибоѣдовѣ: „Онъ самъ-по-себѣ; онъ самъ цѣлая школа. Написавъ нѣсколько посредственныхъ опытовъ въ драматическомъ родѣ по французской мѣркѣ, онъ вдругъ является съ комедіею, для которой едва-ли гдѣ могъ быть образецъ, не говоря уже о русской литературѣ. Языкъ, стихъ, слогъ — все оригинально въ „Горѣ отъ ума“. Содержаніе этой комедіи взято изъ русской жизни; паѳосъ ея — негодованіе на дѣйствительность, запечатлѣнную печатію старины. Вѣрность характеровъ въ ней часто побѣждается сатирическимъ элементомъ. Полнотѣ ея художественности помѣшала неопредѣленность идеи, еще не вполнѣ созрѣвшей въ сознаніи автора: справедливо вооружаясь противъ безсмысленнаго обезьянства въ подражаніи всему иностранному, онъ зоветъ общество къ другой крайности — къ „китайскому незнанью иноземцевъ“. Не понявъ, что пустота и ничтожество изображеннаго имъ общества происходятъ отъ отсутствія въ немъ всякихъ убѣжденій, всякаго разумнаго содержанія, онъ слагаетъ всю вину на смѣшные бритые подбородки, на фраки съ хвостомъ назади, съ выемкой впереди и съ восторгомъ говоритъ о величавой одеждѣ долгополой старины... Но это показываетъ только незрѣлость, молодость таланта Грибоѣдова: „Горе отъ ума“, не смотря на всѣ свои недостатки, кишитъ геніальными силами вдохновенія и творчества. Грибоѣдовъ еще не былъ въ состояніи спокойно владѣть такими исполинскими силами. Если бы онъ успѣлъ написать другую комедію, она далеко оставила бы за собою „Горе отъ ума“. Это видно изъ самаго „Горя отъ ума“: въ немъ такъ много ручательствъ за огромное поэтическое развитіе“...

Далѣе идутъ похвалы силѣ сарказма, лиризму, тонкости характеристикъ, языку и стиху; Бѣлинскій въ этомъ отношеніи не колебался: въ 1842 году онъ говоритъ все то же, что раньше въ 1834 г. и позже въ 1844 г. Въ 1842 году Бѣлинскій сочувствовалъ Грибоѣдову въ „негодованіи на дѣйствительность“, но не видитъ въ комедіи „полноты художественности“. Любопытно, что и въ этомъ году онъ воспроизводитъ аргументацію М. Дмитріева, упрекая Чацкаго въ томъ, что онъ, будто-бы, „слагаетъ всю вину на смѣшные бритые подбородки“. Послѣдній разъ подробно говоритъ Бѣлинскій о „Горѣ отъ ума“ въ восьмой статьѣ о Пушкинѣ, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1844 г. (т. XXXVII, Критика, стр. 52—54; въ изд. Солдатенкова т. VIII, М. 1860, стр. 524—526), писанной въ періодъ полной зрѣлости критической мысли. Здѣсь читаемъ: „Вмѣстѣ съ современнымъ ему геніальнымъ твореніемъ Грибоѣдова — *Горе отъ ума* стихотворный романъ Пушкина положилъ прочное основаніе новой русской поэзіи, новой русской литературѣ... Не смотря на всѣ недостатки, довольно важные, комедіи Грибоѣдова,— она какъ произведеніе сильнаго таланта, глубокаго и самостоятельнаго ума, была первою русскою комедіею, въ которой нѣтъ ничего подражательнаго, нѣтъ ложныхъ мотивовъ и неестественныхъ красокъ, но въ которой и цѣлое, и подробности, и сюжетъ, и характеры, и страсти, и дѣйствія, и мнѣнія, и языкъ,— все насквозь проникнуто глубокою истиною русской дѣйствительности“. Въ дальнѣйшемъ Бѣлинскій вновь восхваляетъ языкъ и стихъ Гри-

боѣдова и дѣлаетъ любопытное указаніе на связь его стиля съ Крыловымъ.

Послѣ 1844 г. Бѣлинскій уже не говоритъ о комедіи Грибоѣдова подробно, хотя случайныя упоминанія о ней разсѣяны по всѣмъ томамъ его сочиненій. Новой спеціальной статьи о „Горѣ отъ ума“ онъ никогда не написалъ. И теперь мы можемъ подвести итогъ его десятилѣтнимъ высказываніямъ о Грибоѣдовѣ. Существуетъ мнѣніе, опирающееся какъ на письма Бѣлинскаго къ Боткину (см. выше), такъ и на разницу въ его сужденіяхъ 1840 и 1841 г.,— что Бѣлинскій позднѣе совершенно отказался отъ взглядовъ, выраженныхъ въ статьѣ 1840 года, что́ и изложилъ бы подробно, если бы случайность не помѣшала ему написать новую статью о Грибоѣдовѣ (см. мнѣніе *С. А. Венгерова* въ его изданіи Бѣлинскаго, т. V, стр. 571, примѣч. 44; т. VI, стр. 558, примѣч. 28). Это не такъ. Въ одномъ Бѣлинскій былъ непоколебимъ съ начала и до конца: въ высокой оцѣнкѣ языка, бытовыхъ картинъ и характеровъ въ комедіи. Въ оцѣнкѣ сценическаго развитія пьесы осталась неясность; въ 1840 г., въ значительной степени подъ вліяніемъ предвзятаго мнѣнія о Чацкомъ, Бѣлинскій видѣлъ много пробѣловъ въ сценичности комедіи, примыкая въ этомъ къ антагонистамъ 1825 и тридцатыхъ годовъ; позднѣе онъ не высказался отчетливо по этому вопросу. Въ оцѣнкѣ идейнаго содержанія пьесы и общественной роли Чацкаго наблюдаемъ у Бѣлинскаго рѣзкій поворотъ—отъ порицанія къ восхищенію. Что же касается общей художественной квалификаціи „Горя отъ ума“, то здѣсь слѣдуетъ констатировать большую устойчивость въ сужденіяхъ Бѣлинскаго. Въ 1840 г. онъ считалъ „Горе отъ ума“ не комедіей, а сатирой; въ 1841 г. онъ считаетъ пьесу комедіей дидактической и противополагаетъ ее художественной комедіи; въ 1844 году видитъ въ ней „недостатки довольно важные“. Можно думать, что и новой отдѣльной статьи Бѣлинскій не писалъ потому, что ему нечего было добавить къ сказанному въ 1841 и 1844 годахъ. Какъ уже указано выше, существеннымъ исправленіемъ оцѣнки Бѣлинскаго явилась позднѣе работа Гончарова.

5. Н. В. Гоголь.

Вскорѣ послѣ Бѣлинскаго высказался о „Горѣ отъ ума“ *Н. В. Гоголь*. Замыслы „Ревизора“ и выполненіе ихъ совпало съ успѣхами „Горя отъ ума“ на сценѣ и спорами въ печати по поводу перваго отдѣльнаго изданія комедіи. По наблюденіямъ С. Т. Аксакова, „русская комедія сильно занимала“ тогда Гоголя, и, конечно, „Горе отъ ума“ оказало большое вліяніе на художественное сознаніе Гоголя. Свои размышленія о комедіи Грибоѣдова Гоголь изложилъ въ статьѣ „Въ чемъ же наконецъ существо въ русской поэзіи и въ чемъ ея особенность“, въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“ (СПБ. 1847, стр. 247, 249—255, 258; цензурн. разрѣш. 18-го августа 1846; перепечатывалась потомъ во всѣхъ собраніяхъ сочиненій Н. В. Гоголя). Охарактеризовавъ „Недоросля“ Фонвизина, Гоголь продолжаетъ: „Комедія Грибоѣдова взяла другое время общества—выставила болѣзни отъ дурнопонятаго просвѣщенія, отъ принятія глупыхъ свѣтскихъ мелочей намѣсто главнаго, словомъ—взяла Донкишотскую сторону нашего европейскаго образованія, несвязавшуюся смѣсь обычаевъ, сдѣлавшую Русскихъ не Русскими,

но иностранцами. Типъ Фамусова такъ же глубоко постигнутъ, какъ и Простаковой. Такъ же наивно, какъ хвастается Простакова своимъ невѣжествомъ, онъ хвастается полупросвѣщеніемъ, какъ собственнымъ, такъ и всего того сословія, къ которому принадлежитъ—хвастается тѣмъ, что Московскія дѣвицы верхнія выводятъ ноткн, словечка два не скажутъ, все съ ужимкою, что дверь у него отперта для всѣхъ, какъ званныхъ, такъ и незванныхъ, особенно для иностранныхъ; что канцелярія у него набита ничего недѣлающею родней. Онъ и благопристойный, степенный человѣкъ, и волокита, и читаетъ мораль и мастеръ такъ пообѣдать, что въ три дня не сварится. Онъ даже вольнодумецъ, если соберется съ подобными себѣ стариками, и въ то же время готовъ не допустить на выстрѣлъ къ столицамъ молодыхъ вольнодумцевъ, которыхъ именемъ честитъ всѣхъ, кто не подчинился принятымъ свѣтскимъ обычаямъ ихъ общества. Въ существѣ своемъ это одно изъ тѣхъ вывѣтрившихся лицъ, въ которыхъ, при всемъ ихъ свѣтскомъ comme il faut, не осталось ровно ничего; которыя своимъ пребываніемъ въ столицѣ и службою такъ же вредны обществу, какъ другіе ему вредны своею неслужбою и огрубѣлымъ пребываніемъ въ деревнѣ".

Далѣе Гоголь предлагаетъ отдѣльныя характеристики Загорѣцкаго, Репетилова, Скалозуба, Хлёстовой, Молчалина и Чацкаго. О Софьѣ и другихъ дѣйствующихъ лицахъ Гоголь не упоминаетъ; не говоритъ онъ и о картинѣ московскихъ нравовъ, о языкѣ и стихѣ комедіи и другихъ вопросахъ, намѣченныхъ уже критиками „Горя отъ ума". Общественную оцѣнку Гоголь связываетъ съ характеристикой Чацкаго. „Такое скопище уродовъ общества, изъ которыхъ каждый окаррикатурилъ какое нибудь мнѣніе, правило, мысль, извративши по-своему законный смыслъ ихъ, должно было вызвать въ отпоръ ему другую крайность, которая обнаружилась ярко въ Чацкомъ. Въ досадѣ и въ справедливомъ негодованіи противу ихъ всѣхъ, Чацкій переходитъ также въ излишество, не замѣчая, что черезъ это самое и черезъ этотъ невоздержный языкъ свой онъ дѣлается самъ нестерпимъ и даже смѣшенъ. Всѣ лица комедіи Грибоѣдова суть такія же дѣти полупросвѣщенія, какъ Фонъ-Визиновы—дѣти непросвѣщенія, Русскіе уроды, временныя, переходящія лица, образовавшіяся среди броженія новой закваски. Прямо-Русскаго типа нѣтъ ни въ комъ изъ нихъ; не слышно Русскаго гражданина. Зритель остается въ недоумѣніи на счетъ того, чѣмъ долженъ быть Русскій человѣкъ. Даже то лицо, которое взято, повидимому, въ образецъ, то есть, самъ Чацкій, показываетъ только стремленіе чѣмъ-то сдѣлаться, выражаетъ только негодованіе противу того, что презрѣнно и мерзко въ обществѣ, но не даетъ въ себѣ образца обществу".

Общественное значеніе „Горя отъ ума" Гоголь ставитъ очень высоко и считаетъ его вмѣстѣ съ „Недорослемъ" „истинно-общественными комедіями". „Нужно было много накопиться сору и дрязгу внутри земли нашей, чтобы явились онѣ почти сами собою, въ видѣ какого-то грознаго очищенія. Вотъ почему по слѣдамъ ихъ не появилось въ нашей литературѣ ничего имъ подобнаго и, вѣроятно, долго не появится". Однако, Гоголь видитъ въ нихъ и недостатки—въ сценическомъ развитіи. „Обѣ комедіи исполняютъ плохо сценическія условія; въ семъ отношеніи ничтожная Французская пьеса ихъ лучше. Содержаніе, взятое въ интригу, ни завязано плотно, ни мастерски

развязано. Кажется, сами комики о немъ не много заботились, видя сквозь него другое, высшее содержаніе и соображая съ нимъ выходы и уходы лицъ своихъ. Степень потребности побочныхъ характеровъ и ролей измѣрена также не въ отношеніи къ герою пьесы, но въ отношеніи къ тому, сколько они могли пополнить и пояснить мысль самого автора присутствіемъ своимъ на сценѣ, сколько могли собою дорисовать общность всей сатиры. Въ противномъ же случаѣ, то есть, если бы они выполнили и эти необходимыя условія всякаго драматическаго творенія и заставили каждое изъ лицъ, такъ мѣтко схваченныхъ и постигнутыхъ, изворотиться передъ зрителемъ въ живомъ дѣйствіи, а не въ разговорѣ—это были бы два высокія произведенія нашего генія". Здѣсь тонко подмѣчена склонность Грибоѣдова излагать свои художественные замыслы не въ „живомъ дѣйствіи", а въ „разговорахъ" и даже монологахъ; но утвержденіе, будто любая ничтожная французская пьеса лучше „Недоросля" и „Горя отъ ума" въ сценическомъ отношеніи,—крайне преувеличено; да и самое уравненіе въ сценичности комедій Фонвизина и Грибоѣдова тоже несправедливо, и здѣсь надо отдать предпочтеніе „Горю отъ ума". Возможно, что на эти сужденія Гоголя оказало свое вліяніе мнѣніе кн. П. А. Вяземскаго въ статьѣ о Фонвизинѣ въ „Современникѣ" (см. выше), извѣстное, конечно, Гоголю и изъ устныхъ бесѣдъ съ Вяземскимъ.

6. Пятидесятые—семидесятые годы. Н. Г. Чернышевскій, Н. А. Добролюбовъ, Аполлонъ Григорьевъ, А. И. Герценъ, Д. И. Писаревъ, М. В. Авдѣевъ.

Общественное возбужденіе 50—60-хъ годовъ, создавшее въ литературной критикѣ особое направленіе—публицистическое, отозвалось и на сужденіяхъ о „Горѣ отъ ума". Любопытно, что стремленіе оцѣнивать комедію непремѣнно съ общественной точки зрѣнія сближало весьма чуждыхъ другъ другу критиковъ, напр., Ап. Григорьева и Чернышевскаго.

Чернышевскому никогда не пришлось высказаться о „Горѣ отъ ума" въ особой статьѣ. Изъ случайныхъ замѣчаній о пьесѣ, разбросанныхъ въ его сочиненіяхъ, трудно составить опредѣленное представленіе о его мнѣніи. Одно только несомнѣнно,—что Чернышевскій цѣнилъ „Горе отъ ума" съ утилитарной, „направленской" точки зрѣнія. Въ первой главѣ „Очерковъ гоголевскаго періода русской литературы" („Современникъ" 1855, № 12; отдѣльное изданіе 1892 г., стр. 17—18; собраніе сочиненій *Н. Г. Чернышевскаго*, т. II) мы находимъ характерную въ этомъ отношеніи тираду: „Горе отъ ума" имѣетъ недостатки въ художественномъ отношеніи, но остается до сихъ поръ одною изъ самыхъ любимыхъ книгъ, потому что представляетъ рядъ превосходныхъ сатиръ, изложенныхъ то въ формѣ монологовъ, то въ видѣ разговоровъ. Почти столь же важно было вліяніе Пушкина, какъ сатирическаго писателя, какимъ онъ явился преимущественно въ „Онѣгинѣ". И однако же, несмотря на высокія достоинства и огромный успѣхъ комедіи Грибоѣдова и романа Пушкина, должно приписать исключительно Гоголю заслугу прочнаго введенія въ русскую изящную литературу сатирическаго—или, какъ справедливѣе будетъ называть его, критическаго направленія. Несмотря на вопросъ, возбужденный его комедіею, Грибоѣдовъ

не имѣлъ послѣдователей, и „Горе отъ ума“ осталось въ нашей литературѣ одинокимъ, отрывочнымъ явленіемъ, какъ прежде комедіи Фонвизина и сатиры Кантемира, осталось безъ замѣтнаго вліянія на литературу, какъ басни Крылова. Что было тому причиною? Конечно, господство Пушкина и плеяды поэтовъ, его окружавшей. „Горе отъ ума“ было произведеніемъ, настолько блестящимъ и живымъ, что не могло не возбудить общаго вниманія; но геній Грибоѣдова не былъ такъ великъ, чтобы однимъ произведеніемъ пріобрѣсть съ перваго же раза господство надъ литературою. Что же касается до сатирическаго направленія въ произведеніяхъ самого Пушкина, то оно заключало въ себѣ слишкомъ мало глубины и постоянства, чтобы производить замѣтное дѣйствіе на публику и литературу. Оно почти совершенно пропадало въ общемъ впечатлѣніи чистой художественности, чуждой опредѣленнаго направленія“. Чернышевскій и Бѣлинскаго упрекалъ за то, что тотъ въ разборѣ „Ревизора“ и „Горя отъ ума“ въ статьѣ 1840 г. „ограничивается исключительно художественною точкою зрѣнія“. „На то, какое значеніе для жизни имѣетъ „Ревизоръ“ и имѣло „Горе отъ ума“, не обращено почти никакого вниманія“.

Добролюбовъ не высказался о „Горѣ отъ ума“ прямо, въ спеціальной статьѣ. Разсѣянныя въ его сочиненіяхъ упоминанія о Грибоѣдовѣ случайны и кратки. Вотъ одно изъ нихъ, наиболѣе опредѣлительное. Въ статьѣ „О степени участія народности въ развитіи русской литературы“ („Современникъ“ 1858, № 2; перепечатано въ разныхъ изданіяхъ собранія сочиненій *Н. А. Добролюбова*, напр. въ изд. „Дѣятель“, подъ ред. Е. В. Аничкова, т. I, стр. 219), сказавъ, что русская сатира XVIII в. „пересыпала изъ пустого въ порожнее“, Добролюбовъ продолжаетъ: „Грибоѣдовъ какъ будто имѣлъ въ виду русскихъ сатириковъ, изображая Чацкаго. Ни къ селу, ни къ городу, людямъ, которые не хотятъ ихъ слушать и не могутъ понять, а если поймутъ, то не могутъ выполнить ихъ требованій, начинаютъ они кричать о Кузнецкомъ мостѣ и вѣчныхъ нарядахъ, объ иголкахъ и шпилькахъ (не замѣчая слона), возстаютъ противъ фраковъ и бритья бородъ (а сами выбриты и во фракѣ), противъ мелочныхъ недостатковъ, зависящихъ отъ обычая или даже приличій, принятыхъ всѣми и въ сущности никому не мѣшающихъ. И тутъ же вдругъ, какъ снѣгъ на голову, грянутъ съ какимъ-нибудь маленькимъ требованьемъ: будь, дескать, добродѣтеленъ, служи безкорыстно, ставь общее благо выше собственнаго, и т. п. абстракціи, весьма милыя и вполнѣ справедливыя, но, къ несчастью, рѣдко зависящія отъ воли частнаго человѣка... Совершенно такъ, какъ Чацкій издѣвается надъ фракомъ, очень хорошо понимая, однако, что носить или не носить фракъ, брить или не брить бороду, вовсе не зависитъ отъ восклицаній какого-нибудь одного азартнаго господина.“

Аполлонъ Григорьевъ писалъ о „Горѣ отъ ума“ въ 1859 г., въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина“ („Русское Слово“ 1859, № 2, стр. 31—43); тремя годами позже то же самое, только съ нѣкоторыми дополненіями и передѣлками, онъ перепечаталъ въ статьѣ: „По поводу новаго изданія старой вещи“ въ журналѣ „Время“ (1862, августъ, стр. 35—50; по поводу изданія „Горя отъ ума“ 1862 г.). Въ этой послѣдней статьѣ, написанной съ большими отступленіями (о великосвѣт-

скихъ романахъ, о Пушкинѣ и Лермонтовѣ, о характерѣ Дездемоны и т. д.), Григорьевъ берется доказать два главныхъ положенія: 1) „что комедія Грибоѣдова есть единственное произведеніе, представляющее сферу нашего такъ называемаго свѣтскаго быта", и 2) „что Чацкій до сихъ поръ единственное *героическое* лицо нашей литературы". Въ другихъ писателяхъ, бравшихся за изображеніе большого свѣта, Григорьевъ видитъ или пристрастно-сочувственное къ нему отношеніе, или жолчное раздраженіе. „Изъ всѣхъ нашихъ писателей, принимавшихся за сферу большого свѣта, одинъ только художникъ сумѣлъ удержаться на высотѣ созерцанія—Грибоѣдовъ. Его Чацкій былъ, есть и долго будетъ непонятенъ,—именно до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ окончательно въ нашей литературѣ несчастная болѣзнь, которую назвалъ я однажды, и назвалъ, кажется, справедливо, „болѣзнью моральнаго лакейства"... Отъ этой болѣзни былъ совершенно свободенъ Грибоѣдовъ, отъ этой болѣзни свободенъ Толстой, но—хотя это и страшно сказать—отъ нея не былъ свободенъ Лермонтовъ". „Грибоѣдовъ казнилъ невѣжество и хамство, но казнитъ ихъ не во имя comme il faut'наго условнаго идеала, а во имя высшихъ законовъ христіанскаго и человѣчески-народнаго взгляда. Фигуру своего борца, своего Яфета, Чацкаго, онъ оттѣнилъ фигурою хама Репетилова, не говоря уже о хамѣ Фамусовѣ и хамѣ Молчалинѣ. Вся комедія есть комедія о хамствѣ, къ которому равнодушнаго или даже нѣсколько болѣе спокойнаго отношенія незаконно и требовать отъ такой возвышенной натуры, какова натура Чацкаго". „Чацкій прежде всего—*честная* и *дѣятельная* натура, при томъ еще натура борца, т. е. натура въ высшей степени страстная". Противъ него возражаютъ, что свѣтскій человѣкъ не позволитъ себѣ говорить въ обществѣ того, что говоритъ Чацкій, и не будетъ спорить съ Фамусовыми и Молчалиными. Но Чацкій вовсе не „свѣтскій человѣкъ"; „въ Чацкомъ только правдивая натура, которая никакой лжи не спуститъ—вотъ и все". При томъ Фамусовъ для него—„живое воспоминаніе дѣтства". Софью Чацкій любитъ особою любовію, въ которой кроется „мечта о его Софьѣ какъ способной понять, что „міръ цѣлый" есть „прахъ и суета" передъ идеей правды и добра". Да и въ Софьѣ, дѣйствительно, есть хорошіе задатки нравственныхъ силъ, подавленныхъ только низкой средой. Здѣсь Григорьевъ сопоставляетъ—впервые въ русской критикѣ—Чацкаго съ Жадовымъ въ „Доходномъ мѣстѣ" Островскаго. Характеристику Чацкаго онъ, въ заключеніе, дополняетъ еще одной чертой. „Чацкій, кромѣ общаго своего героическаго значенія, имѣетъ еще значеніе *историческое*. Онъ—порожденіе первой четверти русскаго XIX-го столѣтія, прямой сынъ и наслѣдникъ Новиковыхъ и Радищевыхъ, товарищъ людей „вѣчной памяти двѣнадцатаго года", могущественная, еще глубоко вѣрующая въ себя и потому упрямая сила, готовая погибнуть въ столкновеніи съ другою, погибнуть хотя-бы изъ-за того, чтобы оставить по себѣ „страницу въ исторіи"... Въ другомъ мѣстѣ статьи Григорьевъ сопоставляетъ Чацкаго, какъ лицо героическое, съ „падшими борцами", которымъ Пушкинъ писалъ: „Богъ помочь вамъ, друзья мои!", „отыскивая ихъ сердцемъ всюду, даже въ мрачныхъ пропастяхъ земли". Это сближеніе Чацкаго съ декабристами тоже впервые сдѣлано въ русской литературѣ А. Григорьевымъ; въ своихъ рукописяхъ на немъ рѣзко настаивалъ Достоевскій, въ 80-хъ годахъ

его развивалъ *В. О. Ключевскій*, и теперь оно можетъ быть подтверждено многими данными. Итакъ Григорьевъ къ оцѣнкѣ „Горя отъ ума“ совершенно не прилагаетъ мѣрки эстетической; онъ судилъ только съ моральной и общественно-исторической точки зрѣнія.

А. И. Герценъ еще въ ранней юности испыталъ сильное воздѣйствіе „Горя отъ ума“. Объ этомъ онъ упоминаетъ въ „Запискахъ одного молодого человѣка“ („Отечественныя Записки“ 1840, т. XIII, отд. 3; Сочиненія *А. И. Герцена*, изд. Павленкова, 1905, т. I, стр. 57). Гораздо позже и подробнѣе о томъ же онъ разсказываетъ въ „Письмахъ къ будущему другу“ („Колоколъ“ 1864, № 186; Сочиненія, т. VI, стр. 377); здѣсь воспоминаніе о „Горѣ отъ ума“ связывается съ впечатлѣніями декабризма. „Я еще помню блестящій рядъ молодыхъ героевъ, неустрашимо, самонадѣянно шедшихъ впередъ... Въ ихъ числѣ шли поэты и воины, таланты во всѣхъ родахъ, люди, увѣнчанные лаврами и всевозможными вѣнками... Я помню появленіе первыхъ пѣсенъ „Онѣгина“ и первыхъ сценъ „Горя отъ ума“... Я помню, какъ, прерывая смѣхъ Грибоѣдова, ударялъ, словно колоколъ на первой недѣлѣ поста—серьезный стихъ Рылѣева“. И въ томъ же 1864 году Герценъ издалъ на французскомъ языкѣ отдѣльную брошюру о русской литературѣ, гдѣ вновь говоритъ о „Горѣ отъ ума“. Брошюра не имѣла широкаго распространенія въ Россіи, но, конечно, была знакома русскимъ критикамъ и историкамъ литературы, напр. Пыпину, и черезъ нихъ могла вліять и на читателей. Здѣсь Герценъ говоритъ: „комедія Грибоѣдова появилась подъ конецъ царствованія Александра I; своимъ смѣхомъ она связывала самую блестящую эпоху тогдашней Россіи,—эпоху надеждъ и возвышенной юности,—съ темными и безмолвными временами Николая. Чтобы вѣрно оцѣнить значеніе и вліяніе произведенія Грибоѣдова въ Россіи, надо вспомнить то время во Франціи, когда первое представленіе „Свадьбы Фигаро“ имѣло тамъ значеніе государственнаго переворота. Комедію Грибоѣдова читали, заучивали наизусть, переписывали во всѣхъ уголкахъ государства, прежде, чѣмъ она появилась на сценѣ, прежде цензорскаго imprimatur (дозволяется печатать). Николай разрѣшилъ постановку этой пьесы, чтобы лишить ее привлекательности запрещеннаго плода, и далъ свое согласіе на отпечатаніе ея въ урѣзанномъ видѣ, чтобы противодѣйствовать распространенію рукописныхъ экземпляровъ. И опять-таки содержаніе пьесы составляетъ vacuum horrendum высшаго русскаго общества, въ особенности московскаго. Но это было уже не то доброе старое время, когда писалъ Фонвизинъ; за полстолѣтіе совершилось много перемѣнъ. Краски уже не такъ легки, и не такъ ужъ веселъ смѣхъ, Высшій свѣтъ Грибоѣдова лучше поддѣлывается подъ Парижъ, хотя все еще отъ него несетъ русской кожей на десять шаговъ... Грибоѣдовъ, родившійся въ 1795 г., принадлежалъ къ этой же средѣ, и ему незачѣмъ было оставлять свой отчій домъ, чтобы увидѣть собственными глазами эти „призраки сановниковъ въ отставкѣ“, прикрывающіе орденами и звѣздами цѣлыя бездны неспособности, невѣжества, тщеславія, угодливости, надменности, низости и даже легкомыслія; и вокругъ этихъ „покойниковъ, которыхъ позабыли похоронить“, цѣлый міръ кліентовъ, интригановъ, тунеядцевъ, ведущихъ жизнь, преисполненную формализма, этикета и лишенную всякаго общественнаго интереса... Фигура Чацкаго, меланхолическая, ушедшая въ

свою иронію, трепещущая отъ негодованія и полная мечтательныхъ идеаловъ, появляется въ послѣдній моментъ царствованія Александра I, наканунѣ возмущенія на Исаакіевской площади; это—декабристъ, это—человѣкъ, который завершаетъ эпоху Петра I и силится разглядѣть, по крайней мѣрѣ, на горизонтѣ обѣтованную землю... которой онъ не увидитъ. Его выслушиваютъ среди молчанія, такъ какъ общество, къ которому онъ обращается, принимаетъ его за сумасшедшаго,—за буйнаго сумасшедшаго,—и за его спиной насмѣхается надъ нимъ". Какъ видимъ, Герценъ для своихъ западныхъ читателей указалъ только политическое значеніе образа Чацкаго, минуя всѣ другія стороны комедіи.

Д. И. Писаревъ не посвятилъ „Горю отъ ума" отдѣльной статьи. Въ его сочиненіяхъ разбросаны многочисленныя упоминанія о Грибоѣдовѣ и его пьесѣ; наиболѣе отчетливо онъ высказался въ знаменитой статьѣ „Пушкинъ и Бѣлинскій", въ 1865 г. („Русское Слово" 1865, апрѣль, іюнь; Сочиненія *Д. И. Писарева*, ч. III, СПБ. 1866, стр. 180, 182, 183, 184, 199; ср. послѣдующія изданія). Здѣсь Писаревъ причисляетъ „Горе отъ ума" къ „величайшимъ произведеніямъ нашей литературы" и ставитъ Грибоѣдова неизмѣримо выше Пушкина: „Чтобы нарисовать историческую картину, надо быть не только внимательнымъ наблюдателемъ но еще, кромѣ того, замѣчательнымъ мыслителемъ; надо изъ окружающей васъ пестроты лицъ, мыслей, словъ, радостей, огорченій, глупостей и подлостей выбрать именно то, что сосредоточиваетъ въ себѣ весь смыслъ данной эпохи, что накладываетъ свою печать на всю массу второстепенныхъ явленій, что втискиваетъ въ свои рамки и видоизмѣняетъ своимъ вліяніемъ всѣ остальныя отрасли частной и общественной жизни. Такую громадную задачу дѣйствительно выполнилъ для Россіи двадцатыхъ годовъ Грибоѣдовъ; что же касается до Пушкина, то онъ даже не подошелъ близко къ этой задачѣ, даже не составилъ себѣ о ней приблизительно-вѣрнаго понятія". „Въ произведеніи мыслящаго писателя, задумавшаго нарисовать картину даннаго общества,—фигуры, подобныя Онѣгину, могутъ быть допущены только какъ вводныя лица, стоящія на второмъ планѣ, какъ стоятъ, напримѣръ, Загорѣцкій и Репетиловъ въ комедіи Грибоѣдова. Первыя мѣста, по всей справедливости, принадлежатъ Фамусову и Скалозубу, которые даютъ читателю ключъ къ пониманію цѣлаго историческаго періода, и которые своими типическими и рѣзко обозначенными физіономіями, объясняютъ намъ и низкопоклонство Молчалина, и глупую сентиментальность Софьи, и безплодное краснорѣчіе Чацкаго. Грибоѣдовъ, въ своемъ анализѣ русской жизни, дошелъ до той крайней границы, дальше которой поэтъ не можетъ идти, не переставая быть поэтомъ и не превращаясь въ ученаго изслѣдователя". Заключительныя замѣчанія Писарева таковы: „Горе отъ ума" стоитъ совершенно одиноко. Оно ничѣмъ не связано ни съ тѣмъ, что было до него, ни съ тѣмъ, что существовало рядомъ съ нимъ, ни съ тѣмъ, что было послѣ него. До него былъ Озеровъ, послѣ него Кукольникъ; въ одно время съ нимъ блистали стихотворныя шалости Жуковскаго и Пушкина." Какъ видимъ, Писаревъ цѣнитъ въ „Горѣ отъ ума" только рѣзкую общественную сатиру, обличеніе „глупостей и подлостей"; ни психологическое ея содержаніе, ни эстетическія формы его не интересуютъ; здѣсь отчетливо сказались пріемы публицистической критики, повторявшіеся и въ позднѣйшей

литературѣ о „Горѣ отъ ума“. Въ цитированной статьѣ Писаревъ, какъ будто, высоко цѣнитъ Грибоѣдова; но въ ней онъ высказывается только мимоходомъ; особой статьи о „Горѣ отъ ума“ онъ никогда не написалъ, а въ другихъ статьяхъ его мы встрѣчаемъ и пренебрежительные отзывы о комедіи. Такъ, за годъ до изложенной оцѣнки, въ статьѣ „Реалисты“ (1864-го года; въ собраніи сочиненій *Д. И. Писарева*, изданіе Павленкова, т. IV, стр. 113) критикъ писалъ: „Если вы предложите мнѣ вопросъ: есть ли у насъ въ Россіи замѣчательные поэты?—то я вамъ отвѣчу безъ всякихъ обиняковъ, что у насъ ихъ нѣтъ, никогда не было, никогда не могло быть—и по всей вѣроятности очень долго еще не будетъ. У насъ были или зародыши поэтовъ, или пародіи на поэта. Зародышами можно назвать Лермонтова, Гоголя, Полежаева, Крылова, Грибоѣдова; а къ числу пародій я отношу Пушкина и Жуковскаго. Первые остались на всю жизнь въ положеніи зародышей, потому что имъ нечѣмъ было питаться и некогда было развиваться“. Уравненіе Грибоѣдова съ Полежаевымъ какъ „зародышей“ и противопоставленіе Пушкину—„пародіи“ лишаетъ оцѣнку Писарева всякой убѣдительности.

Въ духѣ „дидактической“ публицистики и писаревскаго реализма высказался о Грибоѣдовѣ даровитый романистъ и критикъ *М. В. Авдѣевъ* въ своей книгѣ „Наше общество въ герояхъ и героиняхъ литературы“ (первоначально фельетоны въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ 1873 г.; первое отдѣльное изданіе—СПБ. 1874, второе—СПБ. 1907; также—въ полномъ собраніи сочиненій *М. В. Авдѣева*, СПБ. 1907). По самому заданію своей работы Авдѣевъ не могъ говорить о „Горѣ отъ ума“ какъ цѣлостномъ произведеніи; онъ разбираетъ только „героя“ и „героиню“, Чацкаго и Софью Павловну. Художественное и психологическое содержаніе пьесы не интересуетъ критика: „намъ уже нѣтъ дѣла до того—комедія ли такое-то произведеніе или только сатира, болѣе она художественна, или менѣе художественна и можетъ ли сатира считаться художественнымъ произведеніемъ“ (намекъ на статью Бѣлинскаго). Оцѣнивая героевъ литературы, Авдѣевъ „обращаетъ вниманіе исключительно на ихъ гражданское состояніе, на ихъ взгляды и отношенія къ своимъ гражданскимъ обязанностямъ“. Полемизируя съ Бѣлинскимъ, упрекавшимъ Чацкаго, что онъ не глубоко любитъ, Авдѣевъ говоритъ, что „Чацкій, напротивъ, тѣмъ намъ и дорогъ, что онъ плохо любитъ, что любовь не составляетъ для него всей цѣли жизни“. Авторъ дальше подбираетъ цитаты изъ рѣчей Чацкаго для характеристики его общественныхъ взглядовъ и указываетъ, что онъ „является уже негодующимъ на общественные недостатки, ораторомъ, бичующимъ не только эти недостатки, но задѣвающимъ уже такіе вопросы, какъ зло крѣпостного права“. Эти взгляды и поведеніе Чацкаго Авдѣевъ сближаетъ съ декабристами: „онъ, можетъ быть, будетъ членомъ общества всемірнаго благодѣнствія, можетъ быть, страсти увлекутъ его глубже и онъ умретъ гдѣ-нибудь вдали отъ своей родины Москвы и вовсе не на западѣ“; „внуки этого горячаго человѣка и перваго пропагандиста вспомнятъ его съ сочувствіемъ“. Что касается Софьи Павловны, то, минуя другой бытовой и психологическій матеріалъ для ея характеристики, Авдѣевъ сосредоточивается на оцѣнкѣ ея отношеній къ Молчалину. Утверждая категорически бо́льшую близость между ними, чѣмъ на то уполномочиваетъ текстъ пьесы, критикъ

пишетъ: „Любви всѣ возрасты послушны, и мы не бросимъ камня осужденія въ хорошо развитую 17-тилѣтнюю красавицу, которая, прежде замужества, пробуетъ силы, такъ сказать, in partibus infidelium". Его огорчаетъ только то, что Софья выбрала ничтожнаго Молчалина: „въ наше время повѣрки общественныхъ мнѣній, справедливость требуетъ сказать, что съ чисто физіологической стороны женщина должна быть гораздо разборчивѣе въ своемъ выборѣ, чѣмъ мущина". „О любовницѣ Молчалина мы бы пожалѣли, влюбленную въ Молчалина мы презираемъ!" Неудачный выборъ Софьи критикъ объясняетъ дурной наслѣдственностью со стороны матери („бывало я съ дражайшей половиной чуть врозь: ужъ гдѣ нибудь съ мужчиной") и вліяніемъ отца и московскаго общества.

Сужденія М. В. Авдѣева о Софьѣ Павловнѣ были, кажется, послѣднимъ проявленіемъ упрощеннаго „реализма" и „обличительнаго жара" 60—70-хъ годовъ въ кругу сужденій о „Горѣ отъ ума". Позднѣе мы уже не встрѣчаемъ такихъ поверхностныхъ сужденій, если, впрочемъ, не считать заявленій Евг. Соловьева-Андреевича. Въ общемъ, критика 60—70-хъ годовъ не представила цѣлостнаго разбора комедіи Грибоѣдова, даже затемнила общій смыслъ пьесы; въ оборотъ позднѣйшаго времени изъ запаса высказанныхъ тогда сужденій могло быть воспринято не больше двухъ-трехъ вѣрныхъ отдѣльныхъ наблюденій и оцѣнокъ,—напр. о близости Чацкаго къ декабризму, о ярко-сатирическомъ характерѣ пьесы и проч.

7. И. А. Гончаровъ.

Но уже въ то время, годомъ раньше статей эпигона писаревщины Авдѣева, русскіе читатели получили прекрасную характеристику „Горя отъ ума" — не отъ присяжнаго критика, а отъ одного изъ крупнѣйшихъ русскихъ поэтовъ, И. А. Гончарова. Гончаровъ всегда любилъ „Горе отъ ума", много разъ, еще со студенческихъ лѣтъ, видѣлъ пьесу на московской и петербургской сценахъ, постоянно ее перечитывалъ, и плодомъ этого культа Грибоѣдова явилась его знаменитая статья „Мильонъ терзаній" въ мартовской книжкѣ „Вѣстника Европы" за 1872 г. Пересмотрѣвъ обычныя сужденія о комедіи, Гончаровъ различаетъ въ нихъ двѣ группы: 1) „одни цѣнятъ въ комедіи картину московскихъ нравовъ извѣстной эпохи, созданіе живыхъ типовъ и ихъ искусную группировку"; 2) „другіе дорожатъ болѣе эпиграмматическою солью языка, живой сатирой — моралью, которою пьеса до сихъ поръ, какъ неистощимый колодезь, снабжаетъ всякаго на каждый обиходный шагъ жизни". Но „тѣ и другіе цѣнители почти обходятъ молчаніемъ самую „комедію", дѣйствіе, и многіе даже отказываютъ ей въ условномъ сценическомъ движеніи". Вполнѣ соглашаясь, что „Горе отъ ума" есть „и картина нравовъ, и галлерея живыхъ типовъ, и вѣчно острая, жгучая сатира", Гончаровъ ставитъ своей задачей доказать, что произведеніе Грибоѣдова есть „вмѣстѣ съ тѣмъ и комедія и, скажемъ сами за себя — больше всего комедія." И Гончаровъ разбираетъ дальше „Горе отъ ума" — во-первыхъ, „какъ сценическую пьесу", потомъ „какъ комедію вообще, ея общій смыслъ, главный разумъ ея въ общественномъ и литературномъ значеніи".

Прежде всего Гончаровъ возстанавливаетъ образъ Чацкаго въ его художественныхъ правахъ. „Главная роль, конечно — роль Чацкаго, безъ которой

не было бы комедіи, а была бы, пожалуй, картина нравовъ". Чацкій—живое лицо; „рѣчь его кипитъ умомъ, остроуміемъ; у него есть и сердце, и притомъ онъ безукоризненно честенъ". Къ Чацкому Гончаровъ относится съ теплымъ сочувствіемъ. „Чацкій, какъ личность, несравненно выше и умнѣе Онѣгина и лермонтовскаго Печорина. Онъ искренній и горячій дѣятель, а тѣ—паразиты, изумительно начертанные великими талантами, какъ болѣзненныя порожденія отжившаго вѣка". „Онъ славно пишетъ, переводитъ", говоритъ о немъ Фамусовъ, и всѣ твердятъ о его высокомъ умѣ." „Онъ, конечно, путешествовалъ не даромъ, учился, читалъ, принимался, какъ видно, за трудъ, былъ въ сношеніяхъ съ министрами и разошелся—не трудно догадаться почему: „Служить бы радъ, прислуживаться тошно". Реабилитація Чацкаго составляетъ первую заслугу Гончарова. Другую заслугу составляетъ то, что критикъ раскрываетъ „ходъ пьесы" и „выдѣляетъ изъ нея драматическій интересъ комедіи, то движеніе, которое идетъ черезъ всю пьесу, какъ невидимая, но живая нить, связующая всѣ части и лица комедіи между собою". Въ сценическомъ развитіи пьесы Гончаровъ мастерски выдѣляетъ двѣ линіи: 1) любовную драму Чацкаго, „горячій поединокъ" съ Софьей, „самое живое дѣйствіе, комедію въ тѣсномъ смыслѣ, въ которой принимаютъ близкое участіе два лица, Молчалинъ и Лиза", и 2) общественную драму, „другую борьбу важную и серьезную, цѣлую битву"—между Чацкимъ и фамусовскимъ обществомъ. „Мильонъ терзаній" сложился для Чацкаго изъ его сердечной неудачи и вражды коснаго общества. Подавленный всѣмъ происшедшимъ, онъ въ послѣдней сценѣ съ Софьей „разыгралъ роль Отелло, не имѣя на то никакихъ правъ", и не оцѣнилъ послѣдняго порыва ея раскаянія. Характеристика Софьи Павловны составляетъ еще одну заслугу Гончарова какъ критика. Еще Бѣлинскій въ статьѣ 1840 года, хотя и говорилъ, что Софья „не дѣйствительное лицо, а призракъ", но признавалъ, что въ ней „есть какая-то энергія характера;... она не дорожитъ ничьимъ мнѣніемъ и когда узнала, что такое Молчалинъ, съ презрѣніемъ отвергаетъ его, велитъ завтра же оставить домъ, грозя, въ противномъ случаѣ, все открыть отцу". Гончаровъ обставилъ это вѣрное, но общее и бѣглое сужденіе цѣлой системой психологическихъ наблюденій и доказательствъ, добытыхъ тщательнымъ анализомъ всего текста комедіи. Къ Софьѣ онъ относится съ теплымъ сочувствіемъ, какъ и къ Чацкому. „Въ собственной, личной ея физіономіи прячется въ тѣни что-то свое, горячее, нѣжное, даже мечтательное. Остальное принадлежитъ воспитанію". Многое въ Софьѣ создало ея воспитаніе—французскія книжки, фортепіано, стихи, французскій языкъ и танцы, „Кузнецкій мостъ и вѣчныя обновы", балы, условная свѣтская ложь, нездоровая мечтательность, атмосфера „науки страсти нѣжной", которую культивировали Онѣгины и Печорины. „Но въ Софьѣ Павловнѣ, т. е. въ чувствѣ ея къ Молчалину есть много искренности, сильно напоминающей Татьяну Пушкина"; „она въ любви своей точно такъ же готова выдать себя, какъ Татьяна: обѣ, какъ въ лунатизмѣ, бродятъ въ увлеченіи, съ дѣтской простотой. И Софья, какъ Татьяна же, сама начинаетъ романъ, не находя въ этомъ ничего предосудительнаго, даже не догадывается о томъ. Софья удивляется хохоту горничной при разсказѣ, какъ она съ Молчалинымъ проводитъ всю ночь: „Ни слова вольнаго!—и такъ вся ночь проходитъ!" „Врагъ дерзости, всегда застѣнчивый,

стыдливый!" Вотъ чѣмъ она восхищается въ немъ! Это смѣшно, но тутъ есть какая-то почти грація—и куда далеко до безнравственности". „Вообще къ Софьѣ Павловнѣ трудно отнестись не симпатично: въ ней есть сильные задатки недюжинной натуры, живого ума, страстности и женской мягкости. Она загублена въ духотѣ, куда не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта, ни одна струя свѣжаго воздуха. Не даромъ ее любилъ и Чацкій". Значеніе самого Чацкаго представляется Гончарову бо́льшимъ, чѣмъ обычнаго бытового или психологическаго типа; въ Чацкомъ есть и общечеловѣческія черты. „Чацкаго роль—роль страдательная: оно иначе и быть не можетъ. Такова роль всѣхъ Чацкихъ, хотя она въ то же время и всегда побѣдительная. Но они не знаютъ о своей побѣдѣ, они сѣютъ только, а пожинаютъ другіе—и въ этомъ ихъ главное страданіе, т. е. въ безнадежности успѣха". „Чацкій неизбѣженъ при каждой смѣнѣ одного вѣка другимъ. Положеніе Чацкихъ на общественной лѣстницѣ разнообразно, но роль и участь все одна отъ крупныхъ государственныхъ и политическихъ личностей, управляющихъ судьбами массъ, до скромной доли въ тѣсномъ кругу!" „Вотъ отчего не состарѣлся до сихъ поръ и едва ли состарѣется когда-нибудь грибоѣдовскій Чацкій, а съ нимъ и вся комедія. И литература не выбьется изъ магическаго круга, начертаннаго Грибоѣдовымъ, какъ только художникъ коснется борьбы понятій, смѣны поколѣній". „Много можно бы привести Чацкихъ—явившихся на очередной смѣнѣ эпохъ и поколѣній—въ борьбахъ за идею, за дѣло, за правду, за новый порядокъ, на всѣхъ ступеняхъ, во всѣхъ слояхъ русской жизни и труда—громкихъ, великихъ дѣлъ и скромныхъ кабинетныхъ подвиговъ". Самъ Гончаровъ приводитъ два такихъ примѣра. Одинъ изъ нихъ характеренъ особенно тѣмъ, что относится къ человѣку, который самъ рѣзко обличалъ Чацкаго,—къ Бѣлинскому. „Прислушайтесь къ его горячимъ импровизаціямъ—и въ нихъ звучатъ тѣ же мотивы и тотъ же тонъ, какъ и у грибоѣдовскаго Чацкаго. И также онъ умеръ, уничтоженный „милльономъ терзаній", убитый лихорадкой ожиданія и не дождавшійся исполненія своихъ грёзъ, которыя теперь—уже не грёзы больше". Другой примѣръ—Герценъ, „этотъ съ головы до ногъ русскій человѣкъ". „Вспомнимъ его стрѣлы, бросаемыя въ разные темные, отдаленные углы Россіи, гдѣ онѣ находили виноватыхъ. Въ его сарказмахъ слышится эхо грибоѣдовскаго смѣха и безконечное развитіе остротъ Чацкаго".

Критическій этюдъ Гончарова, написанный изящно, въ мягкомъ, спокойномъ и объективномъ тонѣ, прекрасно аргументированный обильными цитатами изъ „Горя отъ ума", полный тонкихъ эстетическихъ и психологическихъ наблюденій, разъяснилъ многое впервые и навсегда въ пониманіи пьесы. Гончаровъ оказалъ сильное вліяніе на послѣдующую критику, что увидимъ ниже. Его статья была, конечно, не свободна отъ нѣкоторыхъ ошибокъ и преувеличеній. Можно считать, что преувеличено было общечеловѣческое значеніе образа Чацкаго. Самъ Гончаровъ готовъ былъ сопоставлять Чацкаго съ сервантесовскимъ Донъ-Кихотомъ и шекспировскимъ Гамлетомъ. Но едва ли идейная стоимость Чацкаго столь велика, чтобы ставить его въ рядъ съ этими и другими міровыми образами. Историческое—и вмѣстѣ психологическое—пониманіе Чацкаго теряетъ также отъ того, что Гончаровъ недостаточно сблизилъ героя съ авторомъ. Рѣчи Чацкаго о „премудромъ

незнаніи иноземцевъ", о „старинѣ святой", о шутовской европейской одеждѣ — Гончаровъ объясняетъ тѣмъ, что Чацкій „очевидно ослабѣлъ отъ мильона терзаній", „пересталъ владѣть собой" и „впадаетъ въ преувеличенія, почти въ нетрезвость рѣчи". Но заявленія Чацкаго, какъ мы теперь можемъ установить, суть завѣтныя мысли самого Грибоѣдова, и не его только одного, а цѣлаго круга общественныхъ дѣятелей александровскаго времени. Но эти и нѣкоторыя другія обмолвки Гончарова нисколько не умаляютъ высокаго значенія произведеннаго имъ анализа „Горя отъ ума".

8. Ѳ. М. Достоевскій.

Изъ другихъ крупныхъ художниковъ слова 60—80-хъ годовъ никто не высказался о комедіи Грибоѣдова съ такою полнотою и убѣдительностью. Ее обошелъ молчаніемъ и *Тургеневъ*, охотно высказывавшійся о другихъ явленіяхъ русской и всеобщей литературы и самъ бывшій тонкимъ и чуткимъ драматургомъ. Не находимъ сужденій о комедіи и у *Л. Н. Толстого*, и это тѣмъ болѣе жаль, что художественная мысль великаго писателя работала надъ тою же эпохой, что и у Грибоѣдова; иногда оба поэта прямо совпадали въ своихъ типахъ: стоитъ вспомнить Хлёстову и Ахросимову. У *Салтыкова-Щедрина* находимъ развитіе грибоѣдовскихъ типовъ („Въ средѣ умѣренности и аккуратности"), но какъ критикъ Салтыковъ о „Горѣ отъ ума" не высказался. Зато у *Достоевскаго* есть нѣсколько сужденій о произведеніи Грибоѣдова, правда, отрывочныхъ и случайныхъ, но знаменательныхъ и оригинальныхъ. Достоевскій съ дѣтства любилъ „Горе отъ ума"; повидимому, свои отроческія впечатлѣнія воспроизводитъ онъ въ „Подросткѣ", въ разсказѣ Аркадія объ исполненіи Версиловымъ роли Чацкаго („Подростокъ", часть I, глава шестая, III; впервые романъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1875 г.). Въ подготовительныхъ матеріалахъ къ роману „Бѣсы" (опубликованы впервые въ 1906 г., въ новомъ собраніи сочиненій Достоевскаго) онъ вкладываетъ въ уста Шатова своеобразную, единственную въ своемъ родѣ оцѣнку Чацкаго: „Чацкій и не понималъ, какъ ограниченный дуракъ, до какой степени онъ самъ глупъ". „Онъ кричитъ: „Карету мнѣ, карету!" въ негодованіи, потому что не въ состояніи и самъ догадаться, что можно вѣдь и иначе проводить время, хотя бы и въ Москвѣ тогдашней, чѣмъ „къ перу отъ картъ и къ картамъ отъ пера". Онъ былъ баринъ и помѣщикъ и для него кромѣ своего кружка ничего и не существовало. Вотъ онъ и приходитъ въ такое отчаяніе отъ московской жизни высшаго круга, точно кромѣ этой жизни въ Россіи и нѣтъ ничего. Народъ русскій онъ проглядѣлъ, какъ и всѣ наши передовые люди, и тѣмъ болѣе проглядѣлъ, чѣмъ больше онъ передовой. Чѣмъ больше баринъ и передовой, тѣмъ больше и ненависти — не къ порядкамъ русскимъ, а къ народу русскому. О народѣ русскомъ, о его вѣрѣ, исторіи, обычаѣ, значеніи и громадномъ его количествѣ — онъ думалъ только, какъ объ оброчной статьѣ". Такъ же какъ Чацкій „думали и декабристы, и поэты, и профессора, и либералы, и всѣ реформаторы до Царя-Освободителя". „Они вѣдь и не понимали, что цари несравненно ихъ либеральнѣе и передовѣе, потому что цари всегда вмѣстѣ съ народомъ шли; даже при Биронѣ. Эта

мысль у царей родилась еще давно, а декабристу Чацкому и въ голову не приходила". Этотъ взглядъ Шатова на грибоѣдовскаго героя всецѣло раздѣлялся самимъ Достоевскимъ. Въ его записной книжкѣ (Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки *Ѳ. М. Достоевскаго*, СПБ., 1883, стр. 375) находимъ варіантъ филиппики Шатова: „Комедія Грибоѣдова геніальна, но сбивчива: „Поѣду искать по свѣту . . . " Т. е. гдѣ? Вѣдь у него только и свѣту, что въ его окошкѣ, у Московскихъ хорошаго круга, не къ народу-же онъ поѣдетъ. А такъ какъ Московскіе его отвергли, то значитъ „свѣтъ" означаетъ здѣсь Европу. За границу хочетъ бѣжать. Еслибъ у него былъ *свѣтъ* не въ московскомъ только окошкѣ, не вопилъ-бы онъ, не кричалъ-бы онъ такъ на балѣ, какъ будто лишился всего, что имѣлъ, послѣдняго достоянія. Онъ имѣлъ-бы надежду и былъ-бы воздержнѣе и разсудительнѣе. Чацкій—декабристъ. Вся идея его—въ отрицаніи прежняго, недавняго, наивнаго поклонничества. Европы всѣ нюхнули и новыя манеры понравились. Именно *только* манеры, потому что сущность поклонничества и раболѣпія и въ Европѣ та-же". Въ этихъ сужденіяхъ Достоевскаго, несомнѣнно, много преувеличеній и даже ошибокъ. Какъ разъ именно Грибоѣдовъ и его герои, по самому строю своихъ мыслей и чувствъ, близки къ тому, что такъ дорого Достоевскому—къ народу, его вѣрѣ, исторіи, обычаямъ (см. біографію Грибоѣдова въ I-мъ томѣ, стр. CXXII—CXXV). Но родство Чацкаго, бытовое и психологическое, съ барской средой, его декабристскія настроенія отмѣчены сильно и правильно, а попытка оцѣнить Чацкаго съ широкой принципіальной точки зрѣнія заслуживаетъ серьезнаго вниманія и обсужденія.

9. 80—900-ые годы. Н. К. Михайловскій, А. С. Суворинъ и др.

Крупнѣйшій представитель новой публицистической критики, *Н. К. Михайловскій* высказался о „Горѣ отъ ума" только косвенно, по поводу книги А. Н. Веселовскаго „Этюды о Мольерѣ. Мизантропъ", въ своей статьѣ: „Три мизантропа" („Отечественныя Записки" 1881, ноябрь; перепечатана въ собраніи сочиненій *Н. К. Михайловскаго*, т. V (1897), стр. 513—529). Здѣсь Михайловскій сопоставляетъ типы шекспировскаго Тимона Аѳинскаго, мольеровскаго Альцеста и грибоѣдовскаго Чацкаго.

Послѣ этюда Гончарова въ позднѣйшей критикѣ наиболѣе обстоятельный общій разборъ „Горя отъ ума" принадлежитъ *А. С. Суворину*. Сначала въ январскихъ нумерахъ „Новаго Времени" за 1886 г., потомъ въ отдѣльномъ роскошномъ изданіи комедіи того же года Суворинъ помѣстилъ разсужденіе: „Горе отъ ума и его критики". Авторъ задавался цѣлью опровергнуть два ложныхъ утвержденія: 1) „Чацкій не лицо, а идея" и 2) „Горе отъ ума—художественная сатира, а вовсе не комедія". Онъ осуществляетъ эту задачу путемъ пересмотра старыхъ критическихъ статей о Грибоѣдовѣ, создавшихъ такую традицію (Суворинъ при этомъ пользуется хрестоматіей, собранной въ изданіи Евг. Серчевскаго 1858 г., не свободной отъ пропусковъ). Родоначальникомъ предвзятаго взгляда на комедію Суворинъ считаетъ М. А. Дмитріева (см. выше, стр.). Отъ него, при содѣйствіи Пушкина и Вяземскаго, это перешло къ Бѣлинскому и Гоголю, потомъ и въ популярный оборотъ. Между тѣмъ, аргументація антагонистовъ комедіи не вы-

держиваетъ критики. Суворинъ подробно пересматриваетъ содержаніе „Горя отъ ума" и приходитъ къ обратнымъ выводамъ: что Чацкій изображенъ не менѣе жизненно, чѣмъ другія лица, и пьеса полна драматическаго движенія. Въ основномъ своемъ взглядѣ и въ развитіи аргументаціи Суворинъ близко подходитъ къ Гончарову, почти до буквальныхъ совпаденій. Но въ его статьѣ разсыпано много оригинальныхъ и мѣткихъ частныхъ наблюденій и мыслей и остроумныхъ возраженій противъ установившихся взглядовъ. Заслуживаетъ, напр., вниманія мысль (высказанная въ противовѣсъ Бѣлинскому), что „Ревизоръ" стоитъ въ извѣстной художественной зависимости отъ „Горя отъ ума"—по своему сценическому построенію и общественному содержанію. Характерны также разсужденія Суворина о „политическихъ убѣжденіяхъ" Чацкаго. „Что такое Чацкій—либералъ или славянофилъ? Этотъ вопросъ ставили и рѣшали въ свою пользу именно либералы, западники, и ставили и рѣшали его по поводу заключительнаго монолога 3-го дѣйствія о французикѣ изъ Бордо. Монологъ этотъ такъ не идетъ провозвѣстнику чистаго либерализма". „Чацкій своимъ монологомъ какъ бы билъ „чистый либерализмъ" и билъ безпощадно, билъ со сцены, прямо передъ толпою. Вотъ что было опасно и вотъ гдѣ надо искать разгадку того горячаго до нелѣпости протеста Бѣлинскаго, который монологъ этотъ прямо называетъ дичью". „Нашъ знаменитый критикъ явился выразителемъ *либеральнаго негодованія* противъ Чацкаго". „Разгадка" мнѣній Бѣлинскаго была совсѣмъ неудачна: какъ разъ въ 1840 году, когда писалась знаменитая статья, Бѣлинскій былъ въ пароксизмѣ консерватизма (на это Суворину немедленно указалъ *А. Н. Пыпинъ* въ „Вѣстникѣ Европы„ 1886 г., маій, Общественная хроника: „Походъ противъ Бѣлинскаго, предпринятый подъ флагомъ „Горя отъ ума", ср. 1890, январь: „Грибоѣдовъ. Историческія замѣтки"; позднѣе—*С. А. Венгеровъ.* въ собраніи сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, т. V, примѣчанія къ статьѣ 1840 года). Но Суворинъ совершенно правильно возражалъ противъ попытокъ противопоставить Чацкаго „славянофиламъ" со стороны, напр., А. Н. Веселовскаго, одного изъ видныхъ знатоковъ Грибоѣдова. Подобно Гончарову, и Веселовскій заявленія Чацкаго о „старинѣ святой" и „величавой одеждѣ" считалъ „излишествами сгоряча", „въ пылу обличенія", и утверждалъ, что „Чацкій никогда славянофиломъ не былъ". (*А. Н. Веселовскій*, статьи въ „Русскомъ Архивѣ" 1875 г. и въ „Этюдахъ и Характеристикахъ"). Суворинъ, наоборотъ, считалъ Чацкаго яркимъ защитникомъ „русскихъ идей", „если хотите, идей славянофильства", и теперь біографъ Грибоѣдова можетъ обильными фактами подтвердить эту догадку о славянофильствѣ, т. е., точнѣе говоря, національномъ Чацкаго—Грибоѣдова. Любопытно, что Суворинъ, не располагая еще нашими свѣдѣніями о національномъ александровскаго времени, угадалъ, по аналогіи, и одинъ изъ житейскихъ мотивовъ этого національнаго: „Развѣ предубѣжденіе въ пользу иностраннаго не существуетъ и теперь, въ наши дни, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ?... развѣ доступъ въ большой свѣтъ какому нибудь иностранному проходимцу не легче, чѣмъ вполнѣ порядочному русскому человѣку? Развѣ тамъ не смотрятъ съ благорасположеніемъ на всякую иностранную дрянь, а вѣдь оттуда идетъ направленіе, тамъ связи и власть". Вѣрно угадалъ Суворинъ также личное нерасположеніе къ Грибоѣдову кн. П. А. Вяземскаго, сказавшееся на его от-

зывахъ о „Горѣ отъ ума“. Вообще, его статья составила цѣнный вкладъ въ критическую литературу о Грибоѣдовѣ.

Изъ юбилейной литературы 1895 года, довольно обильной, выдѣлились двѣ статьи: 1) *М. О. Меньшикова* „Оскорбленный геній“ („Книжка Недѣли“ 1895, № 3; перепечатано въ „Критическихъ Очеркахъ“, 1899, СПБ.) и 2) *С. А. Андреевскаго* „Къ столѣтію Грибоѣдова“ („Новое Время“ 1895 г., № 6833, перепечатано въ „Литературныхъ Очеркахъ“, 3-е (1902) и 4-ое, изд. (1913). Остроумная, но парадоксальная статья Меньшикова утверждаетъ, что „натура Чацкаго—геніальна“ и что „суть драмы Грибоѣдова—появленіе въ русскомъ обществѣ не просто умной, но *геніальной* натуры“. Слѣдуя А. Григорьеву, и Меньшиковъ считаетъ Чацкаго „самымъ героическимъ и свѣтлымъ типомъ въ нашей литературѣ“. Въ изящно написанной статьѣ Андреевскаго высказано справедливое сужденіе объ „аристократизмѣ“ и невольной гордости Грибоѣдова. „Едва ли онъ былъ свободенъ въ своемъ обращеніи отъ нѣкотораго холоднаго и высокомѣрнаго дендизма, который сказывался въ спокойномъ и вызывающемъ осмѣяніи собесѣдника. Въ параллель и аристократизмъ Чацкаго сказывается во всемъ: въ его неподражаемо-ироническомъ допросѣ Молчалина, съ чисто свѣтскимъ и даже слегка фатоватымъ каламбуромъ: „я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ“,—въ его горделивыхъ сентенціяхъ,—въ томъ изящномъ остроуміи, которымъ онъ, по волѣ автора, заразилъ всю пьесу,—въ его обращеніи, со своимъ лакеемъ, когда тотъ, передъ концомъ пьесы, не во-время появился („выталкиваетъ его вонъ“) и т. д.

Изъ позднѣйшихъ критическихъ статей упомянемъ особо двѣ, посвященныя одному и тому же вопросу: 1) *П. А. Гриневской* „Оклеветанная дѣвушка“ („Ежемѣсячныя Сочиненія“ 1901, №№ 10 и 11; вновь—въ Библіотекѣ „Театра и Искусства“ 1903, кн. 20 и 21) и 2) *С. П. Яблоновскаго* „Въ защиту С. П. Фамусовой“ (сборникъ „О театрѣ“, М. 1909). Обѣ статьи возвращаются къ тезису, уже обоснованному Гончаровымъ, но даютъ нѣсколько новыхъ соображеній и фактовъ. Заслуживаютъ также вниманія мысли, высказанныя въ работахъ *В. В. Каллаша* („Грибоѣдовъ и Чацкій“. „Русская Мысль“ 1904, №№ 1—2), *Ю. И. Айхенвальда* („Силуэты русскихъ писателей“), *Р. В. Иванова-Разумника* („Исторія русской общественной мысли“).

XIV. Прототипы дѣйствующихъ лицъ комедіи „Горе отъ ума".

Особую группу литературно-біографическихъ матеріаловъ о Грибоѣдовѣ составляютъ сообщенія о живыхъ лицахъ, послужившихъ прототипами „Горя отъ ума". Такихъ сообщеній довольно много, но ихъ достовѣрность невелика. Отъ самого Грибоѣдова, въ его бумагахъ и сочиненіяхъ, до насъ не дошло никакихъ указаній по данному вопросу, и все, чѣмъ мы располагаемъ—сбивчивыя, неточныя и противорѣчивыя показанія современниковъ, часто изъ вторыхъ или третьихъ рукъ. Такъ, напр., *Рафаилъ М. Зотовъ* разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ": „Когда Грибоѣдовъ пріѣзжалъ въ Петербургъ съ Кавказа до отправленія своего въ несчастное персидское посольство, гдѣ онъ такъ печально погибъ для отечества и литературы, онъ многимъ, а въ томъ числѣ актеру Сосницкому, разсказывалъ, на какія именно лица онъ писалъ роли своей комедіи. Онъ взялъ всѣ эти типы въ Москвѣ, кромѣ одного Репетилова, который долго служилъ въ Петербургѣ. Грибоѣдовъ описывалъ характеристику каждаго лица, образъ жизни его, привычки и пріемы, такъ что „Горе отъ ума" должно было имѣть въ свое время двойную занимательность. Теперь эти преданія исчезли; едва ли кто знаетъ эти типы, а актеры, играющіе ихъ—всего меньше". (*Р. М. Зотовъ*. Театральныя воспоминанія, 1860, стр. 84; новая перепечатка—„Историческій Вѣстникъ" 1896, № 12, стр. 767). Зотовъ ссылается на Сосницкаго, но опять подлинные разсказы Сосницкаго до насъ не дошли, и сообщеніе Зотова лишено всякой точности. Конечно, Грибоѣдовъ бытовыя и психологическія черты своихъ героевъ списывалъ съ натуры, съ представителей русскаго, въ частности—московскаго общества; въ воспоминаніяхъ *С. Н. Бѣгичева* сохранился разсказъ о томъ, какъ Грибоѣдовъ, пріѣхавъ въ 1823 г. съ Кавказа въ Москву, усиленно изучалъ московское общество и съ этой цѣлью „пустился въ большой московскій свѣтъ, бывалъ на всѣхъ балахъ, на всѣхъ праздникахъ, пикникахъ и собраніяхъ, по дачамъ и проч., и проч." („Русскій Вѣстникъ" 1892, № 8, стр. 306). Но, разумѣется, въ художественныхъ образахъ поэта не было простого копированья съ опредѣленныхъ лицъ,—хотя яркая типичность его героевъ невольно вызывала въ современникахъ догадки объ ихъ оригиналахъ. Такія догадки начались съ перваго же момента, какъ только комедія стала извѣстна въ Москвѣ, т. е. съ 1823 г., и любопытно, что ими была очень встревожена сестра автора, Марія Сергѣевна. Впослѣдствіи она разсказывала Д. А. Смирнову: „Я предупреждала Александра,

что онъ съ комедіей наживетъ кучу враговъ себѣ, а еще болѣе мнѣ, потому что станутъ говорить, что злая Грибоѣдова указывала брату на оригиналы.—„Да какіе-же оригиналы?“ спросилъ онъ.—Помилуй, да вѣдь твои Тугоуховскіе развѣ не Ш-х-скіе?—„Я твоихъ Ш-х-скихъ и не знаю“, отвѣчалъ онъ“ („Русскій Архивъ“ 1874, VI, 1555). Такимъ образомъ, еще при первомъ появленіи „Горя отъ ума“ даже самыя освѣдомленныя лица могли ошибаться въ опредѣленіи прототиповъ героевъ „Горя отъ ума“. Но это не удерживало любопытныхъ отъ новыхъ поисковъ—и новыхъ ошибокъ. *Ксенофонтъ А. Полевой*, современникъ и знакомый Грибоѣдова, самъ хорошо знавшій московское общество, въ предисловіи ко второму изданію „Горя отъ ума“ (М. 1839, стр. LXXII—LXXIII) писалъ: „Поэтъ такъ умѣлъ очертить свои лица, что мы, кажется, видимъ ихъ передъ собою. Многіе хотѣли отыскивать ихъ въ обществѣ и называли по именамъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ людей, будто бы изображенныхъ Грибоѣдовымъ. Трудъ тщетный, но однакожъ онъ служитъ доказательствомъ вѣрности изображеній. . . Забавно, что въ Москвѣ, гдѣ происходитъ дѣйствіе комедіи, называли Фамусовымъ, Скалозубомъ, Репетиловымъ то одно, то другое лицо, и намъ случалось слышать даже споры, гдѣ одинъ утверждалъ, что Грибоѣдовъ изобразилъ такого-то, а другой доказывалъ, что напротивъ такого-то. Ошибались и тотъ, и другой“. О тѣхъ же ошибочныхъ предположеніяхъ еще раньше говорится въ одной рецензіи на первое изданіе комедіи: „Вѣстовщики называли по именамъ людей, которыхъ будто бы изобразилъ Грибоѣдовъ: мнѣніе неосновательное, ибо никогда поэтъ не описываетъ рабски ничего, онъ собираетъ разсѣянныя въ умахъ черты своей идеи, даетъ имъ жизнь и увѣковѣчиваетъ ихъ въ изящныхъ формахъ. Мы увѣрены, что Грибоѣдовъ не списалъ вѣрно ни одного лица, но онъ такъ вѣрно изобразилъ характеры своего времени, что многіе узнавали въ нихъ совсѣмъ не виноватыхъ“ („Московскій Телеграфъ“ 1833, № 18, стр. 246); ср. аналогичное сужденіе *О. В. Булгарина* („Сѣверная Пчела“ 1831, № 31), *О. А. Пржецлавскаго* („Русская Старина“ 1875, № 9, стр. 151).

Еще болѣе авторитетно свидѣтельство *В. К. Кюхельбекера*, одного изъ ближайшихъ друзей Грибоѣдова. Перечитывая въ своемъ заключеніи въ 1833 году старые журналы и прочтя статью М. А. Дмитріева о „Горѣ отъ ума“ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1825 г. (№ 5, стр. 111—115), Кюхельбекеръ занесъ въ свой дневникъ: „Предательскія похвалы удачнымъ портретамъ въ комедіи Грибоѣдова—грѣхъ гораздо тягчайшій, чѣмъ ихъ [критиковъ „Горя отъ ума“] придирки и умничанья. Очень понимаю, что они хотѣли сказать, но знаю (и знать это я очень могу, потому что Грибоѣдовъ писалъ „Горе отъ ума“ почти при мнѣ, по крайней мѣрѣ мнѣ первому читалъ каждое отдѣльное явленіе непосредственно послѣ того, какъ оно было написано), знаю, что поэтъ никогда не былъ намѣренъ писать подобные портреты: его прекрасная душа была выше такихъ мелочей“ („Русская Старина“ 1875, № 9, стр. 84).

Итакъ, еще современники Грибоѣдова предостерегали читателей отъ отождествленія литературныхъ образовъ съ живыми людьми и настаивали на художественной типичности героевъ „Горя отъ ума“. И всѣ тѣ указанія на прототипы „Горя отъ ума“, какія имѣются въ грибоѣдовской литературѣ, должны приниматься не въ прямомъ, но въ условномъ значеніи, т. е.—что

то или другое лицо изъ современниковъ Грибоѣдова похоже болѣе или менѣе на того или другого героя комедіи и могло дать ту или другую черту или черты для художественнаго типа, при чемъ, конечно, въ большинствѣ случаевъ поэтъ отвлекалъ характерныя типичныя черты отъ многихъ лицъ и свободно ихъ комбинировалъ.

Пересмотримъ указанія современниковъ на „прототипы" героевъ „Горя отъ ума" въ томъ порядкѣ, какъ самъ Грибоѣдовъ составилъ афишу комедіи, т. е. списокъ дѣйствующихъ лицъ.

Фамусовъ.

Прототипомъ его называли дядю Грибоѣдова, Алексѣя Ѳедоровича. Такъ утверждалъ, напр., московскій старожилъ *М. А. Дмитріевъ*: „Въ „Горѣ отъ ума" узнавали людей извѣстныхъ и въ Фамусовѣ—Алексѣя Ѳедоровича Грибоѣдова, дядю сочинителя". Дѣйствительно, А. Ѳ. Грибоѣдовъ, насколько мы его знаемъ, напоминаетъ нѣсколько Фамусова. Самъ поэтъ въ сохранившемся отрывкѣ: „Характеръ моего дяди" такъ изображаетъ его: „Вотъ характеръ, который почти исчезъ въ наше время, но двадцать лѣтъ тому назадъ былъ господствующимъ, характеръ моего дяди. Историку предоставляю объяснить, отчего въ тогдашнемъ поколѣніи развита была повсюду какая-то смѣсь пороковъ и любезности; извнѣ рыцарство въ нравахъ, а въ сердцахъ отсутствіе всякаго чувства. Тогда уже многіе дуэллировались, но всякій пылалъ непреодолимою страстью обманывать женщинъ въ любви, мужчинъ въ карты или иначе; по службѣ начальникъ уловлялъ подчиненнаго въ разныя подлости обѣщаніями, которыхъ не могъ исполнить, покровительствомъ, не основаннымъ ни на какой истинѣ; но за то какъ и платили ихъ свѣтлостямъ мелкіе чиновники, вѣрные рабы—спутники до перваго затменія! Объяснимся круглѣе: у всякаго была въ душѣ безчестность и лживость на языкѣ. Кажется нынче этого нѣтъ, а можетъ быть и есть; но дядя мой принадлежитъ къ той эпохѣ. Онъ какъ левъ дрался съ Турками при Суворовѣ, потомъ пресмыкался въ передшихъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, въ отставкѣ жилъ сплетнями. Образецъ его правоученій: *я*, братъ!" Нельзя не признать, что самый тонъ этой характеристики близко напоминаетъ монологи Чацкаго, обращенные къ Фамусову („Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея"; „прямой былъ вѣкъ покорности и страха, все подъ личиною усердія къ царю"; „кому нужда—тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли, а тѣмъ, кто выше, лесть какъ кружево плели"; „прошедшаго житья подлѣйшія черты"; „хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ"; „хоть есть охотники поподличать вездѣ, да нынче смѣхъ стращитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ", и т. д.). „Образецъ правоученій" дяди поэта: „*я*, братъ!" воспроизводится въ словахъ Фамусова: „Учились бы на старшихъ глядя. *Мы*, напримѣръ"... Дядю же А. Ѳ. Грибоѣдова напоминаютъ и слова Чацкаго о Фамусовѣ: «Не тотъ ли, вы къ кому меня еще съ пеленъ, для замысловъ какихъ то непонятныхъ, дитей возили на поклонъ». Сохранился разсказъ С. Н. Бѣгичева, что именно такъ поступалъ съ юношей—Грибоѣдовымъ его дядя. Завидя дядюшку, въѣзжающаго во дворъ, чтобы везти племянника на поклонъ къ кому-нибудь князь Петръ Ильичу, Грибоѣдовъ раздѣвался и ложился въ постель. «Поѣдемъ», приставалъ Алексѣй

Ѳедоровичъ.—„Не могу, дядюшка,—то болитъ, другое болитъ, ночь не спалъ", хитрилъ молодой человѣкъ». Широкое гостепріимство Фамусова („я всякому, ты знаешь, радъ"; „дверь отперта для званыхъ и незваныхъ") также напоминаетъ Грибоѣдова-дядю, про котораго К. Н. Батюшковъ писалъ Н. И. Гнѣдичу въ февралѣ 1810 года: „Сегодня ужасный маскарадъ у г-на Грибоѣдова, вся Москва будетъ". Но, разумѣется, сходство не идетъ далѣе нѣсколькихъ чертъ—психологическихъ и бытовыхъ; и уже въ приведенной выше характеристикѣ общій обликъ дяди-Грибоѣдова рисуется нѣсколько иначе, чѣмъ Фамусовъ, какъ и бытовое ихъ положеніе было разное (А. Ѳ. Грибоѣдовъ имѣлъ двухъ дочерей, былъ женатъ дважды, и т. д.). Въ Фамусовѣ столько типичнаго, что въ немъ узнавались черты многихъ баръ-москвичей. Такъ, А. О. Смирнова сообщаетъ: „Циціановъ былъ однимъ изъ основателей перваго англійскаго клуба въ Москвѣ; у Грибоѣдова въ „Горѣ отъ ума" есть намекъ на него: „Англійскаго клоба старшины, вѣрный членъ до гроба" (Записки *А. О. Смирновой*. СПБ. 1894, стр. 95; тамъ же даются нѣкоторыя свѣдѣнія о Циціановѣ). *В. В. Каллашъ* въ своихъ „Замѣткахъ о Грибоѣдовѣ" („Русскій Архивъ" 1905, № 5, стр. 175—176) сообщилъ, что въ одной старинной рукописной копіи „Горя отъ ума", бывшей у него въ рукахъ, на поляхъ было написано, что прототипъ Фамусова—почетный опекунъ Лунинъ, а Молчалина—его секретарь Полуденскій (о нихъ см. Записки *С. М. Загоскина* въ „Историческомъ Вѣстникѣ" 1900, № 2, стр. 502—503; № 4, стр. 51—52; ср. *Благово*. Записки бабушки, СПБ. 1885, стр. 177—179).

Софья Павловна.

По связи съ А. Ѳ. Грибоѣдовымъ, предполагаемымъ прототипомъ Фамусова, въ его же семьѣ искали прототипа Софьи. Такую версію передаетъ въ семидесятыхъ годахъ въ своей статьѣ *А. Н. Веселовскій*, ссылаясь на устное московское преданіе: „Въ семьѣ же Алексѣя Ѳедоровича должны мы, по достовѣрнымъ показаніямъ близкихъ лицъ, искать и оригиналъ второго дѣйствующаго лица комедіи, дружбою дѣтскихъ лѣтъ когда-то привязаннаго къ Чацкому. Но это лицо еще живо, и потому неудобно было бы здѣсь называть его" („Русскій Архивъ" 1874, № 6, стр. 1540). Это глухое указаніе никогда впослѣдствіи не было дополнено точными данными, и по смыслу его пришлось бы для Софьи выбирать оригиналъ изъ двухъ дочерей Алексѣя Ѳедоровича: Елизаветы и Софіи, скорѣе всего, по совпаденію именъ—Софіи Алексѣевны, вышедшей замужъ за Сергѣя Александровича Римскаго-Корсакова. Можетъ быть, нѣкоторыя черты характера Софіи Павловны Фамусовой и напоминаютъ Софью Алексѣевну Римскую-Корсакову, урожденную Грибоѣдову (фактическихъ данныхъ къ тому у насъ, впрочемъ, нѣтъ), но совершенно невѣроятно, чтобы драматическая ситуація Софьи Фамусовой (напр., ея ночные дуэты съ Молчалинымъ, ночная сцена въ IV дѣйствіи и проч.) была подсказана бытовыми обстоятельствами въ семьѣ Алексѣя Ѳедоровича Грибоѣдова. Авторъ „Горя отъ ума" былъ такъ тѣсно связанъ съ семьей своего дяди, такъ друженъ со своими двоюродными сестрами (объ этомъ узнаемъ изъ неизданныхъ пока дневниковъ Лыкошиныхъ), что, конечно, никогда не рѣшился бы подобныя обстоятельства сдѣлать мотивомъ сценической интриги.

Молчалинъ.

Современники мало интересовались секретаремъ Фамусова, раздѣляя съ Чацкимъ пренебреженіе къ нему; поэтому и догадокъ о его прототипѣ высказано мало. Кромѣ упомянутаго выше сближенія съ секретаремъ Лунина Полуденскимъ мы располагаемъ еще только однимъ указаніемъ А. Н. Веселовскаго: „Молчалинъ срисованъ съ одного усерднаго посѣтителя всѣхъ знатныхъ прихожихъ, умершаго уже давно въ санѣ почетнаго опекуна"; имя его, однако, не названо. („Русскій Архивъ" 1874, № 6, стбц. 1540).

Чацкій.

Единственное лицо, на которое обыкновенно указываютъ какъ на прототипъ Чацкаго, это Чаадаевъ. Такъ утверждали въ Москвѣ еще осенью 1823 года, когда комедія впервые стала извѣстна въ рукописи. Слухи объ этомъ, въ той версіи, что Грибоѣдовъ осмѣялъ Чаадаева, дошло до Пушкина въ Одессу и онъ писалъ оттуда къ кн. Вяземскому въ началѣ ноября 1823 г.: „Что такое Грибоѣдовъ? Мнѣ сказывали, что онъ написалъ комедію на Чаадаева; въ теперешнихъ обстоятельствахъ это чрезвычайно благородно съ его стороны" (Переписка *Пушкина*, изд. Академіи Наукъ, т. I, стр. 85). Слухъ объ осмѣяніи Чаадаева оказался вздорнымъ, въ чемъ, конечно, Пушкинъ убѣдился, какъ только прослушалъ „Горе отъ ума" въ чтеніи И. И. Пущина въ Михайловскомъ, въ январѣ 1825 г. (см. ibid., 171, 172—174, 179). Но сближеніе Чацкаго съ Чаадаевымъ сохранилось въ устной, потомъ и печатной традиціи. Въ 1875 г. въ своемъ изданіи „Горя отъ ума" И. Д. Гарусовъ помѣстилъ даже особое разсужденіе подъ заглавіемъ: „Прототипъ Чацкаго—Чаадаевъ" (Стр. 124—126); не приводя никакихъ фактическихъ данныхъ, Гарусовъ о сходствѣ Чаадаева съ грибоѣдовскимъ героемъ судитъ по его сочиненіямъ и еще по тому, что будто бы „воспитаніе, образованіе и общественное положеніе Чаадаева, его постоянная ироніа, его болѣзненное отношеніе къ обществу и административнымъ дѣятелямъ вполнѣ совпадаютъ съ желчными нападками Чацкаго". Для наибольшаго сходства Гарусовъ готовъ даже допустить, вопреки точнымъ біографическимъ даннымъ, что Чаадаевъ пріѣзжалъ изъ-за границы въ Москву и съ нимъ случилось то же, что и съ Чацкимъ; „очень естественно", фантазируетъ Гарусовъ, „что, при столь поспѣшномъ пріѣздѣ и еще быстрѣйшемъ бѣгствѣ изъ Москвы даже близкіе къ Чаадаеву друзья могли не знать о томъ". Позднѣе Гарусова на сходствѣ Чацкаго съ Чаадаевымъ настаивалъ проф. *А. П. Кирпичниковъ* („П. Я. Чаадаевъ. По новымъ документамъ". „Русская Мысль" 1896, № 4, стр. 154—155), ссылаясь на то, что въ стихотвореніи Ѳ. И. Глинки про Чаадаева сказано, что онъ „пилъ изъ чаши жизни *муку* и выпилъ *горе отъ ума*", и на то, что въ пьесѣ графини Ростопчиной „Возвратъ Чацкаго въ Москву" Чацкій изображенъ *плѣшивымъ*. Болѣе убѣдительныхъ доказательствъ Кирпичниковъ не приводитъ (ему возражалъ проф. *А. П. Маркевичъ* въ „Филологическихъ Запискахъ" 1897, № 2). Одинъ изъ современниковъ Чаадаева, лично его знавшій, сообщаетъ: „Говорили, будто Пушкинъ съ него писалъ Евгенія Онѣгина; но трудно этому повѣрить" („Отечественныя Записки" 1861, т. III, № 1, стбц. 6). Такъ же трудно повѣрить,

чтобы прототипомъ Чацкаго былъ Чаадаевъ. Изученіе біографіи Грибоѣдова, наоборотъ, приводитъ къ несомнѣнному выводу, что въ образѣ Чацкаго отразились подлинные черты характера и воззрѣній самого поэта. Горячій, порывистый, подчасъ рѣзкій, но неизмѣнно благородный характеръ Грибоѣдова, живо напоминающій Чацкаго, ярко отразился въ его перепискѣ и воспоминаніяхъ современниковъ (см. біографическій очеркъ въ первомъ томѣ настоящаго изданія, стр. CIII—CXII); теперь съ несомнѣнностью можно доказать, что взгляды Чацкаго на бюрократію, крѣпостное право, подражаніе иноземцамъ и т. д.—суть подлинные взгляды Грибоѣдова (ср. тамъ же, стр. CXVII—CXXVI). Любопытно, что въ жизни Грибоѣдовъ говорилъ словами Чацкаго; когда въ Слѣдственной Комиссіи по дѣлу декабристовъ его спросили, почему онъ „неравнодушно желалъ русскаго платья", Грибоѣдовъ письменно отвѣчалъ: „Русскаго платья желалъ я потому, что оно красивѣе и покойнѣе фраковъ и мундировъ, а вмѣстѣ съ этимъ полагалъ, что оно бы снова сблизило насъ съ простотою отечественныхъ нравовъ, сердцу моему чрезвычайно любезныхъ". Выраженіе „простотою отечественныхъ нравовъ" совпадаетъ со словами Чацкаго въ музейномъ автографѣ комедіи („Когда воспитанъ кто въ отечественныхъ нравахъ"...). Въ виду этого приходится отвергнуть сближеніе Чацкаго съ Чаадаевымъ, какъ прототипомъ. Другихъ сближеній въ грибоѣдовской литературѣ не заявлено.

Скалозубъ.

Яркая типичность этого образа поощряла современниковъ къ безконечнымъ предположеніямъ объ его оригиналѣ. Одни считали таковымъ Сергѣя Александровича Римскаго-Корсакова, женившагося на Софьѣ Алексѣевнѣ Грибоѣдовой, которую въ свою очередь называли прототипомъ Софьи Фамусовой (см. выше). Смутное московское преданіе объ этомъ передаетъ Гарусовъ (изданіе 1875 г., стр. 260, примѣчаніе); о томъ же встрѣчаемъ указаніе въ „Воспоминаніяхъ" кн. *Д. Д. Оболенскаго* („Русскій Архивъ" 1895, № 3, стр. 366); то же повторяется въ одной позднѣйшей статьѣ о „домѣ, бывшемъ когда то Римскихъ-Корсаковыхъ, въ Газетномъ переулкѣ, въ которомъ Грибоѣдовъ посѣщалъ знакомую семью, снабдившую его всѣми типами „Горя отъ ума", начиная отъ Фамусова, Софьи, Молчалина, Скалозуба и кончая лакеемъ Петрушкой" (*Alex.* „Биржевыя Вѣдомости" 1899, № 30). Однако, никакихъ бытовыхъ и психологическихъ чертъ, сближающихъ Скалозуба съ Римскимъ-Корсаковымъ, въ этихъ сообщеніяхъ не было указано. Другая версія оригиналомъ Скалозуба называетъ полковника Фролова. *А. А. Стаховичъ* пишетъ: „Въ дѣтствѣ слышалъ я, какъ называли многихъ служившихъ будто бы прототипами дѣйствующихъ лицъ въ „Горѣ отъ ума"; такъ, видный мужчина, отлично танцовавшій мазурку и балагуръ полковникъ Фроловъ, будто-бы, изображенъ Скалозубомъ" („Клочки воспоминаній". М. 1904, стр. 153—154). О томъ же Фроловѣ упоминаетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" *Г. П. Филипсонъ* („Русскій Архивъ" 1883, т. III, стр. 255), что во время пребыванія императора Николая Павловича на Кавказѣ „начальникъ гренадерской бригады, ген.-лейт. Фроловъ, давшій Грибоѣдову типъ Скалозуба", получилъ повышеніе по арміи. Другіе называли прототипомъ Скалозуба И. Н. Скобелева („Петербургская Газета" 1873, № 55, 14 августа;

ср. „Голосъ“ 1867, № 331, 5 декабря). Сохранился еще анекдотъ о генералѣ Р., жаловавшемся, что актеръ Орловъ изображаетъ его въ Скалозубѣ („Голосъ“ 1867, № 336, 5 декабря; ср. другой анекдотъ о Скалозубѣ—въ „Молвѣ“ 1832, № 82, стр. 328). Въ цѣнныхъ сообщеніяхъ *А. Н. Веселовскаго*, опиравшагося на изустную московскую традицію, говорится еще: „Относительно лица, послужившаго оригиналомъ Скалозуба, были разныя мнѣнія. Одни видѣли въ немъ Паскевича, другіе съ нѣсколько бо́льшимъ основаніемъ лицо, еще выше поставленное въ управленіи арміи“. Но здѣсь же авторъ заявляетъ: „Сергѣй Сергѣевичъ Скалозубъ, воплотившій въ себѣ типъ фронтовика-служаки, какими кишѣли въ то время войска, разумѣется, снятъ съ натуры и хотя потомъ подновленъ нѣсколькими чертами, взятыми у *одной* опредѣленной личности, именно дивизіоннаго генерала Фр—л—ва [т. е. Фролова, см. выше], представляетъ какъ бы собирательный характеръ, въ которомъ обрисованъ цѣлый классъ подобныхъ людей“ („Русскій Архивъ“ 1874, № 6, стбц. 1534—1535). Намекъ на „еще выше поставленное лицо“ потомъ относили къ Аракчееву (Гарусовъ, стр. 259, примѣчаніе), и т. д. Скалозуба искали непремѣнно среди московскихъ жителей; но авторъ „Исторіи иркутскаго полка“ (въ которомъ служилъ самъ Грибоѣдовъ), ротмистръ *Е. Альбовскій* увѣряетъ, что такой типъ Грибоѣдовъ наблюдалъ еще въ юности въ своемъ полку („Ист. Ирк. полка“, ч. II, Минскъ. 1902). Что типъ Скалозуба встрѣчался всюду, объ этомъ часто читаемъ въ мемуарахъ современниковъ. Такъ, *Н. Лореръ* говоритъ, что вызвавшій бунтъ Семеновскаго полка его командиръ, генералъ Шварцъ, былъ „человѣкъ безъ всякаго образованія, типъ Скалозуба въ „Горѣ отъ ума“. До той же поры онъ командовалъ армейскимъ полкомъ и отличался своею строгостью, формалистикой, ни о чемъ больше не умѣлъ говорить, какъ о ремешкахъ, пригонкѣ аммуниціи, выправкѣ и проч.“. („Изъ записокъ декабриста“. „Русское Богатство“ 1904, № 3, стр. 61). А другой декабристъ, *И. Д. Якушкинъ* въ своихъ „Запискахъ“ (М., 1905, изд. 3-е, стр. 18) заявляетъ: „на каждомъ шагу встрѣчались Скалозубы не только въ арміи, но и въ гвардіи, для которыхъ было непонятно, чтобы изъ русскаго человѣка возможно выправить годнаго солдата, не изломавъ на его спинѣ нѣсколько возовъ палокъ“. Любопытно отмѣтить, что въ „Войнѣ и Мирѣ“ *Л. Н. Толстого* разсужденіе офицера Берга о чинахъ на обѣдѣ у Ростовыхъ живо напоминаетъ реплики Скалозуба.

Хлёстова.

Кажется, наиболѣе единодушны современники и историки въ опредѣленіи прототипа Анфисы Ниловны Хлёстовой, свояченицы Фамусова, тетки Софьи. Ея оригиналомъ большинство называетъ Настасью Дмитріевну Офросимову, большую московскую барыню, извѣстную своимъ умомъ, крутымъ характеромъ, откровенностью и причудами. Она была чрезвычайно популярна въ большомъ обществѣ допожарной Москвы, и о ней сохранилось много разсказовъ и анекдотовъ. Поведеніе Хлёстовой на балу у Фамусова, рѣзкая аттестація Загорѣцкому („лгунишка онъ, картежникъ, воръ“), столкновеніе съ Чацкимъ („Я помню, ты дитей съ нимъ часто танцовала, я за уши его драла, только мало“), грубый споръ о количествѣ душъ у него съ Фамусовымъ,—всѣ эти черты живо напоминаютъ поведеніе и манеру Офросимовой. *Д. Н. Свербеевъ*

въ своихъ „Запискахъ“ передастъ любопытныя подробности объ одной изъ своихъ встрѣчъ съ Офросимовой. „Возвратившись въ Россію изъ-за границы въ 1822 году,—разсказываетъ онъ,—я не успѣвъ еще сдѣлать въ Москвѣ никакихъ визитовъ, я отправился на балъ въ благородное собраніе; туда по вторникамъ съѣзжалось иногда до двухъ тысячъ человѣкъ. Издали замѣтилъ я сидѣвшую съ дочерью на одной изъ скамеекъ между колоннами Настасью Дмитріевну Офросимову и, предвидя бурю, всячески старался держать себя отъ нея вдали, притворившись, будто не слыхалъ, когда она на ползала закричала мнѣ: „Свербеевъ! поди сюда!“ Бросившись въ противоположный уголъ огромнаго зала, надѣялся я, что обойдусь безъ грозной съ нею встрѣчи; но не прошло и четверти часа, какъ дежурившій въ этотъ вечеръ старшина, мнѣ незнакомый, съ учтивою улыбкой пригласилъ меня идти къ Настасьѣ Дмитріевнѣ. Я отвѣчалъ: „сейчасъ“. Старшина, повторяя приглашеніе, объявилъ, что ему приказано меня немедленно къ ней привести.— „Что это ты съ собой дѣлаешь? Небось, давно здѣсь, а у меня еще не былъ! Видно, таскаешься по трактирамъ, да по кабакамъ, да гдѣ-нибудь еще хуже,—сказала она:—оттого и порядочныхъ людей бѣгаешь. Ты знаешь, я любила твою мать, уважала твоего отца“... И пошла и пошла. Я стоялъ передъ ней, какъ осужденный къ торговой казни, но какъ всему бываетъ конецъ, то и она успокоилась“. *А. А. Стаховичъ* въ „Клочкахъ воспоминаній“ (М. 1904, стр. 154) пишетъ: „Старуху Хлёстову я хорошо помню: это была Настасья Дмитріевна Офросимова; еще въ 1807 году подъ фамиліей Набатовой ее вывелъ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ въ своей комедіи „Вѣсти или живой покойникъ“; ее же, подъ именемъ Маріи Дмитріевны Ахросимовой, описалъ въ „Войнѣ и Мирѣ“ графъ Л. Н. Толстой. Офросимова была одного съ нами прихода Іоанна Предтечи въ старой Конюшенной; она строго блюла порядокъ и благочиніе въ церкви, запрещала разговоры, громко бранила дьячковъ за нестройное пѣніе, или за нерасторопность въ служеніи; драла за уши (какъ Чацкаго) мальчиковъ, выходившихъ со свѣчами при чтеніи Евангелія и ходившихъ съ тарелочкою за свѣчнымъ старостой, держала въ решпектѣ и просвирню. Къ кресту Офросимова всегда подходила первою, разъ послала она дьячка къ незнакомой ей дамѣ, которая крестилась въ перчаткѣ, громко, на всю церковь, давъ ему приказаніе: „Скажи ей, чтобъ сняла собачью шкуру!“ Аналогичныя показанія мы имѣемъ въ воспоминаніяхъ и другихъ современниковъ. См. еще: „Русскій Архивъ“ 1874, № 2, стбц. 482—484 (кн. *П. А. Вяземскій*); „Воспоминанія“ гр. *В. А. Сологуба*, СПБ. 1887, стр. 124—125; Записки *Ф. Ф. Вигеля*, изд. 1892, М., ч. IV, стр. 38; Записки *С. П. Жихарева*, М., 1890, стр. 40 и 381; Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 562—563; Сказаніе о родѣ князей Трубецкихъ. М. 1891, стр. 368—371. Ср. *С. Н. Шубинскій*. Историческіе очерки и разсказы. Изд. 6-е, СПБ. 1911, стр. 613—616 („Одинъ изъ Грибоѣдовскихъ типовъ“). Въ воспоминаніи А. А. Стаховича, цитованныхъ выше, упомянуто, что Офросимова выведена въ „Войнѣ и Мирѣ“ Л. Н. Толстого подъ прозрачнымъ именемъ Марьи Дмитріевны Ахросимовой; изъ чертъ, сближающихъ Ахросимову съ Хлёстовой, отмѣтимъ особенно ту сцену на балу у Ростовыхъ, когда Марья Дмитріевна бранитъ Пьера Безухаго. Прикрѣпленіе Хлёстовой къ оригиналу Офросимовой—одно изъ самыхъ убѣдительныхъ въ литературѣ

о прототипахъ грибоѣдовскихъ героевъ. Но есть и другія указанія. Такъ, А. Н. Веселовскій, самъ принимающій изложенную версію, указываетъ, по живымъ московскимъ преданіямъ, и на другой возможный оригиналъ Хлёстовой—мать двоюродной сестры Грибоѣдова („Русскій Архивъ“ 1874, VI, 1540), не сообщая, впрочемъ, никакихъ подробностей. Біографъ Грибоѣдова можетъ къ этому еще присоединить, что старуху Хлёстову близко напоминаютъ душевный обликъ и внѣшнее поведеніе самой матери поэта, Настасьи Ѳедоровны Грибоѣдовой. По свидѣтельству Д. А. Смирнова, она была „нѣкогда очень извѣстна въ Москвѣ по своему уму и рѣзкости тона“ („Русское Слово“ 1859, № 4, стр. 1, примѣч.). Ея страстный, порывистый, рѣзкій и властный характеръ ярко проявляется въ ея письмахъ (см. ея неизданныя оффиціальныя бумаги въ Государственномъ Архивѣ, письма къ кн. В. Ѳ. Одоевскому въ Император. Публичной Библіотекѣ), какъ и въ житейскихъ поступкахъ (напр. въ столкновеніи съ Булгаринымъ изъ-за наслѣдства Грибоѣдова. „Русская Старина“ 1905, № 12).

Репетиловъ.

По сообщенію А. Н. Веселовскаго, основанному на московской традиціи, „оригиналомъ его послужилъ старинный знакомецъ Грибоѣдова, съ которымъ онъ служилъ при генералѣ Кологривовѣ, нѣкто Шатиловъ. Для болѣе точнаго обозначенія этого лица мы прибавимъ, что онъ былъ замѣшанъ въ памятное московскимъ старожиламъ печальное убійство извѣстнымъ композиторомъ Алябьевымъ (также другомъ Грибоѣдова) помѣщика Временева. „Господинъ этотъ, по словамъ Бѣгичева, былъ добрый малый, очень пустой и одержимый несчастной страстью безпрестанно острить и говорить каламбуры. Этимъ наконецъ онъ такъ надоѣлъ Грибоѣдову, что тотъ купилъ альманахъ анекдотовъ Біевра и какъ только тотъ каламбуръ, къ нему сейчасъ обращался съ вопросомъ: „на какой страницѣ?“—Свое, ей Богу, свое,—отвѣчалъ онъ всегда. Острякъ этотъ былъ въ Москвѣ, когда Грибоѣдовъ привезъ туда оконченную комедію. Авторъ самъ прочелъ ему роль Репетилова. Тотъ расхохотался, говоря: „Я знаю, на кого ты тутъ метишь!—На Чаадаева“... („Русскій Архивъ“ 1874, VI, 1555). По архивнымъ документамъ мы можемъ подтвердить, что Николай Александровичъ Шатиловъ поступилъ одновременно съ Грибоѣдовымъ въ Московскій гусарскій полкъ, потомъ въ Иркутскій гусарскій, откуда по болѣзни отставленъ 3-го февраля 1816 г. съ прежнимъ чиномъ. О немъ Грибоѣдовъ спрашиваетъ въ письмѣ къ С. Н. Бѣгичеву изъ Симферополя отъ 9 сентября 1825 г.: „Не слыхалъ ли что нибудь о Шатиловѣ и Алябьевѣ? Чѣмъ кончилось ихъ дѣло?“—М. С. Щепкинъ утверждалъ, что въ Репетиловѣ изображенъ одинъ извѣстный богачъ („Библіотека для Чтенія“ 1864, № 2, стр. 12—13).

Любопытно, что въ романѣ Тургенева „Дымъ“ (глава 3-я) выводится нѣкто Бамбаевъ, чрезвычайно похожій на Репетилова, иногда даже до совпаденія репликъ. Напр.: „ О чемъ это сочиненіе, спросилъ Литвиновъ.—Обо всемъ, братецъ ты мой, въ родѣ, знаешь, Бёкля... только поглубже, поглубже... — А самъ ты читалъ это сочиненіе? — Нѣтъ, не читалъ, и это даже тайна“.

Загорѣцкій.

Въ указаніяхъ на оригиналы Загорѣцкаго имѣется нѣсколько варіантовъ. И. Д. Гарусовъ, собиравшій въ Москвѣ семидесятыхъ годовъ слухи о грибоѣдовскихъ прототипахъ, говоритъ: „весьма трудно сказать въ настоящее время, кто былъ прототипомъ Загорѣцкаго. Даже московскіе старожилы во мнѣніяхъ и указаніяхъ расходятся. Одни признавали въ немъ только-что начинавшаго свою карьеру, ловко втиравшагося въ знать, небрезгавшаго никакими средствами для наживы, московскаго и ярославскаго откупщика А-ва, въ 30-хъ годахъ уже имѣвшаго громадный капиталъ, другіе видѣли въ немъ тоже откупщика, но московскаго, *-ва, впослѣдствіи ставшаго крупнымъ капиталистомъ. Третьи думали, что выведенъ въ Загорѣцкомъ одинъ изъ содержателей игорныхъ домовъ, шуллеръ, обыгрывавшій всѣхъ на-вѣрняка, такъ какъ въ 20-хъ годахъ въ Москвѣ было не мало такихъ домовъ, гдѣ велись азартныя игры, противъ которыхъ въ то время возбуждалось преслѣдованіе.“ (изданіе 1875 г., стр. 371—372, примѣч.). Имена двухъ названныхъ лицъ Гарусовымъ никогда не были раскрыты полностью (даже въ его „Очеркахъ драматической поэзіи“, изд. 2-ое, СПБ., 1890), какъ не было сообщено и бытовыхъ подробностей о нихъ. Гораздо раньше Гарусова, но не съ большею убѣдительностью, былъ указанъ иной оригиналъ Загорѣцкаго: третьестепенный литераторъ двадцатыхъ и позднѣйшихъ годовъ, извѣстный всему Петербургу и знакомецъ А. С. Пушкина, А. Эльканъ, переводчикъ Альфіери. О немъ говоритъ *М. А. Бестужевъ-Рюминъ* (*Θ.*) въ „Сѣверномъ Меркуріѣ“ 1830, № 3, стр. 10—11: „Покойный Грибоѣдовъ удачно срисовалъ съ него многія черты для своего Загорѣцкаго, о которомъ сказалъ Чацкій [не Чацкій, а Горичевъ]:

При немъ остерегись—переносить гораздъ
И въ карты не садись—продастъ!“

Впрочемъ, самъ Бестужевъ-Рюминъ разумѣлъ здѣсь не прямую зависимость образа Загорѣцкаго отъ Элькана, какъ своего оригинала, а простое совпаденіе нѣкоторыхъ психологическихъ и бытовыхъ чертъ,—судя по тому, что въ томъ же мѣстѣ статьи Бестужевъ говоритъ: „Покойный Княжнинъ для комедіи: *Хвастунъ* и Лафонтенъ нашъ, Крыловъ, для басни: *Тэжецъ*— могли бы позаимствоваться отъ сего человѣка еще многими чертами для изображенія характера своихъ героевъ“. (Подробности см. въ статьѣ *Н. Л.* „Прототипъ Загорѣцкаго“. „Русская Старина“ 1908, № 12, стр. 607—613. Самъ авторъ здѣсь оговаривается: „можетъ быть, Бестужевъ-Рюминъ, далеко не образецъ честнаго публициста, просто выдумалъ, что Грибоѣдовъ срисовалъ съ него (Элькана) многія черты Загорѣцкаго“). У проф. *А. Н. Веселовскаго* читаемъ: „для опредѣленія оригинала Загорѣцкаго существуетъ болѣе разнообразныхъ предположеній, чѣмъ относительно другихъ дѣйствующихъ. Явный признакъ, что современное общество изобиловало темными личностями въ этомъ родѣ. Съ наибольшимъ правдоподобіемъ до сихъ поръ указывали на Арс. Барт—ва“ („Русская Библіотека“, вып. V, изд. 2-ое, стр. 158, примѣч.).

Горичевы.

Что касается Платона Михайловича, то прототипомъ его называютъ разныхъ лицъ. А. Н. Веселовскій пишетъ: „Въ лицѣ добродушнаго и неповоротливаго, честнаго малаго Платона Михайловича Горичева Грибоѣдовъ не задумался изобразить своего стараго пріятеля и родственника, Илью Ивановича Огарева и, по старымъ разсказамъ, самъ же пріѣхалъ къ другу и признался, что вставилъ его въ свою комедію“ („Русскій Архивъ“ 1874, VI, 1540). Съ Огаревымъ Грибоѣдовъ встрѣчался и на Кавказѣ, гдѣ тотъ служилъ въ военной службѣ (см. упоминанія о немъ въ письмѣ къ С. Н. Бѣгичеву изъ Воронежа отъ 18-го сентября 1738 г., въ дневникѣ возвратнаго путешествія въ Персію 1820 г.; у Огарева во Владикавказѣ хранились два чемодана Грибоѣдова, арестованные въ январѣ 1826 г., о чемъ см. у *Е. Г. Вейденбаума*, „Кавказскіе этюды“, 1901, стр. 264—265; у жены Огарева останавливался Грибоѣдовъ 1-го іюля 1828 г. во Владикавказѣ на пути въ Тифлисъ, о чемъ см. „Русскую Старину“ 1874, X, 293). Впослѣдствіи Огаревъ былъ архангельскимъ и пермскимъ губернаторомъ. Характеристику его, въ бытность архангельскимъ гражданскимъ губернаторомъ (1834), далъ А. В. Никитенко; вотъ одинъ отрывокъ изъ нея: „онъ не особенно широкаго ума, не особенно образованъ, мало начитанъ, не честолюбивъ, но исполненъ честности, прямодушія и того простого здраваго смысла, который видитъ вещи въ тѣсномъ кругу, но зато видитъ ихъ ясно, прямо, какъ онѣ есть“ (*А. В. Никитенко.* Записки и дневникъ. Изданіе 2-ое, 1905 г., т. I, стр. 253). Если эта психологическая характеристика Огарева и напоминаетъ Платона Михайловича Горичева, то бытовое положеніе ихъ весьма различно; Огаревъ всю свою жизнь провелъ въ военной и административной службѣ, исполненной трудовъ и тревогъ, а Горичевъ рисуется человѣкомъ, скоро ушедшимъ въ отставку и еще скорѣе опустившимся. Отсюда явилась возможность сблизить Платона Михайловича съ другими живыми лицами. Гарусовъ считаетъ его оригиналомъ Илью Ивановича Обрѣзкова, повидимому путая это лицо съ Огаревымъ (изд. 1875, стр. 363, примѣч.). *Ксенофонтъ А. Полевой* въ своихъ „Запискахъ“ (СПБ., 1888, стр. 297) называетъ другое имя: Дмитрія Никитича Бѣгичева; „онъ принадлежалъ къ тѣмъ изъ русскихъ дворянъ, которыхъ типъ изобразилъ Грибоѣдовъ въ своемъ Платонѣ Михайловичѣ. Я слышалъ даже, что въ Платонѣ Михайловичѣ Грибоѣдовъ представилъ Д. Н. Бѣгичева, съ которымъ, а еще больше съ братомъ его Степаномъ Никитичемъ, онъ оставался въ большой дружбѣ до самой смерти. Дмитрій Никитичъ, отличавшійся необычайнымъ добродушіемъ въ обхожденіи, казалось, долженъ былъ навсегда остаться добрымъ московскимъ семьяниномъ, когда положеніе его вдругъ перемѣнилось“,—онъ получилъ мѣсто губернатора въ Воронежѣ. Полевому возражала *Е. П. Соковнина*, племянница Бѣгичевыхъ, лично близко знавшая Грибоѣдова: „К. А. Полевой въ своихъ „Запискахъ“ говоритъ, что Грибоѣдовъ изобразилъ своего друга Д. Н. Бѣгичева въ „Горѣ отъ ума“—въ лицѣ Платона Михайловича. Но беззаботный характеръ послѣдняго рѣшительно ни въ чемъ не сходенъ съ энергично-дѣятельнымъ характеромъ Д. Н. Бѣги-

чева. Молва же объ изображеніи Д. Н. Бѣгичева въ роли Платона Михайловича распространилась вслѣдствіе одного незначащаго случая. Въ 1823 г. А. С. Грибоѣдовъ гостилъ лѣтомъ въ деревнѣ друга своего Степана Никитича Бѣгичева, и здѣсь исправлялъ и кончалъ свою безсмертную комедію, поселясь въ саду, въ бесѣдкѣ, освѣщаемой двумя большими окнами. Д. Н. Бѣгичевъ въ это лѣто пріѣхалъ къ брату съ своей женою. Разъ Грибоѣдовъ пришелъ въ домъ къ вечернему чаю и нашелъ обоихъ братьевъ Бѣгичевыхъ сидящими у открытаго окна въ жаркой бесѣдѣ о давно прошедшихъ временахъ. Такъ какъ вечеръ былъ очень теплый, то Дмитрій Никитичъ растегнулъ жилетъ. Жена его *Александра Васильевна*, урожденная Давыдова, родная сестра партизана Д. В. Давыдова, боясь, чтобы мужъ не простудился, нѣсколько разъ подходила къ нему, убѣждая застегнуть жилетъ и ссылаясь на сквозной вѣтеръ. Д. Н., увлеченный разговоромъ, не обращалъ вниманія на ея просьбы, и, наконецъ, съ нетерпѣніемъ воскликнулъ: „Эхъ, матушка!“ и, обратясь къ брату, сказалъ: „А славное было время тогда!“ А. С. Грибоѣдовъ, безмолвный свидѣтель этой сцены, расхохотался, побѣжалъ въ садъ, и, вскорѣ за тѣмъ принеся свою рукопись, прочелъ имъ сцену между Платономъ Михайловичемъ и Натальей Дмитріевной, только-что имъ написанную, прибавивъ при этомъ: „Ну, не подумайте, что я васъ изобразилъ въ этой сценѣ; я только-что окончилъ ее передъ приходомъ къ вамъ“. Конечно, всѣ смѣялись, и такъ какъ этотъ маленькій эпизодъ былъ переданъ Д. Н. Бѣгичевымъ братьямъ его жены и, между прочимъ, Денису Васильевичу, словоохотливому весельчаку, то не мудрено, что стоустая московская молва поспѣшила разнести вѣсть, что А. С. Грибоѣдовъ изобразилъ своего друга Д. Н. Бѣгичева въ роли Платона Михайловича. Жена Д. Н. Бѣгичева, Александра Васильевна, не имѣла ничего общаго съ свѣтской и безцвѣтной московской барыней Натальей Дмитріевной, изображенной въ „Горѣ отъ ума“. А. В. росла сиротою, подъ строгимъ надзоромъ своей родной тетки Ек. Евд. Бибиковой, и была вынуждена съ 18-тилѣтняго возраста взяться за управленіе имѣніемъ“. (*Е. П. Соковнина.* Воспоминанія о Д. Н. Бѣгичевѣ. „Историческій Вѣстникъ“ 1889, № 3, стр. 665—666).

Если принять версію Е. П. Соковниной, то въ такомъ случаѣ станетъ мало вѣроятнымъ еще одно сближеніе: съ другимъ Бѣгичевымъ—Степаномъ Никитичемъ. Личный знакомый Грибоѣдова, *Н. П. Шимановскій* въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ о немъ: „Ермоловъ [Сергѣй] хорошо зналъ по Москвѣ Степана Никитича Бѣгичева и спросилъ Грибоѣдова, какъ онъ могъ съ этимъ увальнемъ и тюфякомъ такъ подружиться? Грибоѣдовъ съ живостію отвѣчалъ: „Это потому, что Бѣгичевъ первый сталъ меня уважать“. А потомъ онъ же вывелъ этого своего друга на сцену въ „Горѣ отъ ума“ въ лицѣ Платона Михайловича“ („Русскій Архивъ“ 1875, № 7, стр. 344).

Что касается Натальи Дмитріевны Горичевой, то, принявши версію объ И. И. Огаревѣ, слѣдовало бы именно его жену счесть оригиналомъ этого типа; но супруга старинаго кавказскаго офицера, майорша, потомъ полковница Огарева какъ-то мало похожа на пышную красавицу-львицу московскихъ салоновъ Горичеву. Противъ сближенія съ женой Д. Н. Бѣгичева (и женой С. Н. Бѣгичева) энергично протестуетъ Е. П. Соковнина. А. Н. Веселовскій предлагаетъ еще версію о „двоюродной сестрѣ Грибоѣдова, изобра-

женной въ лицѣ Натальи Дмитріевны Горичевой" („Русскій Архивъ" 1874, VI, 1510); Гарусовъ сообщаетъ, что „москвичи стараго времени" видѣли въ ней дочь Офросимовой, но самъ отвергаетъ это, выдвигая какую то другую москвичку, извѣстную ему по слухамъ, но фамиліи ея не называетъ, „потому что хотя ее ужъ и нѣтъ въ живыхъ, но въ Москвѣ живутъ еще доселѣ очень близкіе къ ней люди" (изданіе 1875 г., стр. 360, примѣч.).

Хрюмины.

Графиня-бабушка и графиня-внучка, какъ лица эпизодическія, мало интересовали современниковъ. Только у Гарусова находимъ намекъ на ихъ прототипы. Отмѣтивъ, что графиня-бабушка по грибоѣдовскому тексту шепелявитъ, Гарусовъ продолжаетъ: „Таковъ дѣйствительно былъ и прототипъ, котораго мы до поры до времени еще не называемъ по имени. Укажемъ лишь на одно, что Хрюмины въ то время, между 1816 и 22-мъ годами, жили близъ Арбата, въ своемъ домѣ, находившемся недалеко отъ извѣстнаго въ Москвѣ дома *Рюмина*. Домъ ихъ нынѣ перешелъ чуть-ли не въ третьи руки и такъ передѣланъ, что даже старожилы, столовавшіеся у нихъ, не узнали бы его нынѣ" (изданіе 1875, стр. 392, примѣч.). Кажется Гарусовъ намекалъ именно на Рюминыхъ.

Возбужденному любопытству современниковъ хотѣлось подыскать прототипы не только для дѣйствующихъ лицъ комедіи, но и для образовъ, которые мелькаютъ только въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ. Иногда такіе поиски бывали совершено безплодны или наводили на ложный слѣдъ: по неопредѣленности, блѣдности самаго намека въ текстѣ; иногда возможны сопоставленія безошибочныя. Мы переберемъ болѣе вѣроятныя предположенія въ порядкѣ дѣйствій и явленій.

Дѣйствіе I, явл. 7, ст. 362—366.

А этотъ, какъ его, онъ турокъ или грекъ?
Тотъ черномазенькій на ножкахъ журавлиныхъ,
Ни знаю, какъ его зовутъ,
Куда ни сунься: тутъ какъ тутъ,
Въ столовыхъ и гостиныхъ.

Гарусовъ усматриваетъ здѣсь, ссылаясь на кн. П. А. Вяземскаго, намекъ на Сибилева (изд. 1875, стр. 168, примѣч.). У Вяземскаго читаемъ: „Былъ еще оригиналъ, повсемѣстный, всюду являющійся, вездѣ встрѣчаемый... Онъ былъ вхожъ въ лучшіе дома. Дамскій угодникъ, онъ находился въ свѣтѣ то одной, то другой московской красавицы. Откуда былъ онъ? Какое было предыдущее его? Какія родственныя связи? Никто не зналъ, да никто и не любопытствовалъ знать. Знали только, что онъ дворянинъ Сибилевъ, и довольно. Аристократическая, но преимущественно гостепріимная Москва не наводила генеалогическихъ справокъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы за обѣдомъ имѣть готовый приборъ для того и для другого. Сибилевъ имѣлъ въ Москвѣ, вѣроятно, двадцать или тридцать такихъ ежедневно готовыхъ для

него приборовъ... У него были кошачьи ухватки. Онъ часто лицо свое словно облизывалъ носовыми платками, которыхъ носилъ въ карманахъ по три и по четыре" („Русскій Архивъ" 1872, № 2, стбц. 486—488).

Дѣйствіе I, явл. 7, ст. 371—378; дѣйствіе II, явл. 5, ст. 365—372.

Въ этихъ стихахъ, взятыхъ изъ двухъ монологовъ Чацкаго, описаны московскіе театралы, сгоняющіе на крѣпостной театръ „отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей". Въ грибоѣдовское время въ Москвѣ было очень много аристократовъ, „погруженныхъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ", которые напоминали черты образовъ, очерченныхъ Чацкимъ. Поэтому и указанія на оригиналы этихъ образовъ расходятся. Ближе всего, повидимому, подходилъ подъ характеристику Чацкаго извѣстный московскій театралъ Поздняковъ, въ театрѣ коего французы давали спектакли, когда заняли Москву въ 1812 году. Объ этомъ упоминаетъ самъ Грибоѣдовъ въ планѣ драмы „1812 годъ" (см. т. I, стр. 263 ср. 302). О Поздняковѣ составилась цѣлая литература. Вотъ общая характеристика его, данная кн. П. А. Вяземскимъ: „Онъ пріѣхалъ въ первопрестольную столицу потѣшать ее своими рублями и крѣпостнымъ театромъ. Онъ купилъ домъ на Никитской (нынѣ принадлежитъ кн. Юсупову), устроилъ въ немъ зимній садъ, театральную залу съ ложами и зажилъ что называется домомъ и барином: пошли обѣды, балы, спектакли, маскарады. Спектакли были очень недурны, потому что въ домороченной труппѣ находились актеры и пѣвцы не безъ дарованій... Нечего и говорить, что на балахъ его, спектакляхъ и маскарадахъ не было недостатка въ посѣтителяхъ: вся Москва такъ и рвалась и называлась на приглашенія его.

Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?...

Поздняковъ самодовольно угощалъ Москву въ своихъ покояхъ и важно на маскарадахъ своихъ расхаживалъ наряженный не то персіяниномъ, не то китайцемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что о немъ говорится въ „Горѣ отъ ума":

На лбу написано: театръ и маскарадъ.

Не забылъ Грибоѣдовъ и бородача, который во время бала, въ тѣни померанцевыхъ деревьевъ,

щелкалъ соловьемъ,
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней".

(„Русскій Архивъ" 1873, № 10, стбц. 1983—1984; перепеч. въ Собраніи сочиненій кн. *П. А. Вяземскаго*, т. VIII, стр. 160—162). Ср. *В. Всеволодскій-Гернгроссъ*. Театръ въ Россіи въ эпоху Отечественной войны, СПБ. 1912, стр. 164—165, 176. Другимъ прототипомъ грибоѣдовскаго театрала называли помѣщика Ржевскаго, продавшаго свою балетную труппу дирекціи императорскихъ театровъ. „Онъ на эти фарсы пробухалъ 4000 душъ", пишетъ о немъ *А. Я. Булгаковъ* („Русскій Архивъ" 1901, № 5, стр. 27—28, 31); живую характеристику его даетъ кн. *П. М. Долгорукій* въ „Капищѣ моего сердца", М. 1874, стр. 55—56; ср. *М. Пыляевъ*. Полубарскія затѣи.

„Историческій Вѣстникъ“ 1886, № 9. Укажемъ еще, что Н. А. Полевой считалъ прототипомъ грибоѣдовскаго героя какого-то другого московскаго театрала, котораго зналъ лично, но имени не назвалъ (*Н. А. Полевой.* Мои воспоминанія о русскомъ театрѣ. „Пантеонъ русскаго театра“ 1840, кн. 2, стр. 5—9). Что же касается „человѣка, который щелкалъ соловьемъ“, то—или такихъ искусниковъ было тогда нѣсколько, или одинъ и тотъ же появлялся въ разныхъ мѣстахъ; по крайней мѣрѣ, въ замѣткахъ одного „старожила“ находимъ увѣреніе, что „пѣвецъ зимой погоды лѣтней“ щелкалъ соловьемъ у какого-то Петра Ивановича („Московскіе оригиналы былыхъ временъ. I. Петръ Ивановичъ“. Замѣтки *старожила.* „Искра“ 1866, № 45, стр. 592—595).

Дѣйствіе I, явл. 7, ст. 400—404.

Въ охарактеризованномъ здѣсь Ментерѣ-нѣмцѣ біографы видятъ перваго гувернера Грибоѣдова, Іоганна-Беригарда Петрозиліуса, хотя характеристика слишкомъ обща и можетъ одинаково годиться для многихъ тогдашнихъ нѣмцевъ-воспитателей. Въ первоначальной редакціи этихъ стиховъ въ описаніи наружности гувернера упоминается „сіяніе гуменца“, т. е. по-просту лысины; значитъ, здѣсь не могъ разумѣться второй гувернеръ Грибоѣдова, Б. Н. Іонъ, въ то время еще совсѣмъ молодой человѣкъ.

Дѣйствіе II, явл. 2, ст. 65—95: «покойникъ-дядя, Максимъ Петровичъ».

Прототипомъ Максима Петровича считали екатерининскаго вельможу Н. Н. Новосильцова, жившаго на покоѣ въ Москвѣ и поражавшаго всѣхъ своимъ великолѣпіемъ и роскошью; его выѣздъ на майское гулянье живо описанъ въ „Запискахъ“ *С. Н. Жихарева* (М. 1890, стр. 45—46). Но тогда въ Москвѣ было много „тузовъ“, къ которымъ подходила не менѣе этахарактеристика; см. *Н. О. Дубровинъ.* Русская жизнь въ началѣ XIX столѣтія. „Русская Старина“ 1899—1904 гг.

Дѣйствіе III, явл. 3, ст. 177—194: Татьяна Юрьевна.

Этотъ бытовой образъ, мелькающій въ діалогѣ Чацкаго и Молчалина, несомнѣнно, привлекалъ значительное вниманіе Грибоѣдова. Въ первоначальной, музейной редакціи онъ охарактеризованъ еще болѣе выразительно (см. II актъ, сц. 3, ст. 184—190); здѣсь указана еще одна бытовая примѣта этой московской большой барыни: „мужъ занимаетъ постъ изъ первыхъ въ государствѣ; съ женой въ ладу, по службѣ ею дышетъ, она прикажетъ, онъ подпишетъ“. Современники согласно называютъ прототипомъ Татьяны Юрьевны Прасковью Юрьевну Кологривову, въ первомъ бракѣ Гагарину, урожденную кн. Трубецкую. О ней декабристъ Д. И. Завалишинъ говоритъ: „Что касается Татьяны Юрьевны, то тутъ авторъ дѣйствительно разумѣлъ Прасковью Юрьевну К., прославившуюся особенно тѣмъ, что мужъ ея, однажды спрошенный на балѣ однимъ высокимъ лицомъ, кто онъ такой, до того растерялся, что сказалъ, что онъ мужъ Прасковьи Юрьевны, полагая, вѣроятно, что это званіе важнѣе всѣхъ его титуловъ“ („Древняя и Новая

Россія" 1879, № 4, стр. 314). Ср. Записки *Ф. Ф. Вигеля*, 1892, ч. IV, стр. 70—72; Остафьевскій Архивъ, I, стр. 445 (СПБ. 1899); особенно Гр. *С. Ш.* Изъ семейной хроники. По бумагамъ Остафьевскаго архива князей Вяземскихъ. „Старина и Новизна", кн. VI (1903), стр. 314—339.

Дѣйствіе III, явл. 21, ст. 530—535: князь Оедоръ.

Объ оригиналѣ этого образа имѣемъ положительное указаніе въ „Воспоминаніяхъ" *Т. П. Пассекъ*, которая разсказываетъ, что А. А. Яковлевъ, дядя А. И. Герцена, „имѣлъ совершеннолѣтняго сына Алексѣя, умнаго, ученаго, образованнаго, извѣстнаго подъ названіемъ химика. О немъ Грибоѣдовъ сказалъ:

Онъ химикъ, онъ ботаникъ,
Князь Ѳедоръ, мой племянникъ...

Отецъ страшно тѣснилъ Алексѣя Александровича. Химикъ, послѣ смерти отца, далъ отпускную несчастнымъ женщинамъ и отправилъ ихъ съ дѣтьми въ свое Шацкое имѣніе. Уменьшивъ наполовину тяжелый оброкъ, положенный отцемъ на крестьянъ, химикъ простилъ недоимки и даромъ отдалъ рекрутскія квитанціи, которыя продавалъ имъ старикъ, отдавая дворовыхъ въ солдаты" (*Т. П. Пассекъ*. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія. СПБ. 1878, т. I, стр. 55; новое изд. А. Ф. Маркса—1905 г.). Подробную и сочувственную характеристику А. А. Яковлева—химика даетъ его двоюродный братъ, *А. И. Герценъ* въ „Быломъ и думахъ"; ср. *Ч. Вытринскій*. Герценъ. СПБ. 1908, стр. 17—19, 29, 37.

Дѣйствіе IV, явл. 4, ст. 150—159.

Въ образѣ ночного разбойника, дуэлиста, сосланнаго въ Камчатку и вернувшагося алеутомъ, несомнѣнно обрисованъ Ѳедоръ Ивановичъ Толстой, прозванный „американцемъ". Толстой служилъ въ Преображенскомъ полку, потомъ принялъ участіе въ кругосвѣтномъ путешествіи Крузенштерна, за столкновенія съ командиромъ былъ высаженъ на берегъ во владѣніяхъ Россійско-Американской колоніи, жилъ на Алеутскихъ островахъ. По словамъ Булгарина „страсть его была дуэли; но онъ былъ опасный соперникъ, потому что стрѣлялъ превосходно изъ пистолета и рубился мастерски на саблях". Убитыхъ имъ онъ самъ насчитывалъ одиннадцать человѣкъ и аккуратно записывалъ имена ихъ въ свой синодикъ. Онъ былъ искусный игрокъ въ карты, но—„крѣпко на руку не чистъ"; А. Н. Вульфъ разсказываетъ: „гдѣ-то въ Москвѣ Пушкинъ встрѣтился съ Толстымъ за карточнымъ столомъ. Была игра. Толстой передернулъ, Пушкинъ замѣтилъ ему это. „Да я самъ это знаю, отвѣчалъ ему Толстой, но не люблю, чтобы мнѣ это замѣчали". Толстой былъ широко популяренъ въ русскомъ свѣтскомъ обществѣ 20—30-хъ годовъ XIX в.; позднѣе его знавали Герценъ, Чаадаевъ, Л. Н. Толстой. Подробности о немъ см. у *П. О. Чертера*. Новонайденное письмо Пушкина (Пушкинъ и Толстой-Американецъ). „Пушкинъ и его современники", вып. XV 1911, стр. 1—20. Намеки на Толстого въ репликѣ Репетилова столь прозрачны, что не требуютъ особыхъ подтвержденій. Но самъ Толстой-Амери-

канецъ подтвердилъ свое тожество съ грибоѣдовскимъ образомъ. На спискѣ „Горя отъ ума", принадлежавшемъ декабристу кн. Ѳ. П. Шаховскому, противъ словъ: „въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ, и крѣпко на руку нечистъ" Толстой сдѣлалъ собственноручно замѣчанія и исправленія. Онъ предлагалъ исправить: „въ Камчатку чертъ носилъ"—„ибо сосланъ никогда не былъ"; „въ картишкахъ на руку нечистъ"—„для вѣрности портрета сія поправка необходима, чтобъ не подумали, что воруетъ табакерки со стола; по крайней мѣрѣ я думалъ отгадать намѣреніе автора" (см. снимокъ съ этой рукописи въ нашемъ изданіи). Это откровенное признаніе живо напоминаетъ выше приведенный разсказъ Вульфа.

Здѣсь можно закончить обозрѣніе прототиповъ Грибоѣдовскихъ героевъ. Любопытство современниковъ и комментаторовъ искало намековъ на живыхъ лицъ даже въ бѣглыхъ, случайныхъ упоминаніяхъ въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ „Горя отъ ума"; особенно настойчивъ былъ въ этомъ отношеніи Гарусовъ, который брался объяснить рѣшительно все Подыскивались оригиналы для „дядюшки, отпрыгавшаго свой вѣкъ" (дѣйств. I, ст. 361), „чахоточнаго врага книгъ" (дѣйст. I, ст. 379), „троихъ бульварныхъ лицъ" (д. I, ст. 367), „тетушки-дѣвушки" (д. I, ст. 389), Князь-Григорія, Левона и Бориньки—чудесныхъ ребятъ, Воркулова Евдокима, Удушьева Ипполита Маркелыча, Лохмотьева, наконецъ—княгини Марьи Алексѣвны, о которой только и сказано у Грибоѣдова: „что будетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна!" Естественно, что за отсутствіемъ бытовыхъ и психологическихъ чертъ сближать подобныя упоминанія съ живыми людьми чрезвычайно рисковано, и здѣсь возможенъ совершенный произволъ (напр., Удушьевъ—будто бы декабристъ Пестель, Лохмотьевъ—будто-бы декабристъ Якушкинъ, и т. д.).

Какъ выше указывалось неоднократно, произвольны и гадательны сближенія съ жизнью и нѣкоторыхъ законченныхъ грибоѣдовскихъ типовъ. Далеко не всѣ они такъ близко подходятъ къ своимъ прототипамъ, какъ, напр., Хлёстова къ Офросимовой (или „ночной разбойникъ-дуэлистъ" къ Толстому-Американцу). Но одно несомнѣнно: грибоѣдовскіе герои были яркими, художественными типами, и современники живо чувствовали ихъ интимную связь съ жизнью,—чѣмъ и объясняются столь обильныя предположенія объ ихъ прототипахъ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ФОЙЕ
или: СЦЕНА ПОЗАДИ СЦЕНЫ,

Интермедія дивертиссементъ, составленная изъ декламацій, пѣнія, танцовъ и плясокъ.

Въ оной интермедіи будетъ играна сцена изъ комедіи:

ГОРЕ ОТЪ УМА,

Въ стихахъ, соч. А. С. Грибоѣдова.

Въ оной же интермедіи г. Шуваловъ и г-жа Иванова будутъ пѣть: дуэтъ составленный изъ двухъ Рускихъ пѣсенъ: *Лучина лучинушка березовая и улица улица моя;* соч. г. Кашина. Танцовать будутъ: Гг. Огюстъ, Эбергардъ, Трифановъ и Шелиховъ с., г-жи Шемаева б., Ефремова, Дидье и Азарова Краковякъ; г. Гольцъ съ г-жами Бертранъ-Атрюксъ и Истоминой pas de trois; г. Спиридоновъ м. и г-жа Телешова м. pas de deux.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА ВЪ КОМЕДІИ:

Чадскій . . .	*Г-нъ Сосницкій.*
Фамусовъ . . .	*Г-нъ Борецкой.*
Софья Павловна . .	*Г-жа Семенова.*
Лиза, ея горничная . .	*Г-жа Монготье (восп.)*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА ВЪ ИНТЕРМЕДІИ:

Режиссеръ театра . .	*Г-нъ Боченковъ.*
Актеры . . .	*Г-нъ Сосницкій.*
. . .	*Г-нъ Борецкой.*
Актрисы . . .	*Г-жа Семенова.*
. . .	*Г-жа Монготье (восп.)*
Пѣвицы . . .	*Г-жа Иванова.*
. . .	*Г-жа Прилуцкая.*
Пѣвецъ . . .	*Г-нъ Шуваловъ.*
Дирижеръ . . .	*Г-нъ Хотяинцовъ.*
Балетмейстеръ . .	*Г-нъ Григорьевъ м.*

Начало въ 7 часовъ.

Особы, желающія имѣть билеты на ложи и кресла для сего спектакля, благоволятъ присылать за оными въ Контору большаго Театра.

Вторая половина афиши спектакля 2-го декабря 1829 г. на Большомъ Театрѣ въ СПБ. (Первое представленіе сцены 1-го дѣйствія „Горя отъ ума“ въ СПБ.).

НА БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.

Завтра въ Понедѣльникъ, 26 Генваря, Россійскими Придворными Актерами представлено будетъ
въ пользу Актера Г. Брянскаго.
въ первый разъ:

ГОРЕ ОТЪ УМА,

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. А. С. Грибоѣдова.

Въ косй роль Наталья Дмитревны будетъ играть г-жа Каратыгина б.

Въ 3-мъ актѣ сей комедіи поставлена будетъ новая декорація, изображающая богатое зало и писанная декораторомъ г. Мазонески.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Павелъ Афонасьевичь Фамусовъ, управляющій казеннымъ мѣстомъ	.	*Г-нъ Рязанцовъ.*
Софья Павловна, дочь его	.	*Г-жа Семенова.*
Александръ Андреичь Чацкій	.	*Г-нъ Каратыгинъ, б.*
Платонъ Михайловичь Горичевы	.	*Г-нъ Брянской.*
Наталья Дмитревна Горичевы	.	*Г-жа Каратыгина б*
Репетиловъ	.	*Г-нъ Сосницкій.*
Антонъ Антоновичь Загорецкій	.	*Г-нъ Каратыгинъ м.*
Алексѣй Степановичь Молчалинъ, секретарь Фамусова, живущій у него въ домѣ	.	*Г-нъ Дюръ.*
Полковникъ Сергѣй Сергѣевичь Скалозубъ	.	*Г-нъ Григорьевъ б*
Лиза, служанка	.	*Г-жа Азаревичева.*
Хлестова	.	*Г-жа Ежова б.*
Графиня Хрюмина	.	*Г-жа Гусева.*
Графиня, ея внучка	.	*Г-жа Прилуцкая.*
Князь Тугоуховской	.	*Г-нъ Воротниковъ.*
Княгиня, жена его	.	*Г-жа Величкина.*
1-я дочери ихъ	.	*Г-жа Лабазина.*
2-я дочери ихъ	.	*Г-жа Монготье (восп.)*
3-я дочери ихъ	.	*Г-жа Григорьева.*
4-я дочери ихъ	.	*Г-жа Кальбрехтъ (вос.*
5-я дочери ихъ	.	*Г-жа Степанова*
6-я дочери ихъ	.	*Г-жа Трохнева (восп.)*
1-й слуга Фамусова	.	*Г-нъ Алекинъ м.*
2-й слуга Фамусова	.	*Г-нъ Мѣльниковъ.*
Г. Н.	.	*Г-нъ Григорьевъ м.*
Г. Д.	.	*Г-нъ Дубровинъ.*
Лакей Чацкаго	.	*Г-нъ Руссо*
Лакей Горичевыхъ	.	*Г-нъ Пикановскій.*
Лакей Хрюминой	.	*Г-нъ Соколовъ.*
Лакей Скалозуба	.	*Г-нъ Бекеръ 2.*

За оною послѣдуетъ:

БОЛЬШОЙ ДИВЕРТИССЕМЕНТЪ,

Составленный изъ разныхъ плясокъ и танцовъ.

Танцующіе: Г-жи Бертранъ-Атрюксъ, Алексисъ, Зубова, Круазетъ, Селезнева м., Авошникова, Шемаева б., Телешова б. и Азарова, Гг. Алексисъ, Гольцъ. Шелиховъ м., Спиридоновъ м., Шемаевъ б., Эбергардъ, Трифановъ и Артемьевъ

Особы, желающія имѣть билеты на ложи и кресла для сего спектакля, благоволятъ присылать за оными въ Конторy большаго Театра.

Афиша перваго представленія всей комедіи „Горе отъ ума“ на Большомъ Театрѣ въ СПБ., 26 января 1831 г.

XV. О сценическихъ постановкахъ „Горя отъ ума".

Матеріалами для сценической исторіи „Горя отъ ума" могли бы служить 1) сценическія realia, костюмы, гримы, декораціи, мебель, макеты, вся монтировочная часть; 2) разсужденія и воспоминанія актеровъ о томъ, какъ они понимали и исполняли ту или другую роль; 3) критическія статьи и рецензіи и воспоминанія театраловъ о постановкахъ комедіи и отдѣльныхъ исполнителяхъ; 4) проекты постановокъ, создававшіеся и осуществлявшіеся извѣстными режиссерами или предлагавшіеся авторитетными и вліятельными театральными критиками.

Къ сожалѣнію, далеко не всѣ изъ перечисленныхъ матеріаловъ доступны или сохранились. Не говоря уже о частныхъ столичныхъ, тѣмъ болѣе провинціальныхъ, театрахъ,—даже въ архивахъ Императорскихъ театровъ сберегласъ только ничтожная часть матеріаловъ о „Горѣ отъ ума", при чемъ наибольшая доля документовъ не издана. Выдающіеся исполнители грибоѣдовскихъ ролей, среди нихъ и самые знаменитые, какъ Сосницкій, Самаринъ, не закрѣпили на бумагѣ размышленій и разсказовъ о своей игрѣ. Матеріалъ театральныхъ рецензій и воспоминаній чрезвычайно обиленъ, но и весьма недостовѣренъ по своей субъективности. Зато весьма цѣнны, хотя и немногочисленны, опубликованные проекты сценическихъ постановокъ комедіи.

Перечень (хронологическій) представленій „Горя отъ ума" и списокъ исполнителей комедіи на сценахъ Императорскихъ театровъ, со дня первой постановки и по 4-ое января 1895 г., даны въ „Ежегодникѣ Императорскихъ Театровъ", сезонъ 1894—1893 г.г. Приложенія, кн. 3-я, стр. 45—68. „Обзоръ ролей комедіи „Горе отъ ума" и замѣчанія на игру актеровъ, ихъ исполнившихъ въ разное время", изложены *П. Н. Араповымъ* въ изданіи Евг. Серчевскаго, СПБ., 1858, стр. 394—404. Ср. „Театральныя воспоминанія" *Р. М. Зотова,* СПБ., 1859, стр. 83—85 (перепечатано въ „Историческомъ Вѣстникѣ" 1896. декабрь, стр. 766—768); *П. Н. Араповъ* Лѣтопись русскаго театра. СПБ, 1861, passim; *А. И. Вольфъ*. Хроника петербургскихъ театровъ, три части. СПБ. 1877—1884, passim; *А. А. Стаховичъ*. Клочки воспоминаній. М. 1904, стр. 112—154. О первыхъ, любительскихъ, постановкахъ комедіи сообщаетъ любопытныя подробности *М. Г. (Гамазовъ)* въ статьѣ: „Первыя представленія комедіи „Горе отъ

ума". 1827—1832. Изъ воспоминаній участника. „Вѣстникъ Европы" 1875, № 7, стр. 319—332. О постановкѣ пьесы учениками Театральной школы въ 1825 году, при чемъ на репетиціяхъ бывалъ самъ Грибоѣдовъ, разсказываетъ *П. А. Каратыгинъ* въ своихъ „Запискахъ", СПБ., 1880. О первыхъ и дальнѣйшихъ спектакляхъ на казенныхъ сценахъ много цѣннаго сообщается въ статьяхъ *Sch.*: 1) Къ восьмидесятилѣтію на сценѣ „Горя отъ ума". „Новое Время" 1909, № 12125, иллюстрир. приложеніе; 2) Изъ исторіи мытарствъ великой русской комедіи. По поводу восьмидесятилѣтія „Горя отъ ума" на московской сценѣ. 1830—1910. Ibidem, №№ 12253 и 12260, иллюстр. прилож. Здѣсь сообщены и нѣкоторые архивные матеріалы, а также—цитируются рецензіи старыхъ газетъ и журналовъ о раннихъ постановкахъ комедіи. (Въ дальнѣйшемъ мы не приводимъ указаній на рецензіи постановокъ „Горя отъ ума" въ газетахъ и журналахъ въ виду ихъ огромнаго количества; подробный перечень ихъ помѣщенъ въ издаваемой особо „Библіографіи А. С. Грибоѣдова").

Объ игрѣ отдѣльныхъ актеровъ отрывочныя сообщенія встрѣчаются въ ихъ біографіяхъ. См., напр., „Записки и письма" *М. С. Щепкина*. М. 1864; ср. *М. А. Щепкинъ*. Разсказы М. С. Щепкина. „Историческій Вѣстникъ" 1898, № 10 (стр. 215); *Д. А. Смирновъ*. Два утра у Щепкина. Съ примѣчаніями Н. В. Шаломытова. „Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ; сезонъ 1907—1908 г.г., стр. 173—220;—*его же*. Изъ неизданныхъ матеріаловъ къ біографіи А. С. Грибоѣдова. „Историческій Вѣстникъ" 1909, № 4 (о Сосницкомъ); ср. Біографія И. И. Сосницкаго. СПБ. 1861, стр. 13, 16, 17; письма *П. П. Сосницкаго*. Съ предисловіемъ П. П. Гнѣдича. „Русскій Вѣстникъ" 1882, № 8, стр. 821, 838;—*М. В. Карнѣевъ*. 50 лѣтъ изъ жизни артиста. И. В. Самаринъ и критика его сценической игры. М. 1882, стр. 30—32; ср. *Д. А. Корабчевскій*. И. В. Самаринъ. „Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ", сезонъ 1896—1897 г.г., Приложенія кн. 2-ая, стр. 49—50 и 56—58;—*В. В. Варнеке*. Исторія русскаго театра, т. II, стр. 143—144 (о Мочаловѣ—Чацкомъ)—и др.

Въ первые годы сценической жизни „Горя отъ ума" постановка пьесы мало заботила режиссеровъ и критиковъ; пьеса была еще „современной", „салонной", и не было вопроса о костюмахъ, гримѣ, обстановкѣ и т. д. Актеры создавали свои роли по свѣжему преданію, шедшему отчасти и отъ самого автора, черезъ Сосницкаго, Щепкина; въ своей игрѣ они могли прямо копировать тѣхъ или другихъ здравствующихъ типичныхъ москвичей. Рецензенты бывали довольны или недовольны только степенью даровитости отдѣльныхъ исполнителей. Въ позднѣйшее время, когда жизнь, изображенная Грибоѣдовымъ, стала отходить все глубже въ историческое прошлое, вопросъ о задачахъ постановки комедіи сталъ на очередь; онъ неизбѣжно связывался и съ новыми переоцѣнками всей комедіи и отдѣльныхъ ея героевъ. Въ 1862 г. въ „Сѣверной Пчелѣ" появилась обширная статья *В. Александрова*: „Нѣкоторыя изъ лицъ комедіи „Горе отъ ума" въ сценическомъ отношеніи. По поводу бенефиса г-жи Левкѣевой". Здѣсь было высказано нѣсколько замѣчательно мѣткихъ, оригинальныхъ и тонкихъ мыслей о психологіи и сценическомъ воплощеніи главныхъ персонажей пьесы. Такъ, В. Александровъ правильно опредѣляетъ юношескій возрастъ Чацкаго; авторъ особенно выдвигаетъ *любовь*-

ную драму героя комедіи: „артисты, играющіе роль Чацкаго, большею частію мало обращаютъ вниманія на его любовь, они больше заняты ненавистью", „Чацкій далеко не герой и, по юности натуры своей, больше любитъ, чѣмъ ненавидитъ"; „по нашему мнѣнію, пусть герой будетъ юноша, пусть онъ дѣлаетъ промахи, вѣдь это не уменьшитъ справедливости его словъ тамъ, гдѣ онъ говоритъ правду: но зато заставитъ насъ сочувствовать живому лицу". Такая трактовка типа Чацкаго, шедшая вразрѣзъ съ общепринятой тогда и позже манерой играть Чацкаго въ героическихъ и трагическихъ тонахъ, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ статьи Александрова была осуществлена Московскимъ Художественнымъ Театромъ. Критикъ возмущается грубымъ пониманіемъ типовъ Скалозуба и Молчалина: „г.г. артисты обыкновенно играютъ эти роли такъ, что въ Скалозубѣ мы видимъ фрунтовика, рядового, который только что не ворочается по всѣмъ правиламъ военнаго артикула; Молчалинъ выходитъ до того гнусною, лакейскою личностью, что Петрушка, съ нашитой на локтѣ холстиной, изображающей дыру, кажется передъ нимъ барином". Критикъ настаиваетъ, что Молчалинъ „не только красивъ, но даже изященъ", разъ онъ нравится Софьѣ; кромѣ того, „какъ ни говори, человѣка съ лакейскими манерами, хотя бы и порядочно одѣтаго, не посадятъ за одинъ карточный столъ съ графинями и княгинями". Цѣнны также замѣчанія о постановкѣ нѣкоторыхъ групповыхъ сценъ комедіи, напр., послѣдняго явленія въ третьемъ актѣ. „Насладившись лицезрѣніемъ сумасшедшаго и замѣтивъ, что онъ смиренъ и болтаетъ съ Софьей, гости преспокойно занялись каждый своимъ дѣломъ: старики разбрелись къ карточнымъ столамъ, молодые, въ ожиданіи танцевъ, болтаютъ, расхаживаютъ по той же залѣ, и, можетъ быть, тутъ же рядомъ съ Чацкимъ происходитъ другая комедія, да зрителю она пока не нужна, оттого онъ и слушаетъ Чацкаго, а не другого кого. Начались танцы, закружилась молодежь, можетъ быть, еще какой нибудь ловкій кавалеръ подлетаетъ къ Софьѣ, и Чацкій по неволѣ долженъ прекратить свою рѣчь". Софья не должна покидать Чацкаго на половинѣ его монолога безо всякой причины, какъ это дѣлалось на тогдашнемъ театрѣ. „Сцена эта должна быть сыграна такъ: послѣ первыхъ словъ монолога Софья садится, и Чацкій подлѣ нея. Монологъ говоритъ онъ сперва спокойно, какъ простую передачу факта, нагнавшаго тоску, и, по мѣрѣ рѣчи, все болѣе и болѣе разгорячаясь. Гости также должны оставаться на сценѣ."

Около того же времени, когда писалъ В. Александровъ, не мало вниманія удѣлялъ сценической постановкѣ „Горя отъ ума" А. Н. Баженовъ, извѣстный театральный критикъ и редакторъ журнала „Антрактъ"; статьи его собраны въ Сочиненіяхъ и переводахъ *А. Н. Баженова*, т. I, СПБ. 1869. Имъ поднятъ вопросъ о необходимости строгой исторической точности въ обстановкѣ и костюмахъ при исполненіи „Горя отъ ума". Въ двухъ статьяхъ: 1) объ иллюстрированномъ изданіи Тиблена съ рисунками Башилова и 2) о необходимости обновленія сценической постановки комедіи Баженовъ сообщаетъ немало полезныхъ свѣдѣній о костюмахъ 20-хъ годовъ XIX в.

Позднѣе Баженова все тому же вопросу посвящалъ много вниманія и труда другой заслуженный театральный критикъ С. Васильевъ (Флеровъ). Его обширныя журнальныя статьи о характерахъ Молчалина, Софьи, Лизы,

и Фамусова собраны въ отдѣльномъ изданіи: *С. Васильевъ*. Драматическіе характеры. Опытъ разбора отдѣльныхъ ролей, какъ пособіе при ихъ исполненіи. Комедія „Горе отъ ума". Четыре выпуска. Изданіе театральной библіотеки С. Ѳ. Разсохина. Москва. 1889—1891. Въ каждомъ выпускѣ, посвященномъ отдѣльному лицу, даются: 1) „матеріалы для характеристики"—подборъ цитатъ изъ „Горя отъ ума"; 2) разборъ типа; 3) полный текстъ роли; 4) примѣчанія къ отдѣльнымъ труднымъ стихамъ и фразамъ, и 5) рисунокъ костюма. Въ разборахъ типовъ авторъ проявляетъ прекрасное знаніе текста, большую вдумчивость, психологическую чуткость, близкое знакомство съ условіями сцены. Сценическіе дѣятели найдутъ здѣсь массу поучительныхъ подробностей и практическихъ совѣтовъ; но работы С. Васильева имѣютъ и обще-литературную цѣнность. Напр., очень кстати даны цитаты изъ „Почты Духовъ" и „Модной лавки" Крылова для характеристики модныхъ лавокъ; изъ „Зрителя" и другихъ изданій того же Крылова—для характеристики бытового типа Фамусова; изъ „Мыслей на дорогѣ" Пушкина и „Прогулка по Москвѣ" Батюшкова—для характеристики грибоѣдовской Москвы. Остроумно сопоставленіе Чацкаго съ нѣкоторыми чертами изъ жизни самого Грибоѣдова. Въ каждомъ выпускѣ даются совѣты о костюмѣ и гримѣ того или другого персонажа; въ IV-мъ выпускѣ отлично воспроизведенъ рисунокъ, изображающій Фамусова и исполненный артистомъ А. П. Ленскимъ. При жизни С. Васильевъ (Флеровъ) не успѣлъ издать пятаго выпуска своихъ „Драматическихъ характеровъ", посвященнаго Чацкому, но обширную работу объ этомъ героѣ началъ печатать въ журналѣ „Русское Обозрѣніе" (1894, № 1; 1895, №№ 1, 2, 4, 10 и 11; ср. „Русское Слово" 1895, № 3). Всѣ эти труды даровитаго критика несомнѣнно оказали свое вліяніе на сценическія постановки „Горя отъ ума".

Одновременно съ Васильевымъ высказался о постановкѣ „Горя отъ ума" извѣстный дѣятель литературы и театра *П. П. Гнѣдичъ* въ своей статьѣ: „О грибоѣдовскомъ Горѣ отъ ума" (Письма объ искусствѣ)—въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1890, № 1. Позднѣе свои взгляды П. П. Гнѣдичъ развилъ подробнѣе въ „Ежегодникѣ Императорскихъ Театровъ", сезонъ 1899—1900 г. г., Приложеніе I, въ статьѣ: „Горе отъ ума какъ сценическое представленіе. Проектъ постановки комедіи". Эта статья написана чрезвычайно сжато, даже скупо, но съ присущимъ автору тонкимъ вкусомъ и литературнымъ талантомъ; здѣсь сказалось и знаніе эпохи, и психологическая чуткость, и сценическій опытъ.—Авторъ даетъ много указаній о внѣшней обстановкѣ пьесы, о декораціяхъ, мебели, реквизитѣ, костюмахъ и проч., о сценическомъ воплощеніи отдѣльныхъ ролей и групповыхъ сценъ. Прекрасно истолкована, напр., сцена бесѣды Чацкаго съ Молчалинымъ въ третьемъ явленіи III-го дѣйствія, когда Молчалинъ говоритъ съ Чацкимъ съ внутреннимъ сознаніемъ своего превосходства. Правильно отмѣчена „огромная ошибка актера, окончивъ заключительный монологъ третьяго дѣйствія, уйти со сцены, а не остаться. Вѣдь Чацкій не уѣхалъ съ бала, онъ остался до конца". При барскомъ окрикѣ Фамусова: „Ослы! Сто разъ вамъ повторять" Гнѣдичъ допускаетъ возможность, „что лакей вылетаетъ кубаремъ отъ пинка,—тогда это было въ обычаѣ". Остроумно сопоставленіе воспитанія Молчалина съ воспитаніемъ Чичикова. Исполнительницѣ роли Лизы авторъ

предлагаетъ „сдѣлать все возможное, чтобы по сценѣ ходила горничная, а не ingénue съ кружевнымъ передничкомъ. Въ послѣднемъ актѣ, при обѣщаніи Фамусова сослать ее на птичій дворъ,—она попросту валится ему въ ноги". Первое появленіе Чацкаго критикъ представляетъ себѣ такъ: „Лиза твердитъ, что изъ любви этой не выйдетъ прока, а Софья съ нѣжностью говоритъ о застѣнчивости и робости своего милаго. И вдругъ изъ залы вылетаетъ лакей—еще не одѣтый въ ливрею, въ утреннемъ казакинѣ, быть можетъ буфетчикъ Петруша, или Ѳомка, или Филька,—на лицѣ его радость. Онъ, запыхавшись, говоритъ:—„Къ вамъ Александръ Андреичъ Чацкій!" Въ этомъ восклицаніи должно слышаться: „барышня, вѣдь къ вамъ Александръ Андреичъ пріѣхалъ, бѣжитъ по лѣстницѣ, ей Богу!" И вслѣдъ за нимъ вбѣгаетъ, именно вбѣгаетъ, и Чацкій". Весьма также правдивы и живописны предлагаемыя Гнѣдичемъ группировки въ третьемъ актѣ (между прочимъ, и онъ допускаетъ, что во время заключительнаго монолога „Чацкій разговариваетъ съ Софьей, быть можетъ, даже сидя противъ нея въ креслахъ", и четвертомъ—при разъѣздѣ гостей (напр., „группы слугъ, играющихъ въ носки", „укутываніе шести княженъ нѣсколькими лакеями", „сердитая арапка съ кошачьими ухватками и со шпицомъ на рукахъ").

Прекрасный этюдъ П. П. Гнѣдича оказалъ свое воздѣйствіе на постановки не только казенной, но и частныхъ сценъ. Но онъ поученъ не только для дѣятелей сцены, но и для рядового читателя. Авторъ интересовался не только спеціально-сценическими вопросами, но и судьбой текста „Горя отъ ума". Когда писался его „проектъ постановки комедіи", онъ еще не могъ располагать изданіями Музейнаго автографа и Жандровской рукописи и зналъ только работы А. Н. Весловскаго, И. Д. Гарусова, И. А. Шляпкина. Поэтому онъ съ довѣріемъ цитируетъ фальсифицированные монологи изъ гарусовскаго изданія и готовъ встать на опасный путь „исправленій" грибоѣдовскаго текста. Чтобы сдѣлать Лизу менѣе жеманной, онъ совѣтуетъ „первымъ долгомъ вычеркнуть фразу, ошибкой попавшую къ ней отъ Софьи—„но мудрено изъ нихъ одинъ скроить—какъ вашъ". Но реплика попала къ Лизѣ вовсе не ошибкой, а по волѣ самого автора (см. Жандровскую и Булгаринскую рукописи); вычеркнувъ ее, ради реализма роли пришлось бы вычеркивать еще болѣе жеманныя фразы, напр: „Кто такъ чувствителенъ и нѣженъ, и остеръ, какъ Александръ Андреичъ Чацкій", и т. д. Отмѣчаемъ это обстоятельство потому, что ниже придется упоминать о позднѣйшихъ систематическихъ режиссерскихъ „исправленіяхъ" текста.

Вслѣдъ за П. П. Гнѣдичемъ обнародовалъ свой трудъ по сценической разработкѣ „Горя отъ ума" другой режиссеръ Александринскаго театра, Ю. Э. Озаровскій. Въ 1905 г. онъ напечаталъ изданіе: „Пьесы художественнаго репертуара и постановка ихъ на сценѣ. Пособіе для режиссеровъ, театральныхъ дирекцій, драматическихъ артистовъ, драматическихъ школъ, любителей драматическаго искусства. Выпускъ II. „Горе отъ ума". Подъ редакціей Ю. Э. Озаровскаго, артиста и режиссера русской драматической труппы Императорскихъ СПБ. Театровъ, члена-сотрудника СПБ. Археологическаго института. Изданіе Д. М. Мусиной. СПБ. 1905." Этотъ огромный, in folio, томъ, богато иллюстрированный, является, по истинѣ, сценической энциклопедіей «Горя отъ ума». Его содержаніе распадается на три

отдѣла. Въ первомъ редакторъ излагаетъ принципы, какимъ онъ слѣдовалъ при установленіи текста комедіи, даетъ статью о „ритмическомъ размѣрѣ и ритмѣ стиха комедіи", печатаетъ самый текстъ ея и въ примѣчаніяхъ къ нему даетъ реальныя, историческія и иныя объясненія рѣдкихъ словъ и выраженій. Во второмъ, историко-литературномъ, отдѣлѣ помѣщены пять статей *П. А. Вязкова*, излагающія біографію и литературную дѣятельность Грибоѣдова, постановки „Горя отъ ума" на сценѣ, характеристику эпохи, изображенной въ пьесѣ, и библіографію комедіи. Въ отдѣлѣ третьемъ, художественно-режиссерскомъ, самъ редакторъ даетъ рядъ статей — о дѣйствующихъ лицахъ комедіи (матеріалы для характеристики), о мотивахъ грима, костюма, мебели, бутафоріи, декораціи, и mise en scène комедіи. Въ приложеніи дана біографія И. Д. Гарусова, составленная *В. А. Торскимъ*.

Редакторъ не хотѣлъ перепечатывать въ своемъ изданіи обычнаго текста „Горя отъ ума", и былъ, конечно, правъ, такъ какъ въ него вкралось много неточностей и искаженій. Но свою собственную редакцію онъ скомбинировалъ изъ двухъ рукописныхъ текстовъ: самаго ранняго—Музейнаго и самаго поздняго—Булгаринскаго, совершенно игнорируя Жандровскій,—и въ этомъ была крупная ошибка, вредно отразившаяся на сценическомъ текстѣ какъ Александринскаго, такъ и Художественнаго театровъ. Но этотъ недостатокъ, кажется, единственный въ прекрасномъ трудѣ Ю. Э. Озаровскаго, Здѣсь собрано огромное количество матеріаловъ: историческихъ, литературныхъ, бытовыхъ и прочихъ. Особо слѣдуетъ упомянуть иллюстраціонный отдѣлъ книги. Въ ней воспроизведено свыше 360 рисунковъ: портретовъ видовъ, снимковъ съ автографовъ, затѣмъ длинный рядъ иллюстрацій къ художественно-режиссерскому отдѣлу изданія, облегчающихъ сценическое возсозданіе грибоѣдовской Москвы. Большинство рисунковъ взято изъ рѣдкихъ изданій, многіе появляются впервые.

Трудъ Ю. Э. Озаровскаго, бывшій итогомъ многолѣтней режиссерской работы автора, несомнѣнно еще долго будетъ служить настольнымъ руководствомъ для дѣятелей сцены. Слѣдуетъ пожелать ему новаго изданія, въ которомъ неудачный, компилятивный и пестрый текстъ пьесы былъ бы замѣненъ научно установленной редакціей, а въ составъ окружающихъ его матеріаловъ вошли бы новости послѣдняго десятилѣтія.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ изданія Озаровскаго оказалось самое блестящее и талантливое сценическое возсозданіе „Горя отъ ума"—постановка Московскаго Художественнаго театра (первые спектакли относятся къ 1906 году). Къ глубокому сожалѣнію, эта замѣчательная постановка не закрѣплена въ печати съ такой полнотой, какъ того заслуживала бы. Не издано даже альбома снимковъ групповыхъ сценъ (фотографіей К. Фишеръ изданы только, въ видѣ открытыхъ писемъ, снимки съ отдѣльныхъ актеровъ, исполнявшихъ роли въ „Горѣ отъ ума"; среди нихъ совсѣмъ нѣтъ Фамусова—Станиславскаго; кромѣ того, при статьѣ Вл. И. Немировича-Данченко приложено нѣсколько аналогичныхъ рисунковъ въ краскахъ В. И. Россинскаго). Любители русской драмы и дѣятели сцены могутъ располагать только статьей *Вл. И. Немировича-Данченко*: „Горе отъ ума въ Московскомъ Художественномъ Театрѣ" („Вѣстникъ Европы" 1910, №№ 5—7), въ которой сжато, въ крупныхъ чертахъ, пересказаны итоги его огромной художе-

ственно-режиссерской работы. Заго эта статья является однимъ изъ украшеній грибоѣдовской—не только сценической, но и критической литературы.

Вл. И. Немировичъ-Данченко къ началу своихъ работъ располагалъ обширной традиціей—литературной и сценической. Ему были доступны труды Гончарова, Веселовскаго, Суворина, Гнѣдича, Васильева, Озаровскаго; онъ былъ окруженъ живымъ артистическимъ опытомъ и преданіемъ московскихъ театровъ, особенно Малаго, и такихъ художниковъ сцены, какъ А. П. Ленскій, А. И. Южинъ и др. Съ чуткостью и терпимостью большого мастера Немировичъ-Данченко воспринялъ многое изъ этой богатой традиціи и въ свои теоретическіе взгляды, и въ сценическую практику. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранилъ независимость мысли и творчества и создалъ не только обильное число прекрасныхъ частностей, но и общее своеобразное и смѣлое истолкованіе пьесы. Въ его статьѣ, написанной въ строгой, мужественной и точной манерѣ, щедро разсыпаны тонкія сужденія о существѣ актерскаго и режиссерскаго творчества, о вредныхъ условностяхъ сценической манеры и другихъ общихъ вопросахъ, связанныхъ, однако, и съ постановкой „Горя отъ ума". Что же касается этой послѣдней, то въ статьѣ цѣнны какъ характеристики отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и групповыхъ движеній на сценѣ, и общаго темпа и тона игры. Главное своеобразіе въ пониманіи и постановкѣ пьесы формулируется Немировичемъ-Данченко такъ: „Грубая ошибка въ постановкѣ „Горя отъ ума" заключается именно въ томъ, что центръ пьесы перемѣщался изъ интимныхъ отношеній Софьи, Чацкаго, Фамусова и Молчалина въ сторону „галлереи типовъ", „общественнаго значенія" и разныхъ комментаріевъ публицистическаго характера. Не худо, что бы все это актеръ *зналъ*, но *жилъ* этимъ въ непрерывномъ теченіи пьесы не можетъ художникъ сцены". Особенно такая ошибка сказывается на Чацкомъ. „Большинство актеровъ играютъ его, въ лучшемъ случаѣ, пылкимъ резонеромъ. Перегружаютъ образъ значительностью Чацкаго, какъ общественнаго борца. Какъ бы играютъ не пьесу, а тѣ публицистическія статьи, какія она породила. Самый анти-художественный подходъ къ роли". „Влюбленный молодой человѣкъ—вотъ куда должно быть направлено все вдохновеніе актера въ первомъ дѣйствіи. Остальное—отъ лукаваго. Отсюда только и пойдетъ пьеса, съ ея нѣжными красками, съ сценами, полными аромата поэзіи, лирики. Чацкій станетъ потомъ обличителемъ даже помимо своего желанія. Онъ и не думалъ брать на себя эту роль". На такомъ принципѣ интимной драмы построена вся трактовка пьесы, и прежде всего—исполненіе роли самого Чацкаго. Напр., во второмъ дѣйствіи, Чацкій смѣется во время монолога: „И точно началъ свѣтъ глупѣть". „По замыслу театра, во время знаменитаго разсказа Фамусова о Максимѣ Петровичѣ, по лицу Чацкаго все время скользитъ улыбка и острый, добродушно-насмѣшливый, почти веселый взглядъ". „Чацкій съѣздилъ домой, переодѣлся, пріѣхалъ сюда, какъ къ роднымъ, относится къ Фамусову съ искреннимъ добродушіемъ, ждетъ Софью, никакихъ разочарованій еще не предвидитъ". „Для него по замыслу театра, разсказъ о Максимѣ Петровичѣ—забавный, хотя и очень типичный анекдотъ". Въ соотвѣтствіи съ общимъ своеобразнымъ замысломъ постановка Художественнаго театра богата интимными бытовыми подробностями, о которыхъ, къ сожалѣнію, въ статьѣ Немировича-Данченко гово-

рится слишкомъ скупо. Въ психологическую и сценическую характеристику дѣйствующихъ лицъ авторъ сумѣлъ внести много свѣжей наблюдательности и чуткаго проникновенія. Вотъ, напр., постановка 10 явленія второго дѣйствія (послѣ обморока Софьи и ухода Чацкаго). „Сцена Скалозуба и Софьи разбита нѣсколькими паузами". „Для Скалозуба очень характерно сидѣть во время визита въ безмятежномъ спокойствіи, нисколько не заботясь о томъ, рады ли ему, скучаютъ ли съ нимъ, не придумывать темъ для поддержанія разговора, барабанить пальцами по столу, высказать коротко, что взбредетъ ему на умъ, барышнѣ разсказать какой-нибудь анекдотъ, потомъ также безмятежно откланяться и уѣхать. Характерно и для Софьи, какъ для свѣтской барышни, выдержать такой визитъ въ то время, когда вся душа ея рвется къ Молчалину. Типично и для Молчалина терпѣливо выжидать, когда важный гость соблаговолитъ уйти. И небольшая сцена пріобрѣтаетъ интересъ, не лишенный внутренняго комизма, и съ бо́льшимъ рельефомъ оттѣняетъ слѣдующую порывистую сцену Софьи съ Молчалинымъ — „Молчалинъ! какъ во мнѣ разсудокъ цѣлъ остался!" Съ достойнымъ всякаго уваженія мужествомъ авторъ сознается, что не всегда искапія Художественнаго театра увѣнчивались успѣхомъ; бывали и промахи. Такова была, напр., попытка придать рѣчамъ Лизы, въ интересахъ бытового реализма, крестьянскій акцентъ. Но, конечно, такихъ частичныхъ ошибокъ несравненно меньше, чѣмъ блестящихъ художественныхъ достиженій.

Гораздо опаснѣе нѣкоторыя общія, такъ сказать, методологическія заблужденія. «Художественный театръ, заявляетъ Немировичъ-Данченко, считаетъ вообще правомъ театра не подчиняться безусловно указаніямъ автора во внѣшней инсценировкѣ пьесы». «Никакой, самый придирчивый авторъ не поставитъ въ упрекъ актеру не только перестановку словъ, но даже купюры, если актеръ въ своей талантливой интерпретаціи оживляетъ и украшаетъ рисунокъ автора». Можетъ быть, это возможно съ согласія здравствующаго поэта; но недопустимо по отношенію къ классическимъ пьесамъ. Еще менѣе допустима та пестрая мозаика, какую представляетъ текстъ «Горя отъ ума», принятый Художественнымъ театромъ. Онъ взятъ у Озаровскаго, значитъ, является произвольнымъ смѣшеніемъ первоначальной и окончательной редакціи; въ компиляцію Озаровскаго руководители театра внесли еще нѣсколько новыхъ вставокъ изъ Музейнаго автографа.

Такимъ образомъ театральный текстъ комедіи образцовыхъ русскихъ сценъ находится въ печальномъ состояніи и настойчиво требуетъ замѣны научно установленной окончательной редакціей.

Въ своей статьѣ Немировичъ-Данченко обѣщалъ обнародовать нѣкоторыя дополнительныя сообщенія о постановкѣ Художественнаго театра, напр., мизансцены третьяго дѣйствія. Слѣдуетъ пожелать, чтобы вся, безъ изъятій, огромная работа Художественнаго театра по постановкѣ грибоѣдовской комедіи была представлена in Wort und Bild.

Постановки другихъ театровъ, какова, напр., новѣйшая постановка московскаго Малаго театра, не вызвали къ печати такихъ работъ, какъ статьи П. П. Гнѣдича и Вл. И. Немировичъ-Данченко,—о чемъ также нельзя не пожалѣть.

Л
АК № 1

37.18.7.6-8